СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

И

СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ,

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ

и

Ѳаддеемъ Булгаринымъ.

Томъ XXV.

(Сына Отечества часть 147-я, Сѣвернаго Архива 61-я.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Въ типографіи Н. Греча.

1832.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, Января 1 дня 1832 года.

Ценсоръ В. Семеновъ.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА
И
СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1832 № I.-7

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛАТНИКЪ.

Разсказъ партизанскаго офицера.

Мы гнались за Наполеономъ по горячимъ слѣдамъ. 22-го Ноября послалъ меня Сеславинъ очистить лѣвую сторону Виленской дороги, съ сотнею Сумскихъ гусаръ, взводомъ драгунъ Тверскаго полка, да дюжиною Донцевъ. Мѣстомъ сбора назначено было мѣстечко Ошмяны, и я, получивъ приказаніе, что дѣлать и чего не дѣлать, на рысяхъ пустился проселками. День былъ не морозенъ, но туманенъ, и порой перепархивалъ снѣжокъ: лихая пороша на звѣрей и непріятелей. Впрочемъ, и безъ него легко можно было узнать, гдѣ прошли Французскіе отряды: взорванные ящики, брошенныя повозки, павшіе ко-

ни, и, что всего ужаснѣе, замерзшіе солдаты устилали дорогу. Мы, правда, ужъ привыкли къ подобнымъ картинамъ, и хладнокровно ѣхали мимо труповъ, распухшихъ и посинѣлыхъ отъ антонова огня, не заставляя даже усталыхъ коней своихъ черезъ нихъ перепрыгивать. На лицахъ этихъ несчастныхъ видна была тяжкая печать мучительной кончины. Я бы привелъ туда молодцевъ, которые, сидя на печкѣ, увѣряютъ, что смерть отъ мороза — сладкое усыпленіе: они увидѣли бы тамъ всю постепенность боренія съ одолѣвающею судьбою, бореніе судорожное, отчаянное тѣмъ болѣе, что они обнажены были товарищами заживо — чувство самохраненія заглушало тогда во всѣхъ сердцахъ голосъ состраданія, человѣчества и братства: мертвецы валялись обнаженные, и лишь снѣгъ одѣвалъ ихъ холоднымъ покрываломъ своимъ. Отсталые и, какъ видно, послѣдніе были еще не совсѣмъ раздѣты; но одежда ихъ была плоха, изорвана, ноги обернуты соломою; и такъ велика была неопытность Французовъ, что у многихъ изъ нихъ на спинахъ вѣяли бараньи шкуры сверхъ мундира, вмѣсто того, чтобъ надѣть ихъ подъ исподъ. Иные сидѣли и лежали у потухшихъ огней, съ которыми потухла въ нихъ жизнь; другіе сгорѣли полуживые, не могши отъ истощенія отодвинуться.

Всѣхъ болѣе поразилъ меня гренадеръ старой гвардіи: глядимъ — онъ стоитъ вдали, опершись о ружье — подъѣзжаемъ ближе: онъ мертвой. Густая медвѣжья шапка отѣняла сдвинутыя страданіемъ брови и закатившіеся его глаза; изъ-подъ огромныхъ усовъ, на которыхъ недвижимо низался иней — сверкали стиснутые зубы. Онъ былъ раненъ въ грудь, и кровь, струившаяся на снѣгъ, замерзла на немъ клубами. Подъ моей командою былъ прекрасный молодой человѣкъ, Поручикъ Зарницкій, и волонтеръ Кравченко, полковой Аудиторъ, который, видя, что въ народную войну нужнѣе сабли, чѣмъ перья, бросилъ Артикулъ и принялся разрѣшать Гордіевы узлы по-Александровски. Малый добрый, храбрый какъ пуля, за то и тяжелый какъ свинецъ, изъ котораго она вылита.

Мы всѣ трое подъѣхали къ замерзшему, и съ содроганіемъ смотрѣли на его выразительное лице. Казалось, душа его улетѣла къ милой родинѣ въ послѣднемъ взорѣ, но, улетая, оставила въ чертахъ слѣды прежней гордости и отваги: движеніе губъ выражало презрѣніе боли, его побѣдившей. Онъ прижималъ къ груди товарища своихъ походовъ — неизмѣнное ружье, и на этой груди видѣлись раны — свидѣтели битвъ, и крестъ Почетнаго Легіона, порука храбрости, звѣзда побѣды.

„Бѣдняга," сказалъ Аудиторъ: „какъ не жаль эдакаго молодца, хоть между нами будь сказано и Француза: вѣдь въ любой полкъ во флигельманы годится."

„Завидная смерть," сказалъ я: „онъ умеръ съ оружіемъ и стоя." — „За то, какого имени стоитъ этотъ Наполеонъ, бросая такихъ людей на жертву своему властолюбію!" возразилъ Поручикъ съ негодованіемъ, показывая на мертвеца и на кровавый слѣдъ его: „эти кровавыя буквы приговоръ его осужденія!"

„Попадись только Наполеонъ къ намъ въ когти," подхватилъ съ жаромъ нашъ хорошенькій Аудиторъ: „я какъ разъ подведу законецъ, чтобы его, яко неимѣющаго дворянскаго званія, прогнать за побѣгъ сквозь строй шпицрутеномъ, а за мятежъ *весьма* лишить живота!" Такъ разговаривая, приближались мы къ лѣсу. Двое самыхъ расторопныхъ казаковъ почти за версту впереди оглядывали дорогу, а нѣсколько другихъ тянулись по бокамъ и сзади отряда. Вдругъ завидѣли мы, что одинъ изъ нихъ сталъ на мѣстѣ — между тѣмъ, какъ другой началъ разводить на скаку круги шире и шире. — Зная, что это значитъ, я выстроилъ людей съ права по шести — „сабли вонъ и стой — равняйся!" Поджидаю, что будетъ. Страхъ люблю ви-

дѣть Русскаго солдата передъ дѣломъ. Каждый, оглядывая кремень и стирая ногтемъ полку, шепчетъ товарищу: „Слава Богу, добрались до нихъ!" И потомъ съ такою небрежною притворною набожностію креститъ грудь свою, съ такою теплою вѣрою взглядываетъ на небо! — И потомъ такъ гордо встряхивается въ сѣдлѣ, такъ увѣренно смотритъ изъ-подъ руки вдаль, какъ будто говоритъ: „ну сколько васъ тамъ, бусурманы? — подавай ихъ сюда!" — Синій дымокъ взвился съ пистолета передоваго казака — и долго послѣ услышали мы выстрѣлъ. Казакъ уже несся къ намъ на встрѣчу, между тѣмъ какъ товарищъ его принялся кружиться передъ опушкою, и выманилъ нѣсколько выстрѣловъ. Непріятель сказался — „впередъ!" Въ тотъ же мигъ мы выстроили взводную колонну и пошли рысью къ лѣсу. „Много ли Французовъ, землякъ?" спросилъ я у казака. — „Словно крупа сыплется — да съ ними и пушки есть," отвѣчалъ онъ.

„Тѣмъ лучше," вскричалъ Поручикъ Зарницкій: „авось онѣ стрѣльнутъ въ меня Георгіевскимъ крестомъ!"

Скоро мы были на полвыстрѣла отъ опушки — однако ни одна пуля не встрѣчала насъ. Это что за извѣстіе? — Чтобы не наткнуться на засаду, я не прежде ввелъ

своихъ въ лѣсъ, какъ увѣрившись, что непріятель стянулъ своихъ стрѣлковъ на дорогу.— Спѣшивъ драгунъ съ примкнутыми штыками, я осѣдлалъ ее, раскинувъ по чащѣ въ обѣ стороны застрѣльщиковъ. Мы скоро нагнали отступающихъ Французовъ: отрядъ ихъ состоялъ изъ батальона пѣхоты при двухъ орудіяхъ. Жалко и страшно было смотрѣть на обезображенныхъ усталостію, морозомъ и голодомъ гренадеровъ; — смѣшно бы было видѣть ихъ костюмы, если бъ мы сами не были убраны чуть не также. И у нихъ и у насъ были люди въ рясахъ, въ балахонахъ, въ женскихъ шапочкахъ — у кого нога въ лаптѣ, у кого въ сапогѣ — мой вахмистръ, лихой рубака, цѣлыхъ 2 мѣсяца щеголялъ въ салопѣ какой-то купчихи, а я самъ былъ завернутъ въ коверъ, посереди котораго прорѣзалъ мѣсто для головы. Въ столицахъ смѣялись карикатурамъ бѣгства Французовъ изъ Россіи, но походъ и бивачная жизнь нарядили и насъ въ ихъ мундиры: пестрота была невообразимая! — Французскій отрядъ шелъ медленно — за то въ непроницаемомъ порядкѣ, и съ каждымъ разомъ, какъ мы порывались ударить на нихъ — обращался и, твердой ногой ставши, отстрѣливался. Баталіонный командиръ вился около своихъ, ободряя ихъ словомъ и примѣромъ: „allons, courage, mes enfans — mon-

trez les dents, camarades — serrez vos rangs-halte! criblez-moi d'importance ces flandrins: ça tient le coeur chaud: filez, filez, vous dis-je... feu! И тому подобныя приговорки лились у него рѣкой. — Всякой разъ, когда перемежался огонь, голосъ его слышался громокъ и внятенъ. Видя невозможность успѣть въ нападеніи по узкой тропинкѣ, мы слѣдовали за ними, по временамъ мѣняясь пулями и бранью, которая со временъ Гомеровыхъ есть вѣчный припѣвъ сраженій и подстреканій удальцовъ. Непріятельскія орудія, подернутыя морозомъ, скрипя и гремя цѣпями, прыгали черезъ коренья Литовскихъ сосенъ: худые кони, натужась въ упоръ, едва тащили ихъ по гололедицѣ, — рвались, скользили, падали — наконецъ мы замѣтили, что одно изъ орудій стало отставать, отставать, и Французы, видя, что ни бичемъ ни крикомъ нельзя ободрить коней, отпрягли ихъ, загвоздили затравку, изрубили спицы и бросили пушку на дорогѣ.— Разумѣется, что и мы сдѣлали то же. Куда намъ было возиться съ этою дрянью: въ 12-мъ году пушками хоть прудъ пруди. Мимоходомъ сказать — большая часть кавалеріи и артиллеріи Наполеоновской погибла не столько отъ недостатка въ кормахъ, какъ отъ бездѣлицы — отъ неумѣнья ковать лошадей на шипы. Бѣдняги на гладкихъ Французскихъ

подковахъ оставались какъ раки на мели, на чуть-чуть гладкой дорогѣ — и мы нерѣдко ремонтировались брошенными конями, излечая ихъ гарнцомъ овса и парою цѣпкихъ подковъ.

Но лѣсъ началъ рѣдѣть: непріятель выстроилъ колонну и сдвоилъ шагъ, чтобы черезъ поле скорѣе добраться до замка, который вдали выглядывалъ изъ-за деревеньки. Я усилилъ фланкёровъ.

Казаки и гусары мои налетали на колонну, какъ ласточки на ястреба, и щипали его по перу: одни за другими падали Французы на слѣды свои — порой валился и Русскій. Мнѣ наскучили эти шутки. Выбравъ чистое мѣсто, я развернулъ фронтъ, въ надеждѣ снять наскокомъ непріятеля и захватить пушку — но онъ угадалъ меня — на бѣгу выстроилъ каре, маскировалъ орудіе и сталъ недвижимъ. Люди у меня были сорви-голова, наѣзжены лихо, оружіемъ владѣть мастера, прокопчены порохомъ до костей и такъ примѣтались ежедневными стычками къ нападеніямъ, что слушались слова начальника пуще пули непріятельской; со всѣмъ тѣмъ атаковать опытную пѣхоту конницею — заставитъ хоть у кого прыгать ретивое. Впрочемъ фланговые и замочные унтеръ-офицеры — это нравственное основаніе строя, были у насъ въ

отрядѣ — народъ отличной храбрости. Ходили мы въ атаку не иначе, какъ рысью, затѣмъ, что нестись во весь опоръ за версту кончается обыкновенно тѣмъ, что строй разорвется, многіе кони задохнутся, многіе понесутъ, и лишь одна горсть отважныхъ доскакиваетъ до непріятельскаго фронта, и опрокинутая, улепетываетъ назадъ быстрѣе натиска. Кричать ура не было заводу — затѣмъ, что тѣ, которые ревутъ прежде всѣхъ и раньше поры, — первые осаживаютъ подъ шумокъ коней, и отъ того разстроиваютъ купность удара. Напомнивъ гусарамъ, что и какъ должны они дѣлать, я повелъ атаку ровно, смѣло. Мерзлая земля загудѣла подъ мѣрною рысью; уланскія пики, которыми тогда вооружены были и гусары, залепетали флюгерами, и брянчанье оружія раздалось въ осеннемъ воздухѣ— все это покрывалось изрѣдка словами: „ровняться, не волноваться, не заваливать плечъ!“ Въ непріятельскомъ фронтѣ была смертная тишина, мы близились быстро; можно ужъ было различать блѣдныя лица и сверкающіе надъ стволами глаза гренадеровъ подъ наклоненными ихъ шапками. Во стѣ шагахъ я скомандовалъ маршъ-маршъ, и съ поднятою саблею кинулся на рогатку штыковъ — въ то же мгновеніе, за крикомъ „*feu*“ грянулъ пушечный выстрѣлъ, картечи запрыгали около,

и густой батальный огонь покатился вдоль фасовъ — онъ развѣялъ нашъ фронтъ какъ пухъ. Кони смѣшались, на раненыхъ спотыкались здоровые, — мы принуждены были обратиться назадъ. Картечь и штыки несторпимыя вещи для лошадиной натуры. Три раза еще порывались мы пробить каре, и три раза были отбиты. Я грызъ зубы — Поручикъ бѣсновался.. но дѣлать было нечего. Пришлось, сберегая людей, ограничиться перестрѣлкою, ожидая удобнѣйшаго мѣстоположенія или времени. Завязать дѣло было необходимостью, чтобы развлечь вниманіе непріятельскаго корпуса. Пускай себѣ думаютъ, что мы обманувшись преслѣдуемъ Наполеона проселками, — между тѣмъ, какъ наши летучіе отряды катились у него на шпорахъ.

Такъ догнали мы храбрыхъ своихъ враговъ до небольшой деревеньки при зàмкѣ Треполь. Между тѣмъ люди и кони мои изнурились давнимъ налетомъ какъ нельзя болѣе — надобно было освѣжить тѣхъ и другихъ, а въ полѣ ни стога сѣна, въ саквахъ ни крошки сухарей: волей и неволей приходилось добыть себѣ хлѣбъ насущный и ночлегъ въ деревнѣ, прогнавъ изъ нее непріятеля. На Русскаго солдата всего сильнѣе дѣйствуетъ такая логика, и когда я объявилъ имъ, въ чемъ дѣло, — они съ жаромъ кинулись выбивать

Французовъ изъ засады. Впереди шли драгуны въ штыки: гусары съ карабинами подкрѣпляли ихъ — козаки зажигали домы съ боковъ — это подѣйствовало; мы потѣснили ихъ до самаго зàмка — ворвались во дворъ, и наконецъ они заняли только самый корпусъ дома панскаго, и въ немъ отстрѣливались тѣмъ отчаяннѣе, тѣмъ безопаснѣе, что взвезли на подъѣздъ свое орудіе, и очищали имъ весь дворъ, сквозь огромныя двери сѣней. Съ другихъ сторонъ окна были высоко отъ земли — и потому самою выгодною точкою нападенія оставалось — орудіе, во-первыхъ потому, что къ нему, и мимо его въ домъ можно было взбѣжать по подъѣзду, — а въ окна подъ ружейнымъ огнемъ — плохая дорога; во-вторыхъ, проникнувъ въ средину, мы бы разрѣзали осажденныхъ на двѣ половины, и слѣдственно могли гораздо легче съ ними управиться. Чего долго думать — „ребята, впередъ, ура, въ штыки, въ дротики!“ — „За мной!“ закричалъ мой Поручикъ, и бросился на пушку съ охотниками — выстрѣлъ сверкнулъ — и нашихъ обдало какъ варомъ. Зарницкій упалъ со стономъ, и солдаты отступили въ безпорядкѣ. Я былъ впереди, кричалъ, сердился, приказывалъ, грозилъ — всё даромъ: люди мои будто ничего не слы-

хали, перестрѣливаясь издали, медленно, лѣниво — я кипѣлъ негодованіемъ и досадой.

Вдругъ, видимъ мы, несется къ намъ на рыжемъ конѣ, всадникъ, въ черныхъ лапахъ, въ блестящей каскѣ; изъ-подъ заброшенной за спину шинели сверкалъ штабъ-офицерскій эполетъ. Прискакавъ подъ выстрѣлъ, онъ спрыгнулъ съ коня и обнажилъ палашъ свой. „Впередъ, впередъ," крикнулъ онъ: „сомкни ряды! Г. Ротмистръ! вы должны непремѣнно взять этотъ замокъ. Ребята! вы Русскіе, — вамъ стыдно отступать, за мной товарищи; я вашъ начальникъ: смерть тому, кто отстанетъ — на руку, ура!" Съ этимъ словомъ онъ кинулся къ стѣнѣ, не оглядываясь назадъ, какъ будто увѣренный, что магическій примѣръ его увлечетъ всѣхъ за собою. И въ самомъ дѣлѣ, нежданое появленіе этого латника, его колоссальныя формы, его безстрашная осанка, его повелительный голосъ показались солдатамъ чѣмъ-то сверхъестественнымъ; они ожили, посильнѣли. Ура раздалось въ отвѣтъ на призывъ латника, на усиленный огонь Французовъ, и всѣ мы кинулись къ подъѣзду, вынося другъ друга на плечахъ; выстрѣлъ — картечь черезъ головы — пошла рѣзня рукопашная. Мы ворвались въ комнаты, и дѣло рѣшилось. Кирасиръ рубилъ безъ пощады; каждый взмахъ его падалъ смертью — онъ разсѣкъ голову Фран-

цузскому батальонному командиру, едва тотъ успѣлъ запалить заправку — и несчастный упалъ въ крови черезъ лафетъ; солдаты мои остервенились потерею многихъ товарищей, и съ ожесточеніемъ кололи всѣхъ Французовъ и вооруженныхъ шляхтичей, упорно противъ насъ защищавшихся. Картина была ужасная! Пороховой дымъ густыми облаками ходилъ по заламъ: кровь, смѣшанная съ разсыпаннымъ порохомъ, залила паркетъ, на которомъ лежали между множествомъ труповъ украшенія потолка, обрушенныя отъ выстрѣловъ. Разъяренные побѣдители ломали мебели, били стекла и зеркала, обдирали обои; наконецъ, вызванные изъ замка для фуражировки, добычи гораздо для нихъ нужнѣйшей самаго золота, они разсыпались по деревнѣ, и въ замкѣ все утихло. Воображать себѣ, что солдаты въ военное время такъ смирны, какъ это пишется — надо быть или очень легковѣрну или вовсе слѣпу: общая опасность уравниваетъ больше или менѣе всѣ чины, а необходимость заставляетъ глядѣть сквозь пальцы на нѣкоторыя своевольства. Такъ идетъ въ строю; въ летучемъ же партизанскомъ отрядѣ, котораго главная цѣль есть вредить непріятелю всякими средствами, вести такъ сказать разбойничью войну—еще болѣе случаевъ пограбить за глазами начальниковъ. Слѣдуя правилу своему

расхищать что могутъ найти, истреблять чего нельзя унести, чтобы врагу не досталось ни синяго пороха — ни соломенки на кровлю, ни прутика для огня — мои молодцы съ особенною ловкостiю пустились шарить и шныхарить. Взявъ всѣ предосторожности отъ внезапностей, я велѣлъ караульнымъ разложить въ одной изъ комнатъ, менѣе другихъ пострадавшихъ, огонь въ каминѣ — и перенесъ туда оконтуженнаго Поручика. Онъ кряхтѣлъ и бранился, между тѣмъ какъ фельдшеръ натиралъ ему больной бокъ спиртомъ. Я усталый лежалъ передъ огонькомъ на гусарскихъ плащахъ. Въ окно свѣтило зарево пожара, и отъ времени до времени слышались въ селенiи пистолетные выстрѣлы.

„Проклятая пушка," приговаривалъ, охая, Зарницкiй при каждомъ разѣ, когда фельдшеръ касался до контуженнаго мѣста: — „она словно кладъ не давалась мнѣ въ руки. Подъ Краснымъ, Французская сабля мнѣ хотя и прорѣзала на груди петлицу, да по крайней мѣрѣ я вдѣлъ въ нее Владимiра съ бантомъ, а эта упрямица отбоярилась отъ меня однимъ чугуннымъ поцѣлуемъ. Охъ, проклятая пушка!"

— „Утѣшься Зарницкiй, — она не ушла отъ насъ!" сказалъ я.

„Да не пойдетъ и съ ними. Дорога еще не окрѣпла, кони истощены, и колеса будутъ рѣзать за ступицы. Она свяжетъ насъ по рукамъ и по ногамъ; при летучемъ отрядѣ не впору ползти этому мѣдному тюленю." — „О перевозкѣ не заботься — я ужъ велѣлъ положить ее на розвальни, и тебя жалую начальникомъ всей нашей зимней артиллерiи."

„Эта зимняя артиллерiя нагрѣла мнѣ бокъ не хуже Петровокъ; да скажи, пожалуй, куда дѣвался этотъ кирасирскiй великанъ, который выхватилъ у меня пушку изъ-подъ носу? Когда я очнулся, то въ облакахъ сѣрнаго дыма, онъ въ бѣломъ мундирѣ и въ латахъ своихъ показался мнѣ за привидѣнiе. Нѣчего сказать, удалецъ — онъ крошилъ палашемъ своимъ, какъ будто въ кулакѣ у него сидѣлъ цѣлый легiонъ чертей, и метался въ схваткѣ, будто на немъ надѣта была заговоренная кожа Ахиллеса. — Не убитъ ли, не раненъ ли онъ?"

„Не знаю. — Видѣлъ его я до самаго конца дѣла — въ запальчивости онъ истреблялъ встрѣчнаго и поперечнаго; не было пощады даже тѣмъ, которые просили пардону. Кровь струей бѣжала съ его клинка; съ особенною, какою-то дикою радостiю рубилъ онъ вооруженныхъ враговъ, и всякой разъ, когда человѣкъ падалъ трупомъ къ ногамъ его, онъ вглядываясь въ лице, восклицалъ: *„это*

не онъ! все еще не онъ!" и спѣшилъ далѣе. Мнѣ сказывали — увязавшись за кѣмъ-то въ погоню, онъ исчезъ въ потемкахъ... можетъ статься, гдѣ нибудь и застрѣлили его... Я велѣлъ всюду его искать, но до сихъ поръ еще не нашли латника. „Нашли, нашли!" кричалъ, вбѣгая, запыхавшись, нашъ кубическій Аудиторъ. „Ура! наша взяла! Миръ Россіи, слава и честь Аудитору 12 класса Кравченкѣ; поздравьте меня, обнимите меня, расцѣлуйте меня въ лепестки! — Уфъ!.. я не могу болѣе.." При этомъ онъ упалъ въ кресла и, пыхтя, съ гордымъ видомъ поглядывалъ на насъ съ высока. Мы съ улыбкою взглянулись, желая найти на лицѣ другаго разгадку этимъ междометіямъ.

„Теперь мое имя будетъ сіять не въ однѣхъ скрѣпахъ шнуровыхъ книгъ — оно загремитъ въ реляціяхъ, въ газетахъ, въ Исторіяхъ!" продолжалъ Кравченко, собравшись съ духомъ... „да, да, въ Исторіяхъ!"

„По крайней мѣрѣ въ какой нибудь комедіи" сказалъ Поручикъ, слѣдя глазами Аудитора, который въ припадкѣ самодовольствія вертѣлся и прыгалъ по комнатѣ, словно кубарь.

„Чиновъ, крестовъ, пансіоновъ — бери не хочу! Да то ли еще, на меня сбѣгутся смотрѣть старъ и малъ, когда я пріѣду въ

Петербургъ, какъ на моржа, который въ кадкѣ играетъ на гитарѣ. Меня на перехватъ будутъ звать вельможи на обѣды, а про мѣста и говорить нѣчего — хоть въ Министры Юстиціи — впрочемъ, господа, я и въ счастіи не позабуду васъ... вы, пожалуйте, обращайтесь ко мнѣ по-дружески, если припадетъ нужда — для кого же и не послужить въ случаѣ, когда не для старыхъ пріятелей? — Кстати, г-да — вы будете моими дружками, когда я женюсь на дочери Платова!..."

Мы долго смотрѣли серьозно на его проказы, какъ онъ, подымаясь на цыпочки, воображалъ, что задѣваетъ носомъ за облака; мы долго слушали его нелѣпости — но при послѣднемъ восклицаніи хоть и увѣрились, что онъ рехнулся — но никакъ не могли удержаться отъ смѣха — такъ забавенъ былъ нашъ маленькій человѣчекъ. Въ свою очередь и онъ съ удивленіемъ глядѣлъ на насъ изъ широкихъ креселъ, какъ сытый котъ изъ слуховаго окна — онъ не постигалъ, чему хохочемъ мы, схватясь за бока.

„Не проглотилъ ли ты, любезный Лука Андронычъ, чертенка вмѣсто мухи?" спросилъ Поручикъ.

„Не опоили ли тебя Французы дурманомъ?" сказалъ я.

„Или не хочешь ли ты прикинуться су-

масшедшимъ, чтобы поправить прежнюю репутацію своего разсудка? — авось скажутъ — коли сошелъ съ ума, вѣрно было съ чего," подхватилъ Зарницкій.

„Не худо бы вамъ успокоиться," примолвилъ я: „отъ безсонницы долго ли приключиться бѣлой горячкѣ?"

„Совѣтовалъ бы я вамъ пустить себѣ самимъ рожечную кровь," отвѣчалъ съ досадою Кравченко... „Экая невидаль — дочь Платова! Да чѣмъ бы я не зять Атаману? — Вѣдь онъ самъ объявилъ всѣмъ и каждому циркулярно, что кто захватитъ Наполеона, за того отдастъ онъ дочь свою, будь онъ простой казакъ, не только Аудиторъ 12-го класса, представленный къ полученію Анны на шпагу! Развѣ не слыхали вы этой новости?" (*)

„А вы, не-бось, ей повѣрили? Знайте жъ, Г-нъ Аудиторъ 12 класса, представленный къ полученію Анны на шпагу и проч. и проч. и проч., что у Платова нѣтъ дочери невѣсты, что онъ никогда не думалъ и не гадалъ

(*) Кто не помнитъ этого слуха во время отечественной войны? — Это была выдумка, но выдумка, характеризующая духъ народный: она объяла всю Европу. Я видѣлъ Англійскую картинку, изображающую прекрасную казачку съ надписью: Miss Platoff, и внизу: I join my heart to my fathers will., т. е. придаю сердце къ волѣ отеческой.

объявлять подобнаго предложенія. Но если бъ даже, по щучьему велѣнью, а по вашему хотѣнью, у него и была бы дочь, если бъ даже нелѣпая лоттерея эта была въ самомъ дѣлѣ вещь сбыточная — я все таки не вижу, почему бы нашъ Лука Андроновичъ могъ имѣть право на ея руку?"

„Не только на ея руку, Ротмистръ, на ея обѣ руки, на нее всю съ головы до ногъ, съ душею и сердцемъ и съ богатымъ приданымъ барыша. Да неужели я до сихъ поръ не объявилъ вамъ о славномъ моемъ подвигѣ, о счастливой находкѣ своей? Тамъ, въ темномъ подвалѣ, въ самой трущобѣ, между хламомъ и ломаною мебелью — знаете ли, какой кладъ открылъ я?"

„Вѣрно боченокъ съ водкою или свиной окорокъ," хладнокровно отвѣчалъ Поручикъ. „Я не знаю, что бы иначе могло до такой степени переболтать всѣ параграфы умственнаго артикула въ головѣ нашей полевой юстиціи!"

„О зависть, зависть!" вскричалъ Кравченко, поднимая свои телячьи глаза къ потолку.. „Едва успѣлъ я отличиться, меня заранѣ хотятъ унизить насмѣшками, отбить славу клеветою. Пусть! Развѣ не всѣ великіе люди имѣли такую же участь — да хотя бы и не всѣ?... а тѣмъ не менѣе свершилъ дѣло зна-

менитое, и завѣрилъ его законными и уважительными свидѣтельствами — теперь никто въ свѣтѣ не оспоритъ, что я этими руками взялъ въ плѣнъ Наполеона!“

„Наполеона?“ вскричалъ Поручикъ, вскакивая со стула невольно — „Наполеона, который уже два раза ускользнулъ у насъ между пальцевъ, вы сударь — ты Кравченко — взялъ Наполеона?“

„Я сударь, я самъ взялъ Наполеона съ мясомъ и съ костями!“ говорю я вамъ... „Неужто я не знаю его поклепаго носа, его зеленыхъ глазъ, его синяго мундира и шляпы корабликомъ? Развѣ не двадцать разъ видѣлъ я его — во снѣ и на карикатурѣ! — Да вотъ онъ и самъ — лукавый легокъ на поминѣ.“

Мы оба очень мало вѣрили проницательности Аудитора, еще меньше возможности захватить на этой дорогѣ Бонапарта, но достичь его было самою мѣткою мечтою, самымъ пылкимъ желаніемъ — такъ сказать осью помѣшательства — и въ этотъ разъ, по обыкновенной всѣмъ людямъ слабости къ вѣстямъ самымъ несбыточнымъ, впали въ раздумье. „Чѣмъ чортъ не шутитъ!“ ворчалъ Поручикъ. „Легко статься можетъ, что Наполеонъ нарочно кинулся проселками, обманывая погоню!.. можетъ, истребленный батальонъ былъ его конвоемъ!.. Изъ чего бы иначе имъ такъ

упорно было драться!“ Въ такихъ мысляхъ бросились мы къ дверямъ, въ которыя входила толпа нашихъ наѣздниковъ съ плѣннымъ посереди.

„Вотъ онъ, вотъ онъ!“ шумѣли гусары. Они ужъ вспрыснули побѣду некупленною водкою, и были, что называется, навеселѣ, и еще болѣе расхарахорились отъ увѣреній Аудитора. „Я первый увидалъ его, Ваше Благородіе!“ сказалъ, выступя впередъ, рослый драгунъ.— „Я первый нашелъ его!“ восклицалъ другой, пристукивая каблукомъ, чтобъ его не забыли, такъ мочно, что съ потолка падала известь. — „Я первый схватилъ его!“ увѣрялъ казакъ... „Я вытащилъ, я держалъ за руку, за ногу, за шею!“ кричали другіе... „Безъ насъ онъ бы далъ стречка,“ вопіяли третьи — я велѣлъ всѣмъ молчать. — „Подведите-ка плѣнника ближе къ огню.“

(Продолженіе впредь.)

II.

НОВАЯ ИСТОРІЯ.

Отрывокъ изъ Исторіи Наполеона Бонапарте.

Соч. Вальтера Скотта.

Неудовольствіе противъ Наполеона начинаетъ возникать между солдатами. — Умыселъ противопоставить ему Моро. — Характеръ сего Генерала. — Причины его нерасположенія къ Наполеону. – Пишегрю. — Герцогъ Ангенскій.— Жоржъ Кадудаль, Пишегрю и другіе Роялисты пріѣзжаютъ во Францію. — Отчаянное предпріятіе Жоржа; — оно не удается. — Взятіе подъ стражу Моро, Пишегрю и Жоржа. — Капитанъ Райтъ. — Герцогъ Ангенскій схваченъ въ Эттенгеймѣ,—привезенъ въ Парижъ — перевезенъ въ Венсеннъ — отданъ подъ Военный Судъ — осужденъ и казненъ. — Всеобщее негодованіе Франціи и Европы — Бонапарте оправдываетъ свой поступокъ. — Разборъ сего оправданія. — Пишегрю найденъ мертвый въ темницѣ. — Смерть его приписываютъ самоубійству. — Капитанъ Райтъ найденъ съ перерѣзаннымъ горломъ. — Его также обвиняютъ въ самоубійствѣ. — Жоржъ и другіе заговорщики отданы подъ судъ. — Осуждены и казнены. — Роялисты принуждены къ молчанію. — Моро сосланъ.

Между тѣмъ, какъ Бонапарте замышлялъ овладѣть всею Европою, покоривъ сперва

Британнію, а потомъ Сѣверныя Державы, неудовольствіе противъ его правленія и лично противъ его особы начинало возникать даже между солдатами. Назначеніе его Консуломъ на всю жизнь весьма естественно считалось смертельнымъ ударомъ, нанесеннымъ Республикѣ, къ имени которой многіе изъ главнѣйшихъ офицеровъ арміи, обязанные своимъ возвышеніемъ революціи, питали еще благодарную привязанность. Неудовольствіе этихъ военныхъ людей было тѣмъ естественнѣе, что нѣкоторые изъ нихъ могли видѣть въ Наполеонѣ только счастливаго пришлеца, который возвысился надъ своими товарищами, и теперь требовалъ отъ нихъ покорности. Какъ солдаты, они скоро перешли отъ ропота къ угрозамъ, и на пиршествѣ, за которымъ были преступлены предѣлы умѣренности, одинъ гусарскій Полковникъ вызвался быть Брутомъ для избавленія отъ этого новаго Кесаря. Искусно стрѣляя изъ пистолета, онъ располагалъ въ пятидесяти шагахъ попасть въ свою цѣль на одномъ изъ смотровъ, безпрерывно происходившихъ въ присутствіи Перваго Консула. Это дѣло дошло до свѣдѣнія Полиціи; но тотчасъ было заглушено искусствомъ Фуше, который видѣлъ, что Наполеону можетъ повредить обнародо-

ваніе такой угрозы, произнесенной даже безъ намѣренія ее исполнить.

Неудовольствіе распространилось и было тайно подстрекаемо агентами Дома Бурбоновъ; и кромѣ конституціонной оппозиціи, которой голосъ по временамъ былъ слышимъ въ Законодательномъ Корпусѣ и въ Трибунатѣ, существовало два рода недовольныхъ, изъ которыхъ одни считали Наполеона врагомъ общественной свободы, а другіе видѣли въ немъ единственное препятствіе къ возстановленію Бурбоновъ; и самые жаркіе изъ нихъ начали уже замышлять, какъ бы избавиться отъ него, хотя бъ то было самыми насильственными и скрытными средствами. Буйные республиканцы и пламенные роялисты, питавшіе такія чувства, безъ сомнѣнія извиняли свою совѣсть тѣмъ, что Наполеонъ уничтожилъ народную свободу, и похитилъ верховную власть; но этимъ они могли только развѣ прикрыть злодѣяніе, котораго ничѣмъ нельзя было оправдать.

Однако жъ гораздо больше, чѣмъ этихъ ревнителей, существовало между Французами такихъ людей, которые, негодуя на похищеніе Наполеономъ власти, и будучи расположены, если представится возможность, его низвергнуть, считали однако жъ долгомъ воздержаться отъ всякихъ кривыхъ и косвенныхъ

покушеній на его жизнь. Въ предположеніи ниспровергнуть власть его тѣмъ же самымъ путемъ, которымъ она была достигнута, первая и главная забота этой партіи недовольныхъ состояла въ томъ, чтобы пріискать полководца, котораго воинская слава могла бы быть противопоставленною славѣ Наполеона, и никто другой, кромѣ Моро, не могъ имѣть притязаній на такое отличіе. Если походы его уступали военнымъ дѣйствіямъ его соперника въ блескѣ, быстротѣ и смѣлости соображенія, на коемъ они основывались, то они были исполнены съ меньшею потерею войскъ, и расположены съ большимъ обезпеченіемъ на случай неудачи. Моро не менѣе славился отступленіемъ своимъ чрезъ тѣснины Чернаго лѣса въ 1796 году, какъ блистательною и рѣшительною побѣдою при Гогенлинденѣ.

Моро былъ отъ природы кроткаго, учтиваго и сговорчиваго нрава — человѣкъ, конечно съ большими способностями, но не обладавшій смѣлостью и рѣшительностью, необходимыми для того, кто въ такія времена, какъ нами описываемыя, хочетъ сдѣлаться главою партіи въ Государствѣ. Въ самомъ дѣлѣ казалось, что онъ скорѣе былъ принужденъ вступить на эту высокую степень по вліянію общаго мнѣнія и по содѣй-

ствовавшимъ тому обстоятельствамъ, чѣмъ по своей собственной волѣ. Онъ былъ сынъ Бретанскаго юрисконсульта и во всѣхъ отношеніяхъ вышелъ въ люди чрезъ революцію; слѣдовательно онъ не могъ быть расположенъ къ Бурбонамъ; однако жъ, когда сношенія Пишегрю съ изгнаннымъ семействомъ въ 1795 году сдѣлались ему извѣстными черезъ перехваченную имъ переписку, то Моро нѣсколько мѣсяцевъ сохранялъ сіе въ тайнѣ до тѣхъ поръ, пока Пишегрю, съ остальными своими единомышленниками, не палъ отъ революціи 18 Фруктидора, основавшей Директорство Барраса, Ревбеля и Ла Ревельера. Послѣ сего періода Моро, женившись на женщинѣ преданной Бурбонамъ, кажется, самъ началъ колебаться въ своихъ политическихъ мнѣніяхъ.

Моро помогалъ Наполеону, и служилъ ему мечемъ своимъ 18 Брюмера; но онъ скоро вознегодовалъ на ненасытное честолюбіе новаго владыки Франціи, и они постепенно другъ къ другу охладѣли. Въ этомъ не былъ виноватъ Бонапарте, который, весьма естественно желая привязать къ себѣ столь великаго Генерала, показывалъ ему особенное уваженіе, и жаловался на то, что онъ отвѣтствуетъ ему холодностью. Однажды пара прекрасныхъ пистолетовъ была прислана Первому Консулу. „Они очень кстати

пришли,“ сказалъ онъ, и подарилъ ихъ Моро, который въ самое это время входилъ въ горницу. Моро принялъ эту вѣжливость съ такимъ видомъ, какъ будто бы онъ очень желалъ быть отъ нее избавленнымъ. Ничѣмъ другимъ не изъявивъ своей признательности, кромѣ холоднаго поклона, онъ тотчасъ вышелъ вонъ.

При учрежденіи Почетнаго Легіона, одинъ изъ большихъ крестовъ былъ ему предложенъ. „Дуракъ!“ сказалъ Моро: „развѣ онъ не знаетъ, что я ужъ прежде этого двѣнадцать лѣтъ служу въ почетныхъ рядахъ?“ Другая шутка на этотъ же предметъ, очень оскорбившая Наполеона, была сдѣлана обѣдавшими у Моро офицерами, которые опредѣлили наградить генеральскаго повара почетною кастрюлею за искусство его въ приготовленіи нѣкоторыхъ блюдъ. Такимъ образомъ, удаляясь отъ Бонапарта, Моро наконецъ былъ сочтенъ главою недовольныхъ во Франціи, и взоры всѣхъ, ненавидѣвшихъ Наполеона или его правленіе, были устремлены на него, какъ на единственнаго человѣка, котораго вліяніе могло быть противопоставлено могуществу Перваго Консула.

Между тѣмъ, по нарушеніи Аміенскаго мира, Британское Правительство, по внуше-

нію естественной политики, хотѣло извлечь для себя пользу изъ народнаго духа во Франціи, и начало подстрекать Королевскихъ приверженцевъ къ новымъ нападеніямъ на Консульское правленіе. Вѣроятно, что Англійскіе Министры въ нѣкоторой степени ошиблись на счетъ силы сей партіи, очень уменьшенной принятыми Наполеономъ мѣрами, и слишкомъ слѣпо повѣрили обѣщаніямъ и предположеніямъ агентовъ, слишкомъ воспламененные для того, чтобы видѣть настоящее положеніе вещей, преувеличили даже собственныя надежды свои при сообщеніи оныхъ Англійскому Правительству. По видимому, было признано, что мало можно ожидать успѣховъ, пока Моро не приметъ участія въ заговорѣ. Склонить его къ тому считали возможнымъ, и не смотря на неудовольствія личныя и политическія, существовавшія между имъ и Пишегрю, сей послѣдній, кажется, вознамѣрился сдѣлаться точкою соединенія между Моро и роялистами, убѣжавъ изъ степей Кайены, куда онъ былъ сосланъ. Пишегрю нашелъ въ Лондонѣ убѣжище и помощниковъ, и открыто объявилъ свои роялистскія правила, по которымъ онъ такъ долго дѣйствовалъ втайнѣ.

Составили планъ возмутить роялистовъ на Западѣ, куда Герцогъ Беррійскій долженствовалъ прибыть къ берегамъ Пикардіи, дабы поддержать возстаніе. Герцогъ Ангенскій, внукъ Принца Конде, жилъ подъ покровительствомъ Маркграфа Баденскаго въ Эттенгеймскомъ замкѣ, вѣроятно съ тою цѣлью, чтобъ быть въ готовности принять начальство надъ роялистами въ восточной части Франціи, или даже, если случай представится, и въ самомъ Парижѣ. Сей Принцъ Бурбонскаго Дома, предназначенный наслѣдникъ имени великаго Конде, былъ въ цвѣтѣ юности, красивъ, храбръ и великодушенъ. Онъ отличился мужествомъ своимъ въ арміи эмигрантовъ, предводительствуемой его дѣдомъ. Его храбростью одержана побѣда при Бортсгеймѣ; и когда солдаты его, которымъ Французскіе республиканцы не оказывали пощады, хотѣли было отмстить за сіе на своихъ плѣнникахъ, онъ бросился между ими, и удержалъ ихъ отъ насилія. „Это люди,“ сказалъ онъ: — „Французы! они несчастны — отдаю ихъ подъ защиту вашей чести и вашего человѣколюбія!“ Таковъ былъ сей юный Принцъ, котораго имя вписано кровавыми буквами въ эту часть Наполеоновой Исторіи.

Между тѣмъ какъ Французскіе Принцы ожидали на границахъ дѣйствія возмущеній, во внутренности Франціи, Пишегрю, Жоржъ Кадудаль и около тридцати самыхъ отчаян-

ныхъ роялистовъ были тайно высажены на Французскіе берега, пробрались въ столицу, и успѣли укрыться тамъ отъ всевидящей Полиціи. Нѣтъ причины сомнѣваться, что часть этихъ агентовъ, и въ особенности Жоржъ, видѣли главное препятствіе своему предпріятію въ существованіи Наполеона, и рѣшились начать умерщвленіемъ его. Пишегрю, который постоянно находился въ сообществѣ Жоржа, не могъ не знать объ этомъ умыслѣ, хотя болѣе приличномъ свирѣпому вождю шуановъ, чѣмъ завоевателю Голландіи.

Въ продолженіе этого времени, Пишегрю успѣлъ войти въ желаемыя сношенія съ Моро, считаемаго тогда, какъ мы сказали, главою недовольныхъ въ войскѣ и явнымъ врагомъ Наполеона. Они видѣлись не меньше двухъ разъ, и достовѣрно, что въ одно изъ этихъ свиданій Пишегрю привелъ съ собою Жоржа Кадудаля, къ особѣ и къ замысламъ котораго Моро обнаружилъ ужасъ, и просилъ Пишегрю не приводить больше съ собою этого бѣшенаго дикаря. Причиною сего отвращенія конечно должно предполагать свойство мѣръ, Жоржемъ предложенныхъ, вѣрно послѣднихъ, къ которымъ бы храбрый и благородный воинъ, какъ Моро, прибѣгнулъ; но Бонапарте въ мнимомъ отчетѣ его о томъ, что происхо-

дило между Моро и Пишегрю, представляетъ поступки перваго совсѣмъ въ другомъ видѣ. Моро, по этому показанію, будто бы говорилъ Пишегрю, что пока Первый Консулъ живъ, онъ не можетъ имѣть ни малѣйшей власти надъ войсками, и что даже собственные его Адъютанты не пойдутъ противъ Наполеона; но если Бонапарте будетъ устраненъ, то Моро увѣрялъ, что всѣ взоры обратятся на него одного — что онъ сдѣлается Первымъ Консуломъ, — а Пишегрю будетъ вторымъ, — и продолжалъ распространяться на счетъ дальнѣйшихъ распоряженій, какъ вдругъ Жоржъ съ яростью прервалъ ихъ разговоръ, обвиняя двухъ Генераловъ въ томъ, что они больше занимаются замыслами о своемъ собственномъ возвышеніи, чѣмъ о возстановленіи Короля, и объявилъ, что если прійдется выбирать между *синимъ* и *синимъ*, (названіе, которое Вандейцы давали республиканцамъ), то ему все равно видѣть главою Правленія Наполеона или Моро, и въ заключеніе требовалъ себѣ по крайней мѣрѣ мѣста третьяго Консула. По сему объясненію, Моро не ужаснулся свирѣпости Жоржева предпріятія, которое онъ первый призналъ необходимымъ; но ему только не понравилась часть, которую шуанскій вождь хотѣлъ взять себѣ при раздѣлѣ добычи. Но мы ни сколько не вѣримъ этому

показанію. Хотя ничто не было въ то время для Перваго Консула столь важно, какъ доказать прямое участіе Моро въ заговорѣ противъ его жизни, но это никогда ничѣмъ не было доказано; и потому намъ кажется вѣроятнымъ, что это объясненіе составлено послѣ, такъ какъ Бонапарте могъ предполагать и какъ онъ желалъ, чтобы другіе повѣрили, и не основываясь на достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ или на не сомнѣнныхъ показаніяхъ свидѣтелей.

Полиція тотчасъ встревожилась и начала дѣйствовать. Она получила извѣстіе, что шайка роялистовъ вступила въ столицу; но прошло нѣсколько времени, прежде чѣмъ ей удалось ихъ захватить. Жоржъ между тѣмъ старался привести въ исполненіе умыселъ свой противъ Перваго Консула, и полагаютъ, что однажды, переодѣвшись слугою, онъ успѣлъ пробраться въ Тюльери и даже въ покои Наполеона, но никакъ не нашелъ случая нанести ударъ, который его необыкновенная сила и отчаянное намѣреніе сдѣлали бы рѣшительнымъ. Всѣ заставы были заперты, и отрядъ Наполеоновой гвардіи содержалъ крѣпкую стражу для воспрепятствованія кому бы то ни было выйти изъ города. Постепенно были собраны достаточныя свѣдѣнія, которыя привели Правительство въ возможность

сообщить публикѣ существованіе и цѣль заговора, что сдѣлалось въ особенности необходимо, когда было рѣшено взять подъ стражу самого Моро. Это произошло 15 Февраля 1804 года. Онъ былъ схваченъ безъ всякаго труда и сопротивленія, въ загородномъ его домѣ. На другой день въ дневномъ приказѣ, подписанномъ Мюратомъ, тогдашнимъ Парижскимъ Губернаторомъ, было объявлено объ этомъ происшествіи жителямъ, съ прибавленіемъ къ тому, что Моро участвовалъ въ заговорѣ съ Пишегрю, Жоржемъ и другими, тщательно преслѣдуемыми Полиціею.

Вѣсть о взятіи Моро подъ стражу произвела сильное впечатлѣніе въ Парижѣ, и распространившіеся объ этомъ предметѣ слухи ни мало не благопріятствовали Наполеону. Нѣкоторые вовсе не вѣрили существованію заговора, между тѣмъ, какъ другіе, менѣе сомнѣвающіеся, полагали, что Первый Консулъ, въ неудавшемся предпріятіи Пишегрю и Жоржа ищетъ предлога для того, чтобы погубить Моро, вмѣстѣ и соперника его воинской славы, и явнаго врага его Правительства. Говорили даже, будто бы тайные агенты Наполеона въ Лондонѣ сильно подстрекали первыхъ зачинщиковъ заговора, съ тѣмъ, чтобы вовлечь въ оный человѣка, котораго Первый Консулъ и ненавидѣлъ, и

*

боялся. На это нѣтъ никакихъ доказательствъ; но такія и другія мрачныя подозрѣнія овладѣли всѣми умами, и всѣ взоры съ безпокойствомъ устремились на послѣдствія предназначеннаго разысканія.

17-го Февраля, Министръ Юстиціи въ донесеніи своемъ, сообщенномъ Сенату, Законодательному Корпусу и Трибунату, объявилъ, что Пишегрю, Жоржъ и другіе люди, возвратились во Францію изъ своей ссылки съ намѣреніемъ ниспровергнуть Правительство и умертвить Перваго Консула, обвиняя Моро въ томъ, что онъ имѣлъ съ ними сообщеніе. Когда донесеніе сіе было прочтено въ Трибунатѣ, братъ Моро всталъ и, напомнивъ оказанныя Генераломъ важныя услуги, жаловался на жестокость сего обвиненія безъ доказательствъ, и просилъ для него всенароднаго суда.

„Какой прекрасный порывъ чувствительности!" сказалъ Кюре, одинъ изъ Трибуновъ, въ насмѣшку надъ поступкомъ, столь естественнымъ въ такомъ тягостномъ случаѣ.

„Это порывъ негодованія," возразилъ братъ Моро, и вышелъ изъ Суда.

Присутственныя мѣста сдѣлали то, чего отъ нихъ можно было ожидать, и повергли къ подножію Консульскаго престола напы-

щенное выраженіе участія, принимаемаго ими въ жизни и безопасности сидящаго на немъ.

Между тѣмъ чрезъ дѣятельность Полиціи и употребленныя ею чрезвычайныя средства успѣли забрать подъ стражу почти всѣхъ участниковъ заговора. Коварный другъ, которому Пишегрю совершенно ввѣрился, измѣнилъ ему за большія деньги, и ввелъ жандармовъ въ его горницу тогда, какъ онъ еще спалъ. Они прежде забрали его оружіе, а потомъ схватили и его самого послѣ сильнаго сопротивленія. Жоржъ Кадудаль, котораго поимка была, можетъ быть, еще важнѣе, вскорѣ послѣ этого попалъ въ руки Полиціи. Его такъ тщательно преслѣдовали, что наконецъ онъ не смѣлъ войти ни въ одинъ домъ, но большую часть дня и ночи проводилъ на улицахъ въ кабріолетѣ. При взятіи его, онъ застрѣлилъ одного жандарма, другаго смертельно ранилъ, и едва было не ускользнулъ отъ прочихъ. Прочіе заговорщики, въ томъ числѣ и такіе, которыхъ обвиняли въ одобреніи сего замысла, были захвачены въ числѣ сорока человѣкъ, разныхъ званій и сословій; нѣкоторые изъ нихъ были товарищи и сообщники Жоржа, а другіе принадлежали къ древнему дворянству. Между послѣдними находились Гг. Арманъ и Юлій Полиньяки, Карлъ де ла Ривіеръ и другіе знатные роялисты. Случай

повергъ во власть Наполеона еще другую жертву. Капитанъ Райтъ, командиръ Англійскаго военнаго брига, обязался перевезти на Нормандскіе берега Пишегрю и нѣкоторыхъ изъ его товарищей. Вскорѣ послѣ того бригъ его былъ взятъ Французскимъ кораблемъ, превышавшимъ его силою. Подъ предлогомъ, будто бы очная съ нимъ ставка нужна для улики Французскихъ заговорщиковъ, онъ былъ привезенъ въ Парижъ, посаженъ въ Тампль и содержанъ съ суровостью, предшествовавшею кровавой развязкѣ.

Можно было предполагать, что изъ числа столь многихъ заключенныхъ довольно жертвъ могло быть выбрано для заплаты жизнію за возмущеніе, въ которомъ ихъ обвиняли, и даже за умыселъ умертвить Перваго Консула. Къ несчастію для своей славы, Наполеонъ думалъ иначе, и по причинамъ, которыя мы въ слѣдъ за симъ постараемся разсмотрѣть, вознамѣрился распространить свое мщеніе на бо́льшее число людей, чѣмъ сколько состояло въ спискѣ его арестантовъ, хотя въ числѣ ихъ и находились многія знатныя особы.

Мы замѣтили, что пребываніе Герцога Ангенскаго на Французскихъ границахъ имѣло нѣкоторую связь съ предпріятіемъ Пишегрю, но только въ отношеніи ополченія

роялистовъ въ Парижѣ. Это мы говоримъ, основываясь на сознаніи самого Принца, что онъ жилъ въ Эттенгеймѣ, надѣясь въ скоромъ времени играть важную ролю во Франціи (*). Сіе совершенно оправдывалось его положеніемъ и связями. Но чтобы Герцогъ хоть сколько нибудь участвовалъ въ умыслѣ покушенія на жизнь Наполеона или одобрялъ оное, это такая клевета, которая ничѣмъ не подтверждена, а напротивъ того всѣмъ опровергается, и въ особенности чувствами, внушенными ему дѣдомъ его, Принцемъ Конде (**).

(*) Свѣдѣніе сіе находится въ *Оправдательныхъ запискахъ* Герцога Ровиго (Савари). Между тѣмъ нѣтъ ни какихъ слѣдовъ сего сознанія въ изданномъ допросѣ Принца. Говорятъ также, что Герцогъ, находившійся еще въ Эттенгеймѣ, услышавъ въ первый разъ о заговорѣ Пишегрю, объявилъ, что это извѣстіе должно быть ложное. „Если бъ такой заговоръ дѣйствительно существовалъ,“ сказалъ онъ: „то отецъ мой и дѣдъ увѣдомили бы меня объ немъ, чтобы я позаботился о моей безопасности.“ Можно прибавить, что если бъ онъ точно участвовалъ въ этомъ заговорѣ, то вѣроятно удалился бы отъ границъ Франціи, узнавъ, что умыселъ обнаруженъ.

(**) Достопримѣчательное письмо Принца Конде къ Графу д'Артуа отъ 24 Января 1802 года, содержитъ въ себѣ слѣдующее: „Шевалье де Роль сооб-

Онъ жилъ очень уединенно, и болѣе всего забавлялся охотою. Пансіонъ, производимый ему Англіею, былъ единственнымъ его средствомъ къ существованію.

(Продолженіе впредь.)

щитъ вамъ, что произошло здѣсь вчера. Человѣкъ весьма простой, но замѣчательной наружности прибылъ сюда въ прошедшую ночь; по словамъ его, онъ пѣшкомъ пришелъ изъ Парижа въ Кале. Я принялъ его около одиннадцати часовъ утра; онъ въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ предложилъ мнѣ избавить насъ отъ похитителя самымъ дѣйствительнѣйшимъ средствомъ. Я не допустилъ его продолжать, съ ужасомъ отвергнувъ его предложеніе и увѣривъ его, что вы, на моемъ мѣстѣ, точно также бы поступили. Я объявилъ ему, что мы будемъ врагами человѣка, присвоившаго себѣ права и престолъ нашихъ предковъ, до тѣхъ поръ, пока онъ ихъ не возвратитъ; что мы сражались противъ него открытою силою; готовы сдѣлать опять то же, если случай представится; но что мы никогда не прибѣгнемъ къ средствамъ, приличнымъ Якобинской партіи; что партія сія можетъ имѣть такой злодѣйскій умыселъ, но что мы никогда не примемъ въ немъ участія." Принцъ повторилъ сіи слова незнакомцу въ присутствіи Шевалье де Ролля, повѣреннаго Графа д'Артуа, и рѣшительно совѣтовалъ ему выѣхать изъ Англіи, ибо если бъ случилось, что его задержали, то онъ

III.

КРИТИКА.

Мысли Малороссіянина, по прочтеніи Повѣстей Пасичника Рудаго-Панька, изданныхъ имъ въ книжкѣ подъ заглавіемъ: Вечера на хуторѣ близъ Диканьки, и рецензій на оныя.

Повѣсти, или справедливѣе, сказки Пасичника Рудаго-Панька, появились въ свѣтъ сопровождаемые похвалами Сѣверной Пчелы, и потомъ Литературнаго Прибавленія къ Русскому Инвалиду. Дай Боже здоровья Издателямъ ихъ! — „Вотъ книга," — восклицаетъ Рецензентъ въ Литературномъ Прибавленіи No 79 сего 1831 года: „которая „приноситъ большую честь Автору, и вѣр„но принесетъ ему большое спасибо со всѣхъ „сторонъ святой Руси. Рудый Панёкъ," говоритъ онъ далѣе: „разсказываетъ безъ вы-

---

не будетъ за него ходатайствовать. Тотъ, кому Принцъ Конде говорилъ слова сіи, достойныя его и знаменитаго его предка, былъ въ послѣдствіи признанъ агентомъ Наполеона. Ему было поручено выпытать мнѣніе Принцевъ Бурбонскаго Дома, и вовлечь ихъ, если можно, въ гнусный умыселъ, долженствовавшій возбудить противъ ихъ всеобщее негодованіе.

„чуръ, безъ хитростей,“ — а еще далѣе: „что „лица въ повѣстяхъ его неподмалеваны; нѣтъ „общихъ мѣстъ, тошныхъ и пошлыхъ; проис-„шествія не притянуты за волосы, веселость „неподдѣльная, остроуміе не выкрадено.“

Отдавать справедливость похвальнымъ качествамъ человѣка, котораго мы знаемъ, разумѣется, коротко, есть обязанность самая пріятная и не тяжелая; но сдѣлать разборъ какому нибудь и маленькому сочиненьицу, трудно, — а еще труднѣе высказать справедливыя похвалы оному, и представить читателямъ, съ необходимою критическою отчетностію, тѣ прекрасныя мѣста, кои убѣдили бы каждаго согласиться съ мнѣніемъ потрудившагося надъ разборомъ.

Отвращеніе Г. Рецензента Литературнаго Прибавленія отъ общихъ мѣстъ, производящихъ тошноту, столь же понятно, сколько и хвала его происшествіямъ, непритянутымъ за волосы. Видно, неприкосновенный Рудый Панёкъ разсказами своими слишкомъ ему понравился, когда самъ онъ, будучи такимъ неохотникомъ до общихъ мѣстъ, нашелъ вообще разсказы сіи такими забавными, что не указалъ отдѣльно ни одного лица, ни одного происшествія, заслуживающаго особеннаго вниманія по условнымъ правиламъ рецензіи. Хотя общій обзоръ предметовъ, по заказу,

легче разбора оныхъ; но сказки Рудаго Панька требовали послѣдняго, какъ образцовыя, по мнѣнію самого же Рецензента, за кои его Панёкъ заслуживаетъ *большое спасибо со всѣхъ сторонъ святой Руси.*

Я Малороссіянинъ, люблю мою родину, люблю слушать преданія благословенной старины нашей. — Пѣсни, сказки и присказки погружаютъ меня въ пріятныя думы, и вообраЖеніе рисуетъ тогда усатыхъ предковъ съ воспѣвавшими подвиги ихъ слѣпцами и разсказчиками былей и небылицъ. — Въ пѣсняхъ отзывается характеръ народа; въ сказкахъ и присказкахъ повѣрья его, и въ послѣднихъ особенно видно желаніе разскащика блеснуть затверженными имъ народными шутками. Лестные отзывы извѣстныхъ Литераторовъ о Повѣстяхъ земляка моего Пасичника такъ были по душѣ мнѣ, какъ бы относились ко мнѣ самому. Знавалъ и я почтенныхъ въ своемъ званіи можно сказать, пустынническомъ, — патріархальномъ, Пасичниковъ, веселыхъ, словоохотныхъ старичковъ: и Стецька, и Грицька, и Панька: но Панёкъ не нашъ! ей ей не нашъ! и изъ трехъ вышепоименованныхъ, каждый, при всемъ миролюбіи своемъ, на кличку: Стецекъ — бы-то, Грицекъ, или Панекъ, конечно отвѣчалъ бы, хотя и подъ сѣдые усы себѣ: *самъ ты Пенекъ!* не разсу-

ждая, что такъ назвалъ его Москаль, никогда неживавшій въ Малороссіи, слѣдовательно неимѣвшій случая слышать *именъ крещеныхъ*, присвоенныхъ у насъ простолюдинами.

О! ни какой у насъ Панько, не погнѣвайтесь, не смолчитъ, если бы назвали его Панекъ. — У насъ панъ-отецъ, какъ мы величаемъ священника, нарекая мальчика Григоріемъ, или Пантелеемъ, обыкновенно привѣтствуетъ родителей, въ угожденіе имъ, съ новорожденнымъ Грицькомъ или Панькомъ; что повторяетъ и баба, принявшая младенца отъ купели; и такимъ образомъ отъ колыбели до могилы окрещенные въ сихъ, по повѣрью, уменьшенныхъ именахъ, носятъ оные съ тяжелымъ крестомъ житейскимъ.

Печатныя похвалы остроумнымъ Повѣстямъ Пасичника Рудаго-Панька, и самый предметъ, толико близкій сердцу Малороссіянина, расположили меня тотчасъ купить *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки*. Пролетитъ непримѣтно, думалъ себѣ, долгій зимній Петербургскій вечеръ; порадуюсь отъ души родному повѣствованію. — И хотя, признаюсь, охлаждала восторгъ рецензія Литературнаго Прибавленія, въ которой *Панёкъ бѣльмомъ кидался въ очи*, ибо неудобно вѣрилось, чтобы коверкающій самое имя Автора могъ выразумѣть и оцѣнить истинное достоинство разсказовъ, принадлежащихъ народу, коего языкъ не совсѣмъ, кажется, знакомъ ему, но письмо славнаго Поэта Пушкина, напечатанное въ сей рецензіи, убѣждало внимать похваламъ и не прочитавши Повѣстей, — что могло случиться на грѣхъ и съ Рецензентомъ. — Кого не увлекалъ геній? — Кто разгадаетъ Протея Пушкина? Можетъ быть, Панько разсказами своими и дѣйствительно угодилъ кратковременной прихоти Поэта, который безъ трудовъ, безъ усилій, какъ кажется, подчинилъ богатому своему воображенію и Грацій и Музъ, (исключая нѣкоторыхъ: ибо Малороссійская Кліо не могла быть довольна его Полтавою), и коему наскучило читать въ большой части новѣйшихъ стихотвореній нашихъ рабское себѣ подражаніе и даже хищничество изъ литературнаго его скарбу: необыкновенные таланты имѣютъ необыкновенныя и прихоти.

Редакторъ Журнала: Le Miroir No 35-й, объявляя: que l'auteur (Roudy Panko) décrit les moeurs, les coutumes et le langage des bons habitans de l'Ukraine, и смѣшавши, по нашему сказать, *горохъ съ чечевицею*, говоря: déjà les Romans de M. Zagoskin, les nouvelles de M. M. Pogodin et Somoff, les essais critiques de M. Ko-

tliarewsky, en ont été extraits d'une manière plus ou moins éclatante, mais toujours utile à la langue et à l'esprit national, — также, вмѣсто рецензіи, привелъ въ доказательство достоинствамъ Повѣстей помянутое письмо Г. Пушкина; послѣ сего казалось бы и разсуждать не о чемъ.

Но да позволено будетъ замѣтить, что пародія Энеиды, перелицеванной почтеннымъ Г. Котляревскимъ, какъ торжество Малороссійскаго слова, написана природнымъ Малороссійскимъ нарѣчіемъ; а Гг. Загоскинъ, Погодинъ, Сомовъ и самъ Рудый-Панько пишутъ по-Русски; слѣдовательно сіи Писатели никакъ не подлежатъ одной категоріи; и поверхностный взглядъ на твореніе послѣдняго изъ нихъ, равно какъ безусловная вѣра геніяльному Поэту, недостаточны для рецензіи.

Видно, Гг. Рецензенты оставили подробный разборъ выхваленныхъ ими Повѣстей, по принадлежности, Малороссіянину, не затрудняя себя тѣмъ, въ чемъ успѣхъ былъ бы сомнителенъ, по незнанію ими, вѣроятно, простаго быта жителей Малороссіи: дѣло хорошее.

Есть конечно Писатели, кои твореніями своими затрудняютъ рѣшеніе вопроса: нужно ли непремѣнно жить для того въ ка-

комъ нибудь краю, чтобы узнать нравы, обычаи и повѣрья народныя? Но такіе фениксы родятся вѣками. — Въ нетерпѣливомъ ожиданіи подобнаго генія, мы, кажется, еще не можемъ, не выѣзжая изъ столицы, изучать народный бытъ столь разнообразныхъ обитателей обширнаго отечества нашего, коихъ навыки и повѣрья составляютъ весь курсъ наукъ, потребный для разумнѣйшихъ изъ нихъ. — Если Панько и содѣлается въ послѣдствіи нашимъ Вальтеръ-Скоттомъ, чего я отъ всей души ему желаю, то предшествующее сему первое твореніе его не могло, не существуя еще, раскрыть предъ Рецензентами богатый рудникъ народныхъ преданій; а не отвѣдавши, не узнаешь, какая вода и съ самомъ мелкомъ колодезѣ.

Да, пора бы родиться и у насъ Вальтеръ-Скотту. — Да встрѣтится первый взоръ его съ чистымъ небомъ и зеленѣющими равнинами моей любезной родины! Дай Богъ, чтобы опытъ земляка моего, Панька, былъ предвѣстникомъ неупомимыхъ трудовъ и будущей его славы!

Мнѣ не случилось быть въ Шотландіи; не знаю Англійскаго языка: но неподражаемый Вальтеръ-Скоттъ, на крыльяхъ своего воображенія, переносилъ мое въ богатую событіями его родину. Я дѣлался едва ли не зем-

лякомъ ему! Читая повѣствованія его о Шотландіи въ переводахъ на другіе языки, казалось, я свыкался, дружился съ описываемыми имъ потомками древнихъ Каледонянъ.

Куплю Вечера на хуторѣ близъ Диканьки! Стыдно не имѣть Повѣстей милой родины. — Прочитать оныя не скоро удастся: ибо, хотя и я заплатилъ Смирдину за годовое чтеніе книгъ изъ его Библіотеки, но самому ѣздить за ними нѣтъ времени, а присылаютъ мнѣ всегда такія старыя годами, и такія ветхія изъ новѣйшихъ, что и развертывать страшно, дабы не потянулись за рукою листы, превращенные въ трутъ множествомъ читателей.

Случилось, правда, во время холеры, прочитать нѣкоторыя, дорого окупившіяся жертвы просвѣщенію изъ означенной Библіотеки. Они сдѣлались подобными букварямъ, по которымъ обучаютъ грамотѣ дѣтей съ деревянными указками; но жалкое положеніе ихъ, винюсь, истинно меня радовало: ибо оно служитъ неоспоримымъ доказательствомъ безпрестаннаго употребленія; а невѣжественныя приписки и замѣчанія на ветхихъ листкахъ Романовъ Валтера-Скотта суть подтвержденія, что теперь полюбили у насъ чтеніе люди всякаго званія. — Благонамѣренный наблюдатель народнаго просвѣщенія, во-

образя цѣну за годовое чтеніе, конечно погрузится въ пріятныя мысли о грядущемъ, и порадуется вмѣстѣ со мною и многими любознанію какого нибудь сидѣльца, откладывающаго 60 руб. въ годъ на такое удовольствіе, которое отецъ сего послѣдняго почиталъ едва ли не наказаніемъ.

Благодаря духу времени и благородному направленію народа великаго, читателей Русскихъ теперь весьма много; отечественная Литература не удовлетворяетъ ихъ вполнѣ, ограничиваясь весьма не великимъ числомъ Романовъ. Досужіе Писатели наши подчуютъ насъ стишками, легкими, коротенькими повѣстями, а если кто нибудь не полѣнится наполнить такими сочиненіями книжки двѣ, то сія, легко прославившаяся на пустынномъ Парнасѣ нашемъ, братія равняетъ его съ самыми знаменитѣйшими современными Авторами просвѣщенной Европы.

(Продолженіе впредь.)

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Трутень и Пчела.

(Басня.)

Жалѣю бѣдненькую Пчелку:
Въ ней *трудолюбіе* — порокъ!
Хлопочетъ, бьется — все безъ толку:
Пчельникъ возьметъ съ нее оброкъ...
Кажись, къ чему бы и трудиться?..
Пчела въ отвѣтъ: „мнѣ сладокъ трудъ!
И чтобъ объ немъ судить рѣшиться,
Пчелою надобно родиться;
А судъ твой, трутень, трутня судъ.

Л. Я.

V.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе новѣйшихъ происшествій.

Франція.

Въ засѣданіи Палаты Перовъ 19 Декабря, Герцогъ Деказъ представилъ донесеніе Коммиссіи,

разсматривавшей проектъ закона о Перскомъ достоинствѣ. Изложивъ начала представительнаго правленія, докладчикъ привелъ доводы приверженцевъ и противниковъ наслѣдственности Перскаго достоинства, важнѣйшаго въ семъ дѣлѣ вопроса и сказалъ, что въ Коммиссіи семь голосовъ было въ пользу наслѣдственности и семь противъ оной; впрочемъ Коммиссія предлагаетъ утвердить проектъ закона въ томъ видѣ, какъ онъ принятъ Палатою Депутатовъ, съ небольшимъ измѣненіемъ въ одной изъ категорій. Въ засѣданіи 22 Декабря начались пренія о семъ предметѣ. *Герцогъ Коаньи* говорилъ противъ сего закона. Онъ старался доказать, что прочность представительнаго правленія состоитъ въ равновѣсіи частей онаго и независимости ихъ одной отъ другой, что истинная подпора Перскаго достоинства есть наслѣдственность онаго, и что посему безразсудно бы было пожертвовать оною, можетъ быть, минутной прихоти общественнаго мнѣнія: уничтожить оную, сказалъ онъ, значитъ *ореспубликанить* настоящее, *одеспотизмить* будущее. *Герцогъ Шуазель*, полагая также наслѣдственность необходимою принадлежностію Перскаго достоинства, думаетъ однако же, что, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, уничтоженіе оной есть необходимая жертва общественному мнѣнію. *Герцогъ-Фицъ-Джемсъ* говорилъ вначалѣ рѣчи своей о томъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи находятся нынѣ Перы Франціи, принужденные рѣшить собственную судьбу свою. „Министерство, сказалъ онъ, дѣлаетъ это „положеніе еще болѣе затруднительнымъ, пока„зывая намъ то, что кажется ему благомъ, и пред-

„лагая то, что почитаетъ зломъ. Министры, „кажется, говорятъ намъ (хотя, признаюсь, въ „выраженіяхъ, более учтивыхъ): Гг. Перы, делайте, „что можете; будьте наследственными или по„жизненными, Перами или Сенаторами, не будьте „хоть ничемъ; все хорошо, лишь бы только гро„за, гремящая надъ вашими головами, не увлекла „и насъ въ вашихъ развалинахъ." За симъ Ораторъ разсуждалъ о томъ, что слава и заслуги отца должны быть наследіемъ сыновей его, такъ же какъ и богатство; пользу этого старался онъ доказать, разсматривая нынешній составъ Палаты Перовъ. „Есть ли, господа, между вами „кто либо, кого бы совесть упрекала местомъ, „занимаемымъ имъ въ сей Палате? Права неспра„ведливости и оскорбленія, которымъ мы безпре„рывно подвергаемся, могли бы сделать насъ гор„дыми и тщеславными. Что касается до меня, „то я твердо уверенъ, что Палата въ состоя„ніи выдержать самый строгій разборъ въ этомъ „отношеніи, и выйдетъ изъ этого испытанія съ „честью для себя, со стыдомъ для техъ, кото„рые ныне противъ нее враждуютъ. Между вами „не нахожу я ни одного, котораго бы возвышеніе „на степень Пера не было уплатою долга Фран„ціи, и честью для сей Палаты. Взоры мои па„даютъ прежде всехъ на тебя, юный Монтебелло; „не твое ли присутствіе здесь тревожитъ сихъ „щекотливыхъ людей? Мы думали напротивъ, „что ты достойно поддерживаешь честь имени, „прославленнаго тысячьми подвиговъ, имени того, „который былъ прозванъ храбрымъ изъ храбрыхъ; „мы думали, что гробница отца твоего есть под-

„ножіе, на которое ты смело стать можешь; мы „съ восторгомъ приветствовали на юномъ челе „твоемъ неизгладимую печать славы. Но мы, конеч„но, обманывались. Выдь же, Монтебелло! разве „ты не видишь, что присутствіе твое здесь „есть остатокъ феодализма, оскорбленіе Гг. из„бирателямъ? Выдь, говорю я тебе! вся кровь, „отъ которой ты происходишь, пролита за Фран„цію; Франція ничемъ тебе не обязана. А вы, „старые мои сотоварищи, которыхъ унесло время, „но которыхъ память жива между нами, ты, „Ланжюине, который во время гражданскихъ „смутъ нашихъ показалъ, до чего можетъ возвы„ситься политическое мужество въ сердце чело„века добродетельнаго; когда въ день 31 Мая, „жертва, уже обреченная секире палача, ты про„тивопоставлялъ одну силу души своей ярости „Якобинцевъ; когда, крепко держась за каѳедру, „ты гремелъ въ защиту справедливости и зако„новъ, безстыдно нарушаемыхъ; ты, Буасси „д'Англа, котораго я такъ долго виделъ на этомъ „месте, котораго, кажется, и теперь еще вижу „убеленные годами волосы, внушавшіе намъ столь „глубокое уваженіе, напоминая о той минуте, ког„да, восторженный, ты преклонялся передъ главою „сочлена твоего, злодейски умерщвленнаго; ты „думалъ, въ эти ужасные дни, что заслужилъ отъ „Франціи более, чемъ благодарность пожизненную; „тебя не обвинятъ, надеюсь, въ привязанности къ „аристократизму, а ты принялъ наследствен„ность, воображая, конечно, что столь многіе, „столь тяжкіе труды законно пріобрели твоимъ „детямъ место между нами; ты заблуждался, другъ!

„Это мѣсто захвачено ими беззаконно; это оскор-„бленіе всеобщаго равенства, привилегія нестер-„пимая. Пусть они выйдутъ отсюда вмѣстѣ со „мною: во имя отцевъ ихъ Франція имъ ничѣмъ „не обязана.“ Потомъ Ораторъ старался доказать, что причины, приводимыя противъ наслѣдственности Перскаго достоинства, могутъ быть примѣнены также и къ наслѣдственности престола; что противъ Перовъ возстаютъ нынче, называя ихъ аристократами, но что скоро въ ту же опальную категорію войдутъ и всѣ, непринадлежащіе къ послѣднимъ классамъ народа. Онъ подкрѣпилъ это примѣромъ Конвента: „Законъ „о подозрительнныхъ (la loi des suspects) не былъ „еще принятъ; разсуждали о томъ, какъ опредѣ-„лить слова: *подозрительные* или *аристократы* (эти „наименованія употреблялись одно за другое). „Одинъ Ораторъ сказалъ, что ничего не можетъ „быть проще этого опредѣленія, стоитъ толь-„ко захватить всѣхъ дворянъ и поповъ, и вся ари-„стократія будетъ подъ руками. Негодуя на та-„кую умѣренность (этотъ умѣренный былъ Бильо „Вареннь), Базиръ взбѣжалъ на каѳедру и сказалъ: „слова: люди подозрительные, были дурно испол-„кованы. Говорятъ, будто они относятся только „къ попамъ и дворянамъ, — странная ошибка!... „Аристократы,—это лавочники, богатые торгов-„цы, банкиры, бывшіе Прокуроры, судебные испол-„нители, напыщенные слуги, управители, повѣрен-„ные (*рукоплесканія!*) государственные кредиторы, „судьи, т. е. ябедники по склонности, по должности; „по воспитанію — (*единодушныя рукоплесканія!*) — всѣ „они естественно враги свободы, и болѣе, чѣмъ кто

„либо изъ тѣхъ, о комъ уже говорили.“ Въ это „же засѣданіе Сенъ-Жюстъ изъяснилъ однимъ сло-„вомъ великую мысль Комитета народнаго бла-„га; онъ сказалъ, что Республика не можетъ „утвердиться во Франціи, пока не будетъ истре-„блено все, что ей противится. Слыша нынѣ, что „мятежники и нѣкоторые Журналисты называютъ „*аристократами* торговцевъ, лавочниковъ (соб-„ственное выраженіе Базира), національную гвар-„дію, когда она старается о сохраненіи обще-„ственнаго порядка, и даже избирателей, кото-„рые, вѣроятно, этого не замѣтили, занимаясь „нападеніями на наслѣдственность Перовъ, я по-„думалъ, что катехизисъ Конвента снова введенъ „въ употребленіе, и Гг. избиратели, не думая о „будущности, ихъ ожидающей, называютъ Палату „гнѣздилищемъ аристократизма!“ Потомъ Г. Фицъ-Джемсъ изобразилъ мрачными красками нынѣшнее положеніе Франціи, и утверждалъ, что единственное средство выйти изъ этого положенія есть созваніе Генеральныхъ Штатовъ. Въ заключеніи своей рѣчи Ораторъ объявилъ, что чѣмъ бы ни кончились эти пренія, онъ не останется болѣе въ Палатѣ.

На эту рѣчь отвѣчалъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ; онъ старался доказать, что Генеральные Штаты никогда не были истиннымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія, и что требовать ихъ въ нынѣшнее время можно развѣ только для того, чтобы воспользоваться для выгодъ своей партіи безпорядкомъ, который неминуемо долженъ послѣдовать за созваніемъ оныхъ.

Графъ Моле сказалъ, что, защищая наслѣд-

ственность Перскаго достоинства, онъ ни сколько не надѣется убѣдить Палату, что вопросъ сей кажется ему уже окончательно рѣшенымъ, но что онъ долгомъ почитаетъ высказать свое мнѣніе. Онъ твердо увѣренъ, что Перское достоинство не можетъ существовать безъ наслѣдственности, и что уничтоженіе оной есть первый и самый трудный шагъ къ Республикѣ.

На другой день *Графъ Сенъ-При* говорилъ въ пользу закона. По его мнѣнію, наслѣдственность есть необходимая принадлежность Перскаго достоинства; но уничтоженіе оной, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, жертва необходимая для избѣжанія потрясеній.

Герцогъ Пiаченцкій (le Duc de Plaisance) не одобряетъ категорій, принятыхъ Палатою Депутатовъ, потому что онѣ слишкомъ расширяютъ кругъ избираемыхъ; онъ подаетъ голосъ въ пользу измѣненія въ семъ законѣ, которое намѣренъ предложить Графъ Дежанъ.

Маркизъ Дре-Брезе полагаетъ, что Перское достоинство можетъ быть только двухъ родовъ: или наслѣдственное съ Королевскимъ назначеніемъ, или пожизненное избирательное. Мнѣніе о Генеральныхъ Штатахъ Графа Себастіани почитаетъ онъ несправедливымъ, и только тогда бы согласился отказаться отъ наслѣдственности, когда бы они того потребовали.

Графъ де Ри (Clément de Ris) опровергаетъ разсужденія Герцога Фицъ-Джемса, и сравнивая наслѣдственное Перское достоинство съ пожизненнымъ, отдаетъ преимущество послѣднему. Перу несравненно должно быть пріятнѣе, говоритъ онъ, если сынъ его получитъ мѣсто отца своего по собственному достоинству, нежели по праву рожденія. Онъ подаетъ голосъ въ пользу принятаго Палатою Депутатовъ проекта закона.

Графъ де Семезонъ (Donatien de Sesmaisons) говоритъ, что онъ не поколебался бы сложить Перское достоинство на алтарѣ отечества; но что онъ не почитаетъ этой жертвы полезною, и что никто, кромѣ Генеральныхъ Штатовъ, не можетъ оной требовать. Въ заключеніе рѣчи своей онъ сказалъ, что, впрочемъ, всѣ разсужденія безполезны, ибо вновь пожалованные Перы, конечно, должны упрочить Министерскому проекту большинство голосовъ въ Палатѣ.

При сихъ словахъ *Герцогъ Бассано* всталъ и сказалъ слѣдующее: „Господа! благодарю послѣдняго Оратора за то, что онъ доставилъ мнѣ случай сдѣлать объясненіе необходимое. Пожалованіе насъ въ Перы почитали мы почестію, возданною нашему рвенію къ общественному благу, нашей преданности къ престолу и наградою заслугъ нашихъ отечеству и долгихъ страданій, за него понесенныхъ. Если при этомъ назначеніи Королевскій Совѣтъ дѣйствительно имѣлъ подобную цѣль, то ни одинъ изъ насъ объ этомъ не знаетъ, никто не спрашивалъ нашего мнѣнія о вопросѣ, вамъ предложенномъ, и голосъ нашъ столь же свободенъ, какъ и вашъ, господа!" (Изъясненіе сіе принято Палатою съ большимъ одобреніемъ.)

Герцогъ де Ноаль (de Noailles) долгомъ почитаетъ возстать противъ предлагаемаго Палатѣ проекта. По его мнѣнію, представительное Правленіе не можетъ существовать безъ аристокра-

тіи, а для сохраненія оной необходима наслѣдственность. Между прочимъ сказалъ онъ: „Ахъ, „господа, когда перестанемъ мы разрушать, ко„гда же начнемъ мы возсозидать? Неужели въ по„слѣднія сорокъ лѣтъ еще мало видѣли мы вѣнцевъ „и скипетровъ разбитыхъ, государственныхъ „установленій принятыхъ и уничтоженныхъ! Не„ужели мы подобны тѣмъ народамъ, о которыхъ „говоритъ Тацитъ, и которые неспособны ни къ „деспотизму, ни къ свободѣ, и осуждены никогда „не наслаждаться тишиною и спокойствіемъ? „Намъ говорятъ, что мы должны покориться не„обходимости; но развѣ не должны мы защищать „установленіе, необходимое для сохраненія ны„нѣшняго образа правленія? Ахъ, господа! когда „однажды начнутъ разрушать общественное зда„ніе, кто знаетъ, гдѣ остановится это разру„шеніе, кто знаетъ, не дойдутъ ли наконецъ и до „самыхъ основаній онаго? Палата Перовъ доселѣ „противилась сему потоку, но нынѣ потокъ сей „и ее увлекаетъ, и дай Богъ, чтобы она была „послѣднею жертвою!“

Въ засѣданіи 24 Декабря *Графъ Корнюде* подалъ голосъ въ пользу принятаго Палатою Депутатовъ проекта. *Маркизъ Мортемаръ* сказалъ, что онъ охотно бы согласился на нѣкоторое измѣненіе въ Перскомъ достоинствѣ, но не можетъ согласиться на уничтоженіе наслѣдственности, необходимой принадлежности онаго. „Ежели вы рѣ„шитесь на оное,“ сказалъ онъ въ заключеніи своей рѣчи: „то какія политическія причины проти„вопоставите вы уничтоженію наслѣдственности

„трона, если бы другая Палата Депутатовъ взду„мала предложить сію мѣру?“

Министръ Народнаго Просвѣщенія произнесъ длинную рѣчь въ защиту принятаго Палатою Депутатовъ проекта. Онъ старался доказать, что уничтоженіе наслѣдственности Перскаго достоинства не имѣетъ ни какой связи съ уничтоженіемъ наслѣдственности трона и гражданскаго права наслѣдованія; что одна безъ другой удобно существовать можетъ, и это доказывается примѣромъ Рима, гдѣ верховная власть была наслѣдственною только при началѣ и при концѣ своемъ; наслѣдственность достоинства Патриціевъ еще не доказана, но гражданское право наслѣдованія никогда не было оспориваемо, и примѣромъ Америки, въ которой политическая наслѣдственность не существуетъ, а сынъ спокойно наслѣдуетъ отцу своему. Потомъ онъ старался убѣдить Палату Перовъ въ необходимости утвердить принятый Палатою Депутатовъ проектъ закона, котораго уже нельзя отринуть, не подвергнувъ Государства сильнымъ потрясеніямъ и весь общественный порядокъ крайней опасности.

Графъ Симеонъ, изложивъ всѣ причины, которыя можно привесть въ пользу наслѣдственности, заключилъ рѣчь свою увѣреніемъ, что предлагаемый проектъ можно отвергнуть точно такъ же, какъ и другой, безъ малѣйшей опасности, и что Палата Перовъ имѣетъ на то неоспоримое право.

Графъ Ларошъ-Эмонъ (Laroche-Aymon) думаетъ, что Палата Перовъ должна пожертвовать на-

слѣдственностію обстоятельствамъ и необходимости.

Графъ Беранже произнесъ длинную рѣчь противъ проекта, и объявилъ, что если наслѣдственность будетъ уничтожена, онъ немедленно сложитъ съ себя званіе Пера.

Графъ Порталисъ заключилъ засѣданіе блистательною рѣчью противъ проекта. Къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ намъ разобрать ее.

Палата Депутатовъ.

Въ засѣданіи 19 Декабря, Г. Сальвертъ требовалъ отъ Министровъ объясненій по дѣламъ Ліонскимъ. „Всякому извѣстно," сказалъ онъ, что смятенія, тамъ случившіяся, происходятъ отъ причинъ весьма отдаленныхъ. Министры должны были знать оныя и предупредить ихъ дѣйствія. Зачѣмъ же они этого не сдѣлали?" Потомъ онъ спрашивалъ: правда ли, что въ Ліонѣ былъ весьма слабый гарнизонъ; что мѣстное начальство, ослабленное отсутствіемъ Королевскаго Прокурора, присутствующаго въ Палатѣ Депутатовъ, и несогласіемъ гражданскихъ властей съ военными, жаловалось сверхъ того на недостаточность Полиціи? Г. Сальвертъ не вѣритъ, чтобы политика не имѣла ни какого участія въ сихъ происшествіяхъ, и приписываетъ ихъ вліянію Іезуитовъ.

Г. Фюльширонъ старался доказать, что единственною цѣлію возмущенія Ліонскихъ работниковъ было заставить фабрикантовъ принять тарифъ тягостный и неудобоисполнимый, но что они были возбуждены къ сему дурно понятыми правилами Сенъ-Симонистовъ.

Г. Пажесъ утверждалъ, что причина Ліонскихъ смятеній общая всей Франціи: бѣдность, и что почти во всѣхъ городахъ должно ожидать подобныхъ явленій.

Г. Дюпенъ старшій не вѣритъ, чтобы политика не имѣла участія въ сихъ происшествіяхъ и, подобно Г. Сальверту, приписываетъ оныя вліянію Іезуитовъ. Онъ старался оправдать Министерство, и доказывалъ, что оно сдѣлало все, что можно, для облегченія страданій низшаго класса народа.

Г. Могенъ утверждалъ, что Министры виною всѣхъ бѣдствій Франціи, и обвинялъ ихъ въ томъ, будто они во время происходившихъ въ Парижѣ смятеній нанимали работниковъ, чтобы убивать воспитанниковъ Политехнической и другихъ школъ. Министры доказали разными документами нелѣпость сего обвиненія, и Г. Президентъ Совѣта заключилъ засѣданіе чтеніемъ полученнаго имъ, въ продолженіе онаго, письма Генерала Пажоля о томъ, что около 1500 студентовъ и другихъ молодыхъ людей шли процессіею для привѣтствованія Генерала Ромарино, но были разсѣяны отрядомъ муниципальной гвардіи.

Въ засѣданіи 20 Декабря продолжались тѣ же объясненія. Президентъ Совѣта и Министръ Торговли доказали перепискою своею съ Префектомъ Ронскаго Департамента, Г. Бувье-Дюмоларомъ, что по недостатку донесеній отъ него, имъ невозможно было ни предупредить составленія извѣстнаго тарифа, ни уничтожить онаго, чего впрочемъ не позволяло и благоразуміе.

Во время сего засѣданія случилось непріят-

ное происшествіе. Утомленный длинною своею рѣчью, Г. Казимиръ Перье удалился въ одну изъ смежныхъ съ Палатою залъ, назначенную для Депутатовъ; но Г. Дюмоларъ проникъ въ эту комнату и оскорбилъ Г. Президента Совѣта непристойными словами. Многіе Депутаты требовали, чтобы квесторы Палаты взяли Г. Дюмолара подъ стражу, но Казимиръ Перье этому воспротивился. Потомъ онъ возвратился въ залу собранія, окончилъ свои объясненія — и Палата, признавъ оныя удовлетворительными, опредѣлила перейти къ другимъ своимъ занятіямъ (passe à l'ordre du jour). Предложеніе о семъ принято весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Въ засѣданіяхъ 21 и 22 Декабря происходили объясненія о наймѣ работниковъ, о которомъ говорилъ Г. Могенъ. Министры опровергли неоспоримыми доказательствами всѣ обвиненія своихъ противниковъ, и Палата опредѣлила перейти къ другимъ своимъ занятіямъ. Сверхъ того въ засѣданіи 22 числа предложеніе Г. Кормененя объ отмѣненіи закона 11 Сентября 1807 года о чрезвычайныхъ пенсіяхъ, принято, безо всякихъ преній, большинствомъ 263 голосовъ противъ 15.

23 Декабря Палата слушала донесеніе Коммиссіи, разсматривавшей прошеніе Аббата Сонье о дозволеніи позвать Г. Казимира Перье, въ качествѣ Депутата, къ суду за закрытіе монастыря Траппистовъ, бывшихъ подъ начальствомъ сего Аббата. Разсужденія по сему предмету отложены до 31 Декабря. За тѣмъ Военный Министръ предложилъ проектъ закона о воззваніи на службу 80.000 человѣкъ изъ набора 1831 года для укомплектованія арміи. Въ заключеніе Палата утвердила большинствомъ 218 голосовъ противъ 32, предложеніе Г. Порталиса въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Законъ о годичномъ поминовеніи въ день 21 Января отмѣняется." Въ семъ же засѣданіи выслушаны рѣчи Г. Делаборда и Карла Дюпена о законѣ объ учрежденіи складочныхъ мѣстъ въ нѣкоторыхъ городахъ внутреннихъ провинцій.

Въ засѣданіи 24 Декабря слушаны разныя прошенія, и проектъ закона о проведеніи Пиренейскаго канала для соединенія Средиземнаго моря съ Океаномъ утвержденъ большинствомъ 179 голосовъ противъ 59.

Королевскими повелѣніями 8 и 11 Декабря исключены изъ счетовъ пенсіи Перамъ, пожалованнымъ въ царствованіе Карла X-го, всего на 162,000 фр., и Перамъ, отказавшимся отъ присяги нынѣшнему Королю, всего на 273,500. Наконецъ нѣкоторыя изъ пенсій, пожалованныхъ на основаніи закона 11 Сентября 1807 года, уничтожены, а другія уменьшены, всего на 80,000 фр.

Г. Бувье-Дюмоларъ исключенъ Королевскимъ повелѣніемъ изъ числа Государственныхъ Совѣтниковъ, и уволенъ отъ должности Префекта Ронскаго Департамента; на мѣсто его опредѣленъ Г. Гаспаренъ.

Въ Греноблѣ происходили смятенія по случаю взысканія подашей; народъ ворвался въ домъ сборщика оныхъ и сжегъ счетныя его книги; національная гвардія отказалась разогнать мятежниковъ; но на другой день мѣстному началь-

ству удалось успокоить народъ, и безпорядки прекратились. Нѣсколько человѣкъ взято подъ стражу.

Англія.

Въ засѣданіяхъ Нижней Палаты 16 и 17 Декабря происходили пренія по случаю втораго чтенія билля о реформѣ; Лордъ Ворчестеръ предложилъ отложить оное на шесть мѣсяцевъ, но предложеніе сіе отвергнуто и второе чтеніе рѣшено большинствомъ 324 голосовъ противъ 162 (ровно двѣ трети). Засѣданія Палаты отложены до 17 Января.

Изъ Ирландіи получены извѣстія о новыхъ смятеніяхъ, происшедшихъ въ Графствѣ Килькенни по случаю взиманія десятины; при семъ убиты осьмнадцать полицейскихъ служителей и начальствовавшій надъ ними Капитанъ.

Разныя извѣстія.

Торрихосъ и 52 человѣка его соучастниковъ разстрѣляны. Въ числѣ ихъ были двое изъ Кортесовъ 1820 года, Гг. Гольфинъ и Флоресъ Кальдеронъ.

Нефшательскіе мятежники приблизились къ сему городу, но были разбиты тамошними войсками. Буркенъ, бѣжавшій въ Кантонъ Вадтскій, взятъ подъ стражу и шайка его обезоружена.

31-го Декабря.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА И СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1832 №. II.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛАТНИКЪ.

(Продолженіе.)

„Бросьте въ огонь — только дайте мнѣ расписку, что получили отъ меня Наполеона въ цѣлости,“ ворчалъ Аудиторъ сквозь зубы. Плѣнникъ приблизился — и мы съ жадностію, почти съ трепетаніемъ страха и надежды, устремили на него глаза: передъ нами стоялъ тамбуръ-мажоръ какого-то егерскаго Французскаго полка, съ преглупою и вмѣстѣ съ прежалкою рожею; общипанный мундиръ съ полинявшими галунами, треугольная шляпенка на головѣ, и на ногахъ, вмѣсто сапоговъ, Русскія рукавицы — вотъ, въ какомъ видѣ представился намъ двойникъ всемірнаго завоевателя. Надобно къ этому

прибавить, что, избѣгнувъ побоища, онъ былъ блѣденъ, какъ смерть, исключая носа, изъ котораго и самъ страхъ не могъ выжать виннаго румянца. Онъ трепеталъ всѣмъ тѣломъ — потому что солдаты, въ жару патріотизма, провожали барабаннаго Императора, кажется, не однѣми угрозами. — Мы покатились со смѣху. Аудиторъ между тѣмъ, выставя одну ногу впередъ, и водя чуть не по лицу плѣнника указательнымъ пальцемъ, началъ разбирать его по частямъ. „Видите ли вы этотъ желтый, пергаминный лобъ, на которомъ написаны его сатанинскіе замыслы? видите ли этотъ ястребиный носъ, который за тысячу верстъ чуетъ добычу? видите ли зеленые, какъ у змѣя, глаза, которыми онъ на яву морочитъ человѣка, эти коротенькія руки съ длинными когтями, это крутое брюхо, которое было не сыто, проглотивъ цѣлкомъ Европу?.. Видите ли, что у него на лицѣ написано число 666, онъ же есть антихристъ, сирѣчь Апполіонъ, то-есть, Наполеонъ Бонапартъ!“

„Прокатись-ка верхомъ, любезный Лука Андроновичъ, на этомъ плѣнникѣ — ты будешь — точно грѣхъ на звѣрѣ Апокалипсиса!“

„Не подъ сѣдло, а подъ ноги Русскихъ надо низвергнуть этого супостата. Зачѣмъ

ты навалился на Русь съ двудесятью языкъ? Говори, отвѣчай, не заминайся!“ вскричалъ Аудиторъ: „признайся... кто у тебя были на Руси сообщники?“ — Бѣдняга тамбуръ-мажоръ стоялъ ни живъ, ни мертвъ, и дрожалъ словно осиновый листъ, видя, какъ пѣтушится около него Аудиторъ, котораго безъ сомнѣнія онъ считалъ по крайней мѣрѣ главнымъ начальникомъ отряда. „Mon capitaine, mon colonel, mon général“ твердилъ онъ ему при каждомъ словѣ, прося пощады; но тотъ не хотѣлъ принимать отъ Корсиканскаго выходца ни даже маршальскаго достоинства. Наконецъ намъ стало жаль этого копѣечнаго Наполеона — и я, попрося нашего героя успокоиться — сказалъ ему, что онъ очень ошибся въ своемъ призѣ — что это ни больше, ни менѣе, какъ Французскій тамбуръ-мажоръ — т. е. почти барабанный староста.“

„Хитрости, притворство, лицемѣріе!“ воскликнулъ нашъ Аудиторъ — „вотъ еще новости — тамбуръ-мажоръ! — По барабану этого старосты плясала вся Европа — такъ пускай теперь спляшетъ по нашей дудкѣ.

— Какъ ты ни зовись, мусье Наполеонъ, чѣмъ ты ни прикидывайся, а не миновать тебѣ желѣзной клѣтки, какъ Пугачову: будешь въ птичьемъ ряду въ Москвѣ на потѣху ребятишкамъ! Вы, Г-нъ Ротмистръ,

какъ я усматриваю, хотите измѣнить отечеству, и отпустить этого антихриста — такъ знайте, что если это сбудется, я донесу обо всемъ высшему начальству. — Будьте увѣрены, я возьму свое... ни пенсія, ни приданое не ускользнутъ отъ моихъ рукъ!"

Я вовсе не былъ расположенъ сердиться, и потому очень скромно, однако жъ твердо сказалъ ему, чтобы онъ не вмѣшивался въ мои распоряженія; что если мнѣ дана власть, то само собой разумѣется, возложена за нее и отвѣтственность, только не передъ нимъ; что по окончаніи наѣзда, онъ можетъ доносить, что угодно и кому угодно, но когда будетъ писать объ этомъ приключеніи—то не худо бы прибавить туда статью — что онъ, Г-нъ Аудиторъ 12 класса, представленный къ ордену Св. Анны 3-й степени, былъ не въ полномъ разумѣ."

„Эта статья будетъ излишняя," замѣтилъ Поручикъ, пуская ему подъ носъ клубы дыму: — „и безъ нее никто въ этомъ не усомнится. — Впрочемъ, я не знаю, любезный Ротмистръ, почему бы не послать въ Главную квартиру Луку Андроновича курьеромъ вмѣстѣ съ этимъ Наполеономъ — они развеселили бы всю армію на цѣлую недѣлю."

Аудиторъ принялъ это за чистыя деньги, и вытянулся, какъ фельдъегерь, готовый

получить подорожную. Но я въ такомъ же тонѣ возразилъ, что, по недостатку въ нашемъ отрядѣ хлѣба и водки, для насъ самихъ необходимо подобное ободреніе. Я велѣлъ между прочимъ стеречь этого плѣнника, да осмотрѣть его.

„И всеконечно осмотрѣть!" вскричалъ Аудиторъ: „говорятъ, супостатъ завсегда носитъ въ перстнѣ ядъ. Умри онъ — такъ и поминай какъ звали дочь Платова, невѣсту мою."

„Разумѣется, осмотрѣть;" примолвилъ насмѣшливо Поручикъ: — „того и гляди, что у него носъ заряженъ картечью — сохрани Боже, чихнетъ, такъ и жениху не уйти."

„Мы ужъ и то обшарили его до самой кожи, Ваше Благородіе," отвѣчалъ одинъ изъ гусаровъ: — „да ничего не нашли въ карманахъ, кромѣ двухъ накрахмаленныхъ воротниковъ и фабренной щеточки."

Разсерженный Аудиторъ усѣлся въ углу, что-то ворча про себя. Плѣнника увели очень довольнаго, что избѣгнулъ побоища по счастливой ошибкѣ. Мы съ Поручикомъ усѣлись у огня. Не прошло пяти минутъ, къ намъ опять тащатъ другаго плѣнника: казаки, которые чуютъ золото лучше всякаго горнаго офицера, то пробуя шомполомъ стѣны и полъ на звукъ, то наливая воду на землю,

чтобы угадать по тому, скоро или медленно она всасываетъ ее — не взрыта ли она недавно, то перерывая даже золу въ печкахъ — казаки, говорю, вытащили съ чердака эконома замка, предобраго старика. Ободривъ его ласковыми словами, мы отъ нѣчего дѣлать принялись его разспрашивать, чей это замокъ, и то и сіо, и пятое, и десятое. Вотъ вамъ въ коротке, что разсказывалъ дворецкій:

„Помѣстье Треполь родовое Князей Глинскихъ. Послѣдній изъ нихъ, Наримунтъ Глинскій, мой добрый старый господинъ — помяни Богъ душу его, имѣлъ дочь Фелицію — панну, такую красавицу — что заглядѣнье. Жениховъ около нее вилось словно пчелъ около майскаго розана, только она отъ нихъ отшучивалась; видно мила ей казалась воля дѣвическая. Въ околоткѣ года за три до этого расположена была Русская артиллерійская рота... Ею командовалъ Капитанъ... дай Богъ памяти — имя такое мудреное, что нейдетъ ни въ умъ, ни изъ памяти. Собою былъ онъ человѣкъ рослый, видный — молодецъ лицемъ и поступью, а ужъ сердцемъ, да обычаемъ, такъ что̀ твоя красная дѣвушка! Онъ стоялъ въ замкѣ.. съ панной Фелиціей бывалъ съ утра до позднягo вечера.... молодежь-то крѣпко полюбилась другъ другу, да и самъ Князь былъ не прочь сыграть

свадьбу, благословить дочь за Капитана: онъ страхъ любилъ Русскихъ: все бывало говаривалъ, что онъ самъ Русской крови. Вотъ ужъ дѣло пошло и на ладахъ. Капитанъ былъ повѣщенъ женихомъ панны Фелиціи: онъ и она были чуть не въ небѣ отъ радости; да и вся дворня и хлопы, не то что сосѣди, не нарадовались, что у нихъ будутъ такіе добрые господа. На бѣду ли, на грѣхъ, передъ самымъ шлюбомъ (свадьбою) пишетъ мать къ Капитану, что она больна и хотѣла бы благословить его своей рукою, на совѣтную жизнь и на всякое счастье... Капитанъ свернулся мигомъ въ дорогу... слезъ-то слезъ было на разстаньяхъ, что не приведи Господи — индо вчужѣ сердце разрывалось. — Панна Фелиція упала въ обморокъ, когда онъ сѣлъ на коня — вѣтеръ замелъ слѣды его на пескѣ — Богъ не судилъ жениху воротиться. Здѣсь жилъ тоже дальный родственникъ старому Князю, Грабе Остроленскій. Лицемъ, нечего сказать, красавецъ — за то душею вьюнъ: онъ опуталъ старика сѣтью шелковою, да и къ жениху подпалъ онъ такимъ другомъ — что ни тотъ, ни другой не пили, не ѣли безъ него. Про между тѣмъ онъ изъподтишка больно зарился на панну Фелицію, и спряталъ въ сердцѣ досаду, когда Капитанъ оторвалъ у него отъ губъ подвѣнечную ча-

ру. Чуть уѣхалъ Капитанъ, Грабе сталъ разсыпаться мелкимъ бѣсомъ пуще прежняго: улещаетъ старика, плачетъ словно отъ луку съ невѣстою. Ужъ не вѣдаю, какъ это сталось, только мы стали получать отъ Капитана письма день ото дня рѣже, и съ часу на часъ холодѣлъ къ нему старый Князь Наримунтъ. Вѣстимо, панове, дѣло заглазное; оправдать его было нѣкому, а наговаривать на далекаго нашлись добрые люди! Грабе, какъ жаба, лежалъ у старика на ухѣ. Вотъ и совсѣмъ перепала вѣсть о женихѣ; мѣсяца съ четыре ни слуху, ни духу, ни загадочки. Панна Фелиція не осушала очей на солнышкѣ: сидитъ, бывало, въ своей комнатѣ подъ окномъ, глядитъ на дороженьку, да горюетъ бѣдняга. Привозитъ однажды ѣздовой изъ города почту. Господа въ то время сидѣли за столомъ тихо, печально, словно на похоронахъ. Только панъ Грабе шутилъ и смѣялся, чтобы развеселить гостей. — Подалъ ѣздовой Князю связку писемъ — на верху одно съ черною печатью. Открылъ Князь, прочелъ его, и молча, передалъ дочери... Не успѣла та заглянуть въ него — вдругъ поблѣднѣла, какъ платокъ — то была страшная вѣсточка для невѣсты — женихъ ея умеръ.

„Время текло у насъ тише воды; въ гостиныхъ было, какъ на кладбищѣ. Не прошло

полугода — слышимъ объявляютъ, что панъ Грабе Остроленскій женится на нашей Ксенжничкѣ (Княжнѣ)! У дѣвушекъ коротка память, — панна Фелиція однако жъ не забыла прежняго милаго: ее принудили выбрать другаго. Отецъ твердилъ то и дѣло: я не проживу долго; дай себя увидѣть не сиротою; выйди, да выйди за мужъ за Грабія: надо было потѣшить отца на старости лѣтъ. У насъ отпраздновали свадьбу. Нѣчего и говорить, что всего было вдоволь, всего, кромѣ радости — про любовь ни помину. Не прошло мѣсяца, все оборотилось у насъ вверхъ дномъ. Пану Грабе нужно было не сердце, а приданое Фелиціи. Старикъ отдалъ ему полную волю въ домѣ и въ имѣньѣ, да и сталъ у себя первымъ невольникомъ. Никому не стало житья отъ новаго господина. Онъ сбилъ со двора даже старыхъ собакъ, не то что покоевцевъ и ловчихъ. А ужъ глядѣть на нашу милую пани Фелицію — такъ сердце кровью заливается: чего то, чего она не перенесла отъ злости мужа! Попреками, да укорами отравлялъ онъ ей каждую ложку за обѣдомъ, и наконецъ до того мучилъ ее, что заставилъ принимать къ себѣ свою отъявленную любовницу — настоящую змѣю подколодную, которая, бывало, спитъ и видитъ, какъ бы огорчить нашу голубку своею наглостью.

Бѣдная Графиня сохла, какъ былинка на камнѣ, таяла какъ свѣча воску яраго — плакала передъ однимъ Паномъ - Богомъ, и молчала передъ добрыми людьми. Правду сказать, добрые люди скоро покинули замокъ нашъ — ворота заросли травою и двери въ столовой приржавѣли къ петлямъ — Богъ снялъ свое благословеніе съ маіонтка Княжаго послѣ смерти старика Наримунта. То дождь вытопитъ луга, то градъ побьетъ хлѣба, то звѣрь попортитъ стадо; а карты, эта бѣсовская грамота, разсыпали по чужимъ карманамъ дѣдовское серебро и золото. Напировавшись со своими панибратами до сыта, Графъ сталъ уѣзжать, Богъ вѣсть куда. Настала осень: желтый листъ засыпалъ дорожки сада — однако барыня, не глядя на вѣтеръ, бродила по немъ будто на прощаньѣ со Божьимъ свѣтомъ. Въ одинъ день въ сумерки (тутъ дворецкій оглянулся во всѣ стороны, и увѣрясь, что его никто не подслушиваетъ — перекрестился — и, понизивъ голосъ, продолжалъ) — это разсказывалъ мнѣ покоевецъ, который завсегда издали ходилъ за нею... Въ одинъ день въ сумерки, она возвращалась тихими шагами въ замокъ — печальна, блѣдна, потупивъ голову... какъ вдругъ передъ ней сталъ всадникъ на вороной, какъ воронье крыло, лошади... Покоевецъ присягалъ на

свою душу, что всѣ двери сада были заперты накрѣпко, и что онъ не слыхалъ ни топоту, ни ржанія конскаго — онъ явился какъ тѣнь, спрыгнулъ долой и схватилъ Графиню за руку. Между тѣмъ, какъ перепуганный покоевецъ стоялъ какъ вкопаный, — всадникъ что-то тихо и долго говорилъ съ нею... что-то похожее на поцѣлуй раздалось въ потьмахъ — и вдругъ Графиня застонала пронзительно... когда слуга подбѣжалъ къ ней, чернаго всадника ужъ не было! На утро не нашли даже конскихъ слѣдовъ по дорожкамъ сада. Спрашивать о томъ Графиню никто не смѣлъ; сама она молчала. Когда ей послѣ этого испуга предложили лекарство, она отвѣчала, что все напрасно... что она знаетъ навѣрное часъ своей смерти, и что едва прорѣжется рогъ у новаго мѣсяца, ея не станетъ. Съ той поры въ каждую Пятницу сиживала она по вечерамъ въ этой самой комнатѣ, одна одинехонька съ своею собачкою, до поздней ночи, безъ свѣчекъ... и словно съ кѣмъ разговариваетъ. — Здоровье ея стало на закатѣ, часъ отъ часу плоше: похудѣла, хоть насквозь гляди... и вотъ на ущербѣ мѣсяца ей стало очень трудно — а все еще на ногахъ бродила. Въ четвертую Пятницу она опять пришла сюда сидѣть у этого окошка и глядѣть на поле, покрытое снѣ-

гомъ. Било ужъ 11 ночи... вдругъ всѣ ея ближніе послышали: кто-то всходитъ тяжелой стопой на лѣстницу. — Что за диво! наружныя двери я самъ заперъ крѣпко на крѣпко. — Слушаемъ: чудится, будто Графиня съ кѣмъ-то разговариваетъ... тише, тише, тише — все утихло. Со страхомъ вбѣжали въ комнату ея панны: глядь, Графиня лежитъ на софѣ въ обморокѣ... Назавтра поутру пріѣхалъ Грабе изъ Вильны и въ слѣдующую ночь — когда блеснулъ ноготокъ молодаго мѣсяца — она скончалась. Радость, которую нашъ Панъ не хотѣлъ и скрывать... мучительная кончина Графини такъ скоро послѣ его пріѣзда и синія пятна проступившія на лицѣ покойницы — все это, панове, свело на него подозрѣнье, будто Графиня умерла отъ яду. И то сказать: кого не любятъ за дѣло, на того сплетаютъ и небылицы... Богъ судья, правда ли это; осудитель Богъ, если это правда! — Только Графъ, едва переждавши три мѣсяца послѣ похоронъ, женился на прежней своей любовницѣ. Сказывали, что на кладбищѣ у кляштора, гдѣ положена Графиня Фелиція, три раза послѣ того являлся черный всадникъ, невѣдомо откуда, скрывался невѣдомо куда. Такъ прошло два года. Грабе нашъ, схоронивъ съ первой женою совѣсть послѣднюю, разорилъ крестьянъ, измучилъ

всѣхъ насъ и наконецъ отослалъ въ землю и вторую жену. Послѣ этого, слава Пану Богу, онъ уѣхалъ служить во Францію, и съ тѣхъ поръ мы не видали его до вчерашняго дня: онъ воротился бѣглецомъ изъ Москвы, какъ разъ возмутилъ всю околицу, скликалъ шляхту, вооружилъ неволею слугъ и хлоповъ своихъ, чтобы драться противъ Русскихъ, до смерти: ему вѣстимо не жить въ родинѣ — имѣнья и добраго имени не выкупить изъ чернаго долга. Вы видѣли, что онъ рубился за-на пропалую. Однако жъ у него въ саду заготовлена была лошадь для побѣгу, и наши сказывали, что панъ ускакалъ, когда увидѣлъ бѣду неминучую. Дай Панъ Богъ, чтобы онъ никогда къ намъ не ворочался!“

Старикъ кончилъ. Я успокоилъ и выслалъ его. Аудиторъ спалъ въ углу, сидя, мертвымъ сномъ; Поручикъ сидѣлъ въ глубокой думѣ передъ каминомъ. Простой разсказъ дворецкаго насъ тронулъ обоихъ. „Какъ несправедливо жалуются писатели, будто мы живемъ не въ романическомъ вѣкѣ!“ сказалъ я. „Пусть они заглянутъ въ деревни, въ маленькіе городки, гдѣ еще не истерлась характерность и особенность съ лицъ, и они найдутъ неисчерпаемый источникъ, ключъ прямо Русскій, самородный безъ примѣси. Притомъ, покуда существуютъ страсти и слабости, развивае-

мыя обстоятельствами или связанныя узами приличія, человѣкъ всегда будетъ любопытенъ, занимателенъ для человѣка; — каждый вѣкъ только обновляетъ новыми образами сердце. Я увѣренъ, что, перебравши тайныя преданія каждаго семейства, въ каждомъ можно найти множество разнообразныхъ происшествій и случаевъ необыкновенныхъ. Сколько ужасовъ схоронено въ архивной пыли судебныхъ лѣтописей! — но во сто разъ болѣе таится ихъ въ самомъ блестящемъ обществѣ! Я зналъ многихъ, которые подписывали чуть не смертные приговоры съ гордымъ лицемъ, на которомъ бы должно лежать заслуженное клеймо отверженія; я зналъ людей, которые громко вопіяли противъ порока, и не заглушили тѣмъ голосъ сознанія въ собственныхъ злодѣяніяхъ!! . Но оставя умышленное, сколько еще остается случаевъ отъ невѣдѣнія, отъ неопытности, отъ заблужденія!“ Зарницкій молчалъ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ мы привыкли называть мечтателями: отъ самой шумной веселости, отъ самаго насмѣшливаго разговора отпадалъ онъ вдругъ въ глубокую думу, въ грусть неразвлекаемую, и тогда вы бы сказали, глядя на его неподвижныя очи, что передъ вами одинъ трупъ его, а душа улетѣла. Въ другое время, напротивъ, вы бы

могли видѣть на лицѣ его всю игру мыслей, какъ работу пчелъ въ стекляномъ ульѣ. Въ этотъ разъ онъ будто пробѣгалъ даль: то словно самъ чего-то бѣжалъ съ робостію, то улыбался младенчески.

„Другъ!“ сказалъ я, тихонько ударивъ его по плечу: „вѣрно душа твоя была теперь въ домовомъ отпуску?“

„Правда,“ отвѣчалъ онъ, очнувшись: „тишина и сумерки стелютъ моему воображенію мостъ на родину. Разсказъ этого старика освѣжилъ во мнѣ многія картины изъ моего младенчества, изъ моей юности. Но всего болѣе эта унылая пѣсня сырыхъ дровъ, это завыванье трубы, словно призывъ какого-то великанскаго рога, напомнили мнѣ старину, когда, лежа въ постели, я любилъ слушать вѣтеръ, стонущій сквозь трубу печки. Чугунная вьюшка звучала, какъ далекій погребальный колоколъ, и зимняя вьюга, сыпля иглами инея въ стекла, разсыпалась едва слышною гармоникою. Какой-то новый міръ вовсе незнакомый, ощутительный, но безвидный, обнималъ меня; какія-то чудныя существа тѣснились къ душѣ. . . мнѣ казалось, я слышу лепетъ ихъ крыльевъ, шумъ, стонъ, жаръ дыханія, невнятный ихъ говоръ. Еще болѣе... порою передо мной вились, сверкали, огнились символическія ихъ письмена, кото-

рыя вмѣстѣ были и буквами и живыми образами; самые звуки принимали на себя какую-то неопредѣленную форму — не умѣю выразить, что бывало со мной въ этой дремотѣ — я трепеталъ, какъ струна, издающая божественный голосъ; томный и вмѣстѣ сладостный ужасъ пробѣгалъ по моимъ жиламъ: я хотѣлъ постичь его, и болѣзненно сознавался, что природа не дала самой душѣ органовъ для вкушенія этого безъименнаго чувства; на меня находила тогда тоска; я походилъ на человѣка, который страстно любитъ музыку, и страждетъ случайною глухотою. Бывало, завернувшись въ одѣяло съ головою, изъ подобнаго состоянія я переливался въ чуткій сонъ; и въ немъ еще явственнѣе, еще живѣе мои видѣнія кружились около; но тогда я уже самъ становился дѣйствующимъ лицемъ: говорилъ какъ Демосѳенъ, читалъ невѣдомыя, прелестнѣйшія поэмы, но отъ нихъ при пробужденіи оставалось во мнѣ только ощущеніе восторга, только слеза умиленія. То ли еще: я леталъ птицею въ безднахъ, я плавалъ какъ рыба, я какъ воздухъ проницалъ въ глубь земли. Мнѣ видѣлось, что я могъ глядѣться въ душу свою, и чужія рѣчи и мои мысли вставали, проходили передо мной, *въ-очью совершались*, какъ говорятъ Русскія сказки. Особыя мѣста дѣйствія, особый кругъ

знакомства, особенное родство имѣлъ я въ сонномъ мірѣ своемъ: но каковъ былъ онъ, но кто эти знакомцы и родные? память моя не могла схватить, пробудившись совершенно. За то всякой разъ, склоняя голову на подушку, я обнималъ ее, какъ друга чародѣя, который унесетъ меня къ милымъ.

Отрадно плыть во снѣ туманной Летой,
Забывъ часовъ брязающую мѣдь;
Въ видѣніяхъ пожить внѣ жизни этой,
И безъ кончины умереть!!

„Моралисты сулятъ покой несчастнымъ за дверью гроба: зачѣмъ ходить такъ далеко? Сонъ есть лучшій уравнитель въ жизни. Когда вздумаешь, что царь и послѣдній поденщикъ, богачъ и бѣднякъ, одинаково проводятъ треть сутокъ, первые не пользуясь своими преимуществами, послѣдніе забывая свое горе — то какое-то утѣшительное чувство проникаетъ въ душу. Я еще допустилъ, что счастливецъ и несчастный проводятъ одинаково пору сна — но обоимъ ли имъ стелетъ постель усталость и чистая совѣсть! Не сидитъ ли часто раскаяніе у золотошвейнаго изголовья — не даритъ ли воображеніе царскими снами бѣдняка?

„Ты спросишь, откуда пробился ключъ этихъ наслажденій моихъ? это перемѣщеніе сонныхъ призраковъ въ явную жизнь, и дѣй-

ствительныхъ вещей въ сонныя мечтанія?— Мнѣ кажется, этому виною было раннее вѣрованіе мое въ привидѣнія, въ духовъ, въ домовыхъ, во всѣхъ гражданъ могильной республики, во всѣхъ снѣжныхъ сынковъ воображенія, мамушекъ, нянюшекъ, охотниковъ - суевѣровъ — столько же и раннему сомнѣнію во всемъ этомъ. Нянька разсказывала мнѣ страхи съ такимъ простосердечіемъ, съ такимъ внутреннимъ убѣжденьемъ — родители и учители въ свою очередь говорили про нихъ съ такимъ презрѣніемъ и самоувѣренностію, что я безпрестанно волновался между разсудкомъ и предразсудкомъ, между заманчивою прелестью чудеснаго и строгими доказательствами истины. Куда былъ перевѣсъ: на сторону ли впечатлѣнія или на сторону убѣжденія — угадать не трудно. Правду сказать, человѣкъ всегда предпочитаетъ то, чего онъ не можетъ постичь, тому, чего постичь нѣтъ ему охоты. Эта борьба однако же, не истребивъ совершенно моей наклонности къ чудесному, отняла у него нелѣпую одежду, въ которую облекло его народное суевѣріе. Разумѣется, чѣмъ болѣе мужалъ мой разсудокъ, тѣмъ примѣтнѣе вліяніе чудеснаго на меня уменьшалось: образы его блѣднѣли, блекли, исчезали, сливались съ пространствомъ, какъ утренніе туманы — но вѣришь ли? до сихъ поръ бываютъ минуты, въ которыя готовъ я почти увлечься повѣрьями моего дѣтства. И какъ я люблю переживать вновь годы этого дѣтства!! Весна моя разцвѣтаетъ въ памяти чудными цвѣтами, причудливыми цвѣтами — со всѣмъ ихъ благовоніемъ, со всею свѣжестію красокъ; — я наслаждаюсь тогда даже минувшими ужасами — и, замѣчу странность: это осуществленіе минувшаго случается со мной наиболѣе послѣ сильныхъ движеній души или тѣла, послѣ сильныхъ потрясеній. Кажется, что ослабнувшія струны организма способнѣе принимать ладъ нѣжныхъ лѣтъ нашихъ, и отъ малѣйшаго повѣва поминки звучатъ знакомую, любимую пѣсню.

„Однако жъ разсказъ старика дворецкаго разбудилъ въ душѣ моей не однѣ полуясныя, неопредѣленныя воспоминанія. Нѣтъ! онъ оживилъ происшествіе, очень подобное имъ разсказанному, происшествіе близкое моему сердцу. Не сказка и не выдумка, слѣпленная на потѣху пріятелей, будетъ повѣсть моя: въ ней отъ слова до слова — все истина.

„Дѣдъ мой съ матерней стороны былъ Князь Х — ій: я будто въ просонкахъ вижу его темную, суровую физіономію, его высокій ростъ.... его жесткій голосъ. Не знаю, отъ чего — только я боялся его ребенкомъ, какъ

нельзя болѣе. Какъ ты хочешь, а мнѣ кажется, природа одарила всѣхъ тѣхъ инстинктомъ, въ которыхъ не развила разума, и дитя, находясь въ этой категоріи, почти всегда безошибочно угадываетъ въ каждомъ встрѣчномъ друга, или недоброхота. Князь былъ, можно сказать, неистоваго нрава — гордъ своимъ родомъ и богатствомъ въ обществѣ, невозразимый деспотъ въ семействѣ Какъ наибольшая часть воспитанниковъ стараго вѣка, онъ людей считалъ средствами для своихъ выгодъ, дѣтей — куклами для забавы; сохрани Богъ, чтобъ они осмѣлились думать, не только поступать, иначе, какъ по его волѣ, т. е. по его прихоти. У него были два сына и дочь. Онъ успѣлъ подавить въ первыхъ всякое благородное чувство, всякую вспышку разума— и они зачерствѣли въ своемъ невольномъ ничтожествѣ, въ своемъ вѣчномъ ребячествѣ. Ихъ отправилъ онъ на службу въ столицу. Совсѣмъ другое сталось съ дочерью. Угнетеніе, уничиженіе, подъ которыми держали ее, — пробудило въ ней гордую душу, которая безъ того никогда бы, можетъ быть, не проснулась. Она почувствовала и увѣрилась, что правда и добро могли существовать и внѣ рѣчей, внѣ поступковъ отца ея. Случай способствовалъ этому развитію.

Лиза потеряла мать еще въ ту пору,

когда не могла вполнѣ оцѣнить этой потери, именно по тому самому великой. Отецъ не удостоивалъ заниматься ея воспитаніемъ. Онъ думалъ, что совершилъ великое благодѣяніе, платя мадамамъ, и навербовавши къ ней кучу учителей — безъ выбору и безъ призору. Нѣжность его ограничивалась тѣмъ, что онъ утромъ и вечеромъ допускалъ дочь къ ручкѣ своей, да всякой мѣсяцъ дарилъ ей на булавки.

„Въ числѣ учителей Лизы пріѣхалъ изъ Москвы недавно выпущенный изъ Университета Адъюнктъ Баяновъ. Онъ былъ очень статный, умный, добрый юноша; дворянинъ не богатый, но стоящій богатства. Лизѣ было тогда 15 лѣтъ, и онъ съ жаромъ принялся за ея образованіе: уроки были наслажденіемъ для обоихъ. Она радовалась познаніямъ — онъ успѣхамъ своей ученицы. Ничего нѣтъ чище, возвышеннѣе, святѣе удовольствія, какое чувствуемъ мы, передавая, вперяя благородныя чувства и свѣтлыя мысли другимъ. Тогда мы прилѣпляемся къ нимъ любовью отеческою; и въ самомъ дѣлѣ: вложить въ человѣка душу разумную, доблесть живую, не значитъ ли создать, родить его для добродѣтели — и не цѣннѣе ли это родство родства тѣлеснаго, не священнѣе ли самыхъ узъ крови?..

Однако жъ скоро, хоть не замѣтно для

неопытныхъ, вмѣшалась въ ихъ дружество душевное любовь болѣе нѣжная, болѣе страстная — любовь сердца. Минуло четыре года. ученіе кончилось.. и любовники тогда лишь узнали, что взаимность для нихъ не только счастіе жизни, но самая жизнь... когда судьба погрозилась разлучить ихъ. Въ одну и ту же минуту они испытали вѣсть разлуки и признаніе въ любви, первый поцѣлуй восторга и первыя горькія слезы печали. — Они поклялись быть вѣрными до гроба; это ужъ такъ водится искони: для молодыхъ людей все кажется легко — для любовниковъ все возможно. Они не знали, съ кѣмъ имѣли дѣло.

Старику X — му наскучило нянчиться съ дочерью. Она была невѣста, и, что всего важнѣй, невѣста богатая: мать отказала ей одной все свое приданое, все движимое и недвижимое. Однако, желая сбыть съ рукъ дочь, ему не хотѣлось разстаться съ ея имѣніемъ, и вотъ для чего удалялъ онъ отъ Лизы жениховъ, которые по уму или по связямъ своимъ могли бы потребовать у него и наличнаго, и отчета за прежнее управленіе. — Сгадалъ, рѣшилъ и выбралъ въ зятья какого-то князька — сидня, весьма ограниченнаго умомъ, ничтожнаго роднею. Онъ далъ слово, не спросясь, даже не предувѣдомивъ дочери. Черезъ три дня надо было играть сговоръ, а она не знала о

своей участи ни сномъ, ни духомъ. Наконецъ онъ объявилъ ей повелѣніе выйти замужъ, и готовиться къ свадьбѣ самымъ безпрекословнымъ образомъ. Онъ споткнулся на этомъ вовсе неожиданно: характеръ дочери открылся вдругъ въ полной силѣ! Подкрѣпленная взаимною любовью, она дерзнула почтительно, но твердо, сказать отцу, что считаетъ союзъ супружескій святынею, которая требуетъ любви сердечной къ мужу... а потому она не иначе отдастъ руку свою, какъ вмѣстѣ съ сердцемъ; сердце же ея отдано Баянову, ея воспитателю; — она прибавила, что ни какія убѣжденія, ни какія угнетенія не принудятъ ее перемѣнить даннаго обѣта — быть его женою или вѣчно остаться его невѣстою. „Вы дали мнѣ жизнь, батюшка" сказала она: „но Богъ далъ мнѣ душу: располагайте первою — но позвольте мнѣ сохранить для себя вторую — и кому лучше могу я посвятить ее, какъ не человѣку, посвятившему лучшіе годы своей жизни на мое образованіе съ такимъ усердіемъ, съ такимъ горячимъ самоотверженіемъ?"

Говорятъ, Князь послѣ этого объясненія нѣсколько минутъ стоялъ неподвиженъ и безмолвенъ отъ изумленія... гнѣвъ задушилъ въ немъ голосъ. Можно представить себѣ, что почувствовалъ человѣкъ, привычный къ

безусловному повиновенію отъ всѣхъ къ нему близкихъ, который съ роду не слыхалъ слова *нѣтъ*! и вдругъ былъ пораженъ имъ такъ внезапно, такъ больно!! Вся его гордость, всѣ его выгоды и понятія, всѣ замыслы его сборочены были вверхъ дномъ — и кѣмъ же? дѣвочкою, — дочерью!! — Взрывъ былъ ужасенъ; угрозы и брань полились на несчастную: какъ смѣла она имѣть свой умъ, взять свою волю! Судъ коротокъ — онъ заперъ ее въ темную комнату на хлѣбъ и на воду. — Учителя Баянова велѣлъ онъ выбросить изъ замка вмѣстѣ съ его вещами, не позволивъ показаться на глаза. Бѣшенство его выместилось на всѣхъ домашнихъ: и безъ того всѣ трепетали его голоса, его взгляда — а послѣ этого случая половина слугъ разбѣжалась отъ его жестокости, незнающей границъ, незнакомой съ пощадою. Онъ свирѣпствовалъ, какъ звѣрь.

(Продолженіе впредь.)

II.

НОВАЯ ИСТОРІЯ.

Отрывокъ изъ Исторіи Наполеона Бонапарте.

(Продолженіе.)

Вечеромъ 14 Марта, отрядъ Французскихъ солдатъ и жандармовъ, ведомый Полковникомъ Орденеромъ, подъ главнымъ начальствомъ Коленкура, въ послѣдствіи Герцога Виченцскаго, вдругъ вступилъ во владѣнія Бадена, бывшаго съ Франціею въ мирѣ, и окружилъ замокъ, въ которомъ имѣлъ пребываніе несчастный Принцъ. Потомокъ Конде схватилъ было оружіе, но былъ удержанъ отъ дѣйствія онымъ однимъ изъ окружающихъ его, замѣтившимъ, что нападающіе были слишкомъ многочисленны и что имъ не можно было воспротивиться. Солдаты ворвались въ горницу съ пистолетами въ рукахъ, и спросили, кто Герцогъ Ангенскій. „Если вамъ поручено взять его" сказалъ Герцогъ: „то въ приказѣ вашемъ должны быть прописаны его примѣты." — „Если такъ, то мы должны забрать всѣхъ васъ," возразилъ начальствовавшій офицеръ, и Принцъ

съ небольшимъ числомъ людей, при немъ находившихся, былъ взятъ подъ стражу и посаженъ на мельницу, находящуюся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ замка, куда ему позволено было велѣть принести себѣ платье и другія необходимыя вещи. Узнанный тамъ, онъ былъ переведенъ съ свитою въ Страсбургскую цитадель, и вскорѣ послѣ того разлученъ со всѣми своими людьми, кромѣ Барона Сенъ-Жака, его Адъютанта. Приняли всѣ мѣры, чтобы онъ ни съ кѣмъ не могъ имѣть сообщенія, и три дня продержали его подъ крѣпкою стражею; но 18 числа, во второмъ часу ночи, его принудили встать и наскоро одѣться, объявивъ только, что онъ тотчасъ отправится въ дорогу. Онъ потребовалъ своего камердинера, но ему отвѣчали, что это не нужно. Бѣлье, которое ему позволили взять съ собою, состояло только изъ двухъ рубашекъ: съ такою точностью было расчислено и опредѣлено то, въ чемъ онъ могъ еще имѣть нужду до своего послѣдняго часа. Онъ былъ перевезенъ съ величайшею поспѣшностію и тайною въ Парижъ, куда прибылъ 20 числа, и просидѣвъ лишь нѣсколько часовъ въ Тамплѣ, былъ перемѣщенъ въ древній готическій замокъ Венсеннъ, находящійся миляхъ въ четырехъ отъ

города, давно уже служившій государственною темницею, но котораго стѣны никогда еще не заключали въ себѣ столь знаменитой и столь невинной жертвы. Тамъ ему дали нѣсколько отдохнуть; но какъ будто бы эта милость была оказана только съ тѣмъ, чтобы отнять оную, его разбудили въ полночь и позвали къ допросу, отъ котораго зависѣла его жизнь, и на который онъ отвѣтствовалъ съ величайшимъ присутствіемъ духа. Въ ту же ночь, въ тотъ же смертный часъ, онъ былъ приведенъ предъ мнимый Судъ сей. Законъ позволялъ ему имѣть по своему дѣлу защитника. Но ему онаго дано не было.

Инквизиторы, предъ которыхъ его привели, составляли Военный Судъ, подъ предсѣдательствомъ Генерала Гюлена. Они были назначены, какъ по дѣлу видно, Наполеоновымъ шуриномъ, Мюратомъ, тогдашнимъ Парижскимъ Губернаторомъ. Хотя изнуренный усталостію и лишеніемъ сна, Герцогъ Ангенскій показалъ себя въ эту ужасную минуту достойнымъ потомкомъ великаго Конде. Объявивъ имя и санъ свой, онъ сознался въ участіи, которое принималъ въ войнѣ противъ Франціи, но отрекся отъ знанія Пишегрю или его заговора. По окончаніи допроса, онъ требовалъ свиданія съ Первымъ

Консуломъ „Имя мое," сказалъ онъ: „званіе, чувства и въ особенности бѣдственное мое положеніе, даютъ мнѣ надежду, что въ просьбѣ моей не будетъ отказано."

Военные Судьи задумались и поколебались; — и хотя безъ сомнѣнія избранные, по способности къ исполненію сего дѣла, они однако же были тронуты всѣмъ поведеніемъ и въ особенности непоколебимостію несчастнаго Принца. Но Савари, тогдашній Начальникъ Полиціи, стоялъ за креслами Предсѣдателя, и заглушилъ въ нихъ чувство состраданія. Когда они предложили исходатайствовать, по просьбѣ плѣнника, свиданіе съ Первымъ Консуломъ, онъ прервалъ ихъ, сказавъ, что это будетъ безполезно. Наконецъ они объявили свое мнѣніе, что Герцогъ Ангенскій признанъ виновнымъ въ томъ, что сражался противъ Республики, имѣлъ сношенія съ Англіею и заводилъ связи въ Страсбургѣ съ тѣмъ, чтобы овладѣть симъ городомъ; — большая часть изъ этихъ обвиненій и въ особенности послѣднее было совершенно противно единственному оныхъ доказательству, а именно сознанію самого плѣнника. Когда военносудное дѣло было отправлено къ Наполеону, чтобы узнать его послѣднюю волю, Судьи, вмѣсто отвѣта, получили собственное ихъ донесеніе съ краткою припискою: *Приговоренъ къ смерти.* Сатрапы Наполеона повиновались ему съ Персидскимъ раболѣпствомъ. Приговоръ былъ объявленъ, и подсудимый выслушалъ его съ тою же непоколебимою твердостью, которую онъ показалъ въ продолженіе всей этой кровавой сцены. Онъ потребовалъ духовника. „Развѣ вы хотите умереть, какъ монахъ?" былъ ему наглый на сіе отвѣтъ. Герцогъ, не обративъ вниманія на эту обиду, преклонилъ на минуту колѣна, и казался погруженнымъ въ глубокія размышленія.

„Пойдемъ-те," сказалъ онъ, вставши. Все было готово для казни, и какъ будто бы въ насмѣшку надъ Судомъ, могилу вырыли прежде, чѣмъ приговоръ былъ произнесенъ (*). Вышедъ изъ горницы, гдѣ засѣдалъ этотъ мнимый Судъ, Принца, при свѣтѣ факеловъ, повели по круглой лѣстницѣ, которая, казалось, вела въ подземелья древняго замка.

„Не въ вѣчную ли я долженъ сойти темницу?" спросилъ онъ, вспомнивъ про эти гробы, на которые осуждали живыхъ. —

(*) Савари отрицаетъ сіе обстоятельство, впрочемъ не важное. Противозаконное взятіе подъ стражу — поспѣшность шутовскаго суда, несообразность приговора съ доказательствами, торопливость казни — все доказываетъ, что злополучный Принцъ былъ осужденъ къ смерти гораздо прежде, чѣмъ онъ предсталъ предъ Военный Судъ.

„Нѣтъ, Ваша Свѣтлость,“ отвѣчалъ солдатъ, къ которому онъ обратился, прерывающимся отъ рыданій голосомъ: „на этотъ счетъ будьте покойны.“ Лѣстница вела къ калиткѣ, отворявшейся въ замковый ровъ, гдѣ, какъ мы уже сказали, была вырыта могила, подлѣ которой стоялъ отрядъ лейбъ-жандармовъ. Это было около шести часовъ утра, и начинало разсвѣтать. Но какъ густой туманъ покрывалъ землю, то нѣсколько факеловъ и фонарей сливали блѣдный и зловѣщій свѣтъ свой съ мерцаніемъ утренней зари, обстоятельство, которое, кажется, дало поводъ къ ложному слуху, будто бы фонарь былъ повѣшенъ на грудь жертвы для того, чтобы убійцы могли вѣрнѣе въ него цѣлить. Савари и тутъ также присутствовалъ, и сталъ на валу, съ котораго было видно мѣсто казни. Жертва была поставлена, гибельный знакъ поданъ будущимъ Герцогомъ Ровиго, послѣдовалъ выстрѣлъ, и Принцъ палъ. Тѣло, во всей одеждѣ, безъ малѣйшаго соблюденія обыкновенныхъ при погребеніи обрядовъ, было брошено въ могилу съ такими же малыми околичностями, какъ разбойники обходятся съ трупами умерщвленныхъ ими людей.

Парижъ узналъ съ изумленіемъ и ужасомъ о сей необычайной казни, произведенной столь близко отъ стѣнъ его. Ни какое событіе не возбуждало столь всеобщаго негодованія, какъ во Франціи, такъ и въ другихъ земляхъ, и ни какое не оставило такого неизгладимаго пятна на памяти Наполеона. Если бъ нужны были еще доказательства, дабы подтвердить всеобщее на тотъ счетъ мнѣніе, то заботливость Савари, Гюлена и другихъ низшихъ участниковъ въ этомъ постыдномъ дѣлѣ, уменьшить участіе свое въ ономъ или отклонить оное на другихъ, очевидно показываетъ, какою тяжкою отвѣтственностію они чувствовали себя обремененными.

Справедливость требуетъ однако же выслушать, какимъ образомъ Наполеонъ защищался въ этомъ на Островѣ Св. Елены, особенно потому, что сіе защищеніе, кажется, совершенно убѣдило Ласъ-Каза, его спутника, который, хотя и примиренный со всѣми поступками своего властелина, продолжалъ считать смерть Герцога Ангенскаго такимъ для Наполеона пятномъ, что онъ всегда краснѣлъ, когда самъ Бонапарте заводилъ объ этомъ рѣчь (*).

Оправданіе его, по видимому, измѣнялось даже до противорѣчія, смотря по тому, къ

(*) Разсужденія и мысли Наполеона объ этомъ предметѣ взяты изъ книги Ласъ-Каза, часть VII, стр. 427 — 40, гдѣ онѣ изложены подробно.

кому оно было обращаемо. Между своими искренними друзьями и приверженцами, онъ говорилъ, что это дѣло сдѣлано не по его волѣ, но по согласію, исторгнутому у него Министрами. „Я сидѣлъ одинъ,“ говорилъ онъ: „и допивалъ кофе, какъ они вошли и объявили мнѣ объ открытіи новыхъ умысловъ. Они представили мнѣ, что пора прекратить эти ужасныя покушенія, обагрившись въ крови одного изъ Бурбоновъ, и объявили, что Герцога Ангенскаго должно принести въ жертву.“ Бонапарте говоритъ еще, что онъ въ точности не зналъ, гдѣ находился тогда Герцогъ Ангенскій, а еще меньше того, что онъ такъ близко отъ Франціи, только въ трехъ миляхъ отъ Рейна. Ему донесли это. „Въ такомъ случаѣ,“ сказалъ Наполеонъ: „его должно задержать.“ Предусмотрительные Министры его напередъ уже предвидѣли сей отвѣтъ. Всѣ мѣры были приняты, и бумаги изготовлены къ подписанію Наполеону, такъ, что, по словамъ его, онъ былъ вовлеченъ въ этотъ ужасный поступокъ усердіемъ окружающихъ его, или, можетъ быть, въ слѣдствіе ихъ частныхъ видовъ и тайныхъ козней. Онъ также обвиняетъ Талейрана въ скрытіи отъ него письма которымъ злополучный Принцъ предлагалъ ему свои услуги, и которое было перехвачено

Министромъ. Если бъ письмо сіе, какъ онъ говоритъ, до него во-время достигло, то онъ пощадилъ бы жизнь Принца. Дабы придать сему показанію болѣе вѣроятія, онъ отрицаетъ то, будто бы Іозефина сильно упрашивала его пощадить Герцога, хотя сіе утверждается такими свидѣтелями, которые объявляютъ, что слышали о томъ изъ устъ самой Императрицы.

Къ несчастію для этого показанія и для основательности оправданія, которое оно въ себѣ содержитъ, ни Талейранъ, и ни какой другой человѣкъ въ мірѣ, кромѣ Бонапарта, не имѣлъ ни малѣйшей выгоды въ смерти Герцога Ангенскаго. Что Наполеонъ былъ раздраженъ, узнавъ о заговорѣ Жоржа и Пишегрю, что онъ хотѣлъ отмстить за личную опасность, которой онъ подвергался, и что онъ желалъ устрашить Бурбоновъ, *обагрившись*, какъ онъ самъ говоритъ, въ крови одного изъ членовъ ихъ семейства, все это довольно правдоподобно. Но чтобы прозорливый Талейранъ посягнулъ на жестокое дѣло, не представлявшее ему ни малѣйшей выгоды, столько же невѣроятно, какъ и то, что даже и желавъ сіе сдѣлать, онъ бы могъ получить отъ Наполеона необходимое уполномочіе для столь важнаго рѣшенія безъ того, чтобы повелитель его разсмотрѣлъ дѣло во всѣхъ

его отношеніяхъ и съ наивеличайшимъ вниманіемъ. Замѣтимъ также, что кромѣ желанія сложить на другаго хоть часть вины своей, Бонапарте могъ быть расположеннымъ отмстить Талейрану, всклепавъ на него съ острова Св. Елены злодѣяніе, ненавистное въ глазахъ новаго его Государя изъ Дому Бурбоновъ. Наконецъ, существованіе письма, о которомъ выше упомянуто, никогда не было доказано, и оно несовмѣстно съ образомъ мыслей и съ чувствами Герцога Ангенскаго. Сверхъ того сказано, что оно писано изъ Страсбурга, а Герцоговъ Адъютантъ, Баронъ Сенъ-Жакъ, свидѣтельствуетъ, что онъ ни на минуту не отлучался отъ Принца въ продолженіе заключенія его въ сей цитадели, и что Герцогъ не писалъ ни какого письма ни къ Наполеону, ни къ кому либо другому. За всѣмъ тѣмъ, если Бонапарте и дѣйствительно посягнулъ на это кровавое дѣло по внушенію Талейрана, нельзя отвергнуть того, что какъ человѣкъ, способный различать самъ правду отъ несправедливости, онъ не могъ надѣяться сложить на своего совѣтника вину мѣры, принятой имъ по его представленію. Убійство сіе, подобно возмущенію Авессалома, было все таки злодѣяніемъ, даже и предположивъ, что оно было внушено и исполнено по вѣроломнымъ наущеніямъ новаго Ахитофела.

Сообразно съ симъ и Наполеонъ не ограничивается этимъ защищеніемъ; но несовмѣстно съ его показаніемъ, будто бы онъ принялъ мѣру сію по внушенію Талейрана: онъ при другомъ случаѣ подробно и смѣло объявляетъ, что мѣра сія была справедлива и нужна, что Герцогъ Ангенскій осужденъ по законамъ, и пріялъ казнь сообразно съ оными.

Легко доказать, что даже по Французскимъ законамъ, строгимъ и неумолимымъ въ подобныхъ случаяхъ, ничто не давало права лишить Герцога жизни. Правда, что онъ былъ эмигрантъ, и законъ осуждалъ на смерть тѣхъ изъ нихъ, которые возвращались во Францію съ оружіемъ въ рукахъ. Но Герцогъ не такимъ образомъ туда возвратился — напротивъ того, возвращеніе его произошло не по собственной его волѣ, а въ слѣдствіе насилія, ему учиненнаго. Онъ находился въ положеніи, даже болѣе благопріятномъ, чѣмъ тѣ эмигранты, которыхъ буря выбросила на отечественный берегъ, и къ которымъ самъ Бонапарте изъявилъ состраданіе, а не наказалъ ихъ. Онъ конечно воевалъ противъ Франціи; но какъ членъ Бурбонскаго Дома, онъ не былъ и не могъ быть сочтенъ подданнымъ Наполеона, выѣхавъ изъ Франціи прежде, чѣмъ объ имени его было тамъ слышно; также не могъ онъ быть

причисленнымъ къ неявившимся на призывъ Правительства, ибо подобно всѣмъ прочимъ членамъ Королевской фамиліи, онъ былъ именно исключенъ изъ милости всепрощенія, призывавшаго обратно всѣхъ менѣе знатныхъ эмигрантовъ. Средства, которыми онъ былъ захваченъ и ввезенъ во владѣнія Франціи, но не преданъ ея законамъ, были явнымъ нарушеніемъ народныхъ правъ, равно какъ поспѣшность мнимаго Суда тотчасъ послѣ задержанія и казнь его по Суду сему были оскорбленіемъ человѣчества. При допросѣ не былъ призванъ ни одинъ свидѣтель, и не было взято ни какой справки, кромѣ показанія подсудимаго. Слѣдовательно всѣ статьи обвиненія, въ которыхъ Герцогъ самъ не сознался, должны быть признаны отнюдь не доказанными. Не смотря на сіе однако жъ, этотъ неправедный Судъ не только обвинилъ Герцога въ ношеніи оружія противъ Республики, въ чемъ онъ безпрекословно сознался, но еще въ принятіи начальства надъ эмигрантами, подкупленными Англіею, и въ умыслѣ завладѣть, посредствомъ вѣроломства, городомъ Страсбургомъ: обвиненія, отъ которыхъ Принцъ рѣшительно отрекся, и которыя не были подтверждены ни какими доказательствами.

(Окончаніе впредь.)

III.

КРИТИКА.

Мысли Малороссіянина, по прочтеніи Повѣстей Пасичника Рудаго-Панька, изданныхъ имъ въ книжкѣ подъ заглавіемъ: Вечера на хуторѣ близъ Диканьки, и рецензій на оныя.

(Продолженіе.)

Малороссія, по старинной пословицѣ въ оной: *поймать не поймать, а погнаться можно*, приманивала въ архивъ преданій своихъ и въ юдоль настоящаго житья-бытья, многихъ современныхъ Поэтовъ и Прозаиковъ: но попытки въ описательной Поэзіи и въ изображеніи народности не совсѣмъ удавались. Напримѣръ, въ книжкѣ подъ заглавіемъ: *Малороссійская деревня* — сочиненіе И. Калужинскаго, — сей Авторъ, на стр. 12 и 13, разсказываетъ, будто бы беззаботный Малороссійскій крестьянинъ, не взирая на морозъ и вьюгу, охотно прохаживается въ ближайшую винокурню, дабы тамъ побесѣдовать въ лучшемъ обществѣ, и возвратясь домой, разсказывать о новостяхъ сосѣдней винокурни. Не принималъ ли, полно, Г. Калужинскій, проѣзжая Малороссію, шинковъ за винокурни? Въ первыхъ, дѣйствительно, и

въ самый трескучій морозъ всегда можно сыскать бесѣдующихъ; а вторыя всякой мужикъ обходитъ, какъ говорятъ у насъ, *по за вѣтромъ*. И если бы Г. Калужинскому вздумалось предложить нашему мужичку, не хочетъ ли онъ прогуляться на винокурню, — то конечно получилъ бы въ отвѣтъ: *нехай вона загорится! иды самъ, пане, колы хочешь, въ таке пекло!* Счастливъ помѣщикъ той деревни, въ которой случилось пожить Г. Калужинскому, успѣвшій пристрастить крестьянъ своихъ къ винокурнѣ. — Такая деревня видно одна только и есть во всей Малороссіи: ибо вездѣ, если не по очереди, то за наказаніе посылаются люди въ винокуренные заводы, да и радостей тамъ въ дыму и копоти напрасно бы искалъ праздно-любецъ. — Нѣтъ! Малороссіяне любятъ потреблять горячее вино, но не выкуривать оное для дохода помѣщику, и присвоиваемая имъ охота прохаживаться по винокурнямъ — несбыточна. — Черта сія, такъ счастливо схваченная Авторомъ Малороссійской деревни изъ народныхъ удовольствій, ведетъ къ заключенію и о всей его книжкѣ, а подобныхъ оной, къ сожалѣнію, не мало мнѣ прочитать случилось.

Есть однако же попытки и дѣльныя въ прозаическихъ описаніяхъ простаго быта

Малороссіянъ. Напримѣръ, Г. *Нарѣжный*, царство ему небесное, сочиненіями своими, а особенно *Бурсакомъ*, умѣлъ смѣшить и самыхъ унылыхъ земляковъ моихъ. Я видѣлъ одного умнаго, почтеннаго старика Протопопа, который, читая Бурсака, то смѣялся, то плакалъ отъ избытка чувствъ и душевнаго умиленія. — Старикъ сознавался, что въ Бурсакѣ онъ видѣлъ почти самого себя, и что, воспоминая ученіе свое въ Переяславской бурсѣ, казалось, дѣлался моложе годами 60-тью. „Бурсакъ," говорилъ онъ: „списанъ Нарѣжнымъ съ натуры." — Такіе отзывы — истинная награда Автору!

Жаль, что Г. Нарѣжный писалъ не теперешнимъ, видимо очищающимся Русскимъ слогомъ, и въ выборѣ предметовъ не былъ изыскателенъ. Его Романы отзываются нѣкоторою обветшалостію; но цѣль каждаго выполнена: характеры выдержаны; всякой разсказъ конченъ удовлетворительно; — прочитавши его Романъ, не ожидаешь тщетно продолженія и дополненія оному.

Монастырка А. Погорѣльскаго, родившаяся подъ небомъ Малороссіи, подавала надежды несравненно утѣшительнѣйшія тѣхъ, кои могли представляться по прочтеніи Романовъ Нарѣжнаго; но ожидаемаго продолженія оной понынѣ не явилось на свѣтъ бѣлый; про-

читавши же первую только часть, нельзя судить о цѣломъ сочиненіи. — Дюндикъ съ семействомъ могъ быть заслоненъ другими лицами, ближайшими къ натурѣ, въ слѣдующихъ частяхъ Монастырки. — Неужели и Вечерамъ на хуторѣ близъ Диканьки готовится такая же участь, на какую осуждена Монастырка, подобно Вечерамъ симъ всѣми преждевременно расхваленная?

Монастырку, кажется, никто не осмѣлился пугать подробнымъ разборомъ; о Вечерахъ же на хуторѣ близъ Диканьки да позволено мнѣ будетъ, съ чистосердечіемъ земляка, Пасичнику Рудому-Паньку высказать безпристрастное мое мнѣніе.

Г. Полевой, коего рецензіи о нашихъ литературныхъ издѣліяхъ бываютъ большею частію самыя удовлетворительнѣйшія, хотя иногда и весьма рѣзкія, *въ Московскомъ Телеграфѣ* No 17 сего 1831-го года, оцѣнилъ по силамъ своимъ и по достоинству, высокопаренія въ слогѣ Пасичника Рудаго-Панька, и тѣмъ избавилъ меня приниматься не за свое дѣло. — Будучи просто читателемъ, я не берусь ничего говорить удовлетворительнаго о слогѣ вообще въ разбираемыхъ мною Повѣстяхъ моей родины. — Мнѣ онъ кажется также какою-то смѣсью: *высокопаренія къ сладострастному куполу*, (какъ Авторъ

Повѣстей называетъ на стр. 1-й твердь небесную), *съ земнымъ разгульемъ по ярмаркѣ*. Если бы не было этого заносчиваго паренія по поднебесью, то слогъ Панька еще болѣе соотвѣтствовалъ бы предметамъ его разсказовъ. Но ежели такая разнообразность въ слогѣ именно и понравилась извѣстнымъ нашимъ Литтераторамъ, то я долженъ ограничиться въ такомъ случаѣ пословицею: *ученымъ и книги въ руки*! (Признаюсь однако жъ, что выраженія въ 1-й Повѣсти, подъ заглавіемъ *Сорочинская ярмарка* (въ 1-й главѣ стр. 2-я): „звонкій громъ перепела, хорошенькая дочка „съ черными бровями, ровными дугами, под„нявшимися надъ свѣтлыми карими глазами „(стр. 5): засверкали огненныя, одѣтыя хо„лодомъ искры — (стр. 7): обдавая шумомъ „окрестность. (стр. 8),“ *не показались мнѣ* прекрасными: ибо перепелинаго грому я не слыхалъ; искръ, одѣтыхъ холодомъ, вообразить не умѣю, и чтобы кого, вмѣсто воды, обдавали шумомъ, мнѣ видѣть не случалось. Но въ сей же самой главѣ, которую я началъ разбирать по порядку, есть дѣйствительно картины живописныя;) напр: „Горы „горшковъ, закутанныхъ въ сѣно, медленно „двигались, кажется, скучая своимъ заключе„ніемъ и темнотою; мѣстами только какая „нибудь расписанная миска, или макитра,

„хвастливо выказывалась изъ высоко-взгро„мозженнаго на возу плетня, и привлекала „умильные взгляды поклонниковъ роскоши.“ (стр. 3). Или: „Небо, зеленые и синіе лѣса, „люди, возы съ горшками, мельницы, все опро„кинулось, стояло и ходило вверхъ ногами, „не падая въ голубую прекрасную бездну“ (стр. 9). — Сія послѣдняя картина, представившаяся дѣвушкѣ, невыѣзжавшей изъ своего скучнаго села, — безподобна.

Но слогъ, какъ я выше сказалъ, не мое дѣло; объ немъ я намѣренъ только говорить мимоходомъ. Мнѣ хочется представить на судъ читателей: выполнилъ ли землякъ мой, Пасичникъ, принятую имъ, какъ кажется, на себя обязанность познакомить ихъ съ народными нашими *повѣстями*, — обычаями и повѣрьями?

Всякой, кто только живалъ въ Малороссіи, согласится со мною, что у насъ, встрѣчаешь ли на пути крестьянина или крестьянку, каждый и каждая изъ нихъ поклонится и скажетъ народное привѣтствіе: *помогай би*! т. е. помогай, Боже (*)! но когда, — на счастье, — повстрѣчаешься съ молодою, (невѣстою), которая, въ сопровожденіи поющихъ подругъ своихъ, ходитъ по селу просить на свадьбу, (что бываетъ обыкновенно

(*) Или *доброденъ*, а въ вечеру: *добровечеръ*.

въ Субботу, ибо только въ Воскресенье празднуются у насъ свадьбы), то она, кланяясь въ поясъ, проговоритъ заученное привѣтствіе: полможетъ быть со временъ Гетмановъ: полтора Павла, или полтора — кожуха: „*проситъ батько и маты, и я прошу на хлѣбъ, на соль и на веселье.*“ — Сіи условныя въ народѣ, простыя вѣжливости говорятъ въ пользу нравовъ его (*). Всякая страна имѣетъ обычаи и повѣрья, собственно ей принадлежащія. Разсматривающій ихъ въ Малороссіи найдетъ характеры народа, прежде воинственнаго, заслуживающими особеннаго наблюденія; найдетъ въ Малороссіянинѣ, въ одно и то же время, мрачность и беззаботную веселость, доброту и упрямство, безкорыстіе и неуступчивость въ самой бездѣлицѣ, если дѣло коснется до собственности, почтительность къ старшему, — строгое сохраненіе приличій и простоту въ обращеніи, молчаливость и словоохотность, простосердечіе и хитрость. Источники всѣхъ таковыхъ разнообразныхъ качествъ сокрываются въ разныхъ эпохахъ треволненнаго прежде существованія жителей Малороссіи, то защищавшихъ оное съ оружіемъ въ рукахъ,

(*) Увидимъ ниже встрѣчу, описанную Панькомъ въ началѣ первой его Повѣсти.

то несшихъ тяжкое иго, налагаемое на нихъ сильнѣйшими. И теперь, по незапамятному обычаю, сабля и изображеніе Святой Троицы изъ трехъ восковыхъ свѣчъ, связанныхъ вмѣстѣ бѣлымъ убрусомъ, или полотнищемъ, и украшенныхъ вокругъ васильками, вѣчно зеленѣющимся барвинкомъ и другими цвѣтами, составляютъ нѣкій символъ свадебнаго обряда, безъ коего и самая свадьба не была бы вполнѣ торжественною. Сіе соединеніе Святой Троицы съ саблею обыкновенно ставится въ переднемъ углу, въ которомъ сажаютъ за столомъ молодыхъ послѣ вѣнца; — такая эмблема Христіанскаго воина есть вещь истинно священная въ народѣ. — И теперь каждый Малороссійскій казакъ желаетъ, чтобы и по смерти его знали, что онъ родился, жилъ въ семъ званіи, и умеръ въономъ. — Случалось ли вамъ видѣть, проѣзжая мимо сельскаго кладбища въ Малороссіи, бѣлыя хоругви на деревянныхъ крестахъ, поставленныхъ на могилахъ покойниковъ? Значки сіи ставятся сестрами, женами, или невѣстами умершихъ казаковъ, какъ послѣдняя дань памяти свободнаго ихъ состоянія, — для различія отъ могилъ и крестовъ, подъ которыми покоится крестьянинъ, умершій подданнымъ помѣщика.

Обычаи сіи принадлежатъ воинственно-

му духу старины, а слѣдующій анекдотъ заставитъ подумать, какъ далеки теперешніе жители Малороссіи отъ ссоръ, безъ явныхъ и побудительныхъ причинъ къ онымъ.

Въ 1813 году, въ блокадномъ Корпусѣ подъ крѣпостью Замостьемъ, случалось содержать конные пикеты и Полтавскимъ казакамъ, по очереди съ Донскими. Нѣсколько времени протекло безъ всякаго особаго происшествія на форпостахъ, расположенныхъ не близко отъ крѣпости. Слухъ Полтавцевъ привыкъ къ отдаленнымъ выстрѣламъ; осажденные не дѣлали вылазокъ, и ничто не нарушало безпечности казаковъ, покуривавшихъ себѣ трубки, лежа противъ солнца на курганахъ, занимаемыхъ ихъ ведетами. — Случилось наконецъ, что къ двумъ такимъ передовымъ стражамъ внезапно прискакали изъ крѣпости два непріятельскихъ, лихихъ всадника. Одинъ изъ казаковъ вскочилъ тотчасъ на коня и пустился, преслѣдуемый непріятельскимъ всадникомъ, къ своему резерву, а другой не успѣлъ взобраться на лошадь, какъ наскакавшій на него усатый лихачъ нанесъ ему три удара саблею прямо въ лицо, отъ коихъ бѣдный козачина повалился на землю. Послѣ сего непріятель ускакалъ, боясь быть отрѣзаннымъ. — Подняли раненаго. Всѣ обступили его кругомъ; посы-

пались вопросы товарищей, какимъ образомъ изувѣчилъ его такъ проклятый? *Не жалко бъ было*, отвѣчаетъ раненый, *если бы то я ссорился или бранился съ бусурманомъ, а то, не давши даже распроситься, началъ меня полосовать; чтобъ ему не было добра, чтобъ его слезы мои побили. За что бы, кажется, изувѣчить чуть-чуть не на смерть!*" Раны же въ самомъ дѣлѣ были самыя легкія.

Анекдотъ сей я слышалъ отъ самовидца, по увѣренію его. Хотя весьма невѣроятно, чтобы раненый казакъ былъ подобнымъ олухомъ, какими землякъ мой Панько наполнилъ свою Сорочинскую ярмарку, но и въ самомъ анекдотѣ видна характерическая черта нашего простолюдима, всегда далекаго отъ ссоры безъ причины, — какъ выше сказано.

Но пора мнѣ приняться за разборъ разсказовъ Рудаго-Панька. — Да простятъ милостиво читатели истинно невольныя отступленія отъ главнѣйшаго предмета. Кто не заговорится, если дѣло идетъ о любезной родинѣ? Посмотримъ теперь встрѣчу парубка съ проѣзжими.

Молодые парубки у насъ не напиваются до-пьяна; они стараются казаться скромными, отдаютъ должное почтеніе всякому старшему лѣтами; вся гульба ихъ состоитъ въ

вечернихъ пѣсняхъ и прогулкахъ по селу: лѣтомъ, отъ одной группы дѣвушекъ, собирающихся на вечера (вечерницы) подъ открытымъ небомъ, къ другой; а зимою отъ одной избы до другой, куда дѣвушки собираются, какъ говорится по нашему, *на досвитки*, т. е. чтобы зимній вечеръ провести вмѣстѣ и повеселиться съ парубками, а вставши до свѣта прясть, и за гребнемъ, можетъ статься, думать о суженомъ. — При такихъ условіяхъ въ поведеніи парубковъ нашихъ, статочное ли дѣло, чтобы какой нибудь изъ нихъ, порядочно одѣтый, имѣющій, какъ видно изъ словъ самого Панька, хозяйство, (стр. 10), готовый пожертвовать имъ за поцѣлуй приглянувшейся ему дѣвушки, — ни за что, ни про что, видя первый разъ въ жизни пожилую женщину, сидящую съ прекрасною дѣвушкою на возу, тотчасъ привѣтствовалъ первую бранью: „А вотъ впереди и дьяволъ сидитъ!" — Съ чѣмъ это сообразно? И могло ли такое привѣтствіе поднять со всѣхъ сторонъ хохотъ? Послѣ сего, невинно обруганная начала бранить негодяя, — и по дѣломъ, — въ такихъ выраженіяхъ, какія Русскому Паньку вошли только въ голову; обоюдныя ругательства лились обильною рѣкою, въ заключеніе коихъ разгульной парубокъ пустилъ комъ грязи въ

голову напрасно обиженной имъ, забрызгалъ ей очипокъ, — и будто бы сіе буйство удвоило хохотъ.

Не знаю, чему тутъ можно смѣяться, и что тутъ остроумнаго. Такъ безчинствуютъ одни лишь горькіе пьяницы, а парубки у насъ, какъ я выше замѣтилъ, не напиваются до-пьяна. *Такого гульвиса громада* (*) *заразъ бы отдала въ солдаты, безъ очереди.* — *О! громада* (какъ говорится у насъ) — *великій человѣкъ*!

Сію минуту принесли мнѣ No 94 Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду. *Письмо къ Издателю оныхъ, о Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки, о критикѣ нанихъ Г. Полеваго и о прочемъ*, — однимъ заглавіемъ симъ произвело на меня самое непріятное впечатлѣніе. — И такъ я напрасно просидѣлъ цѣлый день, излагая мысли мои по прочтеніи, не весьма повеселившихъ меня Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки! Напрасно затруднялъ себя разборомъ 1-й главы *Сорочинской ярмарки*! — Вѣрно какой нибудь извѣстнѣйшій Литераторъ написалъ полную рецензію Повѣстямъ Пасичника Рудаго-Панька, послѣ чего куда уже простому Малоросcіянину съ его мыслями? — Но прочитавши означенное письмо, успокоился. — Въ письмѣ семъ нѣтъ ни какой рецензіи. — Оно наполнено обыкновенными привѣтствіями Литературныхъ Прибавленій Издателю Московскаго Телеграфа.—Это *пересмѣшникъ*, который веселитъ небольшой кружокъ своихъ читателей; старая пѣсня, и на старый ладъ! Нечего мнѣ останавливаться. Посмотримъ II-ю главу *Сорочинской ярмарки*.

(*) Общественное собраніе поселянъ, мірская сходка.

Эпиграфъ написанъ по-нашему, по-Малороссійски; но всѣ мы, обращаясь къ Господу Богу, говоримъ: Боже Господи! а не Господе! — Видно, Панько употребилъ, вмѣсто *и*, *е*, по нарѣчію своего хутора.

Панько начинаетъ II-ю главу такъ: „Вамъ „вѣрно случалось слышать *гдѣ-то валящійся* „*отдаленный водопадъ*,“ — потомъ говоритъ, что на ярмаркѣ народъ *сростается*, *гогочетъ*, *гремитъ*! Выраженія сіи ни Русскія, ни Малороссійскія. Ярмарка же описывается имъ живо. Напримѣръ: (стр. 14.) „Ломается возъ, „звенитъ желѣзо; гремятъ сбрасываемыя на „землю доски, и закружившаяся голова недо„умѣваетъ, куда обратиться.“ Прекрасно! Но пьяный Жидъ, *дающій бабѣ какого-то киселя*, лице и дѣйствіе неправдоподобныя — и на ярмаркѣ. Въ главѣ сей, извѣстный уже намъ, слишкомъ разгульной парубокъ, герой

Повѣсти, видится съ извѣстною же намъ дѣвушкою — *съ черными бровями, равными дугами, поднявшимися надъ свѣтлыми карими глазами*, и только.

Въ III-й главѣ Панько разсказываетъ, какъ будто и по-нашему; появившаяся *красная свитка* — забавна; но *его солопій Черевикъ*, еще невѣроятнѣйшій олухъ раненаго казака, о коемъ слышанный анекдотъ помѣщенъ мною выше, а дочка Черевикова какая-то оглашенная! Первый разъ отъ роду на ярмаркѣ, — первый разъ въ жизни видимъ разгульнаго парубка, который пустилъ комомъ грязи въ мачиху, сидѣвшую съ нею на возу, и тотчасъ обнимается съ нимъ.

Воля твоя, земляче Паньку, а у насъ всякая молоденькая дѣвушка имѣетъ стыдъ и страхъ Божій, и подобный поступокъ невѣроятенъ! А еще невѣроятнѣе, чтобы парубокъ, какой бы онъ ни былъ *гульвисъ*, встрѣтившись въ первый разъ въ жизни съ пожилымъ человѣкомъ, не зная даже, откуда онъ, кинувши прежде грязью въ жену, началъ, въ слѣдъ за тѣмъ середи ярмарки, сватать дочь его прямо своею особою, и чтобы человѣкъ сей (хотя бы и олухъ солопій Черевикъ) тотчасъ согласился принять его въ свое семейство. — Нѣтъ, это не ладно, ей, ей не ладно! Притомъ, самъ скажи: видано ли у насъ, чтобы тесть

съ нареченнымъ зятемъ запивали руку на руку (сватовство) *могорычъ*, какъ говоришь ты, и чтобы первый въ священномъ санѣ отца, видя: „какъ нареченный зять его налилъ „кружку, величиною въ полкварты, и ни мало „не поморщившись выпилъ ее до дна,“ — сталъ говорить своей дочери, въ похвалу жениху ея: „что скажешь, Параска? какого „я тебѣ жениха досталъ! — смотри, смотри: „какъ онъ молодецки тянетъ пѣнную!“

(Продолженіе впредь.)

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе новѣйшихъ происшествій.

Франція.

Въ засѣданіи Палаты Перовъ 26 Декабря, продолжались пренія объ измѣненіи 23 статьи Хартіи 1830 года.

Маркизъ де-Сенъ-Симонъ желалъ бы, чтобы проектъ закона о Перскомъ достоинствѣ не былъ предметомъ разсужденія Палаты Перовъ. „По моему мнѣнію,“ сказалъ онъ: „достоинство Палаты требовало бы, чтобы она просто согласилась съ желаніемъ, изъявленнымъ двумя другими частями законодательной власти. Приверженцы наслѣд-

ственности развили предъ вами страшную фантазмагорію. Въ послѣднее время такъ много говорили объ опасностяхъ, намъ угрожающихъ, объ ужасныхъ послѣдствіяхъ уничтоженія наслѣдственности, что наконецъ въ нѣкоторыхъ умахъ поселилось безпокойство. Если бы астрономы вздумали утверждать, что солнце скоро покинетъ свой орбитъ и сожжетъ землю, люди всякой день посматривали бы на солнце, чтобы видѣть, не исполняется ли предсказаніе; нынѣшнія опасенія похожи на эти. Насъ увѣряютъ, будто наслѣдственный престолъ долженъ необходимо опираться на аристократію, которой основаніе утверждается на томъ же правилѣ наслѣдственности. Можно сказать утвердительно, что это разсужденіе представляется не для выгодъ Королевской власти: Исторія доказываетъ неоспоримо, что во Франціи аристократія всегда тайно подкапывала тронъ, когда только не вела съ нимъ войну явно, и мы видимъ изъ Исторіи, что Короли наши были истинно Королями только тогда, когда имъ удавалось свергнуть съ себя ярмо аристократіи. Подаю голосъ въ пользу проекта въ томъ видѣ, какъ онъ представленъ, безъ всякихъ измѣненій."

Герцогъ Монтебелло въ краткомъ вступленіи сказалъ, что онъ едва осмѣливается говорить о вопросѣ, на который искуснѣйшіе Ораторы разлили свѣтъ столь яркій, но что онъ долгомъ почитаетъ оправдать свое мнѣніе.

„Господа!" сказалъ онъ далѣе: „я сынъ революціи, человѣкъ новый; Перское мое достоинство не есть произведеніе феодализма; оно вышло изъ

земли, орошенной кровью отца моего; всѣмъ моимъ существованіемъ обязанъ я революціи. При дѣйствіи феодальной системы, я бы здѣсь не былъ; посему присутствіе мое между вами, Мм. Гг, есть одинъ изъ самыхъ убѣдительныхъ доводовъ, которые можно противопоставить людямъ, смѣшивающимъ нынѣшнее Перское достоинство съ феодализмомъ, для того, чтобы сквозь одно поразить другое." Потомъ Ораторъ старался доказать, что наслѣдственное Перское достоинство необходимо для сохраненія нынѣшняго порядка вещей во Франціи, и что за уничтоженіемъ наслѣдственности вскорѣ должно послѣдовать и уничтоженіе Палаты Перовъ. Онъ не видитъ ни какой необходимости передѣлывать 23 статью Хартіи, и думаетъ, что предложенный законъ можно отвергнуть безъ малѣйшей опасности, ибо со времени начатія преній по сему предмету въ обѣихъ Палатахъ, общественное мнѣніе о наслѣдственности чрезвычайно измѣнилось.

Баронъ Мунье подалъ голосъ противъ проекта по той причинѣ, что только наслѣдственный Сенатъ можетъ быть совершенно независимымъ, и предохранить націю отъ двухъ крайностей, въ которыя она ввергается, или защищая права свои, или стараясь усилить верховную власть, опору общественнаго порядка, и что сверхъ того наслѣдственность имѣетъ тѣсную связь съ правомъ наслѣдованія, и уничтоженіе одной повлечетъ за собою уничтоженіе другаго.

Графъ Режкуръ (Raigecourt) старался доказать, что уничтоженіе наслѣдственности Перскаго достоинства оставитъ въ Государствѣ только одну

власть — власть избирательной Палаты, и такимъ образомъ повлечетъ за собою истребленіе законной свободы. Благородный Перъ объявилъ, что онъ сложитъ съ себя свое достоинство, если наслѣдственность будетъ уничтожена.

За симъ возшелъ на каѳедру *Президентъ Совѣта* и произнесъ длинную рѣчь, слушанную съ величайшимъ вниманіемъ. Онъ сказалъ въ началѣ оной, что предметъ разсужденій Палаты осмотрѣнъ уже со всѣхъ сторонъ и, можно сказать, истощенъ совершенно; что посему Министерство могло бы и не принимать участія въ преніяхъ; но какъ нѣкоторые изъ Ораторовъ коснулись въ рѣчахъ своихъ Іюльской революціи и Правленія, оною установленнаго, то онъ долгомъ почитаетъ говорить въ защиту ихъ. Разсматривая причины Іюльской революціи, Министръ приписываетъ оную партіи, которая пагубными совѣтами побудила Карла X-го къ нарушенію своей клятвы, и утверждаетъ, что тогдашняя оппозиція не была причиною сего переворота. Затѣмъ Г. Перье старался доказать, что Министерство, предложивъ Палатѣ Депутатовъ законъ, противный его собственному убѣжденію, не имѣло въ виду собственной выгоды, какъ его въ томъ обвиняли, но покорялось необходимости, что доказывается уже утвержденіемъ сего проекта Палатою Депутатовъ, и что та же самая необходимость должна побудить Палату Перовъ утвердить предлагаемый проектъ. Рѣчь сія произвела на слушателей глубокое впечатлѣніе.

Герцогъ де Крои и *Графъ Руже* объявили, что они отказываются отъ своей очереди.

Графы Сегюръ, Ламуаньонъ и *Дежанъ* говорили въ пользу наслѣдственности, и второй предложилъ слѣдующее измѣненіе:

„Члены Палаты Перовъ назначаются Королемъ.“

„Достоинство ихъ наслѣдственное и переходитъ, по праву первородства, къ наслѣдникамъ мужескаго пола.“

„Число ихъ не ограничено Нынѣшняя Палата Перовъ распускается; она должна быть немедленно составлена снова, сообразно вышепрописаннымъ правиламъ.“

Въ засѣданіи 27 Декабря, *Графъ де Турнонъ* произнесъ рѣчь противъ проекта. „Не имѣю нужды,“ сказалъ онъ между прочимъ: „подкрѣплять новыми доводами разсужденія, представленныя противниками закона. Г. Президентъ Совѣта не опровергалъ оныхъ: потому и я не стану защищать ихъ. Но жалѣю, что человѣкъ благородный, Министръ мужественный и любящій свое отечество, утверждаетъ, будто мы должны пожертвовать наслѣдственностію Перскаго достоинства, дабы предохранить общественный порядокъ отъ потрясенія, котораго онъ страшится. Мнѣ кажется, напротивъ, что одинъ только этотъ проектъ, разрушая равновѣсіе между тремя государственными властями и колебля представительное правленіе въ самомъ основаніи, можетъ причинить ожидаемое потрясеніе. Намъ говорятъ, будто мы должны сложить собственное убѣжденіе на алтарѣ необходимости; но нельзя ли будетъ сказать со временемъ того же и противъ наслѣдственности престола? Кто увѣритъ меня,

что мы достигли предѣла требованій тѣхъ людей, которымъ не нравится конституціонная монархія, однимъ словомъ, что нападенія, направленныя противъ дворца Люксенбургскаго, не имѣютъ цѣлію дворецъ Тюльерійскій?"

На эту рѣчь отвѣчалъ *Министръ Юстиціи*. Онъ старался доказать, что политическое право наслѣдственности не имѣетъ ни какой связи съ гражданскимъ правомъ наслѣдованія. „Необходимость Палаты, сказалъ Г. Бартъ далѣе, которая бы служила посредницею между верховною властію и народомъ, была весьма краснорѣчиво доказана. Разсмотримъ же, до какой степени нужна наслѣдственность для полной жизни политическаго тѣла, съ сею цѣлію созданнаго. Несмѣняемость и неприкосновенность (l'inamovibilité et l'inviolabilité), безъ сомнѣнія, содѣлаютъ оное независимымъ, и если бы это чувство неприкосновенности не могло придать ему независимости, то сей цѣли не достигла бы и наслѣдственность, потому, что тогда недостатокъ былъ бы уже въ человѣкѣ, а не въ учрежденіи. Господа! сказалъ онъ въ заключеніе: престолъ и народъ, согласные на счетъ этого вопроса, требуютъ вашего содѣйствія; вы въ немъ не откажете."

Герцогъ Крильонъ, *Графы Буасси д'Англъ* и *д'Аржюзонъ* говорили противъ проекта. Списокъ Ораторовъ, желавшихъ говорить о семъ законѣ, истощился. Два измѣненія, предложенныя Графами Дежаномъ и де Семезономъ, не были ни кѣмъ поддержаны. По предложенію Графа Моле, Палата опредѣлила заняться сначала § 29 проекта (о пожизненности), и затѣмъ приступлено было къ собиранію голосовъ. Каждый Перъ вставалъ съ

своего мѣста, подходилъ къ урнѣ, поставленной на каѳедрѣ, и клалъ въ оную билетъ, на которомъ написано: *да* или *нѣтъ*, или просто бѣлый билетъ, если не хотѣлъ подать голоса. Герцогъ де Броліо явился въ Палатѣ передъ тѣмъ, какъ надобно было собирать голоса; онъ былъ чрезвычайно разстроенъ. (У него въ тотъ день умерла старшая дочь). Герцога де Пралена (de Praslin) принесли больнаго, и онъ едва дошелъ до каѳедры, опираясь на костыль и палку. Въ Палатѣ было въ этотъ день 179 Перовъ; въ отсутствіи 40. По опорожненіи урны оказалось утвердительныхъ билетовъ 103, отрицательныхъ 70, бѣлыхъ 6. Такимъ образомъ наслѣдственность Перскаго достоинства уничтожена большинствомъ 33 голосовъ. Можно полагать, что это голоса новыхъ Перовъ, изъ которыхъ 32 присутствовали въ тотъ день въ Палатѣ.

Въ засѣданіи 28 Декабря, первые девять параграфовъ закона были приняты безо всякихъ преній. Графъ Амбрюжакъ предложилъ сдѣлать нѣкоторое измѣненіе въ § 10, но предложеніе сіе отвергнуто. Слѣдующіе §§ до 20 также приняты безъ преній; въ § 21 (объ избраніи Перовъ изъ числа людей, платящихъ 3000 фр. прямыхъ повинностей), Коммиссія предлагала отринуть условіе: „Если они были, въ продолженіе шести лѣтъ, Членами Генеральнаго Совѣта или Коммерческой Палаты." Но предложеніе сіе также отвергнуто большинствомъ 89 голосовъ противъ 69, и наконецъ приступлено было къ собиранію голосовъ о всемъ законѣ. Число наличныхъ Перовъ было 174, утвердительныхъ билетовъ оказалось 102,

отрицательныхъ 68, бѣлыхъ 4. Такимъ образомъ весь законъ сей, долженствующій замѣнить 23 статью Хартіи 1830 года, утвержденъ большинствомъ 34 голосовъ въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ принятъ былъ Палатою Депутатовъ. (Читатели наши найдутъ его въ No 45 С. О. и С. А. 1831 года).

По сему случаю въ *Journal des Débats* говорятъ слѣдующее. „Разсужденія о семъ предметѣ, продолжавшіяся въ Журналахъ и Палатахъ около полугода, обильны уроками разнаго рода. Но вотъ послѣдній урокъ, который стоитъ всѣхъ другихъ, и на который мы долгомъ почитаемъ обратить вниманіе Франціи. Вчера нападали на наслѣдственность: сего дня, какъ жертва уже принесена, нападенія обратились на самое существованіе второй Палаты. Уже стараются подвергнуть ее презрѣнію; насмѣхаются надъ ея безкорыстіемъ, радуются, что уронили ее въ общемъ мнѣніи, и спрашиваютъ иронически, какой Членъ Палаты Депутатовъ захочетъ оставить свое мѣсто, чтобы засѣдать въ другой Палатѣ, которая лишилась своего преимущества, состоявшаго въ одной наслѣдственности? Вотъ что говорятъ теперь, и чего не говорили за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ избирателямъ. Впрочемъ это насъ не удивляетъ: мы очень хорошо знали, что нѣкоторые люди ненавидѣли наслѣдственность только потому, что сквозь нее смотрѣли на нѣчто другое. Избиратели пусть теперь смышляютъ сами, не попались ли они въ просакъ, а Франція уже, конечно, не дастся вторично въ засаду.“

Въ засѣданіи Палаты Перовъ 30 Декабря, на-

чались пренія о законѣ касательно заключенія въ тюрьму за долги.

Палата Депутатовъ.

Въ засѣданіи 26 Декабря, Г. Жей (Jay) прочелъ докладъ Коммиссіи, разсматривавшей предложеніе Г. де Сальверта о продолженіи въ слѣдующемъ собраніи (session) Палатъ, законодательныхъ трудовъ, начатыхъ въ предъидущемъ. Предложеніе сіе принято на другой день въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„1) Исключая случаевъ распущенія Палаты Депутатовъ и истеченія срока, на который Члены оной избраны, законодательные труды, начатые въ одной изъ Палатъ, и прерванные окончаніемъ собранія (session), могутъ быть продолжаемы съ той точки, на которой остановились. Впрочемъ это относится только до предложеній, о которыхъ сдѣланъ докладъ Коммиссіи.

„2) Исключая двухъ случаевъ, означенныхъ въ 1 статьѣ, проекты законовъ, принятые одною Палатою, могутъ быть представлены Правительствомъ другой Палатѣ, и, въ случаѣ утвержденія, распубликованы какъ государственные законы.“

Затѣмъ (въ засѣданіи 26 Декабря) утверждены большинствомъ 236 голосовъ противъ 3, нѣсколько проектовъ о раздѣленіи между разными Департаментами 3.500,000 фр., назначенныхъ въ пособіе для производства публичныхъ работъ. Потомъ продолжались пренія по предмету закона о внутреннихъ складочныхъ мѣстахъ, который въ засѣданіи 27 Декабря и принятъ большинствомъ 190 голосовъ противъ 76. Существо сего закона состоитъ въ томъ, что во всѣхъ внутреннихъ городахъ, исполняющихъ нѣкоторыя предварительныя усло-

вія, учреждаются складочныя мѣста, въ коихъ товары, ввозимые во Францію для потребленія или для транзита, могутъ быть оставляемы до трехъ лѣтъ безъ уплаты пошлинъ, если до того времени не поступятъ въ продажу. Въ томъ же засѣданіи проектъ закона объ ассигнованіи 1 милліона франковъ въ добавокъ къ суммѣ, назначенной на 1831 годъ для выдачи премій по ловлѣ трески и китовъ, утвержденъ большинствомъ 187 голосовъ противъ 44.

Въ засѣданіи 29 Декабря, Г. де Шоненъ прочелъ докладъ Коммиссіи, разсматривавшей проектъ закона о доходахъ и владѣніи Королевскаго Дома. Коммиссія полагаетъ перевести въ государственное владѣніе нѣкоторые дворцы и замки, оставленные, по предложенному Палатѣ проекту, во владѣніи коронномъ. Разсмотрѣвъ всѣ части проекта, Докладчикъ перешелъ къ суммѣ, ежегодно отпускаемой на содержаніе Королевскаго Дома. Сумма сія въ проектѣ не означена; Коммиссія признала единодушно, что оная должна быть довольно высока для чести Франціи и достоинства трона; но Члены Коммиссіи не согласились въ количествѣ сей суммы. Четверо изъ нихъ полагаютъ назначить 14 милліоновъ, четверо другіе 12,500 000 фр.; сверхъ того Коммиссія полагаетъ назначить наслѣднику престола нынѣ 1 милліонъ, и 2, когда онъ женится. Которое бы мнѣніе ни приняла Палата, во всякомъ случаѣ сдѣлано будетъ весьма значительное сбереженіе, ибо доходы Карла X простирались до 35 милліоновъ. Цѣна отчуждаемыхъ отъ короннаго владѣнія имѣній составляетъ 18 милліоновъ фр.

Въ томъ же засѣданіи Маршалъ Сультъ предложилъ проектъ закона о назначеніи 18.923.000 фр. въ добавокъ къ суммамъ, отпущеннымъ въ 1831 на Военное Министерство, а Королевскій Коммиссаръ Мартино де Шене объ уплатѣ суммъ, остающихся по сіе время въ долгу и слѣдующихъ за разныя поставки для арміи, сдѣланныя съ 1807 по 1813 годъ въ Испаніи и Литвѣ. За симъ приступлено было къ разсмотрѣнію проекта закона о назначеніи пенсіоновъ военнымъ, пожалованнымъ съ 20 Марта по 7 Іюля 1815 года. Читатели наши помнятъ, что Палата Депутатовъ, а потомъ и Палата Перовъ, приняли предложенный Г. Буасси д'Англа проектъ закона о возвращеніи чиновъ и орденовъ, пожалованныхъ Наполеономъ въ стодневное правленіе, но что Правительство, не утвердивъ сего проекта, и не объявивъ о томъ Палатамъ, сдѣлало то самое, что въономъ предполагалось, но только посредствомъ Королевскихъ повелѣній, и потомъ предложило Палатѣ Депутатовъ вышеозначенный законъ. Надобно замѣтить, что это былъ первый принятый Палатами проектъ, предложенный не Правительствомъ, а Членомъ одной изъ Палатъ. На другой день (30 Декабря), не смотря на запальчивыя выходки оппозиціи противъ Министровъ, на которыя отвѣчалъ съ благородствомъ и умѣренностію Маршалъ Сультъ, законъ сей принятъ большинствомъ 161 голоса противъ 111 голосовъ. За тѣмъ Г. Тьеръ прочелъ докладъ Коммиссіи, разсматривавшей бюджетъ 1832 года. По его донесенію, бюджетъ раздѣляется на чрезвычайный и обыкновенный; первый простирается до 140 мил., второй

до 955; последній, обыкновенный бюджетъ царствованія Карла X простирался до 976; слѣдственно Министерство предполагаетъ сдѣлать 21 милл. экономіи. Главныя статьи обыкновеннаго бюджета суть слѣдующія: Государственный долгъ 345 м. содержаніе Палатъ, Королевскаго Дома, Почетнаго Легіона 4.610,000 ф., разныя уплаты, преміи и проч. 42 мил., Министерства 444 м., расходы по взиманію податей и налоговъ 118 мил. Коммиссія полагаетъ сдѣлать слѣдующія сокращенія: по Министерству Юстиціи 718.000 ф., Иностранныхъ Дѣлъ 582,000, Вѣроисповѣданій 904,000, Внутреннихъ дѣлъ 40,000, Публичныхъ Работъ 1.336,000, Военному 3.051,000, Морскому 1.556,000, Финансовъ 2.469,000 фр. всего 10.656,000 франковъ.

Англія.

Офиціяльныя извѣстія, полученныя Правительствомъ изъ Ирландіи, весьма неблагопріятны: поселяне такъ озлоблены, что надобно было послать два полка для усмиренія ихъ въ случаѣ нужды, а между тѣмъ и Англійскіе мануфактурные города находятся въ такомъ состояніи, что одно только присутствіе войскъ удерживаетъ работниковъ отъ возмущенія.

Правительство наконецъ рѣшилось наименовать нѣсколько новыхъ Перовъ, и это послѣдуетъ въ скоромъ времени.

Въ *Morning Herald* утверждаютъ, что въ торговлѣ Англіи съ Франціею балансъ въ пользу послѣдней составляетъ около 10 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, считая въ томъ числѣ огромныя суммы, которыя Англичане проживаютъ въ Парижѣ.

Изъ Диля пишутъ, что тамъ получено предписаніе Адмиралтейства распустить эскадру, собранную въ Дюнахъ. Корабли, оную составляющіе, отправятся по своему назначенію, при первомъ попутномъ вѣтрѣ.

Нидерланды.

Брюссель. Правительство заключило съ домомъ Банкира Ротшильда заемъ въ 50.400,000 фр. по 5%.

Въ Луксенбургѣ происходили безпокойства: шайка, состоявшая изъ 200 или 300 человѣкъ, подъ предводительствомъ Г. Торнако и его сына, ходила по тѣмъ частямъ, которыя предоставлены по послѣднему трактату Бельгіи, смѣняла Бельгійскихъ чиновниковъ, грабила ихъ домы и обезоруживала національную гвардію; наконецъ шайка сія была разсѣяна собраннымъ на-скоро отрядомъ войскъ и таможенной стражи. Самъ Торнако и другіе начальники захвачены и привезены въ Намюръ.

Палата Представителей утвердила проектъ закона объ устройствѣ арміи; армія будетъ состоять изъ 80,000 регулярнаго войска, а въ 1832 г. полагается набрать 12,000 рекрутъ.

Разныя извѣстія.

Въ Легаціяхъ почти совсѣмъ не признаютъ власти Папы, и поступаютъ какъ будто бы онѣ составляютъ совершенно независимое владѣніе; никто не платитъ податей, и бывшій Вице-Президентъ Временнаго Правленія, Вицини, исключенный изъ амнистіи, возвратился въ Болонью, и спокойно

живетъ тамъ. Посему Австрійскія войска будутъ разставлены вдоль границы Легацій, дабы, въ случаѣ нужды, поддержать силою оружія права Его Святѣйшества.

Хотя экспедиція Дона Педро совершенно готова, но она не начнетъ своихъ дѣйствій до весны; теперь она собирается въ Терсейрѣ. Говорятъ, что Испанскій Король заключилъ съ Д. Мигуэлемъ оборонительный и наступательный союзъ; это, вѣроятно, будетъ весьма важнымъ препятствіемъ исполненію плановъ Д. Педро.

7-го Января.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА
И
СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ.
1832 № III.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛАТНИКЪ.

(Продолженіе.)

Время шло; но оно не перемѣнило ни упорства отца, ни постоянства дочери. Съ своей стороны, влюбленный Баяновъ, не смотря ни на какія угрозы, презирая опасности, обманывая надзоръ, старался проникнуть до темницы своей любезной — и долго, долго напрасно. Мало по малу однако жъ, ему удалось деньгами склонить на свою сторону одного изъ тюремщиковъ. Золотой дождь по каплѣ пробиваетъ даже камень. Ему доставили случай видѣться съ Лизой, и минуты, которыя провели они вмѣстѣ послѣ долгой разлуки, не смотря на мечъ, висящій надъ головою, были самыми счастливыми въ ихъ жизни, потому

что вѣрность въ такую мучительную годину испытанія получаетъ высшую цѣну, и каждый мигъ, вырванный изъ львиныхъ челюстей опасности, тѣмъ сладостнѣе, чѣмъ короче; тѣмъ ближе къ восторгу, чѣмъ ближе къ гибели. Скоро почувствовала заключенница, что существо ея удвоилось. Какое святое чувство вложила въ насъ природа къ обновленію! Какое сердце не трепетало радостью при мысли: „и я стану матерью!" при вѣсти: „ты отецъ!" Въ такія минуты забыты всѣ страхи, всѣ расчеты!!

Наши любовники были счастливы на зло судьбѣ — и это самое придало имъ смѣлости, самой надежды. Тутъ уже дѣло шло не о нихъ самихъ, но объ имени, о счастіи третьяго, драгоцѣннаго для нихъ залога. Они приготовились къ побѣгу. Они согласились исполнить свое намѣреніе, когда отецъ уѣдетъ на три дня въ отъѣзжее поле. — Онъ уѣхалъ.

Переодѣтый въ кучерское платье, проникъ Баяновъ въ тюрьму Лизы ночью. Дневальный тюремщикъ былъ подговоренъ бѣжать вмѣстѣ: лихая тройка ждала ихъ за частоколомъ сада — оставалось только удачно выбраться изъ дому. Баяновъ засталъ свою невѣсту на колѣнахъ передъ Образомъ. Кончивъ молитву, она кинулась въ объятія къ

милому, но долго не могла промолвить слова, заливаясь слезами. Я знаю это отъ старика, бывшаго свидѣтелемъ. Онъ разсказывалъ, что смѣлость ее покинула, когда надобно было ступить за порогъ; что она умоляла Христомъ Богомъ, отложить все до завтра; говорила: сердце у нее будто стиснуто желѣзною рукою — что она предчувствуетъ вѣрную, неминучую гибель. Баяновъ, разумѣется, утѣшалъ, ободрялъ, уговаривалъ ее; доказывалъ, что предчувствія не что иное, какъ робость; что откладывая удобный побѣгъ, они накличутъ себѣ не только въ каждомъ человѣкѣ, да въ каждомъ часу непріятеля, — а что всего важнѣе, Священникъ ждетъ ихъ въ церкви. — Она уступила. — Черезъ садъ, въ повозки — и ударили по всѣмъ по тремъ.

Дѣло было въ началѣ Ноября. Рыхлая пороша чуть подернула павшій листъ дубравы. Я и забылъ тебѣ сказать, что все это происходило въ К.. ..... Губерніи, въ усадьбѣ Князя, называемой Шуранъ; — лежитъ она надъ Камою, при большой дорогѣ въ Оренбургъ: мѣсто преживописное; барскій домъ на холмѣ; дѣдовскій темный садъ шумитъ угрюм на берегу; вправо... да не о томъ дѣло. Глухая ночь лежала надъ Шураномъ, когда наши бѣглецы оставили его. Проселочная дорога къ далекой, уединенной церкви пролегала

дремучимъ лѣсомъ, и мѣстами совсѣмъ склонялась на крутой берегъ Камы. По Камѣ шелъ тогда ледъ и съ печальнымъ звукомъ ломался другъ о друга. Двѣ тройки мчались быстро, но едва слышно — колеса нарочно были обвиты кушаками. Припавъ къ груди Баянова, для котораго пожертвовала всѣмъ на свѣтѣ, Лиза едва дышала, едва думала. Часъ этотъ былъ для нее, какъ часъ передъ казнью преступника — онъ еще не мертвый, но ужъ и не живой: можетъ ли онъ наслаждаться жизнію, когда смерть впустила въ него когти свои? — Такая отсрочка хуже пытки; — такая безчеловѣчная милость жесточе казни самой. — Но едва ль не еще несноснѣе, когда неожиданное счастіе разманитъ насъ — и вдругъ готово исчезнуть! Пусть непредвидѣнная бѣда поражаетъ, какъ пуля; бѣда, передъ которою идетъ предчувствіе, терзаетъ, какъ ядъ жестокій. Въ такомъ точно положеніи были оба наши любовника. Они молчали, потому, что ни одинъ не могъ найти слова утѣшительнаго; земля звучала подъ колесами, будто сводъ могильный; вѣтки сыпали на лице иней, и корни заплетали имъ дорогу. — Все кругомъ было въ смертной тишинѣ; только порой спугнутый филинъ страшно гукалъ въ чащѣ, хлопая тяжелыми крыльями, или тре-

щалъ изломанный сукъ. Они благополучно добрались до деревенской церкви, верстъ за 15 отъ Шурана. Въ ней привѣтно теплился огонекъ.. дверь растворилась, и женихи вошли въ тусклую трапезу. Иконостасъ подымался до самаго потолка, подпертый витыми столбиками, когда-то позолоченными; старинные лики Святыхъ, едва озаренные лампадою передъ царскими дверьми, казалось, хмурились, помавали головами; хоругви колебались отъ сквознаго вѣтра, который, дуя въ рамы, возникалъ и стихалъ печальною пѣснію. Почтенный старичекъ Священникъ встрѣтилъ жениха и невѣсту у дверей благословеніемъ, и дьячекъ, засвѣтя еще нѣсколько свѣчъ въ высокихъ подсвѣчникахъ на деревянной ножкѣ, запѣлъ хриплымъ голосомъ. Началась служба. Прелестна, однако жъ блѣдна, какъ снѣгъ намогильный, стояла передъ налоемъ невѣста.. вѣнчальная свѣча дрожала въ рукѣ ея — и когда Баяновъ ободрялъ ее нѣжнымъ взглядомъ — она отвѣчала: „это отъ холода“ — этотъ холодъ былъ у ней въ сердцѣ.. Она робко озиралась кругомъ и сторонилась тѣней, перебѣгающихъ по церкви отъ зыбкаго пламени свѣчъ, какъ будто онѣ хватали ее. Вопреки всѣхъ страховъ, обрядъ кончился счастливо. Кольца скрѣпили священною цѣпью сердца, давно уже сплавленныя любовью — и поцѣ-

луй запечатлѣлъ союзъ ихъ. Когда передъ алтаремъ Бога милосердія и правды супруги съ радостными слезами на глазахъ заключили другъ друга въ объятія — они забыли настоящее и будущее — ни какое горестное чувство не развлекало этого восторженнаго мгновенія.

Оно было послѣднимъ въ ихъ счастіи.

Конскій топотъ и грозные клики налетали со всѣхъ сторонъ — Священникъ съ колѣнопреклоненіемъ молился о спасеніи — Баяновъ готовился къ защитѣ — все было напрасно: выбитыя двери церкви упали, и толпа охотниковъ княжихъ вслѣдъ за разъяреннымъ своимъ господиномъ ворвались въ средину. На бѣду, онъ охотился невдалекѣ, и получивъ извѣстіе о побѣгѣ дочери, стремглавъ ударился въ погоню. Что медлить правдою? — Супруговъ силою разлучили, связали, кинули въ телѣги порознь, и понеслись назадъ въ роковой Шуранъ.

Съ этой поры туча злодѣйства одѣла этотъ домъ тайною. Никто не зналъ, что дѣлается съ молодыми. Никто не могъ догадаться, куда дѣвались они. Двое псарей, которые везли Баянова, увѣряли, что онъ вырвался на полъ-дорогѣ, и ушелъ въ лѣсъ: за это они жестоко были наказаны. — Священника угрозами и лестью заставили молчать

о бракѣ: притомъ же онъ совершенъ былъ не по всѣмъ правиламъ — недоставало свидѣтелей, и Священникъ притаился, чтобы не быть въ отвѣтѣ; общая молва была распущена между дворнею, что отецъ захватилъ вѣнчанье въ самомъ началѣ. Какъ бы то ни было, ни одинъ человѣкъ не осмѣливался спросить объ этомъ обстоятельствѣ угрюмаго Князя. И Лиза и Баяновъ канули какъ въ воду... сосѣди шептались между собою — какъ раки подъ крапивою — и какъ раки пятились передъ страшнымъ сосѣдомъ. Его ядовитый взглядъ убивалъ любопытство и участіе.

Съ большимъ удивленіемъ увидѣла дворня ровно черезъ годъ, что къ нимъ на дворъ катитъ весь Уголовный Судъ изъ Казани. Всѣ слуги дрожали осиновымъ листомъ, чтобъ не попасться въ свидѣтели по проказамъ барина: затаскаютъ, заморятъ по тюрьмамъ ни дай ни вынеси. Въ одинъ мигъ слухъ въ доносѣ разбѣжался по всему селенію. Члены Суда немедленно потребовали видѣть дочь Княжую— про которую отецъ отвѣчалъ, что держитъ ее взаперти по сумасшествію. — Онъ повелъ ихъ въ тюрьму Лизы. Дверь замкнулась, и мертвая тишина воцарилась въ цѣломъ домѣ... всѣ, не переводя дыханія и навостривъ уши, ждали, чѣмъ это кончится. Иные шепо-

томъ увѣряли, что Князя возьмутъ подъ стражу, и что для этого пріѣхала крытая повозка. Желаніе избавиться отъ злаго барина и страхъ у него остаться — волновали всѣхъ. — Наконецъ двери распахнулись настежь — и тогда нѣкоторые изъ слугъ, заглянувъ украдкою въ тюрьму барышни, увидѣли ее брошенную на соломѣ, въ рубищѣ: на ней не было вида человѣческаго — такъ она похудѣла и почернѣла. Глаза впали, волосы были всклочены — она лежала, разметавъ руки, въ обморокѣ.

„Теперь мы удостовѣрены, что она бѣшенаго сумасшествія,“ сказалъ Предсѣдатель Палаты. „Ни какого нѣтъ сомнѣнія,“ преважно прибавилъ городской лекарь: — „она безумна — неизлечимо.“ — „Держите ее крѣпче“ подхватилъ весь Судъ хоромъ: „вы ей природный опекунъ: на дняхъ пришлемъ формальную бумагу на вводъ во владѣніе!“ Роскошный завтракъ скрѣпилъ опредѣленіе этихъ неумытныхъ судей, и юстиція отправилась въ городъ навеселѣ. Вся дворня съ ужасомъ услышала приказъ: такъ вотъ зачѣмъ пріѣзжалъ Судъ — такъ вотъ чѣмъ кончилась эта уговорная гроза!! — Когда за Судьями тронулся обозъ съ подарками, слуги, пожимая плечами, тихонько говорили: „скоро по этой дорогѣ повезутъ на погостъ и

добрую Княжну нашу!!“ Предсказаніе сбылось скоро — черезъ полгода Лиза скончалась.

Люди пожимали плечами — окружные дворяне много толковали объ этомъ случаѣ. Всѣ соглашались, что Князь нарочно ославилъ дочь свою безумною, чтобъ завладѣть ея имѣніемъ; что безчеловѣчнымъ обхожденіемъ съ нею онъ въ самомъ дѣлѣ довелъ ее до изступленія и наконецъ безвременно свелъ въ могилу. Судьба Баянова не ускользнула отъ проницательныхъ взоровъ. Ходили слухи, что онъ былъ привезенъ въ Шуранъ и брошенъ въ одинъ изъ подваловъ, гдѣ и былъ уморенъ съ голоду мстительнымъ Княземъ. Приводили въ доказательство разсказы нѣкоторыхъ слугъ.. они клялись, что слышали стоны въ подпольѣ — и узнавали въ нихъ голосъ учителя; что потомъ онъ началъ стихать, стихать, и наконецъ замеръ въ такомъ страшномъ воплѣ — что отъ одного разсказа вставали дыбомъ волосы. Говорили еще, будто видѣли въ слѣдующую ночь, что мелькалъ огонь въ отдушинѣ подвала, гдѣ сидѣлъ Баяновъ, слышали какъ тамъ брякали лопатки, какъ что-то закапывали, закладывали камнемъ. Совсѣмъ тѣмъ ужасъ, наведенный на сосѣдей, былъ такъ глубоко укорененъ, сила его въ Судѣ и связи въ столицѣ такъ обширны, что ни одинъ

человѣкъ не посмѣлъ пикнуть въ обвиненіе. Дѣло запало само собою.

Вскорѣ послѣ смерти дочери, въ Князѣ замѣтили чудесную перемѣну. Его злое, дерзкое лице покрылось блѣдностью; походка стала робка и нерѣшительна, глаза подернулись дымною оболочкою. Иногда, середи бѣлаго дня, онъ останавливался на быстромъ ходу и, весь трепеща, отступалъ; иногда вскакивалъ съ креселъ, произнося невнятныя слова. Этого мало: по сказкамъ всей дворни, стали твориться чудеса въ домѣ. Что ни полночь, двери изъ бывшей тюрьмы Княжны распахивались съ визгомъ сами, и оттуда явственно раздавались мѣрные шаги, только никого видно не было. Въ ту же минуту подымался тяжелый стонъ изъ подвала такъ протяжно, такъ страшно и пронзительно, что онъ слышался во всѣхъ углахъ замка. Напрасно зарывали всѣ головы въ подушки и завертывались въ одѣяла: онъ все слышался въ ушахъ и звучалъ, какъ въ пустомъ склепѣ могильномъ. Въ спальной у Князя каждую ночь слышали чью-то походку, адскій смѣхъ и потомъ скрежетъ зубовъ, проклятія и будто хрипѣніе смерти. Никто не смѣлъ однако жъ и намѣкнуть о томъ, не только спросить Князя — онъ хранилъ мертвое молчаніе. И вдругъ въ одну ночь, онъ съ воплемъ выбѣжалъ изъ спальни своей, блѣдный, испуганный, въ одной сорочкѣ — онъ самъ походилъ тогда на мертвеца. „Запрягайте коней — подавайте возовъ!" кричалъ онъ: „чтобы сей часъ, сей же мигъ старъ и малъ бѣжалъ изъ этого проклятаго дома, вонъ отсюда и на всегда... Слышите ли, говорю я вамъ, выбирайтесь вонъ мигомъ!" — Какъ ни удивлены были слуги и всѣ домашніе такимъ нежданымъ приказомъ, только шутить съ Княземъ было плохое дѣло: черезъ часъ не осталось въ цѣломъ домѣ ни человѣка, ни кошки. Все это кинулось, потащилось и поползло въ зимнюю ночь, кто на чемъ попало, въ другую усадьбу верстъ за 30. Съ тѣхъ поръ домъ этотъ стоитъ заколоченъ. Суевѣріе сторожитъ его лучше всякихъ караульныхъ и собакъ. На закатѣ солнца, не то, чтобы въ глухую ночь, ни одинъ крестьянинъ не смѣетъ мимо его вблизи проѣхать. — Чрезъ полтора года Князя нашли мертвымъ въ постелѣ. Простолюдины толковали, что его заѣли нечистые, которымъ продалъ онъ душу — увѣряли, что видѣли на шеѣ слѣды зубовъ. Люди умные говорили, что правосудіе Божіе кликнуло его на расправу. Его похороны были праздникомъ не для однѣхъ плакальщицъ. Усадьба Шуранъ, вмѣстѣ съ деревнею, досталась на долю моей матери. Не смотря на всѣ выгоды и устройство хозяй-

ственное, она не хотѣла туда переселиться. Только раза два въ лѣто пріѣзжала она съ нами къ управителю, жившему въ одномъ изъ отдаленныхъ флигелей, для надзора и повѣрки счетовъ на мѣстѣ. Само собою разумѣется, что дворня наша, и мамки, и нянюшки мои, не упустили случая насказать мнѣ съ три короба страховъ и преданій объ этомъ таинственномъ домѣ. Съ какимъ, бывало, трепетомъ, съ какимъ удовольствіемъ осмѣливались мы съ братомъ приближаться по заросшему крапивою двору, вечеркомъ, къ заколдованнымъ палатамъ! Главныя двери были забиты досками; окна зацвѣли мертвою синевою; въ разбитыя стекла порхали птицы, и кровля во многихъ мѣстахъ впала собственною тяжестію. Осторожно переступая, будто боясь попасть въ силокъ или въ очарованный кругъ, подходили мы къ крыльцу: на немъ, по спаямъ камней росла уже трава. Братъ мой былъ и постарѣе и посмѣлѣе меня, и порой достигалъ до самой двери; но когда обращался назадъ, то кидался внизъ по ступенямъ опрометью. Онъ признавался, что замо́къ страшно глядѣлъ на него однимъ глазомъ своимъ; что въ дверную скважину кто-то дышалъ на него морозомъ, и петли скрежетали какъ зубы. Издали бросали мы иногда камень на кровлю, и съ біеніемъ сердца слушали, какъ онъ, стуча

и прыгая, катился по ней къ низу — и когда, упавъ на землю, скакалъ еще далѣе, мы бросались отъ него, воображая, что онъ за нами гонится. И въ самомъ дѣлѣ эта могильная тишь на дворѣ, опустѣлый домъ, опальныя ряды службъ, обрушенные заборы, все внушало грусть даже дѣтскому сердцу, и, вѣтеръ, стонущій въ разбитыхъ окнахъ, шумящій между репейникомъ, слышался намъ говоромъ духовъ, вѣстью съ того свѣта — онъ будто наносилъ на насъ сырость и прохладу гробовъ.

Какъ то однажды мы были смѣлѣе обыкновеннаго, и разбивъ камнемъ стекло въ окнѣ нижняго этажа, рѣшились посмотрѣть внутрь комнатъ. Братъ поднялъ меня на плечи, чтобъ я могъ достать до рамы. Не безъ ужаса просунулъ я свою голову въ разбитое стекло; я боялся бы не болѣе положить ее въ пасть медвѣдя. Опершись о пыльный косякъ, взглянулъ я внутрь, и сначала все мнѣ показалось темно, какъ ночью. Черезъ нѣсколько времени я пригляделся... а между тѣмъ братъ ежеминутно разспрашивалъ меня, что я вижу. То была обѣденная зала. Длинные столы стояли по стѣнамъ съ полуоборванными полами; многіе стулья лежали на полу, словно опрокинувшись отъ страха; другіе, будто отъ слабости, стояли, прислонясь къ стѣнѣ. На полу

лежали обломки посуды, видно, разбитой въ попыхахъ перевоза. Полинявшіе, пыльные обои, въ иныхъ мѣстахъ уже опавшіе, колебались отъ вѣтра; изъ-подъ нихъ выглядывала дождевою плѣсенью покрытая стѣна; индѣ штукатурка обвалилась и сквозили лучинныя рѣшетки — вы бы сказали: это тлѣющій трупъ богача, съ котораго падаетъ одежда и кожа, и мѣстами уже обнажаются ребра, на которыхъ паутина висѣла, какъ волокна и жилы. Карнизы улѣплены были гнѣздами ласточекъ; летучія мыши цѣплялись по угламъ; живопись потолка сплылась въ какіе-то чудовищные арабески. Трудно себѣ вообразить, какое странное впечатлѣніе произвелъ на меня видъ этой опальной комнаты: я будто сей часъ гляжу на нее! Все, все въ ней казалось мнѣ чуднымъ, сверхъестественнымъ, страшнымъ. Этотъ мракъ, въ ней царствующій, эта полурастворенная въ коридоръ дверь, за которою такъ таинственно сгущались тѣни, даже обшитая сукномъ веревка, на которой когда-то висѣла люстра, съ огромнымъ крючкомъ своимъ, казались мнѣ орудіемъ пытки. Мнѣ казалось, на сѣромъ свѣтѣ сумерекъ, сквозь мутныя стекла, что всѣ звѣри и птицы обоевъ шевелятся, трепещутся; что бѣлая изразцовая печка притаилась въ углу, какъ мертвецъ въ саванѣ, и вдругъ въ самомъ

дѣлѣ что-то живое, съ блестящими глазами, съ грохотомъ прокатилось по залѣ и прямо кинулось на меня; — я заревѣлъ, опрокинулъ брата, смялъ его, покатился съ нимъ вмѣстѣ черезъ голову, и потомъ вскочили мы оба, и оба, крича изо всей мочи, ударились бѣжать врознь, забывъ оборонительный и наступательный союзъ: не выдавать другъ друга ни въ какомъ случаѣ. Чудовище, испугавшее насъ, была кошка. Мы однако жъ, народъ храбрый, и увѣрясь въ томъ, не смѣли подойти къ ней: кошка искони слыветъ сосудомъ оборотней, вѣдьмъ и тому подобной адской челяди втораго разряда.

Улетѣли годы. — Давно ужъ покинулъ я родину. Учился въ Москвѣ, вступилъ въ службу. Радостно спѣшилъ я домой показать матушкѣ свои патенты, свои эполеты, при первомъ отпускѣ. Весь мой младенческій и отроческій бытъ ожилъ въ душѣ, когда я увидѣлъ поприще, на которомъ онъ двигался. Правда, кукольный міръ этотъ не только просторный, но и огромный для ребенка, для меня юноши казался ужъ тѣсенъ, малъ непонятно. Но онъ былъ *моимъ*; былъ связанъ, не скажу съ прекраснымъ, но съ беззаботнымъ возрастомъ, когда мы чувствуемъ — не ощущая сердца, думаемъ — не упоминая души; съ этимъ единственнымъ возрастомъ

настоящаго безъ сожалѣнія о вчера, безъ ожиданія завтра, безъ воспоминаній, едва ли не всегда разведенныхъ желчью раскаянія, безъ надеждъ, отравляемыхъ ядомъ страха. Я сказалъ тебѣ о моей наклонности къ чудесному. Признаюсь, что возрастъ не уничтожилъ ея; онъ только высучилъ ее въ утонченную нить, а романы раскрасили ее своими цвѣтами. Перемѣнился видъ, существо осталось то же. Вотъ почему таинственный Шуранъ манилъ меня къ себѣ своими чудными преданіями — манилъ неодолимо. На третій же день я велѣлъ осѣдлать коня, и поскакалъ туда. Это было въ Октябрѣ мѣсяцѣ. Когда я пріѣхалъ въ Шуранъ, ночь, какъ прелестная Арабка, въ звѣздномъ покрывалѣ глядѣлась уже въ померкшемъ зеркалѣ Камы. Я слѣзъ у крыльца уединеннаго домика, въ которомъ жилъ управитель — только не нашелъ его у себя — онъ уѣхалъ въ дальнюю деревню. Мнѣ вовсе не весело было коротать вечеръ съ старухою, его женою, и поужинавъ налегкѣ, я велѣлъ подать себѣ топоръ, зажегъ три восковыя свѣчи, вмѣсто факела, и не сказавъ никому ни слова, отправился прямо къ покинутому дому. Репейникъ заплеталъ мнѣ дорогу; испуганныя лягушки, которыя уже столько лѣтъ невозбранно владѣли мокрымъ дворомъ, квакая, прыгали изъ-подъ ногъ моихъ. Я подо-

шелъ къ обрушенному крыльцу — котораго ступени были термометромъ дѣтскаго нашего честолюбія, — я увидѣлъ окно, въ которое глядѣлъ, когда былъ испуганъ кошкою — и всѣ фантастическія существа замахали около меня знакомыми крыльями, и прежнее чувство сладкаго страха втѣснилось въ грудь, — я опять стоялъ школьникомъ передъ старинным замкомъ. Это было на минуту. Я оторвалъ топоромъ доски дверей, и вошелъ въ обширную переднюю. Отворенные кругомъ стѣнъ ящики для сидѣнья слугъ и опрокинутыя вѣшалки доказывали еще торопливость, съ которою выбирались жильцы изъ дома. Паукъ развѣсилъ свои побѣдныя знамена по стѣнамъ; мѣдныя задвижки дверей зацвѣли зеленью, сами двери едва держались на перержавленныхъ петляхъ — и когда я тронулъ однѣ — онѣ упали съ трескомъ на полъ. Гулъ пошелъ по пустымъ комнатамъ, густое облако пыли взвилось — и я сквозь него вступилъ въ залу. Летучія мыши, эти бабочки развалинъ, треща перепончатыми крыльями, слетѣлись на огонь, и кругами рѣяли мимо глазъ. Разрушеніе много выиграло съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ видѣлъ эту залу. Карнизы обвалились, и часть ихъ лежала на столахъ, словно объѣдки отъ пиршества зубастаго времени. Обои

висѣли длинными лоскутьями. Занавѣсы оконъ подъ густымъ слоемъ пыли источены были молью. Дождевые потоки навели еще мрачнѣйшую краску на стѣны — и на нихъ нѣсколько портретовъ проглядывали сквозь копоть, будто сквозь туманъ забвенія. Полонъ воспоминаній младенчества, полонъ думою о несчастной судьбѣ моей родственницы, которая жила, любила, умерла здѣсь — пробѣгалъ я рядъ комнатъ, покинутый людьми, которые одни могутъ бороться со временемъ, и оставили ему побѣду безъ боя. Въ каждомъ трепетаніи обоевъ мнѣ слышался стонъ умирающей жертвы — одинокой посреди холодныхъ стѣнъ и еще холоднѣйшихъ стражей — въ разлукѣ съ милымъ супругомъ. И ни одно дружеское привѣтствіе, ни какое родственное утѣшеніе не радовали послѣдней тоски ея!! Напротивъ, она видѣла подлѣ себя коршуновы очи, которыя съ жадною радостію ждали ея кончины — она знала, что мученія ея останутся никому неизвѣстны; что испытавъ по сю сторону гроба злость, по ту сторону предана будетъ клеветѣ; что она, измученная, очерненная, погребенная заживо, сойдетъ въ землю неоплакана, неоправдана ни кѣмъ и ни передъ кѣмъ — ужасно! — „Лиза!" вскричалъ я: „несчастная Лиза! Я защитникъ твоей чести!" — Мой голосъ пробудилъ эхо пустыхъ комнатъ, и стекла, дребезжа, дали унылый аккордъ! Въ это время послышалось мнѣ, будто кто-то ходитъ въ сосѣдней комнатѣ... шаги эти были тихи, легки, можно сказать, воздушны: — меня облило холодомъ, волосы стали дыбомъ.. прислушиваюсь — ни звука. Мало по малу я ободрился — и поднялъ вверхъ свѣточъ свой, чтобы осмотрѣться — я стоялъ въ длинномъ коридорѣ, въ концѣ котораго видѣлась бѣлая рѣзная дверь, убитая, какъ видно, послѣ, желѣзными полосами. Сверху привинчены были тяжелыя задвижки — но онѣ не были задвинуты. Мнѣ вспало на умъ: не здѣсь ли вытерпѣла дочь строптиваго Князя ужасную пытку? Любопытство разгорѣлось. Я приблизился къ этимъ дверямъ, тихо взялся за скобу и дернулъ ее къ себѣ... дверь растворилась.

Другъ мой! ты знаешь, робокъ ли я подъ свистомъ картечей; ты знаешь, блѣднѣлъ ли я передъ пикой, устремленной мнѣ въ сердце— но ты не знаешь, какъ упало это сердце, когда взглянулъ я въ тюрьму Лизы... Казалось, ледяная гора задавила меня — казалось, самъ я въ одно мгновеніе превращенъ былъ въ кусокъ льда... Нѣтъ, это былъ не сонъ, не мечта, не обманъ очей, не игра приготовленнаго воображенія — я тысячу разъ

видѣлъ портретъ Лизы, висѣвшій въ спальнѣ у моей матери — онъ былъ врѣзанъ въ моей памяти — и вдругъ на яву, безъ всякихъ сомнѣній на яву передо мною..!"

Я слушалъ Зарницкаго съ большимъ вниманіемъ; — когда онъ былъ разгоряченъ или одушевленъ, то разсказывалъ увлекательно. Не слова, не рѣчи — а голосъ этихъ рѣчей, а чувство, волнующее этотъ голосъ, переливали участіе въ грудь каждаго. — Въ ту минуту, когда онъ произнесъ: „*передо мною*..!" послышались тяжелые шаги по лѣстницѣ. Мы оба такъ настроены были къ чему-то сверхъестественному, что вскочили невольно и обратили глаза на дверь съ какимъ-то робкимъ ожиданіемъ. Когда глаза наши встрѣтились — мы оба усмѣхнулись, будто признаваясь, какія мы дѣти! Та улыбка однако жъ была мгновенна. Мочная рука, которая не удостоивала, казалось, отвернуть ручку дверную, сорвала весь замокъ — и къ намъ вошелъ высокаго роста латникъ, завернутый въ широкую теплую шинель. Палашъ его, волочась, бренчалъ, каска была изрублена и часть гребня висѣла надъ глазами. Онъ не поклонился намъ, не молвилъ слова и прямо сѣлъ къ огню — мы узнали въ немъ кирасирскаго Маіора, которому одолжены были побѣдою. По закону военной учтивости и долгу

службы, я, какъ старшему, отрапортовалъ ему о состояніи отряда, и наконецъ отъ чистаго сердца протянулъ ему руку съ дружескимъ благодареніемъ, съ солдатскимъ привѣтствіемъ, говоря, что намъ лестно будетъ имѣть товарищемъ человѣка, которому обязаны блистательнымъ успѣхомъ. Но латникъ всталъ и приложилъ руку къ козырьку машинально — и снова сѣлъ, будто ничего не видя и не слыша. Блѣдно было его лице; глаза мутны, неподвижны. По трепетанію черныхъ, длинныхъ его усовъ, видно было порой судорожное движеніе губъ... брови сдвинуты угрюмо. Пробитая картечью и пулями его шинель залита была кровью — и каждый разъ, когда онъ наклонялся, поправляя огонь, палашъ его падалъ на полъ, звуча, и цѣпки, связывающія кирасъ, брякали о желѣзный нагрудникъ. Мы говорили между собой шопотомъ, изумленные страннымъ появленіемъ и еще больше страннымъ обхожденіемъ латника. Кто онъ? что онъ? зачѣмъ онъ здѣсь? Мы напрасно заводили съ нимъ рѣчь, напрасно подчивали чаемъ: онъ склоненіемъ головы или движеніемъ руки прерывалъ всѣ вопросы и предложенія. Мы оставили его самому себѣ. — Опершись объ руку, упертую въ колѣно, онъ, казалось, глубже и глубже тонулъ въ морѣ минувшаго — онъ вздыхалъ тяжко, такъ тяжко, что у

насъ вчужѣ вздувалось сердце. Иногда слезы катились по его лицу. Онъ съ какою-то завистью смотрѣлъ на пылкіе уголья, которые меркли, угасали, распадались въ пепелъ — будто онъ въ нихъ видѣлъ свое подобіе. Потомъ вдругъ, сложивъ руки на стальной груди своей, онъ опрокидывался назадъ и шепталъ невнятныя слова... грозно скрежеталъ зубами, глаза его наливались кровью, ноздри вздувались какъ у льва — онъ былъ страшенъ. — Мы вздремали; казалось, вздремалъ и онъ; только по временамъ вздрагивалъ и стоналъ. Вдругъ пробуждены мы были стукомъ его палаша — онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на руку свою — на нее упало нѣсколько капель растаявшей на шинели крови... глаза его стояли — густыя кудри бросали тѣнь на бѣлое какъ саванъ лице — губы были открыты — весь онъ былъ идеалъ ужасно-прекраснаго! „Зачѣмъ ты пробудила меня, кровь злодѣйская!" роптал онъ... „неужели мнѣ одинъ сонъ — могила; неужель ни прежде, ни послѣ мести нѣтъ покоя!!" — Онъ вскочилъ, схватилъ горящее полѣно вмѣсто факела, и подъ вліяніемъ сомнамбулизма, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ вкругъ комнаты. „Здѣсь, такъ, здѣсь — видѣлъ я ее впервые!" произнесъ онъ тронутымъ голосомъ и съ горькою улыбкою, но въ этой улыбкѣ отражались всѣ муки души. „Она сидѣла у этого

окна — мрачны стали эти стѣны; онѣ подернулись какъ гробовымъ сукномъ... а было время, онѣ склонялись надо мной, какъ брачный пологъ, какъ цвѣтная занавѣса будущаго. — Здѣсь далъ я, здѣсь услышалъ я первую клятву въ вѣрности... клятву? — онѣ пишутся на водѣ, и утекаютъ съ нею!! — Но мою клятву я бы готовъ былъ запечатать своею кровью — и только кровь могла смыть ее... Она смыта!" прибавилъ онъ злобно — и потомъ тихо, озираясь, пошелъ далѣе — въ другую, въ третью комнату. Наконецъ мы вышли въ залу, въ которой была самая горячая схватка; стѣны были изстрѣляны Русскими пулями, окна разломаны, нѣсколько десятковъ обезображенныхъ труповъ валялись другъ на другѣ по полу, залитому кровью — картина была отвратительна, не только ужасна. Латникъ нашъ, достойный гость между мертвецами, съ пылающимъ деревомъ въ рукѣ, въ каскѣ и въ латахъ своихъ, походилъ на привидѣніе какого нибудь рыцаря вѣковъ минувшихъ — исполинская тѣнь его мелькала по стѣнамъ и кралась слѣдомъ. Мы стояли въ тѣни, неподалеку.

(Окончаніе впредь.)

II.

НОВАЯ ИСТОРІЯ.

Отрывокъ изъ Исторіи Наполеона Бонапарте.

(Продолженіе.)

Бонапарте, очень хорошо зная незаконность судопроизводства въ этомъ необычайномъ случаѣ, кажется, благоразумно отказался защищать дѣло, которое, по его собственному убѣжденію, невозможно было защитить, и старался оправдать себя причинами, которыя стоятъ того, чтобы о нихъ упомянуть. Кажется, когда онъ говаривалъ о смерти Герцога Ангенскаго со своими приближенными, то всегда выставлялъ ее дѣломъ, произведеннымъ по обыкновеннымъ обрядамъ закона, въ которомъ весь порядокъ былъ соблюденъ, и по которому, если его можно обвинять въ строгости, то нельзя сказать, чтобы онъ нарушилъ правосудіе. Такъ можно ему было говорить тѣмъ людямъ, отъ которыхъ онъ не ожидалъ себѣ возраженія или противорѣчія, и тутъ видно со стороны чувствующаго себя по совѣсти виновнымъ покушеніе, повторенными увѣреніями доказать свою невинность, опровергаемую дѣломъ. Но съ чужими, которые могли его оспоривать и опровергать его доводы, Наполеонъ на счетъ этого болѣе распространялся. Онъ выставлялъ смерть Герцога Ангенскаго дѣломъ личнаго сохраненія, мѣрою государственной политики, сообразнымъ съ естественными правами, которыя дозволяютъ человѣку, для сохраненія своей собственной жизни, отнимать жизнь у другаго. ,,Я былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ,"—говорилъ онъ,—,,врагами, которыхъ подстрекали противъ меня Бурбоны; я подвергался ихъ духовымъ ружьямъ, адскимъ машинамъ и убійственнымъ хитростямъ всякаго рода. На земли не было суда, у котораго я бы могъ искать себѣ защиты, и потому я имѣлъ право самъ себя защищать, и погубивъ одного изъ тѣхъ, которыхъ приверженцы угрожали моей жизни, я могъ внушить другимъ спасительный для меня страхъ."

Мы не сомнѣваемся, что этимъ доводомъ, пространно выведеннымъ въ книгѣ Ласъ-Каза, Бонапарте обнаруживаетъ свои настоящія причины; къ нимъ развѣ можно было бы только прибавить упорную злобу или непримиримую ненависть. Но всѣ убѣжденія основываются на этой мнимой государственной необходимости, справедливо названной отговоркою тирановъ, и которую всегда приво-

дили въ оправданіе или, лучше сказать, въ извиненіе величайшихъ злодѣяній. Можно пожалѣть о Монархѣ, котораго междоусобныя смятенія подвергаютъ кинжаламъ убійцъ; но опасность сія не даетъ ему права употреблять то же оружіе даже противъ человѣка, ему угрожающаго. Тѣмъ еще менѣе какія бъ то ни были покушенія буйныхъ приверженцевъ Бурбонскаго Дома, но они не давали Первому Консулу права, посредствомъ пристрастнаго суда и поспѣшнаго дѣлопроизводства, отнять жизнь у юнаго Принца, противъ котораго никогда не было обвиненія, а и того менѣе доказательствъ въ заговорѣ, на который Наполеонъ ссылается. Во всѣхъ отношеніяхъ, это дѣло есть не что иное, какъ убійство, и пятно крови Герцога Ангенскаго неизгладимо осталось на памяти Наполеона Бонапарте.

Съ такимъ же софизмомъ покушался онъ извинить нарушеніе правъ нейтральныхъ Баденскихъ владѣній, его посланными для того, чтобы захватить сію злополучную жертву. Это зло, по словамъ Наполеона, было чуждо дѣлу Герцога Ангенскаго, и касалось только одного Баденскаго Государя. „А какъ Принцъ сей не жаловался на сіе насиліе,“ продолжаетъ онъ: „то никто не имѣетъ права за него взыскивать.“ Эти слова прили-

чествовали тому, кто имѣлъ власть дѣлать зло. Кому Герцогъ Баденскій могъ жаловаться, или какого онъ могъ ожидать удовлетворенія, если бъ онъ сіе и сдѣлалъ? Онъ былъ въ положеніи бѣдняка, который терпитъ притѣсненія богатаго сосѣда, потому, что не имѣетъ средствъ искать на него по суду, но котораго принужденная готовность сносить обиды не измѣняетъ свойства оныхъ, и не даетъ права назвать справедливымъ насиліе, противное всякой справедливости. Это обстоятельство можетъ быть замѣчено, ибо оно показываетъ несчастное расположеніе Наполеона судить о общественныхъ мѣрахъ не по непреложнымъ законамъ правды и зла, но по выгодамъ, которыя слабость одного Государства представляетъ превосходнымъ силамъ другаго.

По всей справедливости можно прибавить, что даже и весьма удобная ссылка на государственную необходимость ни сколько не оправдывала этого пагубнаго поступка. Задержаніе Герцога Ангенскаго плѣнникомъ, какъ залогъ, отвѣтствующій за умыслы роялистовъ, было бы еще нѣкоторымъ образомъ позволительною мѣрою; но убійство юнаго, храбраго Принца такимъ скрытнымъ и свирѣпымъ образомъ, произвело сильное нравственное впечатлѣніе на всю Европу, и воз-

будило ненависть противъ Бонапарта вездѣ, куда только достигла о томъ вѣсть. По извѣстному выраженію на этотъ счетъ Фуше, казнь Герцога была хуже, чѣмъ нравственное преступленіе: она была политическая ошибка. Она имѣла тѣмъ несчастливѣйшія для Наполеона послѣдствія, что обличила въ немъ свойство кровожадности и непримиримости; расположила общественное мнѣніе къ впечатлѣніямъ, еще болѣе неблагопріятнымъ, и дала право на самыя мрачныя подозрѣнія, когда ужасныя дѣла, еще болѣе таинственнаго свойства, послѣдовали за умерщвленіемъ послѣдняго потомка племени Конде.

Казнь Герцога Ангенскаго свершилась 21 Марта; 7 числа слѣдующаго Апрѣля мѣсяца, Генералъ Пишегрю найденъ мертвымъ въ тюрьмѣ своей. Черный галстухъ былъ туго затянутъ у него на шеѣ посредствомъ короткой завертки, прикрѣпленной къ одному изъ концевъ. Объявили, что Генералъ самъ крутилъ завертку до тѣхъ поръ, пока задохся, и что тогда, опустивъ голову на подушку, онъ оставилъ завертку въ этомъ положеніи. Не избѣгло всеобщаго вниманія, что этотъ способъ лишать себя жизни скорѣе могъ быть произведенъ чужими руками, чѣмъ самимъ покойникомъ. Сыскали лекарей, но какъ говорятъ, людей неизвѣстныхъ, которые составили свидѣтельство о положеніи тѣла, утверждая въ ономъ, что Пишегрю самъ лишилъ себя жизни; однако жъ, какъ онъ долженъ былъ лишиться чувствъ въ минуту, какъ затянулъ себѣ дыханіе, то удивительно, что онъ не выпустилъ изъ руки пагубной завертки, которую онъ употребилъ для лишенія себя жизни. Въ такомъ случаѣ давленіе долженствовало бы прекратиться, и гибельный умыселъ остаться неисполненнымъ. Никакое человѣческое око не могло проникнуть въ мрачные вертепы государственной темницы; не было однако жъ недостатка въ людяхъ, которые отнюдь не вѣрили самоубійству Пишегрю. Разсуждали, что Первый Консулъ не посмѣлъ призвать на общенародный судъ, ни снять допросъ съ человѣка, столь отважнаго и имѣющаго такое присутствіе духа, какъ Пишегрю; — говорили также, что его сужденіе было бы совершенно благопріятно для Моро, — что многіе изъ Парижскихъ граждан были привязаны къ Пишегрю, — что солдаты не забыли еще его воинской славы, — и наконецъ заключали, что по всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, было признано за лучшее лишить его жизни въ тюрьмѣ. Всеобщая молва даже называла исполнителями сего злодѣянія четырехъ изъ тѣхъ

Мамелюковъ, которыхъ небольшой отрядъ Бонапарте привезъ изъ Египта, и которые находились около его особы при торжествахъ. Этотъ последній слухъ произвелъ сильное впечатлѣніе на толпу. Но людямъ просвѣщеннымъ сіе обвиненіе конечно покажется незаслуживающимъ вѣроятія. Въ государственныхъ темницахъ Франціи нашлось бы довольное число служителей, столь же безжалостныхъ и искусныхъ въ дѣлахъ такого рода, какъ и эти восточные иноземцы, которыхъ необыкновенное появленіе въ сихъ мрачныхъ обителяхъ обнаружило бы гибельный замыселъ, и дало бы каждому поводъ приписать оный Наполеону.

Другое страшное событіе, почти того же рода, увеличило своимъ сходствомъ подозрѣнія, возникшія на счетъ обстоятельствъ смерти Пишегрю.

(*Окончаніе впредь.*)

III.

КРИТИКА.

Мысли Малороссіянина, по прочтеніи Повѣстей Пасичника Рудаго-Панька, изданныхъ имъ въ книжкѣ подъ заглавіемъ: Вечера на хуторѣ близъ Диканьки, и рецензій на оныя.

(*Продолженіе.*)

Не знаю, откуда вся эта по нашему *нисенитница*, т. е. ни се, ни то, Паньку на умъ вспала! У насъ сватовство происходитъ заведеннымъ издревле порядкомъ, и порядкомъ торжественнымъ. Родители, намѣревающіеся женить парубка, имѣя на примѣтѣ для него невѣсту по ихъ мыслямъ, избираютъ двухъ пожилыхъ мужчинъ, почтеннѣйшихъ въ родствѣ своемъ, слѣдовательно и въ селѣ, (ибо едва ли не всѣ жители каждаго селенія считаются роднею, разумѣя кумовство, сватовство и проч.) и упрашиваютъ, чтобы они приняли на себя трудъ высватать невѣсту за сына ихъ. — Тогда избранные, называемые *старостами*, идутъ съ хлѣбомъ и солью къ родителямъ первой, дѣлаютъ предложеніе, въ выраженіяхъ общихъ, и когда оное бываетъ принято благосклонно, старосты перевязываются черезъ плечо ручниками (полотен-

цами), приготовляемыми для того невѣстою; и чрезъ нѣкоторое время женихъ, а потомъ родители обѣихъ сторонъ, посѣщая другъ друга, и считаясь уже сватами, условливаются на счетъ свадьбы. Ни какой парубокъ у насъ самъ собою не сватается, хотя бы онъ былъ и круглымъ сиротою, а всякой избираетъ и посылаетъ старостъ; принимающіе же на себя сію обязанность, играютъ весьма важную роль и на свадьбѣ. Они наблюдаютъ за неупустительнымъ исполненіемъ всего свадебнаго церемоніяла, ими начинаются тосты, по ихъ распоряженію играетъ музыка, т. е. скрипка или двѣ, а иногда и съ цимбалами или басомъ, и по мѣрѣ ихъ затѣйливости всѣ пируютъ и веселятся.

О! сватовство у насъ, свадьбы, *грище* (или танцовальныя деревенскія собранія, для коихъ на Рождество Христово парубки дѣлаютъ складчину, выбираютъ изъ себя Атамановъ и Эсауловъ, нанимаютъ музыку на цѣлую недѣлю, а дѣвушки сносятъ все ими *заколядованное*) и другія народныя увеселенія заключаютъ въ себѣ много интересной старины! — По любви къ родинѣ, мнѣ бы хотѣлось все это описать; но статья сія была бы весьма велика, и для многихъ, не Малороссіянъ, не занимательна; а потому и откладываю описаніе народныхъ празднествъ до

другаго времени. О колядѣ же считаю нужнымъ сдѣлать маленькое поясненіе:

У насъ, въ Малороссіи, въ вечеру на первый день праздника Рождества Христова, по незапамятному обычаю, въ селахъ, мальчишки, дѣвочки, дѣвки, парубки и наконецъ женщины и пожилые мужчины, составляя партіи по возрастамъ и полу, ходятъ отъ одной хаты до другой по всему селу, поютъ куплеты, придуманные, можетъ быть, еще во времена язычества, что и носитъ на себѣ древнее наименованіе *коляды*. За таковое пѣніе каждая партія получаетъ отъ хозяевъ хаты, по возможности послѣднихъ: колбасы, сало, кныши или боханцы (родъ хлѣбовъ пшеничныхъ и гречневыхъ), иногда по нѣскольку грошей, а нѣкоторые изъ зажиточнѣйшихъ хозяевъ подчиваютъ женщинъ и пожилыхъ мужчинъ и горѣлкою. Все, такимъ образомъ заколядованное дѣвушками, какъ я выше сказалъ, сносится ими въ ту хату, въ которой учреждается *грище*, и послѣ танцевъ употребляется для закусокъ собранія.

Виноватъ, опять я заговорился. — Эти родные обычаи и старина противъ воли лѣзутъ въ голову; но и *Сорочинская ярмарка* не выходитъ изъ оной.

Въ эпиграфѣ IV главы сей Повѣсти есть также промахъ. Славный Поэтъ Малороссіи,

Г. Котляревскій, конечно не написалъ въ своей Энеидѣ:

Хоть *чоловикамъ* не онее, да коли жинци бачишь тее, — а вѣрно написано имъ:

Хоть чоловикъ и не онее, — но въ этомъ можетъ быть и не Панько виноватъ; а вотъ нижеслѣдующее его работы:

„Ну, жинка!" — началъ Черевикъ, — „а я „нашелъ жениха дочкѣ!"

„Вотъ какъ разъ до того теперь," отвѣчаетъ Хивря: „чтобы жениховъ отыски„вать. Дурень, дурень!" (Стр. 24) И дѣльно, я то же скажу. На ярмаркѣ добрые люди что нибудь продаютъ или покупаютъ, а не ищутъ жениховъ межъ народомъ, Богъ-знаетъ, откуда наѣхавшимъ! Не диво попасть на какого нибудь сорванца, какъ случилось и съ Черевикомъ. — Похвала парубку, который духомъ вытянулъ полкварты, не поморщившись, и притомъ тому самому, который *заклеилъ образину* (стр. 36) Хиври, — по всей справедливости озлила сію послѣднюю. Она, право, мало еще бранила такого глупца, какъ ея Черевикъ; но выраженіе ея: „куда же ты „запряталъ дурацкіе глаза свои," (стр. 25) — опять ни Русское, ни Малороссійское.

Въ V-й главѣ продолжается живое описаніе ярмарки, и Цыганъ нарисованъ яркими красками; но какъ онъ, коему „одна только

„награда есть на землѣ висѣлица" (стр. 31), бродяга скитающійся по всей Россіи; то и не имѣетъ мѣста въ картинѣ, представляющей народный бытъ честныхъ и богобоязливыхъ коренныхъ жителей Малороссіи.

Цыганы, шатаясь по бѣлу-свѣту, гадаютъ, лгутъ и обманываютъ легковѣрныхъ; но какимъ образомъ этотъ висѣльникъ узналъ настояще, что парубокъ въ бѣлой свиткѣ, коего зовутъ, какъ намъ сдѣлалось наконецъ извѣстно, Грицькомъ, навязалъ себѣ невѣсту (стр. 29) — тутъ необходима развязка.

Свиданіе въ VI главѣ Хиври съ новымъ лицемъ, поповичемъ: какъ, для кого? Въ описаніи же онаго Панько не мудритъ, — и лучше.

Въ VII-й главѣ опять показалась *страшная уже красная свитка*. „Это быстро раз„неслось по всѣмъ угламъ утихнувшаго *та„бора*." Ярмарку таборомъ у насъ никто не называетъ. Таборъ у насъ издревле лагерь; никто также не говоритъ: *продавица бубликъ* (стр. 38), а всякой Малороссіянинъ, или Русскій скажетъ: продавица бубликовъ; слѣдовательно и это ни по-Русски, ни по-Малороссійски. За то хвастовство кума (стр. 41), „что сатана? плюйте ему на голову! „хотя бы сію же минуту вздумалось ему „стать вотъ здѣсь, напримѣръ, предо мною:

„будь я собачій сынъ, если не поднесъ бы „ему дулю подъ самый носъ!" — выражено истинно по-нашему; и разсказъ его о красной свиткѣ — вообще интересенъ. Жаль только, что я читалъ когда-то подобный анекдотъ о духѣ въ скляночкѣ, въ собраніи сказокъ подъ пышнымъ заглавіемъ книги: *Вѣкъ рыцарства.*

(Продолженіе впредь.)

IV.

АНТИКРИТИКА.

Отвѣтъ Академика Г. Гесса на Критику, помѣщенную въ No 51 С. О. и С. А. 1831.

Читателямъ сего Журнала извѣстно, что я нынѣ издалъ первую часть сочиненія подъ заглавіемъ: *Основанія Чистой Химіи,* — и что въ No 51 сего же Журнала напечатана была критика, надписанная: *Взглядъ на сочиненіе*: Основанія Чистой Химіи и пр.

Сочиненія по части точныхъ Наукъ на Русскомъ языкѣ еще довольно рѣдки, и всякое вновь выходящее въ правѣ ожидать основательнаго разбора. Такой разборъ, писанный безпристрастно, можетъ принести большую пользу; онъ можетъ служить для публики

руководствомъ къ ея сужденіямъ объ изданныхъ сочиненіяхъ; можетъ быть полезнымъ для Авторовъ, обращая ихъ вниманіе на недостатки всякаго рода въ ихъ сочиненіяхъ; можетъ излагать новыя мысли, показать новую точку зрѣнія для того или другаго предмета. — Но если журнальная Литература наша понынѣ и не можетъ еще славиться хорошими разборами сочиненій, то по крайней мѣрѣ въ нихъ соблюдается обыкновенно нѣкоторое приличіе, чего въ упомянутой критикѣ, писанной неизвѣстнымъ лицемъ А. Н., къ сожалѣнію, вовсе незамѣтно. — Я не объявилъ въ предисловіи къ моему сочиненію, что буду отвѣтствовать только на критики, *достойныя вниманія*, ибо не полагалъ, что критики, какова означенная, въ Литературѣ допускаются. — И такъ на этотъ разъ я дамъ отвѣтъ; почитаю однако же нужнымъ объявить, что впредь буду отвѣтствовать *только на критики, достойныя уваженія*, и что я нынѣ побуждаюсь къ возраженію преимущественно тѣмъ, что многіе изъ молодыхъ нашихъ читателей, хотя и чувствуютъ, что Критика Г-на А. Н. пристрастна, но еще не довольно тверды въ своихъ познаніяхъ, чтобы не впасть въ заблужденіе, когда читаютъ сужденія, произнесенныя такимъ рѣшительнымъ тономъ.

Полагая, что сей отвѣтъ будетъ читанъ любителями Науки, я постараюсь сдѣлать его сколь возможно удовлетворительнымъ, дабы время, которое они употребятъ на сіе чтеніе, было для нихъ не совершенно потеряно.

На первой страницѣ сей критики (что на 433 стр. въ книжкѣ) мы читаемъ слѣдующее:

„Въ предисловіи говорится (стр. II), „что въ отечествѣ нашемъ *недостатокъ же-„ланія къ пріобрѣтенію познаній* въ Химіи „происходитъ отъ того, что у насъ нѣтъ „ни одной хорошей книги по сей части.“

Прочитавъ сіи слова, я было самъ удивился такому изрѣченію; вскрываю означенное мѣсто на второй страницѣ писаннаго мною предисловія, и нахожу: — „Если безъ предубѣжденія смотрѣть на малое распространеніе химическихъ познаній между классомъ образованнымъ, на слабые по сей части успѣхи нашего юношества, *жаждущаго пріобрѣтать познанія*, то сіе должно отнести къ недостатку въ способахъ изученія сей Науки.“ — И такъ на первой страницѣ критики уже видно, что Г-нъ Н. не заботится о правдѣ, и дозволяетъ себѣ дѣлать ложныя ссылки на текстъ. — Послушаемъ его далѣе:

„Кромѣ того, Г. Гессъ ложно думаетъ,

„что для изданія Химіи главнѣйшее состоитъ „въ умѣніи составлять колбы, реторты и „т. п. Извѣстный нашъ Г. Роспини безъ „сомнѣнія можетъ составить всякій приборъ, „но, вѣроятно, не въ состояніи будетъ со-„ставить Химію.“ — Въ предисловіи у меня сказано: „Кто у насъ берется писать руководства къ Химіи? Лица читающія, но отнюдь не занимающіяся опытами, люди, которые нашлись бы въ затрудненіи составить самый простой приборъ.“ Надобно думать, что Г-нъ Критикъ принялъ слова сіи на себя, и нашелся обиженнымъ. — Какъ бы то ни было, онъ дѣлаетъ ошибки противъ нервоначальныхъ правилъ Логики. Если я почитаю необходимымъ, чтобы Химикъ умѣлъ составлять приборы, то слѣдуетъ ли изъ этого, что кто умѣетъ составлять приборы, долженъ быть и Химикъ? Кажется, что для Г-на А. Н. неизлишнее прочитать правила Логики, до *общаго утвердительнаго предложенія* относящіяся. Къ тому же зачѣмъ приводить въ такой связи имя Г. Роспини, — сдѣлавшагося почтеннымъ долговременною и полезною дѣятельностію?

Критикъ продолжаетъ:

„Далѣе сказано: многіе имѣютъ превратное понятіе о теоріи химической, и предполагаютъ подъ симъ названіемъ нѣчто

„весьма отвлеченное, и потомъ, чрезъ нѣ-
„сколько строкъ слѣдуетъ, что въ сочинени
„Гесса грозное слово теорія не устрашитъ
„болѣе учащагося. *Непонятно, почему Г. Ака-*
„*демикъ находитъ въ словѣ теорія предметъ*
„*боязни.*“—Неумѣстность такого упрека окажется сама собою, если привести слова мои въ ихъ настоящей связи, ибо я сказалъ въ предисловіи: „Многіе имѣютъ превратное понятіе о теоріи химической, и предполагаютъ подъ симъ названіемъ нѣчто весьма отвлеченное. Но Химія есть Наука, основанная на опытахъ, а теорія не что иное, какъ толкованіе явленій. Толкованія сіи помѣщены въ теченіи всего сочиненія, дабы не отдѣлять теоріи отъ явленій, и не затруднять тѣмъ учащихся. Такимъ образомъ грозное слово теорія не устрашитъ болѣе“ и пр. — Прочитавъ сіе мѣсто въ моемъ предисловіи, кому можетъ прійти на мысль, что *я* нахожу въ теоріи предметъ боязни? — Но Критикъ, кажется, поставилъ себѣ въ обязанность переиначивать всѣ мои мысли, и вотъ немедленно за симъ слѣдуетъ другой тому примѣръ.

„Наконецъ Г. Гессъ, увлекаясь увѣренно-
„стію въ достоинствѣ труда своего, гово-
„ритъ: что время, въ которое онъ издалъ
„свою Химію, позволяло ему сдѣлать ее *болѣе*

„*полною,* нежели лучшія сочиненія, которыя мы
„нынѣ имѣемъ на прочихъ Европейскихъ
„языкахъ. — Это отзывается такою само-
„надѣянностію“ а немного далѣе: „съ такимъ
„убѣжденіемъ на совершенство“ и потомъ нѣсколько колкостей. — У меня сказано: „Я старался, чтобы книга моя была *сколь можно полною въ отношеніи къ новѣйшимъ открытіямъ*, и время, въ которое я ее издаю, позволило мнѣ сдѣлать ее болѣе полною“ и проч. — Въ словахъ моихъ, кажется, нѣтъ ничего двусмысленнаго; изъ нихъ не явствуетъ убѣжденія на *совершенство*, ибо *полнота* и *совершенство* два вовсе различныя достоинства, и если совершенство предполагаетъ полноту, то полнота наоборотъ не предполагаетъ совершенства. — Однимъ словомъ, такая же ошибка, какъ и выше сего была выказана.

На стр. 435 Г-нъ А. Н. говоритъ, что не понимаетъ, почему я въ именословіи писалъ *кремнеземій* и *глиноземій* (какъ писалъ уже Щегловъ), а не *силицій, алюминій,* хотя причина мною ясно изложена, и я почиталъ, что прилагательныя, каковы: *кремнеземистый* и *глиноземистый*, (которыя чаще встрѣчаются, нежели существительныя), болѣе свойственны Русскому языку, нежели *алюминистый* и *силицистый.* — Г-нъ А. Н. изъясняется при

этомъ случаѣ слѣдующимъ образомъ: „Сіе показываетъ, что Г. Академикъ еще не искусился, „какъ въ познаніи Русскаго языка, такъ и въ „томъ, что для Русскаго уха кажется не„благозвучнымъ, ибо въ противномъ случаѣ „онъ не далъ бы окисламъ окончанія на *слъ*, „какъ-то: *закислъ, окислъ, перекислъ.*“ Я признаюсь, что никогда еще не чувствовалъ своего незнанія Русскаго языка въ такой мѣрѣ, какъ нынѣ, когда Г-нъ А. Н. заставляетъ меня искать вѣжливыхъ словъ для изъясненія не совсѣмъ вѣжливаго его поступка, ибо онъ опять *приводитъ не истину*. Если читатель вскроетъ XIV стр. моего предисловія, то найдетъ *закись* и *окиселъ*, а не *закислъ* и *окислъ*. Впрочемъ окончаніе на *слъ* не есть новое въ Русскомъ языкѣ; напримѣръ: безъ сомнѣнія не многіе найдутъ, какъ вѣроятно находитъ и Г. А. Н., чтобы слово *смыслъ* оскорбляло слухъ!

Далѣе на стр. 436 А. Н. говоритъ, что не видитъ выгодъ моей номенклатуры окисленныхъ тѣлъ, и она въ особенности не *выражаетъ состава*. — Во всякомъ дѣлѣ должно знать, чего требовать можно, а не требовать недостижимаго. Химическая номенклатура окисленныхъ тѣлъ есть главная часть всего химическаго именословія; но эта главная часть была сдѣлана прежде открытія

закона о соединеніи тѣлъ между собою въ опредѣленныхъ пропорціяхъ; она, посему, какъ весьма естественно, не могла выражать неизвѣстнаго еще доколѣ атомическаго состава сложныхъ тѣлъ. Для тѣхъ изъ читателей нашихъ, которые занимаются Химіей, и можетъ быть, думаютъ, почему не составить *нынѣ* такого именословія, мы покажемъ, что оно и теперь еще невозможно.

Точнѣйшіе опыты Берцеліуса и нѣкоторыхъ другихъ Химиковъ доказали, что когда металлъ окисляется, то есть, соединяется съ кислородомъ, то всегда въ соединеніе съ симъ послѣднимъ входитъ одинъ или два атома металла, а что весьма мало обстоятельствъ могутъ вести къ заключенію, что съ кислородомъ соединяются 3 атома металла. А посему ограничимся только первыми двумя случаями, и пусть R будетъ означать металлъ, а O, какъ обыкновенно, кислородъ. Соединеніе въ первомъ предположеніи изображено будетъ формулою $R + O$, а во второмъ предположеніи $2R + O$. — Многочисленные опыты показали, что кислородъ соединяется съ тѣлами въ различныхъ пропорціяхъ, и что если сравнить между собою происходящія отъ того тѣла, то составъ ихъ можетъ быть изображенъ двумя рядами, изъ которыхъ одинъ начинается первою изъ

показанныхъ формулъ, а другой вторoю. — Первый рядъ: R + O; R + 2 O; R + 3 O. — Второй рядъ:

2 R + O; R + O; 2 R + 3 O; 2 R + 5 O; 2 R + 7 O.

Хотя составы, соотвѣтствующіе второму ряду, чаще встрѣчаются, однако же во многихъ случаяхъ бываетъ невозможно рѣшить, къ которому изъ двухъ рядовъ относятся степени окисленія тѣла, преимущественно потому, что одинъ металлъ не соединяется съ кислородомъ соотвѣтственно всѣмъ формуламъ, принадлежащимъ къ одному ряду, — а потому и невозможно нынѣ выразить атомическій составъ степеней окисленія. — Объяснимъ сіе самымъ простымъ примѣромъ. — Дано тѣло, которое соединяется съ кислородомъ въ двухъ пропорціяхъ, такъ, что одинъ изъ составовъ содержитъ вдвое болѣе кислорода, нежели другой; спрашивается, къ какому ряду будетъ относиться сіе тѣло, къ первому или ко второму? — На первый взглядъ видно, что формулы перваго ряда R + O; R + 2 O, также какъ и формулы втораго ряда 2 R + O, R + O, совершенно соотвѣтствуютъ *даннымъ*, хотя изображаютъ различные составы. — Изъ сего уже видно, что нынѣшнее состояніе Науки не дозволяетъ составить именословія окисленныхъ тѣлъ выражающаго состава. Въ подтвер-

жденіе сего можно было бы привести здѣсь еще много другихъ причинъ, но изложеніе оныхъ сдѣлало бы статью сію слишкомъ длинною.— Кто хотя немного занимался Химіею, знаетъ, сколь различны въ свойствахъ окисленныя тѣла; нѣкоторыя изъ нихъ суть соляныя основанія, другія же кислоты. — Именословіе, выражающее составъ ихъ, ни мало бы не соотвѣтствовало свойствамъ сихъ тѣлъ, потому, что то же число атомовъ кислорода производитъ съ однимъ тѣломъ кислоту, а съ другимъ соляное основаніе, съ третьимъ же тѣломъ составъ, несоединяющійся ни съ кислотами, ни съ щелочами. — Однимъ словомъ: все, что нынѣ ясно, сдѣлалось бы непонятнымъ, и вмѣсто того, чтобы облегчить изученіе Науки, это положило бы новое препятствіе.

Все сіе, кажется, ясно показываетъ, что **Г. А. Н.** взялся не за свое дѣло, и судитъ о вещахъ, о которыхъ не имѣетъ ни какого понятія. Онъ, по видимому, хотѣлъ только хулить, не разбирая впрочемъ, о чемъ идетъ дѣло, и какъ велико сіе желаніе, видно изъ слѣдующихъ словъ: „А посему подобныя нововведенія безполезны." — Это выраженіе довольно странно, ибо если читатель броситъ взглядъ на мое именословіе, то не найдетъ *ни одного новаго слова*, и съ малыми да-

же познаніями тотчасъ увидитъ, что я примѣнилъ къ настоящему состоянію Науки уже донынѣ употребляемыя названія.

На стр. 437, Г. А. Н. защищаетъ Щеглова за употребленіе названія сѣрноватой кислоты для $S+2O$; хотя самъ приводитъ, что она названа была *сѣрнистою* кислотою Г. Соловьевымъ въ Указателѣ открытій, и что сіе названіе было удержано въ переводахъ Горнаго Журнала. Это именно и есть причина, почему уже принятаго не должно было переиначивать, доколѣ отъ того не происходило явной выгоды для Науки, чего однако же Г. А. Н. не покушался доказывать.

Далѣе Г. А. Н. винитъ меня за употребленіе словосоставленія *водохлорный, водосѣрный*, вмѣсто *водородохлорный, водородосѣрный*, слова, ведущія, по мнѣнію Критика, къ *ложному уразумѣнію*, изъ чего онъ выводитъ, что Г. Гессъ не могъ, или не хотѣлъ вникнуть въ свойства какъ Французской, такъ и Русской терминологіи.

Сперва поговоримъ о дѣлѣ: я выпускалъ въ означенныхъ случаяхъ оба слога *родо*, дабы сократить по возможности названія; ибо сіи два слога особенно непріятны для слуха въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ они повторяются. Напримѣръ: Химія Щеглова стр. 521: *Желѣзисто-водородосинеродокислое желѣзо.* — Вѣрно всякій будетъ въ томъ со мною согласенъ, что *водосинеродная* кислота для слуха пріятнѣе, нежели *водородосинеродная* кислота, — и здѣсь не о томъ идетъ рѣчь, что Французамъ почти за полстолѣтія до сего казалось правильно или неправильно, а о томъ, что *нынѣ* удобно или неудобно. Этого нечто достаточно сказать наудачу, что слова сіи ведутъ къ ложному уразумѣнію; надобно было доказать сіе, а Г. А. Н. не привелъ изъ моего сочиненія ни одного примѣра, доказывающаго недоразумѣніе, могущее произойти отъ употребляемаго словосоставленія; онъ не обратилъ вниманія на то, что сказано мною объ употребленіи въ Химіи словъ *водный* и *водянистый*. Безъ доказательствъ можно во всемъ обвинять, и Г. А. Н. могъ бы сказать, что я не самъ писалъ свою книгу, и что она только переводъ извѣстной Китайской Химіи!

Но что могло дать право Г. А. Н. судить такъ рѣзко? — спроситъ меня читатель. — Что иное, какъ совершенный недостатокъ въ познаніяхъ! — Вотъ вамъ образцикъ учености А. Н., — судите сами, любезные читатели; онъ, послѣ сдѣланнаго мнѣ упрека, продолжаетъ:

„О прочихъ словоназваніяхъ можно замѣтить то, что они вообще употребляют-

„ся, кромѣ нѣкоторыхъ *искаженій,* сдѣланныхъ „Г. Гессомъ. Напр.: зачѣмъ онъ называетъ „*фторъ,* вмѣсто флуоръ?“

Г-нъ А. Н. понынѣ еще не замѣтилъ, что многіе изъ нашихъ ученыхъ говорятъ и пишутъ *фторъ,* что Щегловъ употреблялъ фторъ, и что читатель найдетъ въ его Химіи на стр. V заглавія: „о соединеніяхъ *фтора*“ стр. 124: „изъ соединеній его извѣстна „одна только плавиковая кислота, которую „предполагаютъ состоящею изъ *фтора* и „водорода.“ Въ продолженіи всего сочиненія Щегловъ писалъ *фторъ,* а Г-нъ Н. находитъ, что я сдѣлалъ искаженіе и ввожу *фторъ* вмѣсто флуоръ. Каковъ Г-нъ А. Н.?! — На той же страницѣ онъ закидываетъ меня вопросами; напр: „Гдѣ онъ нашелъ, что acide „tartrique переводится у насъ винная кислота? „Мы привыкли называть ее виннокаменною“ и пр. Если Г-нъ А. Н. затрудняется отыскать, кто переводитъ acide tartrique винною кислотою, то я могу помочь его затрудненію, ибо въ разсужденіи, напечатанномъ въ 1810 году подъ заглавіемъ: „*Разсужденіе о Россійскомъ химическомъ словозначеніи*, сочиненія Якова Захарова“ стр. подъ No 24, напечатано: *винная* кислота!

Далѣе Г. Н. говоритъ, что система моя непонятна, и что въ разсматриваніи сложныхъ тѣлъ у меня нѣтъ порядка. Я надѣюсь, что тутъ нечего опровергать, — ибо изъ приведенныхъ примѣровъ уже видно, что Г-ну А. Н. многое могло казаться непонятнымъ, что для другихъ очень вразумительно. Такъ, напр., онъ находитъ, что сдѣланное мною введеніе недостаточно, и восклицаетъ: „Все сіе „на 18 страницахъ! — Слишкомъ было бы „пространно доказывать неудовлетворитель-„ность такого введенія, а потому прошу „читателя, пусть онъ представитъ себѣ, что „не разумѣетъ Химіи и хочетъ научиться „ей изъ сочиненія Г. Гесса, и пусть, прочитавъ сіи предварительныя понятія, онъ „дастъ себѣ отчетъ, сколько онъ приготовленъ къ уразумѣнію сей Науки!“

Во введеніи я совершенно отступилъ отъ порядка, принятаго въ другихъ сочиненіяхъ, и потому оно казалось такъ дико Г. А. Н.; но что касается до предлагаемаго имъ испытанія, то я могу сообщить здѣсь слѣдующее: прежде, нежели я напечаталъ сіе введеніе, я давалъ его прочитывать нѣсколькимъ особамъ, изъ которыхъ иныя знали, иныя же не знали Химіи, — всѣ безъ исключенія оное поняли и въ состояніи были дать отчетъ въ томъ, что читали; послѣ такого испытанія я рѣшился напечатать сіе введеніе. Теперь, кто же виноватъ, если Г-ну Н.

кажется непонятнымъ и неудовлетворительнымъ то, что понятно и удовлетворительно для другихъ? — Впрочемъ, я весьма далекъ отъ того, чтобъ осуждать Г. Н. за то, что онъ не понимаетъ понятнаго, но думаю только, что ему бы приличнѣе было не говорить о томъ.

Далѣе Г. Н. соглашается, что описанія мои не могутъ быть невѣрны, находитъ однако, что они изложены *грубымъ слогомъ*, во многихъ же случаяхъ не по-Русски, и приводитъ тому нѣсколько примѣровъ. — Мнѣ не идетъ спорить съ Русскимъ о чистотѣ слога; однако же я замѣчу, что имѣю друзей, которые совершенно въ состояніи судить о семъ предметѣ, и что они не находятъ въ моей книгѣ *грубаго слога*. — Но во всякомъ сочиненіи о точной Наукѣ весьма трудно соблюсти чистоту слога, и всегда предпочитается ясность. Повторять одно слово два, три и болѣе разъ для слуха непріятно, въ томъ согласенъ всякой; но если того требуетъ ясность, то этого нельзя назвать ошибкою. Когда Математикъ пишетъ: *опредѣлить величину опредѣленнаго интеграла*, то сіе покажется дико всякому, кто не понимаетъ, о чемъ идетъ рѣчь; напротивъ того, человѣкъ знающій не найдетъ его достойнымъ порицанія.

Г. А. Н. находитъ мои описанія пріемовъ и приборовъ хуже, нежели описанія Гизе и Шерера, и говоритъ, что не увѣренъ, могъ ли бы онъ по моему описанію приготовить водородъ. — Я признаюсь, что я гораздо менѣе, нежели самъ А. Н., увѣренъ въ его способностяхъ, но не вижу, чтобы это могло служить упрекомъ моему сочиненію; и если Г. Н. *понынѣ еще* почерпаетъ свои познанія изъ Гизе, то и за это его не виню, но только совѣтую не писать болѣе критикъ.

Г. Н. продолжаетъ: „Гессъ въ предисловіи говоритъ, что онъ не описывалъ всѣхъ „солей, но только тѣ, которыя болѣе, по „ихъ свойствамъ, любопытны. — Къ чему „же служатъ простые списки солей, какъ на „страницѣ 402 и многихъ другихъ, или та„кія описанія, кои ничего не объясняютъ, „напр. стр. 412: кислая щавелевокислая соль „натра слабо растворима“ и пр. Для малоопытныхъ еще въ Химіи я объясню приведенные два примѣра. — Списокъ солей, помѣщенный на стр. 402, содержитъ формулу всякой соли и вѣсъ ея атома, что Г-ну Н. вѣроятно казалось прилично утаить; практическому Химику случается получить одну изъ сихъ солей, а въ такомъ случаѣ, для объясненія ея происхожденія, необходимо знать формулу, по которой она составлена, чего

конечно не могъ подумать нашъ Критикъ. — Также и на стр. 412, при кислой щавелевой соли натра показана формула и соотвѣтствующій вѣсъ атома, и къ тому еще прибавлено, что соль сія слабо растворима, ибо производящему работу сіе преимущественно бываетъ нужно знать.

Но конецъ близокъ; выслушаемъ Г-на Н. Онъ продолжаетъ: „Наконецъ должно замѣ„тить, для чего Г. Гессъ, подлѣ формулъ, „выражающихъ составъ, ставилъ числа? — „Довольно видѣть формулу, чтобы составить „по таблицамъ атомическій вѣсъ ея.“ — Если я не ошибаюсь, то это значитъ, что я напрасно выставилъ вѣсъ атомовъ сложныхъ тѣлъ, и что Г. Н. угодно, чтобы тотъ, кому встрѣтится надобность знать подобное число, всякій разъ оное самъ составлялъ, вмѣсто того, чтобы находить уже готовое. Признаюсь, *рѣдкая* мысль! Вѣроятно, ученый нашъ Критикъ еще не слыхалъ имени Бригга, издавшаго толстую книгу съ таблицами логариѳмовъ. Что бы про него сказалъ Г. Н? Вѣдь всякій Математикъ знаетъ правила, по которымъ опредѣляются логариѳмы, и стало быть можетъ самъ вычислить нужный ему логариѳмъ!

Чтобы не подумали, будто я вырываю слова Г. Н. изъ ихъ связи, приведемъ ихъ вполнѣ, какъ они отпечатаны на стр. 443: „И такъ „довольно видѣть формулу для того, чтобы „составить по таблицамъ атомическій вѣсъ „ея. Кромѣ того, при расчисленіяхъ весьма „рѣдко принимается вѣсъ атома водорода за „1; а потому помянутыя числа почти без„полезны.“ Слова сіи могутъ служить доказательствомъ вѣрности слога Г. Н., ибо они заключаютъ въ себѣ *два* смысла, оба достойные нашего Критика.

Безъ сомнѣнія, онъ хотѣлъ сказать одно изъ двухъ: или что въ моемъ сочиненіи рѣдко принимается вѣсъ водорода за 1; или, что вообще въ прочихъ сочиненіяхъ вѣсъ водорода рѣдко принимается за 1, и что потому помянутыя числа почти безполезны. — Въ первомъ случаѣ я долженъ думать, что Господинъ Н. повѣрялъ показанныя мною числа, и нашелъ, что они иногда по водороду, а большею частію не по водороду вычислены; а какъ по-истинѣ они всѣ вычислены по водороду, то изъ этого слѣдуетъ, что Г. Критикъ слабъ въ подобныхъ выкладкахъ, которыя, впрочемъ, основаны только на первыхъ правилахъ Ариѳметики. — Во второмъ предположеніи Критикъ также не правъ, и вѣрно не знаетъ, что Г. Томсонъ въ пространномъ своемъ Руководствѣ къ Химіи вычисляетъ вѣсъ всякаго сложнаго тѣла по

водороду, что Томсону слѣдовали въ томъ многіе другіе (Англичане почти безъ исключенія), что Волластонъ употреблялъ тѣ же числа, что въ Германіи Г. Л. Гмелинъ, сочиненіе котораго самъ Г. Н. приводитъ въ своей критикѣ, принимаетъ также вѣсъ водорода за 1; и что, по крайней мѣрѣ, половина всѣхъ Германцевъ употребляетъ сіи числа!

Наконецъ силы нашего Критика истощаются; онъ напослѣдокъ говоритъ, что ошибокъ слишкомъ много, чтобы ихъ всѣ исчислить, но что изъ сего не должно заключать что книга моя никуда не годится, какъ я то сдѣлалъ съ Химіею Щеглова. — Я писалъ критику на Химію Щеглова, и подписалъ свое имя; писалъ же я ее не изъ личности къ нему, а потому только, что книга сія содержала столь грубыя ошибки, что должна почитаться вредною для просвѣщенія. Я выказалъ нѣсколько изъ сихъ ошибокъ, но только такія, которыя вовсе непростительны, и за которыя никто не можетъ вступиться; ибо это значило бы безъ нужды обнаруживать свое невѣдѣніе. — Г. А. Н. продолжаетъ: „напротивъ того должно „благодарить Г. Гесса за сей трудъ, которымъ онъ познакомитъ незнающихъ ино„странныхъ языковъ съ настоящимъ состоя-

„ніемъ Науки“ и пр. Неумѣстная сія хвала усугубляетъ неприличность его критики: онъ не въ состояніи, какъ то достаточно показано, раскрывать достоинства или недостатки сочиненія по части Химіи, а посему, хвала его ни во что! — Но если онъ чувствовалъ, что книга сія можетъ познакомить съ настоящимъ состояніемъ Науки, то чѣмъ онъ оправдаетъ *лживыя ссылки на текстъ*? — Пусть онъ помыслитъ, что *истина* есть первая цѣль Наукъ и просвѣщенія, что *правда* есть первоначальное основаніе нравственнаго образованія.

Г. Гессъ.

V.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

Великій день.

О чемъ коварные толкуютъ?
О днѣ великомъ, днѣ чудесъ;
Почто безумцы испытуютъ
Святое таинство небесъ?
Не мнятъ ли: случая игрою

Устроенъ міръ, расположенъ,
И твердь, и въ тверди надъ землею
Свѣтильникъ пламенный зажженъ?
Есть Сый! — Онъ мощною десницей
Моря съ землей размежевалъ,
И разграничилъ нощь съ денницей,
Луну и солнце основалъ.
Немногимъ избраннымъ дано
Измѣрить все единымъ взоромъ,
И симъ *немногимъ* суждено
Быть провозвѣстникомъ - глаголомъ.
Внимайте имъ! — о днѣ чудесъ
Они вамъ ясно растолкуютъ,
Сорвутъ повязку отъ очесъ,
И чары лжи разочаруютъ.
Настанетъ день: онъ неизбѣженъ!
И каждый истину пойметъ;
Онъ будетъ ясенъ, безмятеженъ,
И въ мигъ столѣтія сольетъ.
И въ оный день, не погасая,
Какъ солнце, будетъ намъ сіять
Небесно-вѣчная, святая,
Любовь —Еговы благодать.

Л. Якубовичъ.

2.

Кладвище.

(*Изъ Одынъца.*)

Кладбище!.. вотъ рубежъ! здѣсь отдыхъ человѣка!..
Почто же съ трепетомъ отсюда взоръ бѣжитъ!
Здѣсь, рано ль, поздно ли, ночлегъ намъ предстоитъ,
Холодная постель . . . такъ суждено отъ вѣка!

Уснешь ты вѣчнымъ сномъ . . . но счастливъ изъ людей,
Безъ страха кто уснетъ, пробудится безъ страха!
Къ чему и трепетать? стряхая бренность праха,
Смерть облегчаетъ насъ отъ тягостныхъ цѣпей.
Что̀ взору нашему міръ лучшій открываетъ?
Что̀ на вѣкъ намъ отдастъ то, что взято на часъ?
Что жизнь безсмертную блаженствомъ увѣнчаетъ?
Одна, одна она въ обманъ не вводитъ насъ!
Почто же человѣкъ, въ чаду пустыхъ мечтаній,
Не довѣряетъ той, которой нѣтъ вѣрнѣй!
Но всё на перекоръ, страстей въ обуреваньи,
Живетъ, какъ будто бы конца не видя дней?...
И дивно ль, что, бродя въ туманѣ обольщеній,
По скользкому пути ничтожныхъ наслажденій,
Съ боязнію онъ зритъ указанный предѣлъ!
О, вѣрно селянинъ, чей прахъ здѣсь подъ стопою,
Спокойно отошелъ къ небесному покою,
И чистый духъ его предъ Господа взлетѣлъ,
Расторгнувъ съ радостью тѣлесныя оковы!
Не нанятой напѣвъ, не колокола звонъ,
Сопровождалъ его въ сей домъ, для всѣхъ готовый;
Но слезы матери, но дѣтокъ сирыхъ стонъ,
Но овдовѣлая жена съ семьей печальной,
Съ правдивой горестью и въ искреннихъ слезахъ
По немъ свершали ходъ правдиво погребальной!
И остальной удѣлъ въ сихъ жизненныхъ степяхъ —
Горсть желтаго песку набросили на очи,
Которыя, смежась во мракѣ вѣчной ночи,
Не взвидятъ болѣе ни дѣтокъ, ни жены,
Что руки заломавъ со стономъ и рыдая
Въ свой опустѣлый домъ вернулися грустны! . . .
И чистая слеза ихъ на вѣсы влитая,

Сліяся съ добрыми дѣяньями его,
Къ безсмертью вознесла духъ смертнаго сего!
. . . .
О слѣпокъ вещества ничтожнаго, о смертной!
Не въ гробъ ли повлечешь надменность за собой?
Къ чему тебѣ сей блескъ, сей пышный кругъ
клевретный,
Съ наружной жалостью, съ притворною слезой?
Ужели мыслишь ты, что эти громки клики,
Которыя глушатъ прохожихъ — надъ тобой
Умилостивятъ судъ Всеправаго Владыки?..
. . . .
Нѣтъ! участь зависти достойнѣе того,
Надъ чьей кончиною напѣвовъ гласъ печальный —
Стонъ жалостный друзей, а звоны погребальны —
Участье въ горести всей родины его!
А тамъ — гдѣ на вратахъ эдема возсѣдаетъ
Въ одеждѣ солнечной Высокій Гавріилъ,
Тамъ смертнаго въ среду небесныхъ свѣтлыхъ силъ,
Лишь изъ заслугъ его ключь вылитый впускаетъ!.
. . . .
О если бъ мнѣ небесъ дозволено судьбой
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ я взросъ, дождаться и могилы —
То, други, если долгъ воздамъ я остальной,
Окончивъ счастливо житейскій путь унылый:
На сей горѣ родной сложите мирный прахъ!
Не ставьте мраморовъ надменныхъ надо мною,
Не нужно надписей — въ сердцахъ мнѣ саркофагъ!
Да нѣсколько деревъ пусть тѣнію густою
Мой осѣняютъ холмъ! порою, можетъ быть,
Прійдетъ Поэтъ мечтать, или любовникъ нѣжный
Въ минуты горести съ любовью безнадежной
Слезу отрадную надъ гробомъ проронить.....

О, можетъ быть, и ты — когда ночныя тѣни
Одѣнутъ небеса и землю тишиной,
Съ гитарою въ рукѣ, съ тоскующей душой,
Прійдешь, и, преклонивъ дрожащія колѣни,
Молиться будешь тамъ предъ небомъ за меня;
Иль прерывая тишь торжественную ночи,
Сыграешь мнѣ ту пѣснь, которой слышать я
Безъ слезъ здѣсь не могу! или, потупя очи,
Со вздохомъ тягостнымъ ты будешь вспоминать
О лѣтахъ юности, о счастіи, о другѣ...
Тогда я, чтобъ тебя порадовать въ недугѣ
Чтобъ грусть твою съ чела, о милая, согнать —
Въ лучѣ ли звѣздочки во взоръ твой проліюся,
Иль съ легкимъ, ласковымъ повѣвомъ вѣтерка,
Въ листочкахъ зашумлю, по струнамъ пронесуся,
И, дымчатый покровъ волнуя твой слегка,
Жаръ прохлажу ланитъ, съ очей слезу отру я,
Пока я не найду, какъ нѣкогда, мой другъ,
Въ твоихъ объятіяхъ, въ восторгѣ поцѣлуя,
Рай наслажденія, все забывая вдругъ....
Но плачешь ты! прости, когда я слишкомъ сильно
Для сердца твоего ударилъ по струнамъ,
Прости! дозволь слезу катящуюсь умильно
Стереть съ твоихъ ланитъ! и не давай слезамъ
Обременять твои прелестныя рѣсницы:
Онѣ прекраснѣйшей судьбы закроютъ видъ!
Такъ стая облаковъ надвинутыхъ мрачитъ
Востока зарево въ часъ радостной денницы. — —

Р. Романовичъ.

VI.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

Обозрѣние новѣйшихъ происшествій.

Франція.

Въ засѣданіи Палаты Депутатовъ 2 Января, Г. Пеле-дела-Лозеръ прочелъ докладъ Коммиссіи, разсматривавшей проектъ закона о наборѣ 80,000 человѣкъ изъ очереди 1831 года, и предложилъ принять оный. Г. Министръ Торговли представилъ проектъ закона о дозволеніи городу Парижу заключить заемъ въ 40 милліоновъ франковъ Г. Лербеттъ и другіе Депутаты требовали, чтобы разсмотрѣніе закона о доходахъ и владѣніи Королевскаго Дома было отложено до представленія нѣкоторыхъ, требованныхъ Палатою, документовъ, которые Министерство сообщило не вполнѣ; они объявили, что въ противномъ случаѣ не могутъ подать голоса по сему предмету. Послѣ продолжительныхъ споровъ, Г. де Шоненъ прочелъ Палатѣ вѣдомость о доходахъ съ наслѣдственнаго и благопріобрѣтеннаго имѣнія Герцога Орлеанскаго при вступленіи его на престолъ. За тѣмъ, не смотря на сопротивленіе оппозиціи, Палата опредѣлила заняться симъ закономъ въ назначенное время. Въ семъ же засѣданіи принятъ проектъ закона о назначеніи 250 фр. пенсіи тѣмъ изъ Кавалеровъ Почетнаго Легіона, пожалованныхъ Наполеономъ въ стодневное правленіе, которые

при полученіи ордена состояли на службѣ солдатами или унтеръ-офицерами. За тѣмъ продолжались пренія о проектѣ закона объ устройствѣ подвижной національной гвардіи, который въ засѣданіи 3 Января и утвержденъ, съ неважными измѣненіями противу Министерскаго проекта (*), большинствомъ 205 голосовъ противъ 45. Въ томъ же засѣданіи Г. Мейнаръ прочелъ предложеніе свое о перемѣнахъ въ образѣ взиманія податей; въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій онъ объяснитъ сіе предложеніе, которое мы сообщимъ въ свое время нашимъ читателямъ. Въ засѣданіи 4 Января начались пренія о проектѣ закона касательно владѣній и доходовъ Королевскаго Дома; нѣкоторые Депутаты полагали перевести изъ короннаго въ государственное владѣніе разныя имѣнія, другіе говорили о доходахъ Королевскаго Дома, и предлагали назначить на содержаніе онаго 6, 8, 10, 12 милліоновъ въ годъ, и пренія шли довольно спокойно, какъ вдругъ одно выраженіе Министра Просвѣщенія Г. де Монталиве возбудило въ Палатѣ страшную и непостижимую бурю.

Въ засѣданіи 6 Января, Г. Сальвертъ предложилъ оставить во владѣніи Королевскаго Дома только дворецъ Тюльерійскій и замки въ Фонтенебло, Сенъ-Клу и Медонъ съ принадлежностями, а остальное все перевесть въ государственное владѣніе. Предложеніе сіе, поддержанное Г. Могеномъ, который старался доказать, что остальныя владѣнія и помѣстья, принадлежавшія прежде Королевскому Дому, могли бы

(*) Смотри С. О. и С. А. No.

приноситъ Государству отъ 7 до 8 милліоновъ ежегоднаго доходу, если бы были отчуждены отъ короннаго владѣнія, и Гг. Лербеттомъ и Лорансомъ, и опровергаемое Гг. Дюпеномъ, Монталиве, д'Аргу, де Шоненомъ, Ламетомъ и другими, отринуто, и затѣмъ утверждены во владѣніи Королевскаго Дома дворцы Луврскій, Тюльерійскій, Элизе-Бурбонскій, замки Версальскій, Марлійскій, Сенъ-Клудскій, Медонскій, Сенъ-Жерменскій (Saint-Germain-en-Laye); но замокъ Рамбульетскій отчужденъ отъ Королевскаго владѣнія большинствомъ 165 голосовъ противъ 157.

Говорятъ, что Министерство старается удалить изъ Парижа всѣхъ Польскихъ выходцевъ.

Крѣпости Мецъ, Лонгви, Тіонвилль, Марсаль, Туль, Верденъ и Бичъ велѣно обезоружить.

Съ нѣкотораго времени Министерству извѣстно было, что въ Парижѣ распространяется множество возмутительныхъ прокламацій; наконецъ Префекту Полиціи удалось отыскать нить этой интриги, и по сему случаю взято подъ стражу шестнадцать человѣкъ. Подробности сего дѣла еще не извѣстны.

5 Января восьмеро молодыхъ людей забрались въ одну изъ башень церкви Богородицы въ Парижѣ, и начали звонить въ колокола. Ихъ скоро забрали подъ стражу, и они признались, что имъ поручено было зажечь эту башню; что звонъ колоколовъ и пожаръ должны были послужить сигналомъ къ страшному возстанію въ Парижѣ и во всѣхъ окрестностяхъ онаго; между тѣмъ и въ Парижѣ и кругомъ вездѣ все было тихо.

Англія.

Послѣ продолжительнаго собранія Конференціи, Лордъ Пальмерстонъ отправилъ курьеровъ къ Англійскимъ Посланникамъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Дипломатамъ симъ предписано истребовать отъ Дворовъ, при которыхъ они акредитованы, рѣшительный отзывъ о трактатѣ пяти Державъ съ Королемъ Бельгійцевъ, и доставить оный непремѣнно къ 15 Января, дню, назначенному для размѣна ратификацій сего договора.

Ирландскихъ Членовъ Нижней Палаты вызывали въ Дублинъ къ 9 Января, чтобы присутствовать въ собраніи, въ которомъ предполагаемо было разсмотрѣть состояніе Ирландіи и сдѣлать по сему предмету представленіе Министрамъ; но большая часть означенныхъ Членовъ отказались отъ сей поѣздки.

Изъ Кантона пишутъ отъ 25 Августа, что всѣ сообщенія между Китайцами и Англичанами прекратились. Китайцы овладѣли Англійскою факторіею.

Въ Лондонъ прибыла Депутація Греческаго Правительства для совѣщанія съ Англіею и Франціею, касательно выбора для Греціи Государя.

Нидерланды.

Брюссель. Г. де Тё (de Theux) назначенъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ объявилъ въ Палатѣ Представителей, что слухи о существованіи протокола о новомъ раздѣлѣ долга и о лишеніи Бельгіи права свободнаго плаванія по внутреннимъ Голландскимъ каналамъ, отнюдь неосновательны.

Утверждаютъ, что Лордъ Доворъ назначенъ

Посланникомъ въ Брюссель на мѣсто Г. Адейра, а Г. Темпль, братъ Лорда Пальмерстона, въ Гагу на мѣсто Г. Багота. Полагаютъ, что Г. Адейръ будетъ пожалованъ Перомъ.

Сенатъ, въ засѣданіи своемъ 30 Декабря, утвердилъ два проекта закона, первый о назначеніи 2 милліоновъ въ добавокъ къ суммамъ, отпущеннымъ на Военное Министерство, и второй о наборѣ 1832 года.

Т у р ц і я.

Въ Оттоманскомъ Мониторѣ, издаваемомъ въ Константинополѣ на Французскомъ языкѣ, напечатана длинная статья, въ которой опровергаютъ сказанное Г. Себастіани въ засѣданіи Палаты Депутатовъ 19 Сентября, будто бы нота, поданная Портѣ Графомъ Гильемино, была на другой же день сообщена самимъ Диваномъ представителямъ всѣхъ другихъ Державъ.

Изъ Александріи пишутъ, что Вице-Король объявилъ Портѣ войну. Въ сихъ письмахъ увѣряютъ, что онъ созвалъ на чистомъ воздухѣ старшинъ Египетскаго народа и, описавъ всѣ несчастія, которыя потерпѣла Турецкая Имперія при нынѣшнемъ Султанѣ, объявилъ, что Махмудъ не достоинъ престола. Собраніе приняло слова сіи съ величайшимъ одобреніемъ.

Р а з н ы я и з в ѣ с т і я.

6 Декабря происходило въ Вашингтонѣ первое собраніе двадцать втораго Конгреса. Президентъ Джаксонъ открылъ засѣданіе Конгреса посланіемъ, которое мы сообщимъ читателямъ нашимъ въ слѣдующей книжкѣ С. О. и С. А.

Сиръ Валтеръ-Скоттъ пишетъ изъ Италіи, что образовавшийся близъ Сициліи островъ Фердинандія совершенно исчезъ.

Холера въ Берлинѣ прекратилась.

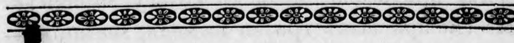
14-го Января.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и

СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1832 №. IV.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛАТНИКЪ.

(Окончаніе.)

Стѣны были увѣшаны портретами фамильными — это общій обычай въ Польшѣ. — Латникъ прямо кинулся къ одному изъ нихъ, какъ знакомый, и разсматривалъ его съ дикимъ наслажденіемъ. Это было въ самомъ дѣлѣ прелестное лице какой-то дѣвушки. Озаренная невѣрнымъ свѣтомъ, она мелькала сквозь мракъ, будто неслась ангеломъ мира. „И ты, сердце моего сердца! — ты, которая одушевляла для меня жизнь и свѣтъ — и тебя не стало!“ произнесъ латникъ, глубоко тронутый — „Земля взяла свое — черви насладились твоими прелестями... черви? нѣтъ, змѣя отравила тебя заживо — Фелиція! — сви-

дѣтель Богъ, ты одна могла удержать руку, готовую раздавить эту гадину — я отсрочилъ месть — но отказаться отъ нее не могъ я, какъ отъ любви своей — месть мнѣ осталась единственною любовью послѣ тебя, единственною отрадою; только жажда ея могла приковать меня къ колесу пытки!!. Не смотри такъ грозно на меня, Фелиція — я далъ себѣ страшную клятву уничтожить изверга, — а ты вѣдаешь, измѣнялъ ли я клятвамъ въ добромъ и зломъ... она свершилась!! — И ты сдержала обѣтъ свой, милая тѣнь — ты обѣщала мнѣ явиться въ ночь передсмертную — вѣстница радости..... ты явилась мнѣ — не убѣгай, не улетай отъ меня — скажи мнѣ, буду ли я твоимъ супругомъ въ царствѣ смерти? — Любятъ ли тамъ? — Я не хочу рая, когда въ немъ не найду тебя!!" — Онъ кинулся на встрѣчу милому призраку въ порывѣ горячки своей — и запнулся за убитаго Француза... внезапный ужасъ поразилъ его. Онъ наклонился, поднесъ головню къ посинѣлому лицу мертвеца — и черты его вспыхнули гнѣвомъ.... „Ты и здѣсь заграждаешь мнѣ дорогу въ небо... прочь, змѣя! прочь, говорю я!" вскричалъ онъ:.. „какъ ожилъ ты изъ-подъ моихъ ударовъ? зачѣмъ пришелъ ты умереть сюда? Неужели и адъ не принимаетъ злодѣя?.. Въ этотъ разъ по крайней мѣрѣ

ты не уйдешь отъ меня... въ этотъ разъ ты не избѣгнешь заслуженнаго ада, который вызвалъ на свѣтъ!!" — Пѣна била у него клубомъ, лице горѣло кровью — онъ выхватилъ палашъ свой, наступилъ мертвецу на грудь, такъ, что у него затрещали кости, и поднявъ обѣими руками клинокъ, вонзилъ его въ давно оледенѣлое сердце, и дважды повороти лъ въ ранѣ... „Онъ еще живетъ, еще дышитъ!" повторялъ онъ, прислушиваясь — „еще остальная кровь, какъ червь, ползетъ въ жилахъ его!.." — Онъ снова взмахнулъ палашомъ — но изступленіе истощило всѣ его силы — онъ рухнулъ на полъ безчувственъ, бездыханенъ.

Кликнувъ гусаровъ, мы перенесли его въ прежнюю комнату, сняли съ него латы и расположили на плащахъ. Приводя его разными средствами въ чувство, мы успѣли возвратить ему дыханіе, но не память. Только по временамъ пробѣгалъ по всѣмъ членамъ его трепетъ, только холодный потъ проступалъ на тѣлѣ, и закрытыя вѣки дрожали судорожно. Онъ тихо стеналъ, произнося невнятныя слова — мы оставили его успокоиться. Встрѣча съ латникомъ совершенно отбила у насъ сонъ. Мы потихоньку разсуждали, до какой степени несчастная любовь дѣлаетъ неистовымъ человѣка, одареннаго или,

*

лучше сказать, наказаннаго пылкими страстями! Очевидно было, что онъ женихъ Фелиціи и врагъ Грабе Остроленскаго, что онъ преслѣдовалъ и изрубилъ его. „Однако ты, братъ, не докончилъ своего разсказа," напомнилъ я Поручику.

„Онъ будетъ кратокъ," отвѣчалъ Поручикъ со вздохомъ. „Слушай. Мы были прерваны на томъ мѣстѣ, когда я отворилъ двери старинной темницы Лизы. Гляжу — въ комнатѣ этой горитъ свѣча — подъ окномъ, забитымъ рѣшеткою, столъ; въ углу простая кровать и на ней — вообрази мое удивленіе! — женщина въ бѣломъ платьѣ — и кто же? Лиза! Я говорилъ тебѣ, что кровь замерзла въ моихъ жилахъ — но это не выражаетъ ужаса, который я тогда ощутилъ. Казалось, тысячи ледяныхъ иголокъ пронзили меня съ головы до ногъ, холодный потъ застылъ на сердцѣ, и если я тогда не упалъ — то обязанъ этимъ одному оцѣпенѣнію.. это былъ задатокъ разрушенія въ часъ смертный.

„Но все что имѣетъ начало, должно имѣть конецъ. Разсудокъ проговорилъ, сердце оттаяло, и я съ недоумѣніемъ и страхомъ протиралъ глаза, чтобъ увѣриться, не грѣза ли это; нѣтъ! бѣлое привидѣніе недвижимо лежало передо мной, будто въ глубокой тоскѣ, въ непробудимой задумчивости. Прелестное, но блѣдное лице было полузакрыто свѣтло-русыми локонами. Я долго смотрѣлъ на это явленіе, колеблемъ между истиной и заблужденьемъ — ступилъ шагъ — незнакомка подняла глаза — и тутъ ужъ я убѣдился, что столько жизни не могло сосредоточиться въ мертвецѣ... я прервалъ безмолвіе — я сказалъ ей, кто и почему я здѣсь... Теперь угадай, кто была она и какъ туда попала?"

„Не могу придумать," отвѣчалъ я.

„И я не вдругъ узналъ это. Милая дѣвушка умоляла меня никому не открывать о встрѣчѣ съ нею. Напрасная просьба! Я самъ бы готовъ былъ схоронить отъ цѣлаго свѣта такое сокровище. Нужно ли сказывать, что черезъ полчаса, проведеннаго съ нею, я ужъ былъ влюбленъ по уши? Чудесность, таинственность всего ея быту бросили искру въ сердце — а ея невинность, ея свѣтлый умъ раздули пожаръ. —Я выпросилъ у ней позволеніе увидѣть ее еще разъ и еще разъ — но въ замѣну далъ слово дѣлать это съ большими предосторожностями. — Черезъ три дня я уже опять спрыгнулъ у крыльца управителя Шурана. „Дома ли?" — „Дома-съ, очень радъ." Управитель встрѣтилъ меня съ двусмысленною улыбкою. „Не прикажете ли подать топоръ и свѣчъ, Григорій Ивановичъ?" сказалъ онъ мнѣ.

„Зачѣмъ это?“ возразилъ я, смутившись.

„Для ночнаго путешествія въ опальный домъ,“ отвѣчалъ онъ. „Григорій Ивановичъ, я всё знаю. Васъ ждутъ и ждутъ съ нетерпѣніемъ — только позвольте, чтобъ въ этотъ разъ я былъ проводникомъ вашимъ.“ Онъ пошелъ впередъ, не ожидая отвѣта — а я такъ смущенъ былъ нежданымъ этимъ привѣтствіемъ, что шелъ сзади его, какъ на сворѣ.

„Когда приблизились мы къ роковой двери, сердце у меня вспрыгалось, будто заяцъ подъ ружьемъ стрѣлка... Незнакомка встрѣтила насъ еще прелестнѣе, чѣмъ прежде... я таялъ на нее глядя — самолюбіе мое лакомилось пылкимъ румянцемъ красавицы. „Григорій Ивановичъ!“ сказалъ управитель: „прошу любить и жаловать тетушку вашу.. вы видите дочь Елисаветы Андреевны, Елисавету Павловну Баянову.“ Я отступилъ отъ изумленія три шага назадъ.. Мысли и чувства такъ были превращены этимъ нежданымъ, непонятнымъ объясненіемъ, что я стоялъ долго, растворивъ ротъ, какъ будто бы я глоталъ чужія слова вмѣсто того, чтобъ произносить ихъ самому.

„Управитель продолжалъ: „Бракъ Г-на Баянова съ родственницей вашей, Княжной Х—ой, совершенъ былъ неразрывно. Его утаили, но уничтожить не могли. Дѣвица, ко-

торую изволите видѣть передъ собою, родилась во время заключенія Елисаветы Андреевны и названа была ея именемъ. Покойникъ Князь имѣлъ свои причины скрыть новорожденную, и поручилъ мнѣ отдать ее на воспитаніе въ какую нибудь дальнюю деревню. Мнѣ стало жаль малютки — я свезъ ее къ брату своему, бѣдному помѣщику въ Вятской Губерніи: онъ былъ бездѣтенъ и принялъ покинутую, какъ небесный гостинецъ. Выкормилъ, воспиталъ ее, какъ видите. Никто не зналъ о томъ ни крошки: все дѣло шло самымъ тайнымъ образомъ. Кого вязали свои дѣла, кого княжія деньги или угрозы. Умеръ и Князь — да остались его наслѣдники — заводить съ ними тяжбу пугало и меня, не смотря на упреки совѣсти: я и самъ былъ въ этомъ дѣлѣ виноватый, хоть невольно. Мѣсяцъ передъ симъ потерялъ я брата, а Елисавета Павловна своего воспитателя.... недѣлю назадъ пріѣхала она сюда — Я крѣпко плакалъ по добромъ братѣ своемъ — и не утѣшился бы, если бъ не было со мной этого ангела. Между тѣмъ (между нами будь сказано) любезная Елисавета Павловна начиталась всякой всячины — то и дѣло просится посмотрѣть того мѣста, гдѣ жила и скончалась ея матушка. Какъ отказать!! На бѣду эта комната ей до того полюбилась, что не

вызовешь. Днемъ ходить сюда — пошли бы разные толки, а намъ надо было молчать о ея родѣ до поры, до времени. — Вотъ она и стала плакать здѣсь по матери ночью. Не осердитесь, любезнѣйшій Григорій Ивановичъ, что заступаясь за правду и за правую душу, я выхлопоталъ всѣ законныя свидѣтельства для иска наслѣдства Елисаветы Павловны: можетъ прійдетъ и вамъ поплатиться—да ей главное — дорога материнская слава, и свое доброе имя, которыхъ иначе нельзя выправить, какъ передъ зерцаломъ. Что передъ вами таиться? — Елисавета Павловна нашла себѣ по сердцу суженаго, и это всего больше заставило меня поспѣшить развязкою. Ваше неожиданное посѣщеніе крѣпко встревожило мою гостью. Я съ своей стороны счелъ за лучшее сказать вамъ все откровенно. Я знаю вашу благородную душу!“ — „И не ошиблись въ ней!“ — вскричалъ я, обнимая почтеннаго простодушнаго старика. „И не ошиблись!..“ По праву родства, я обнялъ и милую свою родственницу — но чего бы я не далъ, чтобы обнять ее, не слышавъ вѣстей, что она родня моя, что она невѣста другаго!!

„Мои мечты, мои надежды разсыпались— но любовь осталась въ сердцѣ. — Я избѣгалъ всѣхъ случаевъ видѣть ее — но ея образъ

былъ всегда передъ глазами... тому уже прошло пять лѣтъ, другъ мой — но я не могу вспомнить о моей Лизѣ безъ вздоха — она была для меня настоящимъ призракомъ счастія!!

„Я сдѣлалъ все, что могъ, для ея счастія — уговорилъ матушку уступить ей свою часть имѣнія, отъ Князя Х—го доставшагося; — хлопоталъ по Судамъ, чтобы признали ее истинною дочерью Баянова — и успѣлъ въ этомъ. Денежный искъ другое дѣло: онъ до сихъ поръ тянется съ сыновьями, Князьями Х—ми. Впрочемъ Лиза вышла за мужъ за того, кого любила, который любилъ ее, который ее любитъ... она пишетъ, что живетъ безбѣдно и счастливо! — . . . а я? . . .“

Поручикъ закрылъ лице, но не слезы свои, руками . . . грудь его стояла надувшись, но онъ не вздыхалъ... онъ не могъ вздохнуть!.. Сердце мое сжалось... горячія капли пробились сквозь рѣсницы. Мы оба, молча, склонили свои головы въ плащи. Такъ заснулъ я.

Съ вечера я отдалъ приказъ быть готовыми къ выступленію къ четыремъ часамъ утра. Рокотъ трубы пробудилъ насъ. Трудно, не смотря ни на какую привычку, съ просонковъ слышать безъ содроганія звуки трубные: они имѣютъ въ себѣ что-то ужасающее, что-то зловѣщее, что-то пронзающее сердце. Ка-

жется, призывъ ихъ выговариваетъ слова: *на брань, на брань; на судъ, на судъ!* Первымъ нашимъ движеніемъ было кинуться къ больному кирасиру — онъ спалъ еще крѣпкимъ сномъ; лице его было посвѣжѣе, хоть все еще блѣдно. Наконецъ перекаты трубы проникли и до его души — онъ встрепенулся, поднялся на руку и съ какимъ-то недоумѣніемъ озирался кругомъ, припоминая, что было, гдѣ и какъ онъ теперь? „Неужто онъ еще живъ?" — было первымъ его вопросомъ.

„Успокойтесь, Маіоръ," сказалъ я: „если вы спрашиваете про кого нибудь изъ непріятелей — то они всѣ легли на мѣстѣ."

Онъ долго смотрѣлъ на меня, будто взвѣшивая слова мои, будто вглядываясь не только въ мое лице, но и въ душу. — Наконецъ онъ дружески протянулъ ко мнѣ руку и крѣпко сжалъ ее. „Я помню васъ, я знаю васъ," сказалъ онъ: „коротко было мое знакомство съ вами; дружество будетъ еще короче; за то, одно и другое полно. Теперь я будто сквозь сонъ вспоминаю, что со мной случилось вчера. Господа! я чувствую, что странность моихъ поступковъ должна была изумить васъ... я бы желалъ въ свою очередь, въ извиненіе себѣ молвить словцо, другое, о томъ, что привело меня къ этому

безумію, да боюсь, чтобъ не задержать похода."

Я отвѣчалъ, что мои разъѣзды не возвратились еще изъ окрестностей, и потому съ часъ мѣста будетъ досугу поговорить и послушать за стаканомъ чаю.

„Если такъ, господа," возразилъ Маіоръ: „я въ короткѣ разскажу вамъ свою печальную повѣсть. Не многіе часы даны мнѣ на бѣломъ свѣтѣ — я считаю по этому долгомъ открыть добрымъ товарищамъ сердце; можетъ быть, вы повстрѣчаете родныхъ моихъ и передадите имъ мою послѣднюю исповѣдь. Какъ ни тяжко вызывать мнѣ прошлое изъ могилы сердца, но я вызову его, какъ тѣнь Саула, чтобы услышать отъ ней неизбѣжное пророчество гибели. Послушайте.

„Здѣсь, въ этомъ самомъ замкѣ, стоялъ я съ артиллерійскою ротою, которою командовалъ. Я любилъ дочь хозяина, я былъ любимъ, я былъ женихомъ ея. Передъ самой свадьбой, больная мать моя захотѣла непремѣнно видѣть меня для благословенія. Я поскакалъ, и заставъ добрую матушку на смертной постелѣ, не отходилъ отъ нее въ теченіе трехъ недѣль. На столикѣ, уставленномъ лекарствами, писалъ я невѣстѣ много и часто, лаская ее, обманывая себя надеждою скораго выздоровленія любимой, уважаемой

матери, скораго свиданія съ обожаемою, *съ нею*. Богъ судилъ иначе: матушка моя скончалась.

„Безсонница, огорченіе, тоска сломили меня: я схватилъ жестокую нервическую горячку. Въ бреду, въ безпамятствѣ, наконецъ въ летаргическомъ разслабленіи пробылъ я почти два мѣсяца. Въ безпамятствѣ, сказалъ я? — Нѣтъ, то было лишь отсутствіе разума, отсутствіе внѣшнихъ чувствъ; но память о разлукѣ, о потерѣ свинцовой горой лежала на сердцѣ. Нѣмая, но тяжкая, неопредѣленная боль тяготѣла надо мной, подавляла вмѣстѣ душу и тѣло, тлѣла, не вспыхивая и не уменьшаясь. Я не ощущалъ хода часовъ, но чувствовалъ долготу времени; оно тянулось, длилось безконечно. Нить этого отчаяннаго положенія прервалась вдругъ, я очнулся. Все радостное и все горестное слетѣлось въ душу съ первымъ лучемъ свѣта, проникшимъ въ нее — онѣ кинулись на нее будто хищныя птицы, давно голодныя!! Первымъ моимъ желаніемъ было: узнать, есть ли письма отъ Фелиціи. — Всѣ молчали, то было молчаніе смерти для всѣхъ надеждъ моихъ. Новый продолжительный обморокъ облилъ меня своимъ холодомъ; онъ поразилъ только что распускающуюся почку силъ. Слабость моя была чрезвычайна, безпамятство часто, выздоровленіе медленно. Восемь мѣсяцевъ протекли съ тѣхъ поръ,

какъ я разлучился съ Фелиціею, и вотъ я сталъ на ноги. Боже мой, Боже мой! для чего ты отдалъ мнѣ жизнь, не отдавъ счастья! — Тогда узналъ я то, чего не смѣлъ подозрѣвать, чему бы никогда не повѣрилъ! — Фелиція вышла замужъ за одного изъ дальнихъ своихъ родственниковъ! Съ перваго раза я считалъ ее мертвою, ибо жить и не писать ко мнѣ — были двѣ мысли, которыхъ не могъ я связать вмѣстѣ... я уже свыкся съ этою мыслію, какъ люди привыкаютъ къ яду... она была горестна, но не обидна для меня.. Можете судить, каково было мое бѣшенство, когда я узналъ невѣрность Фелиціи! Выброшенный взрывомъ гнѣва изъ круга обыкновенныхъ страстей, я не зналъ ни какой узды, ни какихъ границъ. Казалось, адская сила стремила меня какъ ядро на разрушеніе чужое и собственное. Огонь текъ въ моихъ жилахъ; сѣра кипѣла въ груди. Я былъ глухъ на совѣты и увѣщанія совѣсти: я рѣшился убить Фелицію! — Что вы такъ страшно глядите на меня, господа? Постигаете ли вы чувство нетерпимости раздѣла въ любви? Можете ли вы вообразить, можете ли понять, оправдать, по крайней мѣрѣ извинить человѣка, который скорѣе убьетъ своего соперника, чѣмъ уступитъ ему любовницу, скорѣе пронзитъ самъ ея сердце, чѣмъ позволитъ ему биться на

груди другаго? — Если вы не имѣли о томъ мысли, если не слыхали тому примѣровъ — то передъ вами стоитъ тотъ, кто готовъ былъ произвесть это въ дѣйство, кто лелѣялъ месть за любовь, какъ прежде самую любовь — месть, это страшное наслѣдство страстей необузданныхъ. — Воля, которую не умѣли переломить во мнѣ съ младенчества, разбила мое сердце, да я не ищу извиненій. Богъ, передъ котораго скоро предстану, разсудитъ, правъ ли я, виноватъ ли я... чему было должно свершиться, свершилось.“

„Каждый мигъ замедленія былъ мнѣ нестерпимъ: я спалъ и видѣлъ кровь. Я жаждалъ увидѣть измѣнницу еще однажды и въ послѣдній разъ: этотъ разъ долженъ быть послѣднимъ часомъ въ ея жизни. Я просился, и былъ переведенъ въ кирасирскій полкъ, стоявшій невдалекѣ отсюда. Я сдѣлалъ это потому, что рота моя во время моей болѣзни перешла въ Россію. Полный кровавыхъ замысловъ, я полетѣлъ на роковое свиданіе.

„Приближаясь къ замку, я съ звѣрскою радостію воображалъ себѣ ея изумленіе, ея смущеніе передо мною — я предугадывалъ ея извиненія, ея стыдъ при моихъ укорахъ — я наслаждался заранѣ ея ужасомъ при блескѣ лезвея — рѣшимость моя была непреклонна.

„Однако, чѣмъ ближе сюда, тѣмъ мягче и

мягче становился гнѣвъ мой. Душевная буря опала; кроткія воспоминанія прошлаго счастія овладѣли мною противъ воли. Глухая осень оборвала уже листья съ деревъ сада, за то каждое изъ нихъ одѣто было для меня сладкою поминкою. Я безъ мысли, безъ цѣли перепрыгнулъ на конѣ черезъ рогатку садовую, и на удачу тихимъ шагомъ объѣзжалъ всѣ дорожки, знакомыя глазу и милыя сердцу: все было мрачно и печально и пусто, какъ въ груди моей; павшій листъ хрустѣлъ подъ ногами, и вѣтеръ звучалъ, какъ въ струны, въ замерзлые сучья; грустна была пѣсня его, но она лилась, какъ масло на сердце. Осенняя заря разливала свои розовыя сумерки будто на прощанье; она хотѣла разъяснить улыбкою цѣлый день угрюмое небо. И вдругъ совсѣмъ неожиданно наѣхалъ я на сидящую подъ деревомъ Фелицію. — Не умѣю, не смѣю выразить, что тогда сталось, когда я взглянулъ на нее!! Я ожидалъ ее найти въ полномъ расцвѣтѣ прелестей, съ гордымъ самодовольствіемъ въ глазахъ, близъ ласкающагося къ ней мужа, или въ толпѣ поклонниковъ... и гдѣ жъ, и какъ нашелъ я ее? Сердце мое облилось кровью: она была худа и одинока! Все что могутъ страданія и душевныя болѣзни тѣлесныя, написано было на ея блѣдномъ лицѣ. Одна прелесть еще сіяла на немъ, прелесть невин-

ности. Слезы катились изъ глазъ ея — онѣ растопили мое сердце. Всѣ подозрѣнія, всѣ сомнѣнія, вся увѣренность моя разсыпались при первомъ ея взглядѣ — я упалъ, рыдая, къ ногамъ ея. . . . !"

Это свиданіе не было послѣднимъ. Я вымолилъ у Фелиціи позволеніе видать ее въ замкѣ по Пятницамъ, дни, въ которые Графъ уѣзжалъ обыкновенно въ гости. Живучи вблизи, я узналъ всѣ адскія хитрости, которыми намостилъ онъ себѣ дорогу къ супружеству. Перехватываніе писемъ, ложныя вѣсти, коварство подъ личиною участія, все было тамъ на мою бѣду. Этого мало. Ему нужна была Фелиція для золота; она стала лишняя, когда онъ получилъ его. Злодѣйская холодность, ядовитые упреки, презрѣніе ко всему, что достойно уваженія въ женщинѣ, въ супругѣ; всѣ огорченія, какія только злоба можетъ выдумать и безчувственная подлость исполнить, отравили ея жизнь, уничтожили здоровье. Она чахла, она разрушалась въ глазахъ моихъ — я видѣлъ, я чувствовалъ это, и перенесъ это — меня подкрѣпляла надежда, жажда мести. Я поклялся прахомъ отца и тѣнью матери, поклялся всѣми страшными и священными клятвами для человѣка, отомстить злодѣю неумолимо. Но я не хотѣлъ смѣшивать съ кровью послѣднихъ минутъ Фелиціи; я молчалъ

о моемъ намѣреніи. Звѣзда души моей гасла чиста и невинна..! такъ блещетъ передъ закатомъ своимъ въ зимнюю ночь — мракъ и холодъ окружали меня.

„Когда я въ послѣдній разъ видѣлъ Фелицію — она предчувствовала свою кончину, и я не могъ ея не предвидѣть. Не знаю, съ чѣмъ сравнить жестокую извѣстность, которая близилась видимо... я былъ внѣ себя... въ безуміи умолялъ я ее — если не суждено намъ еще однажды видѣться здѣсь — чтобы хоть тѣнь ея явилась мнѣ передъ тѣмъ днемъ, въ который кончатся мои земныя бури и страданія. „Это будетъ разсвѣтомъ моего будущаго блаженства," говорилъ я. . . „дай мнѣ на этой землѣ вкусить небесную радость!" — „О если бъ это было въ моей власти," отвѣчала она: „я бы слетѣла какъ лучъ вѣстникомъ соединенія!" — „Кто любитъ, тотъ вѣритъ" — возражалъ я — „и почему Богъ не исполнитъ невиннаго желанія людей, рожденныхъ другъ для друга и только страдавшихъ другъ за друга!"

„Она съ улыбкою пожала мнѣ руку. „Послѣдняя молитва моя къ Богу будетъ объ этомъ," сказала она: — „но послѣдняя просьба моя къ тебѣ — не мсти за меня Графу!" Она не могла кончить рѣчи и лишилась чувствъ — и я долженъ былъ оставить ее

въ такомъ положеніи!... Легче, во сто разъ легче было бы мнѣ разставаться съ душею, чѣмъ тогда съ любезною! — Она умерла — и не я закрылъ ей очи!.. и кто лишилъ меня этого горестнаго утѣшенія, кто, если не Остроленскій? — Послѣдній завѣтъ, послѣдняя воля ея было прощеніе — но могъ ли я простить ему!!

„Судьба противостала и злобнымъ и мирнымъ моимъ желаніямъ; вскорѣ послѣ похоронъ Фелиціи она оторвала меня даже отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ бы я могъ выплакать душу, какъ цвѣтокъ намогильный. Я былъ посланъ ремонтеромъ на всю дивизію внутрь Малороссіи и, воротясь черезъ два года въ полкъ, узналъ, что Грабе Остроленскій, обвиненный уголовно за жестокость съ крестьянами, бѣжалъ во Францію, и вступилъ тамъ въ службу Наполеона.

Радостенъ былъ я, когда загорѣлась нынѣшняя война. Мысль кончить по крайней мѣрѣ со славою жизнь безъ счастія, утѣшала меня. Месть врагамъ, разорителямъ отечества, меня одушевляла, но и собственная, сердечная месть, меня не покидала ни въ походахъ, ни въ сраженіяхъ. Приближаясь нынѣ къ мѣстамъ, столь для меня памятнымъ — она заговорила въ душѣ громче, нежели когда нибудь. Я сыпалъ золото, разсылая Жидовъ

провѣдать, не здѣсь ли Графъ Остроленскій. — Вчерась одинъ изъ кровопродавцевъ воротился съ вѣстью, что Графъ точно здѣсь и возмущаетъ околотокъ къ отпору. Я выпросился у Генерала примкнуть къ вашему отряду, и поскакалъ вслѣдъ за вами съ однимъ ординарцемъ. Остальное вы знаете — кромѣ заключенія!..“ Тутъ латникъ остановился — глаза его снова засверкали гнѣвомъ и кровь пятнами вступила въ лице... „Я увидѣлъ въ схваткѣ бѣгущаго Графа,“ продолжалъ онъ — я слѣдилъ, я достигъ его, далеко отъ замка. Конь его, застрѣленный мною, палъ и придавилъ собою злодѣя. Палашъ мой сверкнулъ надъ его головою. — О какъ сладки были для слуха моего мольбы врага о пощадѣ! — Подлецъ! онъ не умѣлъ и умереть благородно; онъ не выкупилъ ни одною минутою твердости черной своей жизни. Какъ унизительно выпрашивалъ онъ, будто милостыни, чтобъ я далъ ему время раскаяться! — Нѣтъ, злодѣй! — я не дамъ тебѣ раскаяться! ты превратилъ въ адъ мое небо — ступай же самъ въ вѣчный адъ! Я могъ бы простить свою собственную, кровную обиду; но тысячи обидъ, нанесенныхъ существу драгоцѣннѣйшему для меня всего на свѣтѣ, съ которымъ ты разлучилъ меня — этого не могъ, и не долженъ былъ я простить. Это было выше души

моей — я съ ожесточеніемъ вонзилъ ему въ грудь свой клинокъ." — Въ это время вошелъ вахмистръ мой съ рапортомъ и за приказаніями для похода. „Спрашивай о томъ у Г-на Маіора," сказалъ я, указывая на латника.

Онъ вскочилъ. „У меня одно приказаніе для вашего отряда, Г-нъ Ротмистръ," отвѣчалъ онъ: „одна просьба до васъ самихъ — велите зажечь замокъ со всѣхъ сторонъ, — хочу, чтобъ и самая память Остроленскаго погибла подъ пепломъ!"

Я склонилъ голову въ знакъ согласія; — скоро зазвучала труба. Мы едва успѣли сѣсть на коней, какъ замокъ вспыхнулъ столбомъ. Латникъ долго ѣхалъ, оборотясь назадъ, будто любовался пожаромъ; но когда лѣсъ заслонилъ насъ даже и отъ дымнаго облака, онъ впалъ въ глубокую думу; мы не хотѣли докучать ему нескромнымъ участіемъ, и ѣхали тихо, безмолвно.

Вдругъ мой латникъ будто проснулся отъ сна. „Господа!" произнесъ онъ: „прошу васъ, какъ товарищей, отошлите этотъ кошелекъ въ мой эскадронъ. Пускай поминаютъ меня мои добрые кирасиры! Отправьте также эти бумаги къ брату моему (онъ назначилъ адресъ) — онѣ будутъ ему весьма нужны... наконецъ простите меня сами — не осуждайте память мою — сегодня, непремѣнно сегодня я

буду убитъ! Тѣнь Фелиціи посѣтила меня въ прошлую ночь!"

Мы изумились, слыша, съ какимъ увѣреніемъ говорилъ человѣкъ воспитанный о предчувствіяхъ, объ явленіяхъ по смерти. — Впрочемъ мы очень осторожно старались разувѣрить его. — „Вы видѣли портретъ Фелиціи, Маіоръ, а сонъ могъ продлить заблужденіе. Кровь ваша была вчерась такъ взволнована, такъ воспалена!" сказалъ я.

Латникъ горько улыбнулся. „Господа!" отвѣчалъ онъ: „можетъ быть я не могу такъ же красно, какъ вы, толковать о лживости предчувствій, о невозможности сообщенія живыхъ съ умершими... но я вѣрилъ этому такъ жадно, такъ долго — эта вѣра была моею отрадою — какой-то голосъ въ душѣ говоритъ мнѣ, что я не обманутъ. — Отечеству посвятилъ я жизнь мою — но умереть хочу для себя! — за границей этого міра ожидаетъ меня Фелиція!!"

Болѣе не молвилъ онъ ни слова. Подъ вечеръ вышли мы на Виленскую дорогу и соединились съ главнымъ отрядомъ славнаго нашего Сеславина; — къ ночи налетѣли мы на Ошмяны — тамъ былъ самъ Наполеонъ.

Не смотря на превосходство Французовъ въ силахъ, мы ударили въ нихъ какъ громъ. Самъ начальникъ нашъ съ Ахтырцами вру-

бился въ средину города — мы ворвались туда со всѣхъ сторонъ; крикъ, тревога, пальба — сабли и штыки въ работѣ, но темнота, подарившая насъ побѣдою, укрыла Наполеона отъ поисковъ нашихъ. Если бъ мы знали мѣсто ночлега, Ошмяны были бы Геркулесовскими столбами его поприща. Но видно судьба судила иначе — онъ ускакалъ.

На завтра, на разсвѣтѣ я съ Поручикомъ Зарницкимъ выступалъ изъ Ошмянъ въ арріергардѣ нашего летучаго отряда. На улицахъ лежали ёще трупы убитыхъ; многіе домы дымились послѣ пожара... живые прятались по угламъ. Мы тянулись черезъ площадь, на которой Французы держались упорнѣе прочихъ мѣстъ. Тѣла лежали на тѣлахъ ободранныя, обезображенныя. Вдругъ Зарницкій осадилъ коня, спрыгнулъ съ него и припалъ къ какому то трупу... „Боже мой! сказалъ онъ: „посмотри.. Жоржъ — это нашъ латникъ!"

Въ самомъ дѣлѣ то былъ онъ, и обнаженъ весь; кирасъ его брошенъ былъ недалеко въ грязи, но каска на головѣ и палашъ въ стиснутой рукѣ остались. За оружіемъ никто не гнался. На тѣлѣ его видны были нѣсколько ранъ пулями и штыками. Выраженіе лица его сохранило еще гордость и угрозу — но на немъ не видѣлось ни слѣда страстей, обуревавшихъ его молодость — оно было свѣтло и покойно.

„Нашелъ ли ты миръ, котораго не зналъ въ жизни!" сказалъ я, качая головою.

„Дай Богъ!" прибавилъ Зарницкій. „Чудный человѣкъ! ты задалъ мнѣ чудную загадку. Въ самомъ ли дѣлѣ тѣнь Фелиціи была вѣстницей твоей смерти, или вѣра въ заблужденіе заставила найти ее?"

„Не пройдетъ, можетъ статься, трехъ часовъ — и Французская пуля разрѣшитъ кому нибудь изъ насъ эту тайну," возразилъ я.

Задумавшись стояли мы надъ тѣломъ убитаго товарища... эскадронъ прошелъ... звукъ трубы вызвалъ насъ изъ забвенія. Мы вспрыгнули на коней и, молча, поскакали впередъ.

А. М.

Дагестанъ.
1831.

II.

НОВАЯ ИСТОРІЯ.

Отрывокъ изъ Исторіи Наполеона Бонапарте.

(Окончаніе.)

Капитанъ Райтъ, на кораблѣ котораго Пишегрю и его товарищи переѣхали во Францію, былъ взятъ въ плѣнъ, какъ мы уже сказали, Французскимъ судномъ превосходной силы и послѣ отчаяннѣйшаго сопротивленія. Подъ предлогомъ, что очная съ нимъ ставка необходима для уличенія Пишегрю и Жоржа, онъ былъ привезенъ въ Парижъ, и заключенъ въ тѣсную темницу въ Тамплѣ. Должно также сказать, что Капитанъ Райтъ служилъ офицеромъ подъ начальствомъ Сира Сиднея Смита, и что Бонапарте никогда не прощалъ тѣмъ, которые участвовали въ ниспроверженіи его любимыхъ замысловъ или въ уменьшеніи и помраченіи его воинской славы, больше всего для него драгоцѣнной. Обхожденіе съ Капитаномъ Райтомъ было бы сурово и тогда, если бъ оно ограничилось тюремнымъ заключеніемъ; но слухи носились, будто бы употребили и пытку для исторженія у этого храбраго морскаго офицера показаній, сообразныхъ съ видами Французскаго Правительства. Мнѣніе сіе сдѣлалось общимъ, когда услышали, что Райтъ, подобно какъ и Пишегрю, былъ найденъ мертвый въ своей темницѣ съ перерѣзаннымъ до ушей горломъ, что по объявленію Правительства, онъ сдѣлалъ надъ собою самъ изъ нетерпѣливости и отчаянія. Это официяльное объявленіе о второмъ самоубійствѣ, свершенномъ государственнымъ арестантомъ, усилило и утвердило мнѣніе, возникшее о смерти Пишегрю, на которую оно такъ много походило. Предположили, что злополучный Капитанъ Райтъ былъ принесенъ въ жертву частью низкому Наполеонову чувству мщенія, а главное для того, чтобы погребсти въ стѣнахъ Тампля очевидные знаки, которые онъ бы представилъ на всенародный судъ, мрачныхъ и свирѣпыхъ средствъ, употребленныхъ для исторженія у него признанія.

Бонапарте всегда говорилъ, что онъ nитнюдь ничего не знаетъ о судьбѣ Пишегрю и Райта, и при всякомъ случаѣ утверждалъ, что они, сколько ему извѣстно, погибли отъ собственныхъ своихъ рукъ, а не отъ убійцъ. Противъ этого утвержденія не существуетъ никакихъ доказательствъ, и можно питать одни только сильныя подозрѣнія. Но странно, что эта страсть къ самоубійству вдругъ обуяла государствен-

ныхъ плѣнниковъ въ Парижѣ, и что оба эти человѣка, злѣйшіе враги Императора, вздумали лишить себя жизни именно тогда, какъ это было наиболѣе выгодно для ихъ гонителя. Сверхъ того, должно сознаться, что поступкомъ своимъ съ Герцогомъ Ангенскимъ Бонапарте потерялъ неприкосновенность своей доброй славы, на которую онъ конечно бы сослался въ отвѣтъ на обвиненія, на него взводимыя. Человѣкъ, который, подъ предлогомъ государственной необходимости, осмѣлился такъ явно нарушить законы правосудія, не можетъ жаловаться, когда его, при всякомъ подозрительномъ случаѣ, сочтутъ способнымъ пожертвовать правами человѣчества своимъ страстямъ или выгодамъ. Онъ самъ соглашается, что Райтъ умеръ задолго до того, какъ это было объявлено, но не объясняетъ, по какимъ причинамъ на счетъ этого было сохраняемо молчаніе. Герцогъ Ровиго, также отрицаясь отъ всякаго знанія на счетъ смерти Райта, сознается, что это дѣло покрыто мрачною неизвѣстностью, и намѣкаетъ, что Фуше зналъ развязку этой трагедіи. Въ дѣйствительныхъ или мнимыхъ Запискахъ Фуше объ этомъ происшествіи ничего не упомянуто. Мы оставимъ во мракѣ, его окружающемъ, это страшное событіе, котораго подробности, вѣроятно, не узнаются до тѣхъ

поръ, пока не будутъ открыты тайны всѣхъ сердецъ.

Избавясь отъ Пишегрю чрезъ самоубійство или руками его тюремщиковъ, Правительству Наполеона осталось раздѣлаться только съ Жоржемъ и его соумышленниками, да съ Генераломъ Моро. Что касается до перваго, то это легко было сдѣлать, ибо шуанскій вождь сохранилъ предъ Уголовнымъ Судомъ ту же безбоязненную дерзость, которую онъ обнаружилъ при началѣ. Онъ сознался, что прибылъ въ Парижъ съ личнымъ противъ Наполеона умысломъ и, казалось, жалѣлъ о своемъ заключеніи только потому, что оно мѣшало исполненію его предпріятія. Онъ обходился съ судьями съ холоднымъ презрѣніемъ, и забавлялся, называя главнаго Судью Тюрію, стариннаго Якобинца, господиномъ цареубійцею (*Monsieur Tue-Roi*). Не трудно было приговорить къ смерти Жоржа и девятнадцать его соумышленниковъ, между коими находился Графъ Арманъ де Полиньякъ, за жизнь котораго братъ его великодушно предложилъ свою собственную. Однако же Арманъ де Полиньякъ, съ семью другими, былъ прощенъ Наполеономъ, то есть, ссылка для однихъ и тюрьма для другихъ замѣнили смертную казнь. Жоржъ и остальные были

казнены и умерли съ величайшею твердостью.

Открытіе и уничтоженіе сего заговора, по видимому, произвело большую часть дѣйствія, котораго ожидалъ отъ сего Бонапарте. Королевскіе приверженцы замолкли и покорились, такъ что, кромѣ обнаруженія ненависти ихъ къ царствованію Бонапарта въ сатирахъ, острыхъ словахъ и насмѣшкахъ на ихъ вечернихъ собраніяхъ, едва можно было подозрѣвать ихъ существованіе. Наполеону были сдѣланы предложенія избавить его отъ остальныхъ Бурбоновъ за большую сумму денегъ; но лучше обдумавъ, чѣмъ при прежнихъ своихъ поступкахъ, онъ отвергъ этотъ вызовъ. Онъ видѣлъ, что для него будетъ выгоднѣе довести изгнанное семейство до ничтожнаго положенія, чѣмъ жестокимъ, насильственнымъ поступкомъ обратить на нихъ всеобщее вниманіе, и тѣмъ вѣроятно возбудить въ людяхъ участіе къ страдальцамъ и ненависть къ ихъ могущественному гонителю. Съ этою цѣлью имя изгнаннаго семейства было, вскорѣ послѣ сего времени, тщательно исключаемо изо всѣхъ повременныхъ изданій и, кромѣ одного или двухъ исключеній, вовсе не было упоминаемо о ихъ существованіи въ официяльной Французской газетѣ. Безспорно политика сія

была благоразумна съ народомъ, столь легкомысленнымъ, и столь сильно привязаннымъ къ современнымъ дѣламъ, какъ Французы, для которыхъ настоящее есть великая вещь, будущее маловажно, а прошедшее — совершенно ничто.

Судъ надъ Моро представлялъ гораздо больше затрудненій, чѣмъ Жоржевъ. Невозможно было пріискать противъ него ни какихъ доказательствъ, кромѣ собственнаго его признанія, что онъ два раза видѣлся съ Пишегрю, но совершенно отрицаясь въ томъ, что принималъ участіе въ его замыслахъ. Большая часть Судей была склонна къ тому, чтобы совершенно оправдать его; но Предсѣдатель Гемаръ предостерегъ ихъ отъ того, замѣтивъ, что поступивъ такимъ образомъ, они принудятъ Правительство къ насильственнымъ мѣрамъ. Понявъ этотъ намѣкъ и желая избрать среднюю дорогу, они объявили Моро виновнымъ, но не столько, чтобы онъ заслуживалъ смертную казнь. Онъ былъ осужденъ на двугодовое заключеніе; но какъ солдаты продолжали обнаруживать сильное участіе въ судьбѣ его, то Фуше, около этого времени опять сдѣланный Министромъ Полиціи, началъ сильно за него ходатайствовать, и подкрѣпилъ своимъ посредствомъ просьбу Госпожи Моро о смягченіи пригово-

ра, произнесеннаго надъ ея мужемъ. Въ слѣдствіе сего заключеніе было для него замѣнено ссылкою; наказаніе, гораздо для Моро безопаснѣйшее, если принять въ соображеніе то, что недавно случилось въ государственныхъ темницахъ, и болѣе выгодное для Наполеона тѣмъ, что онъ совершенно похищалъ изъ мыслей республиканцевъ и солдатъ вождя, котораго воинскіе таланты могли подлежать сравненію съ его собственными, и на котораго весьма естественнымъ образомъ устремились бы взоры публики, если бъ какая либо причина неудовольствія противъ настоящаго Правительства заставила ихъ обратиться въ другую сторону. Такимъ-то образомъ Бонапарте избѣгъ послѣдствій сего опаснаго заговора; и подобно больному, котораго недугъ достигаетъ счастливаго перелома чрезъ прорваніе нарыва, онъ пріобрѣлъ еще болѣе могущества ниспроверженіемъ сихъ тайныхъ враговъ своихъ.

III.

КРИТИКА.

Мысли Малороссіянина, по прочтеніи Повѣстей Пасичника Рудаго-Панька, изданныхъ имъ въ книжкѣ подъ заглавіемъ: Вечера на хуторѣ близъ Диканьки, и рецензій на оныя.

(Продолженіе.)

Въ VIII-й главѣ, поповичъ, любовникъ Хиври, спрятавшійся между платьемъ, развѣшаннымъ на доскахъ, подъ потолкомъ кумовой хаты, падаетъ въ то самое время, когда общество напугано уже было свиною рожей, выставившейся въ разбитое окно, и страхъ усугубляется. Это натурально, хотя и не ново. „Но ползущаго человѣка въ судоргахъ, подъ подолъ своей супруги," (спр. 51) — доселѣ еще никто не представлялъ въ печатной Русской книжкѣ, и такая новость не всякому можетъ нравиться.

Въ IX-й главѣ: „баба взлезла на человѣка (спр. 54)," — то былъ Солопій Черевикъ и его Хивря, выбѣжавшіе изъ кумовой хаты, при общемъ испугѣ, и коихъ Цыганы нашли ночью на улицѣ въ такомъ положеніи. Въ X-й, — разбуженный женою Черевикъ хотѣлъ умыться, первая подала ему руч-

никъ; но вмѣсто онаго очутился *красный обшлагъ свитки*. Въ слѣдъ за симъ, Черевикъ началъ было продавать вышеописанному Цыгану свою кобылу, которая вдругъ исчезла у него изъ рукъ; осталась одна только узда, и привязанный къ оной кусокъ *краснаго рукава*! Такія неимовѣрныя чудеса заставили его снова бѣжать, куда глаза глядятъ. Въ XI-й главѣ ловятъ Солопія Черевика сговорившіеся парубки, коими предводительствуетъ извѣстный намъ Грицько; вяжутъ его какъ вора, вмѣстѣ съ кумомъ, неизвѣстно для чего, также ими пойманнымъ, а въ XII-й, Грицько ихъ освобождаетъ съ условіемъ, чтобы Солопій отдалъ за него дочь свою, на что сей соглашается, и съ тѣмъ еще, чтобы въ тотъ же день была свадьба. Главу сію заключаетъ помянутый Цыганъ, говоря: „что, Грицько, худо мы сдѣлали свое дѣло?" — Какимъ образомъ узналъ Цыганъ, какъ мною выше замѣчено, о неудачномъ сватовствѣ Грицька? Кто перепугалъ бесѣдовавшихъ въ хатѣ у кума, выставя, въ разбитое кѣмъ-то окно, свиную рожу? — Какимъ чудомъ, среди бѣлаго дня, у Черевика, не слѣпаго, вдругъ исчезла изъ рукъ кобыла, и осталась въ нихъ одна только уздечка, съ привязаннымъ къ оной кускомъ краснаго сукна? или вмѣсто ручника очутился красный обшлагъ? Зем-

ляку моему Паньку не угодно было объяснить всего этого, и вмѣсто развязки столькимъ чудесамъ, онъ предоставилъ намъ, какъ кажется, догадываться, что всѣ сіи фокусы продѣланы Цыганомъ. — Такъ вотъ для чего онъ замѣшалъ его между Малороссіянами! Намѣреніе ладно; но мало ли кто что думаетъ, и не выполняетъ! Въ XIII-й главѣ, дочь Черевикова грустно мечтаетъ о своемъ любезномъ парубкѣ; вдругъ вздумалось ей танцовать и пѣть одной въ хатѣ; въ то самое время входитъ отецъ, глядитъ на дочь, „слышитъ знакомые звуки пѣсни, жилки въ немъ „зашевелились, гордо подбоченившись выступилъ онъ впередъ, и пустился въ присядку." (стр. 72) *Цуръ, дурню*! сказалъ бы ему всякой, но кумъ его ограничился однимъ хохотомъ. — Эдакихъ олуховъ Паньку довелось знать между степенными поселянами нашими! Гдѣ видано, гдѣ слыхано, чтобы батько пошелъ у насъ въ присядку передъ дочкою? Да сколько же лѣтъ Солопію Черевику, выдающему дочь замужъ? Конечно больше сорока; ибо у насъ не слишкомъ рано женятся, а подъ пятьдесятъ присѣсть можно, — ни слова, да каково-то встанешь? Другое дѣло ударить *тропака* подъ пьяную руку, а въ присядку пусть парубки пляшутъ!

Дурень Черевикъ присядкою началъ свадебный пиръ, ибо въ слѣдъ за тѣмъ: „Отъ „одного удара смычкомъ музыканта въ сер„мяжной свиткѣ, все неслось, — все танцо„вало“ (стр. 74).

И такъ свадьба затѣялась и совершилась на ярмаркѣ. Это даже неправдоподобно! Возможно ли, чтобы поселяне Малороссіи, строго наблюдающіе обычаи, освященные временемъ, такой торжественный обрядъ, какъ свадьба, стали праздновать среди ярмарки, пріѣхавши на оную для продажи пшеницы и кобылы? Развѣ Солопій и Хивря Цыганы, неимѣющіе своей собственной хаты? Развѣ у нихъ и у дочки нѣтъ ни роду, ни племени? Развѣ всѣ они и женихъ не Христіане православные, а дѣйствительно Цыганы невѣрные, безпріютные? Нѣтъ, брате Паньку! первая Повѣсть твоя, подъ заглавіемъ *Сорочинская ярмарка*, не доведена до ладу, хотя и есть въ оной мѣста хорошія. Посмотримъ слѣдующую: *Вечеръ на канунѣ Ивана Купалы*.

Эта Повѣсть, по правдѣ сказать, разсказана такъ, хоть бы и не Пасичнику Рудому Паньку. Слогъ ровный, нѣтъ ничего высокопарнаго, планъ Автора выполненъ. Словомъ сказать, Повѣсть сія вообще прекрасна. Хотѣлось было уже приняться за другую; да чтобы не подумали, что я только пробѣ-

жалъ Вечеръ на канунѣ Ивана Купалы, подобно многимъ рецензентамъ журнальнымъ, — касаюсь, противу желанія моего, къ нѣкоторымъ пестрѣющимъ мѣстамъ гладкой Повѣсти. Въ самомъ лучшемъ цвѣтникѣ, при всемъ попеченіи объ ономъ, проскакиваютъ иногда стебельки бурьяну, которые тотчасъ и выдергиваются.

На страницѣ 86, Панько говоритъ: *провозить попа въ рѣшетѣ, значитъ по-нашему солгать на исповѣди*. Нѣтъ! У насъ стращаютъ предъ исповѣдью, разумѣется, дѣтей тѣмъ, что за грѣхи попъ наложитъ покупу (эпитимію) возить себя въ рѣшетѣ вокругъ церкви; но что было поводомъ такой выдумки въ народѣ, я не могъ добиться толку. На стр. 96 сказано, будто бы понамарь каждый день отправляется съ кошелькомъ по церкви. Всякому извѣстно, что въ деревенскихъ церквахъ не каждый день бываетъ служеніе. (На стр. 107): — „Вѣдьма топну„ла ногою: синее пламя выхватилось изъ зе„мли; середина ея *все* освѣтилась.“ Здѣсь должна быть описка, или опечатка. А вотъ тутъ (стр. 109) выходитъ что то, совсѣмъ уже не гладко. Только что *Петрусь*, проснувшись отъ двухъ-дневнаго сна, послѣ ужасной для него ночи, въ которую онъ пролилъ кровь невиннаго младенца, увидѣлъ у

ногъ своихъ мѣшки съ золотомъ, въ ту самую минуту откуда ни взялся Коржъ, (слишкомъ невѣжливо проводившій его изъ сѣней отъ своей дочери, когда онъ не имѣлъ ничего кромѣ сѣрой свитки), и разнѣжился передъ нимъ. Какимъ образомъ, мгновенно, можно сказать, узналъ Коржъ, что Петрусь вдругъ такъ разбогатѣлъ? Откуда взялась также внезапно Пидорка, дочь Коржа, и невѣста Петруся? „Дивно только показалось „Пидоркѣ," говоритъ Панько: „когда стала „разсказывать, какъ проходившіе мимо Цы„ганы украли Ивася," брата ея. Кому стало дивно: ей ли, или кому другому? — не угадаешь. Не менѣе загадочно равнодушіе Коржа, лишившагося любезнаго сына, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ нѣжно заботящагося о прогнанномъ имъ Петрусѣ, осмѣлившемся въ бѣдности цѣловать дочь его. Обстоятельства сіи требуютъ поясненія.

Преданіе себя Петрусемъ во власть сатаны за золото, и убійство, совершенное имъ, — отвратительно въ сей Повѣсти; но описаніе такихъ ужасовъ теперь въ ходу. — Фаустъ Гёте, Двѣнадцать спящихъ дѣвъ, Жуковскаго, и еще нѣкоторыя Повѣсти и Баллады, взбѣленили многихъ; и слабымъ подражаніямъ нѣтъ конца, по пословицѣ: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней!

Сюда однако же нейдетъ Вечеръ на канунѣ Ивана Купалы. — Пусть подобныя вечера только пишутся; за читателями у насъ теперь дѣло не станетъ.

Третья Повѣсть, подъ заглавіемъ : *Майская ночь или Утопленица.*

Въ этой сказкѣ Панько опять началъ, выражаясь его же словомъ, изъ эпиграфа къ сей Повѣсти, *мудроватьца.*

„Было то время," говоритъ онъ: „когда „утомленные дневными трудами и заботами, „парубки и дѣвушки шумно собирались въ „кружокъ, въ блескѣ чистаго вечера, вы„ливать свое веселье въ звуки." — Выливать веселье въ звуки, выраженіе совершенно новое, и, какъ мнѣ кажется, не весьма счастливое. — „Съ бандурою въ рукахъ пробирался „ускользнувшій отъ пѣсельниковъ молодой „казакъ Левко." — Вотъ я и подумалъ: вѣрно это какой-нибудь бандуристъ; но дочитавши до точки, и узнавши, что то былъ „сынъ Головы" (стр. 119 и 130), — не могу не спросить Панька, гдѣ онъ видѣлъ своего виртуоза. У насъ играютъ на бандурѣ или слѣпые, или казачки, выученные на семъ инструментѣ, для утѣхи праздныхъ panычей и пановъ. — Другое дѣло на балалайкѣ; на оной и у насъ бренчатъ многіе парубки, — а чтобы сынъ почетнаго казака и притомъ Го-

ловы, управляющаго волостью, изъ нѣсколькихъ тысячъ душъ состоящею, — ходилъ съ бандурой по улицамъ, — это не похоже на дѣло. — Но и то правда: что село, то и обычай! Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ на хуторѣ, гдѣ живетъ Панько, есть молодой казакъ, играющій на бандурѣ. Подошедши къ хатѣ своей любезной, Левко восклицаетъ: „Галю, Галю! ты спишь, или не хочешь ко „мнѣ выйти? Ты боишься вѣрно, чтобы насъ „кто не увидѣлъ, или не хочешь, можетъ „быть, показать бѣлое личико на холодъ!“ — Изъ предъидущаго всякой видитъ, что сіе происходитъ въ лѣтній вечеръ, „когда синѣетъ теплое Украинское небо,“ какъ сказано въ послѣдствіи, — о какомъ же холодѣ Левко толкуетъ? „Я прикрою тебя свиткою,“ продолжаетъ онъ: „обмотаю своимъ „поясомъ.... Но если бы и повѣяло холодомъ, „я прижму тебя по-ближе къ сердцу, отогрѣю поцѣлуями, надѣну шапку свою на твои „бѣленькія ножки. — Сердце мое, рыбка моя, „*ожерелье*!“ — Экія нѣжности влагаетъ Панько въ уста сельскаго любовника, и въ выраженіяхъ, притомъ, ни Русскихъ, ни Малороссійскихъ, а пуще всего, *ожерелье* поставитъ хоть какого Левка въ тупикъ.

Но вотъ вышла къ Левку и Галя; „обвитая сумерками, и потопивъ въ него свои

„очи“ (стр. 132 и 733), говоритъ ему, между прочимъ: „я тебя люблю, чернобровый ка- „закъ! за то люблю, что у тебя карія очи... „что привѣтливо моргаешь ты чернымъ „усомъ своимъ; что ты идешь по улицѣ, „поешь и играешь на бандурѣ и любо слу- „шать тебя“ (стр. 134). Чтобы наша поселянка, хотя бы она была *обвитая и сумерками*, изъясняла любовь свою въ подобныхъ выраженіяхъ, сего никто не докажетъ — ссылаюсь на всѣхъ земляковъ моихъ! Нѣтъ! выраженія сіи конечно взяты изъ пѣсни, дѣвушка же наша отвѣчала бы вмѣсто всякаго многословія, — просто: *Левусю, серденько, и я люблю тебя*! — Вотъ языкъ сердца! А чтобы сынъ сказалъ про отца роднаго: „притворился старый хрѣнъ“ (стр. 135), этого быть не можетъ.

Левко и Галя, любовники, какъ мы видимъ, изъяснивши не по-нашему взаимныя чувствованія, пустились въ разговоры: о звѣздочкахъ, о высотѣ небесной, о деревѣ и о лѣстницѣ, по которымъ Богъ сходитъ на грѣшную землю нашу, и наконецъ Галя, или лучше сказать, Пасичникъ Рудый-Панько, витійствуетъ за нее: „какъ тихо колышется вода, будто дитя въ люлькѣ, и указывая „на прудъ, угрюмо обставленный темнымъ „кленовымъ лѣсомъ, и оплакиваемый вербами,

„потопившими въ немъ жалобныя свои вѣт-„ви. Какъ безсильный старецъ, держалъ онъ „въ холодныхъ объятіяхъ своихъ далекое, „темное небо, обсыпая ледяными поцѣлуями „огненныя звѣзды, которыя тускло рѣяли „среди теплаго океана ночнаго воздуха, какъ „бы предчувствуя скорое появленіе блиста-„тельнаго царя ночи.“ (стр. 137). — Кого Панько уподобляетъ безсильному старцу? Ей ей! не скоро догадаешься! Да и вся сія высокопарность натянута. Холодныя объятія, ледяные поцѣлуи, и вмѣстѣ съ тѣмъ теплый океанъ ночнаго воздуха, рѣяніе звѣздъ и проч. — мудрено, витіевато! Это ли языкъ простенькой поселяночки Гали?

Но вотъ, по просьбѣ ея, Левко началъ сказку, заключающуюся въ повѣсти объ нихъ, (т. е. объ Левкѣ и Галѣ), которая оканчивается также сказочно. — „Ну, слушай“ говоритъ Левко.... „У сотника была дочка, ясная „панночка, бѣлая какъ снѣгъ, какъ твое ли-„чико. Сотникова жена давно уже умерла; „задумалъ сотникъ жениться на другой. Бу-„дешь ли ты меня нѣжить по старому, „батьку, когда возьмешь другую жену? Буду, „моя дочка.“ (Стр. 139). — Мнѣ кажется, не лишнее было бы тутъ вписать послѣ вопроса, что оный сдѣланъ дочкою сотника;

но Панько любитъ оставлять многое на догадку читателя.

Сказку, разсказываемую Левкомъ по нашему, просто и занимательно, прервала *ватага парубковъ*, изъ коихъ каждый поцѣловалъ Галю, и она скрылась въ хату. — Сцена сія списана съ натуры; въ этомъ надобно отдать полную справедливость Паньку. Далѣе, Украинская ночь изображена имъ также прекрасно, исключая повтореній: „Боже-„ственная ночь! очаровательная ночь!“ кои пестрятъ слогъ безъ всякой надобности; „а „величественный *громъ* Украинскаго соловья,“ — нарушаетъ общую пріятную дремоту: лучше, ежели бы онъ пѣлъ, какъ поютъ всѣ соловьи на свѣтѣ.

Разговоръ съ самимъ собою пьянаго Каленика и путешествіе его по селу, разсмѣшатъ хоть кого. — Признаюсь, я хохоталъ отъ души, и воображалъ себя среди любезной Малороссіи: такъ живо, такъ натурально изображенъ Панькомъ Каленикъ, танцующій гопака не въ попадъ, и бранящій, между тѣмъ, Голову. „Я самъ себѣ голова. Вотъ, „убей меня Богъ! Богъ меня убей! Я самъ „себѣ голова. Вотъ что, а не то что..“ Безподобно! кажется, какъ будто самъ, увлеченный любопытствомъ, слѣдуешь за Каленикомъ, и глядишь, какъ онъ, „подходя къ

„первой, попавшейся ему хатѣ, въ пьяномъ „раздумьѣ, остановился передъ окошкомъ, и „скользя пальцами по стеклу, старается „найти деревянную ручку двери; кажется, „слышишь крикъ его: баба, отворяй! Баба „живѣй, говорятъ тебѣ, отворяй! казаку „спать пора." (Стр. 148 и 149.)

Но въ описаніи Головы, хотя и есть черты характеризирующія лице сіе, но есть и несообразности. Воспоминаніе Головы при всякомъ случаѣ, „когда блаженной памяти „Великая Царица Екатерина ѣздила въ „Крымъ; когда онъ былъ выбранъ въ прово„жатые; цѣлые два дня находился въ этой „должности, и даже удостоился сидѣть на „козлахъ съ Царицынымъ кучеромъ," — принадлежитъ не ему одному, а всему народу. Какъ часто мнѣ самому случалось слышать отъ современниковъ сего торжественнаго путешествія незабвенной Монархини, сыпавшей благодѣтельною десницею милости и благотворенія на любезный ей народъ свой! Какъ часто я видѣлъ слезы умиленія и благодарности, блиставшія сквозь убѣленныя временемъ рѣсницы признательнаго поселянина! Но обратимся къ Головѣ. „О, это важное лице на селѣ!" — говоритъ Панько.

Не въ одномъ селѣ, а въ цѣлой волости, должно бы сказать.

„Кто бы изъ парубковъ, продолжаетъ онъ: „не захотѣлъ быть Головой?" (стр. 150.) — Это все то же, что сказать: кто бы изъ канцеляристовъ Повѣтоваго Суда не захотѣлъ быть Губернскимъ Маршаломъ? или кто бы изъ Писателей-Романистовъ нашихъ не захотѣлъ содѣлаться вдругъ знаменитымъ Вальтеръ-Скоттомъ? Волостныя Головы избираются въ Малороссіи изъ казачьяго званія, люди самые почетнѣйшіе, пріобрѣвшіе довѣріе лѣтами и опытностію, въ каковомъ избраніи парубки, т. е. молодые неженатые люди, даже и голоса не имѣютъ. Откуда же родится мысль въ головѣ парубка быть Головою? а о томъ, что будетъ подъ старость, конечно ни одинъ изъ нихъ въ простомъ земледѣльческомъ быту своемъ такъ далеко не мечтаетъ.

О! Голова у насъ дѣйствительно лице весьма важное между поселянами. Онъ ближайшій ихъ начальникъ, покровитель, и любимыя въ волостяхъ Головы, по истинѣ, могутъ гордиться своимъ званіемъ, что нѣкоторые себѣ и позволяютъ, чувствуя собственное достоинство.

Мнѣ разсказывалъ одинъ изъ современниковъ путешествія Великой Екатерины по южнымъ провинціямъ, слѣдующій анекдотъ, увѣряя въ истинѣ онаго:

Назначенный Губернаторъ, проѣзжая мѣстечко Рѣшетиловку въ дождливое время, принужденъ былъ сойти съ экипажа, увязшаго въ грязь по самыя ступицы, и шелъ пѣшкомъ, разумѣется, не въ веселомъ расположеніи духа. На встрѣчу ему попадается человѣкъ высокаго роста, съ длинными, сѣдыми усами, въ синей киреѣ, съ видлогою (*), подбитою алымъ сукномъ, въ высокой сивой шапкѣ изъ Крымскихъ барашковъ, наклоненной на лѣвую сторону, и съ длинною камышевою палкою съ большимъ серебрянымъ набалдачникомъ. Губернаторъ остановилъ важно шествующаго по грязи и глядящаго въ верхъ Малороссіянина, началъ бранить дорогу, сердиться на безпорядокъ въ мѣстечкѣ; досталось тутъ и Коммиссару, неисправившему мостковъ и гатей для проѣзда Его Превосходительства, и наконецъ грозно спросилъ встрѣтившагося съ нимъ и стоявшаго передъ нимъ въ шапкѣ, равнодушнаго слушателя брани: „Да ты что, десятской что-ли?" —„Подымай выше!" возразилъ казакъ съ досаднымъ хладнокровіемъ, не дотрогиваясь до высокой своей сивой шапки, и оперщись подбородкомъ на серебряный набалдачникъ

(*) Кирея родъ широкаго чекменя, а видлога родъ капишона.

трости. — „Ну, выборный? говори же!" продолжаетъ Губернаторъ. — „Подымай еще выше, если хочешь!" повторяетъ казакъ, съ тѣмъ же непоколебимымъ хладнокровіемъ. — „Да кой-же ты чортъ," сказалъ наконецъ еще болѣе разсерженный Губернаторъ: „Голова, что-ли?" — Послѣ сего казакъ, поправивъ усы, скинулъ шапку, поклонился въ знакъ согласія, примолвивъ: „такъ, по выбору честной громады!" и помолчавши нѣсколько, спросилъ въ свою очередь: „а вы, пане, кто?" — „Ты видишь! — Вижу," прервалъ Голова: „что панъ; да у насъ есть множество пановъ, да еще и сердитыхъ!" и снова надѣлъ шапку, и надвинулъ ее къ самымъ сѣдымъ бровямъ своимъ. „Я Губернаторъ! — слышишь ли?" Услышавъ сіе, Голова ни сколько не смѣшался; опять скинулъ почтительно шапку, поклонился въ поясъ по обычаю, и послѣ обыкновеннаго привѣтствія, сказалъ Губернатору: „Давно бы такъ сказали, добродію! а то вы гнѣвались, — а мнѣ и не въ догадъ, что вы новый начальникъ; старый нашъ Губернаторъ, поздоровь его Боже! всегда былъ такой милостивый ко мнѣ старому; проѣзжая Рѣшетиловку, всегда бывало отдыхалъ въ моей смиренной хатѣ, кушалъ борщъ и кашу, изготовленные моею невѣсткою; да благословитъ его Господь милосердый на всякомъ

мѣстѣ, гдѣ онъ ни обрѣтается! То-то былъ панъ добрый! Разъ, проѣзжая мѣстечко наше въ самую грязь, такъ же какъ и ваша милость, карета, знаете, тяжелая, лошади стали, — ни съ мѣста, онъ, милостивецъ нашъ, пришелъ ко мнѣ весь въ поту, тащившись болѣе версты пѣшкомъ по грязи; пока я успѣлъ надѣть жупанъ, а онъ уже — потребовавъ воды, умылся, и встрѣтилъ меня съ обычною своею ласковостію. Ну, говоритъ, Кирило, что у васъ за грязь такая? Нельзя ли какъ нибудь подгатить дорогу? — Не можно, добродію! отвѣчалъ я; мѣстечко, знаете, *сидитъ* на болотѣ; сегодня подгатимъ, а завтра опять будетъ такая же грязь, только еще гуще, такъ, что парою добрыхъ чумацкихъ воловъ и порожняго воза не вытянешь. — Вели же скорѣе послать пары двѣ воловъ къ моей каретѣ. Да мы, добродію, карету вашей милости на себѣ вытащимъ! Тутъ я заразъ раздѣлся, чтобы способнѣе было и самому похлюпаться въ грязи, кинулся за людьми, — глядь, — а карету народъ почти на рукахъ тащитъ. Услыхали, изволите видѣть, что добрый нашъ Губернаторъ загрузъ, такъ и безъ зову кинулися и старый и малый. Мы, знаете, люди простые; для такихъ пановъ, которые насъ жалуютъ, ради и въ огонь и въ воду. — Ста-

рый Губернаторъ, примѣтя межъ толпою свою карету, позвалъ народъ къ моей хатѣ, приказалъ было принесть ведра два горѣлки, и я насилу упросилъ его позволить мнѣ попотчивать добрыхъ людей, да и самому выпить на здоровье его милости. При семъ случаѣ гуляли мы, прошу покорнѣйше простить, отъ обѣдней поры до самаго вечера.“ — Тутъ новый Губернаторъ, человѣкъ умный, остановилъ Кирила, снялъ шляпу, и просилъ, чтобы и его полюбили такъ, какъ предмѣстника его. — Имѣяй уши слышати да слышитъ! Могій вмѣстити, да вмѣститъ! присовокупилъ къ сему разскащикъ съ двусмысленною улыбою.

Изъ анекдота сего можно сдѣлать заключеніе о волостныхъ Головахъ нашихъ, и о томъ, какъ они о себѣ думаютъ. Посмотримъ же теперь опять Голову, представляемаго Панькомъ.

Сынъ Головы, Левко, разставшись съ товарищами, хотѣлъ еще разъ попрощаться съ Галею; подходитъ къ ея хатѣ, видитъ, что Галя стоитъ съ какимъ-то высокимъ человѣкомъ, и спрятавшись за дерево, слышитъ, что она произнесла его имя. „Левко? „Левко еще молокососъ! говорилъ хрипло вы„сокій человѣкъ. Если я встрѣчу его ко„гда нибудь у тебя, я его выдеру за чубъ...“

Досадно было сіе Левку, однако же ему хотѣлось подслушать, что будетъ говорить далѣе. — „Незнакомецъ продолжалъ такъ „тихо, что нельзя было ничего разслушать. „Какъ тебѣ не стыдно! сказала Ганна, по „окончаніи его рѣчи. Ты лжешь, ты обма-„нываешь меня; ты меня не любишь; я нико-„гда не повѣрю, чтобы ты меня любилъ!“ — Какова же Ганна! Кто бы подумалъ, что она такая кокетка? Левко долженъ бы рваться отъ досады и ревности! Но разговоръ ея оставленъ Авторомъ безъ развязки, какъ будто онаго и вовсе не происходило. Влюбленный Левко ничего не видалъ тутъ дурнаго, — а разсердившись за одного только себя, хотѣлъ было дать треуха незнакомцу, „и остолбенѣлъ, увидѣвши, что передъ нимъ „стоялъ отецъ его,“ имѣвшій свиданіе съ Ганною: поясненіе сіе необходимо, ибо безъ онаго можно подумать, что Голова очутился передъ сыномъ случайно, и что Ганна разговаривала съ какимъ-нибудь другимъ высокимъ человѣкомъ. — Послѣ сего Ганна поспѣшно опять влетѣла въ хату. Голова, разогнавши парубковъ, повиснувшихъ ему на шею, принимая его въ темнотѣ, разумѣется, за Ганну, отправился домой, — а Левко сталъ кричать: „Гей хлопцы! сюда! сюда! „махая рукою къ парубкамъ, которые вновь

собирались въ кучу (Стр. 159). Услышать крикъ и ночью, не диковина; но увидѣть маханіе рукою, тогда, какъ высокій Голова могъ показаться молоденькою дѣвушкою, — мудрено; въ этомъ всякой со мною согласится.

Раздосадованный Левко уговариваетъ собравшихся парубковъ побѣсить хорошенько отца своего, „попередѣвавшись, кто во что ни попало,“ учитъ ихъ спѣть пѣсню, которая какъ нарочно сложилась въ умѣ его про Голову; — и вся ватага отправляется для исполненія сего, ни съ чѣмъ несообразнаго предложенія въ отношеніи сына къ отцу родному.

Нѣтъ! до такого соблазна въ Малороссіи не дошли еще дѣти наши! Изъ обстоятельства сего видно, что Панько не довольно вникнулъ въ характеры земляковъ своихъ!

Гостящій у Головы винокуръ, лице презабавное. Панько изобразилъ намъ его прекрасно; но разсужденіе самого Головы: „что „за дурни, прости Господи, эти Нѣмцы! Я „бы батогомъ ихъ, собачьихъ дѣтей! Слы-„ханное ли дѣло, чтобы паромъ можно было „кипятить что! — По этому, ложку бор-„щу нельзя поднести къ рту, не изжаривши „губъ, вмѣсто молодаго поросенка?“ — мнѣ кажется не удачно, а особливо заключеніе. Къ чему тутъ прилѣпленъ молодой поросе-

нокъ? За то разсказъ винокура: какъ одинъ захожій, у тещи его, удавился галушкою, и послѣ того, будучи мертвецомъ, не давалъ ей покою, садясь всякой вечеръ верхомъ на трубу ея хаты, съ галушкою въ зубахъ — истинно комическое повѣрье народное.

Пѣсня, пропѣтая парубками подъ окномъ у Головы, сложенная сыномъ сего послѣдняго, не дѣлаетъ чести трубадуру: во многихъ простонародныхъ пѣсняхъ Малороссійскихъ гораздо болѣе складу, нежели въ семъ смѣшеніи нарѣчій Малороссійскаго съ Русскимъ. Въ самыхъ первыхъ двухъ стихахъ:

„Хлопцы слышали ли вы?
„Наши ль головы не крѣпки!"

не доберемся толку, — а третій стихъ во второмъ куплетѣ, и печатать бы не слѣдовало. Но какъ пѣсня сія сложилась вдругъ въ головѣ огорченнаго, и онъ не изъ привилегированныхъ Поэтовъ, то и разбирать ее далѣе не для чего.

(*Окончаніе впредь.*)

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе новѣйшихъ происшествій.

Вотъ Посланіе Президента Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, которое обѣщали мы сообщить нашимъ читателямъ въ нынѣшней книжкѣ С. О. и С. А.:

„Сограждане, Члены Сената и Палаты Представителей! Народное представительство возобновлено нынѣ въ двадцать второй разъ со времени существованія нашего Государственнаго Уложенія. Пятьдесятъ лѣтъ избранные народомъ Президенты ежегодно изображали предъ вами состояніе Республики. Сообщенія сіи всегда были благопріятны; они всегда свидѣтельствовали о гражданственныхъ и политическихъ нашихъ успѣхахъ. Но рѣдко должны были мы благодарить Провидѣніе за благосостояніе столь великое, какимъ пользуются нынѣ Соединенные Штаты. Рѣдко имѣли мы столько причинъ привѣтствовать другъ друга съ возрастающимъ благоденствіемъ нашего отечества.

Земледѣліе находится въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Въ разныхъ частяхъ земли нашей основаны мануфактуры, обѣщающія капиталамъ выгодное употребленіе. Вездѣ работа получаетъ обильную плату. Наши дороги и другіе пути сообщенія улучшаются. Почты наши пріобрѣли болѣе быстроты. Примѣненіе паровыхъ машинъ

къ чугункымъ дорогамъ скоро сократитъ огромное разстояніе, раздѣляющее крайнія точки страны нашей, и не надобно будетъ страшиться, чтобы это разстояніе само по себѣ не угрожало опасностію прочности и долговременности нашего союза.

Если отъ земледѣлія и торговли обратимъ мы взоры къ состоянію нашего мореплаванія и сношеніямъ нашимъ съ чужестранными Державами, то и тутъ найдемъ неменьшія причины радованія.

Благоразумная политика нашего Правительства удержала насъ въ состояніи совершеннаго нейтралитета въ продолженіе войнъ, происходившихъ въ разное время между Европейскими Державами. Но политика сія, сообщая новую дѣятельность нашей торговлѣ, подвергала насъ нарушенію правъ нейтральныхъ и заставила требовать отъ многихъ Державъ вознагражденія.

Затрудненія, возникшія между нами и Англіею, окончаны соглашеніемъ, благопріятнымъ для обеихъ странъ. По переходѣ нашемъ изъ состоянія колоніи къ состоянію независимости, надлежало провести черту границъ нашихъ; но это разграниченіе сдѣлано было безъ надлежащей точности. Линія, отдѣляющая насъ отъ Канады и Новаго Брауншвейга, была еще предметомъ спора, когда я достигъ власти. Но нѣкоторыя мѣры были уже приняты, и мнѣ не предлежало оныя пересматривать. Сенатъ уже одобрилъ соглашеніе, по которому споръ сей долженствовалъ быть предоставленъ посредническому рѣшенію союзнаго обѣимъ землямъ Государя.

Президентъ Соединенныхъ Штатовъ и Е. В. Король Великобританскій избрали посредникомъ Короля Нидерландскаго, и я назначилъ Полномочнымъ Министромъ ко Двору его гражданина, котораго вопросъ сей наиболѣе касается, и который съ самаго начала былъ въ числѣ людей, разсматривавшихъ сіе дѣло. 10-го Января Е. В. Король Нидерландскій объявилъ Полномочнымъ Соединенныхъ Штатовъ и Великобританніи мнѣніе свое по представленному на разрѣшеніе его вопросу. Бумаги по сему дѣлу сообщены будутъ при особомъ Посланіи Комитету, до котораго сіе касается, и я увѣренъ, что оный по своей мудрости приметъ мѣры, могущія утвердить дружественное соглашеніе, не нарушая ни сколько правъ, которыя, по нашему Уложенію, принадлежатъ Государству, коего выгоды наиболѣе въ семъ дѣлѣ замѣшаны.

Говоря о семъ предметѣ, я долженъ сообщить вамъ, что предложенія, сдѣланныя по моему приказанію Великобританскому Повѣренному въ Дѣлахъ при нашемъ Правительствѣ, были приняты, и въ слѣдствіе того возвращена свобода нѣсколькимъ Американскимъ гражданамъ, содержавшимся въ тюрьмѣ за то, что они не признали власти Майнскаго Штата (état du Maine) въ мѣстѣ, находящемся на спорной землѣ. По увѣренію мѣстныхъ начальствъ въ желаніи ихъ избѣгать всѣхъ причинъ распри, я твердо надѣюсь, что доброе согласіе будетъ царствовать до самаго утвержденія онаго посредствомъ окончательныхъ соглашеній.

Доброе согласіе, существующее нынѣ между

Соединенными Штатами и Великобританнiею, безпрерывно возрастающiя сношенiя между гражданами оныхъ и почти совершенное забвенiе пагубныхъ предразсудковъ, порожденныхъ предшествовавшими обстоятельствами, содѣлываютъ нынѣшнее время весьма удобнымъ для возобновленiя усилiй нашихъ, дабы избѣгнуть всякой новой причины раздраженiя, раздраженiя, которое въ случаѣ войны между Великобританнiею и какою либо другою Державою могло бы подвергнуть опасности и собственное наше спокойствiе. Я предписалъ мѣры, способныя къ достиженiю сей цѣли и предупреждающiя всякое столкновенiе двухъ Державъ, которыя должны уважать другъ друга, и для которыхъ дружественныя сношенiя обоюдно выгодны.

Въ Посланiи моемъ, читанномъ при началѣ послѣдняго собранiя, я изъявилъ надежду, что справедливость вознагражденiя, требуемаго нами отъ Францiи, при помощи искусства и стойкости нашихъ агентовъ, будетъ наконецъ признана тамошнимъ Правительствомъ. Надежда сiя исполнилась. Мы заключили трактатъ, который будетъ представленъ на одобренiе Сената. Онъ содержитъ въ себѣ условiя, которыя потребуютъ содѣйствiя обѣихъ Палатъ. Французское Правительство обязывается заплатить сумму, которая хотя не столь велика, какъ требованная нами, но которая, я надѣюсь, будетъ признана достаточною участниками въ вознагражденiи.

Предложенiе круглой суммы вмѣсто удовлетворенiя отдѣльно каждаго частнаго требованiя, было принято. Этотъ образъ дѣйствiя казался

и скорѣйшимъ и справедливѣйшимъ. Суммою, сравнительно неважною, мы погасимъ всѣ требованiя Французскихъ гражданъ на наше Правительство, и сверхъ того постановлено уменьшенiе пошлинъ на наши бумажныя издѣлiя и на Французскiя вина, для окончанiя другихъ требованiй, основанныхъ на трактатѣ объ уступкѣ Луизiаны.

Если этотъ договоръ будетъ утвержденъ, то онъ изсушитъ источникъ неудовольствiй, удалявшихъ одинъ отъ другаго два народа, которые, по своимъ взаимнымъ выгодамъ и воспоминанiямъ, должны быть связаны между собою дружествомъ самымъ живымъ и искреннимъ.

(Здѣсь Президентъ перешелъ къ сношенiямъ Соединенныхъ Штатовъ съ Испанiею, Швецiею и Данiею, и продолжалъ слѣдующимъ образомъ):

Съ другими Европейскими Державами не имѣли мы, къ счастiю, никакихъ споровъ. Сношенiя наши съ Россiею весьма дружественны. Мы пользуемся преимуществами, предоставленными нацiямъ, наиболѣе благопрiятствуемымъ. Но Россiя еще не заключила съ нами коммерческаго трактата. Въ скоромъ времени отправленъ будетъ въ С. Петербургъ Американскiй Министръ съ порученiемъ вести переговоры для достиженiя означенной мною цѣли, и поддерживать дружество, котораго столько доказательствъ мы уже получили.

Договоръ, заключенный съ Австрiею, открываетъ намъ важную торговлю съ наслѣдственными владѣнiями Императора. Сумма, до которой можетъ простираться сiя торговля, еще не опредѣлена съ надлежащею точностiю. Между тѣмъ, какъ торговля наша пролагаетъ себѣ та-

кимъ образомъ пути въ южныя части Германіи, договоры наши съ Ганзеатическими городами и Пруссіею откроютъ нашимъ соотечественникамъ новые рынки для сбыта своихъ произведеній. Ратификаціи договора нашего съ Оттоманскою Портою должны быть вскорѣ размѣнены.

Вотъ какимъ образомъ почелъ я нужнымъ устроить политическія и коммерческія сношенія наши съ Европою. Я буду, по прежнему, употреблять всевозможныя усилія для того, чтобы укрѣпить и распространить оныя посредствомъ договоровъ, основанныхъ на правилахъ совершенной взаимности, не требуя и не давая никакихъ исключительныхъ преимуществъ, но освобождая, сколько то будетъ въ моей власти, дѣятельность и промышленость нашихъ соотечественниковъ отъ всѣхъ помѣшательствъ, происходящихъ отъ ограниченій, дѣлаемыхъ иностранцами.

Въ Китаѣ и Восточной Индіи торговля наша сохраняетъ прежній объемъ свой и пользуется безпрерывно возрастающимъ удобствомъ замѣна наличныхъ денегъ кредитивными бумагами. Одному изъ купцевъ нашихъ нанесено оскорбленіе пиратами сихъ морей; пираты сіи принадлежатъ къ племенамъ, у которыхъ состояніе общества не позволяетъ еще преслѣдовать подобныхъ преступленій судебнымъ порядкомъ, употребляющимся у народовъ образованныхъ; посему я отправилъ фрегатъ съ приказаніемъ истребовать немедленно удовлетворенія и вознагражденія убытковъ, понесенныхъ симъ купцемъ.

Ратификація договора, заключеннаго съ Соединенными Мексиканскими Республиками, была нѣ-

сколько времени предметомъ разсужденій Конгреса; но несчастныя гражданскія потрясенія въ той странѣ замедлили окончаніе сего дѣла. Впрочемъ, говорятъ, что спокойствіе въ той землѣ снова водворяется, и потому я надѣюсь, что договоръ сей въ скоромъ времени будетъ приведенъ къ окончанію. Въ то же время открыта, подъ покровительствомъ войскъ Соединенныхъ Штатовъ, важная торговля изъ Сенъ-Луи, что въ Миссури, со внутренними провинціями Мексики. Торговля сія производится посредствомъ каравановъ.

Трактатъ нашъ съ Центральною Америкою, по прежнему, въ точности исполняется и обѣщаетъ обширную и выгодную торговлю между обѣими странами, торговлю, которая достигнетъ высочайшей степени важности, если проектъ канала, который предполагается провести чрезъ земли сего Государства для соединенія Атлантическаго моря съ Тихимъ Океаномъ, будетъ приведенъ въ исполненіе.

Мнѣ весьма пріятно сообщить вамъ, что успѣхъ увѣнчалъ усилія Министра нашего въ Колумбіи, который истребовалъ уменьшеніе пошлины, платимой въ сей Республикѣ съ нашего хлѣба. Условлено также вознагражденіе за убытки, понесенные нашими купцами отъ незаконнаго захваченія ихъ товаровъ, и я получилъ неоднократныя увѣренія въ томъ, что договоръ, существующій между обоими Государствами, будетъ въ точности исполняемъ.

Республикамъ Хили и Перу угрожаютъ, по видимому, новыя гражданскія потрясенія. Пока спокойствіе не водворится въ сихъ Государствахъ,

до тѣхъ поръ всегда надобно опасаться безпорядковъ, и это требуетъ присутствія въ Тихомъ Океанѣ морской силы, которая бы могла покровительствовать нашимъ рыбнымъ ловлямъ, и охранять нашу торговлю.

Смятенія, предшествовавшія въ Бразиліи отреченію послѣдняго Императора отъ престола и послѣдовавшія за оымъ, остановили требованіе удовлетворенія за притѣсненія, сдѣланныя тамошнимъ Правительствомъ нѣкоторымъ изъ нашихъ согражданъ. Министру нашему предписано употребить всѣ мѣры для скорѣйшаго полученія вознагражденій, которыя должны быть сдѣланы въ слѣдствіе сихъ несправедливостей, и ему поручено также наблюдать, чтобы соотечественники наши могли пользоваться всѣми преимуществами, постановленными въ послѣднемъ договорѣ, заключенномъ между обоими Государствами. Доброе согласіе, существующее между нашимъ Министромъ въ Ріо-Жанейро и Регентствомъ, подаетъ намъ поводъ надѣяться на успѣхъ.

(За симъ излагаются въ Посланіи разныя дѣла, неимѣющія общей занимательности, и оно оканчивается слѣдующимъ образомъ:)

Секретарь Казначейства изобразитъ вамъ вполнѣ состояніе нашихъ финансовъ. Но я не могу не сказать нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ хорошемъ положеніи они находятся.

Приходъ будетъ возвышаться въ семъ году до 27.700,000 доллеровъ (138.500 000 руб.), а расходы, за исключеніемъ государственнаго долга, не превысятъ 14.700.000 доллеровъ (73.500.000 р.). На уплату капитальной суммы и процентовъ долга

потребуется болѣе 16.500.000 доллеровъ (82.500.000 руб.). Съ 4 Марта 1829 по 1 Января 1832 года употреблено будетъ на сіе 40 милліоновъ доллеровъ (200 милліоновъ руб.).

По успѣшному поступленію приходовъ, которые, по видимому, должны превзойти сумму, назначенную въ бюджетѣ, можно надѣяться, что государственный долгъ будетъ погашенъ въ четыре года. Тогда мы подадимъ свѣту рѣдкій примѣръ великаго народа, богатаго благоденствіемъ и спокойствіемъ, и неимѣющаго ни какого долга.

Позвольте мнѣ воззвать въ заключеніе къ Силѣ, владычествующей надъ земными властями, дабы она придала совѣщаніямъ нашимъ духъ мудрости и согласія, который основалъ и поддержитъ союзъ нашъ."

Франція.

Въ засѣданіи Палаты Перовъ 9 Января Президентъ объявилъ, что онъ получилъ отъ тринадцати Перовъ письма, въ которыхъ они отказываются отъ своего званія, потому что, по уничтоженія наслѣдственности Перскаго достоинства, не надѣются болѣе быть полезными отечеству въ качествѣ Перовъ. Лица сіи суть: Гг. д'Аржюзонъ, Маркизъ д'Аварей, Графъ Лекуте де Кантлё, Графъ Бёрнонвилль, Герцогъ де Дюра, Герцогъ де Фельтръ, Герцогъ Фицъ-Джемсъ, Баронъ Гландевъ, Графъ Монтескіу, Герцогъ Ларошфуко, Маркизъ Руже, Маркизъ д'Оргландъ, Маркизъ Сентъ-Сюзаннъ. Палата рѣшила, что письма сіи не должны быть читаны — но въ слѣдующемъ засѣданіи, по предложенію Барона Мунье, поло-

жено напечатать и раздать ихъ Членамъ. Въ семъ же засѣданіи Герцогъ де Броліо (de Broglie) прочелъ докладъ Коммиссіи, разсматривавшей проектъ закона, о воспрещеніи вступленія на землю Франціи Карлу X-му и его семейству, равно какъ и родственникамъ Наполеона. Коммиссія предлагаетъ принять оный съ нѣкоторыми неважными измѣненіями, изъ которыхъ одно состоитъ, между прочимъ, въ томъ, чтобы Карла X-го и Наполеона называть не бывшими Королемъ и Императоромъ, а просто: Король Карлъ X, Императоръ Наполеонъ. Въ заключеніе Министръ Юстиціи представилъ принятый Палатою Депутатовъ проектъ закона объ измѣненіи Уголовнаго Законодательства.

Въ засѣданіи 11 Января, принятъ большинствомъ 92 голосовъ противъ 2, проектъ закона объ утвержденіи счетовъ за 1829 годъ.

Въ засѣданіи 12 Января, Графъ Виллыонтье прочелъ докладъ Коммиссіи, разсматривавшей проектъ закона о рекрутскомъ наборѣ. Коммиссія предлагаетъ многія измѣненія въ ономъ. Графъ Руа предложилъ, также отъ имени Коммиссіи, принять проектъ объ отмѣненіи закона 11 Сентября 1807 года о чрезвычайныхъ пенсіяхъ важнѣйшимъ государственнымъ сановникамъ, присовокупивъ только къ сему проекту прибавочную статью, которою предоставляется Королю право назначать Министрамъ и Маршаламъ, отличившимся особенными заслугами, 12,000 фр. пенсіи, а вдовамъ ихъ 6000. За симъ начались пренія о проектѣ закона объ изгнаніи Карла X и проч. Противъ сего проекта говорили: Маркизъ Дрё-

Брезе, Графы де Семезонъ и де Ноаль, защищали
оный Министръ Юстиціи, Г. Бартъ и Графъ Лан-
жюине; но мы не станемъ разбирать рѣчей сихъ,
ибо въ нихъ нѣтъ ни какихъ новыхъ доводовъ и
онѣ вообще не содержатъ въ себѣ ничего особен-
но примѣчательнаго. На другой день, по выслу-
шаніи рѣчей Графа де Турнона и Герцога де Малье,
Палата утвердила сей проектъ большинствомъ
91 голоса противъ 40. Въ первомъ параграфѣ быв-
шіе Король и Императоръ названы просто Кар-
ломъ X и Наполеономъ. Въ семъ же засѣданіи Гер-
цогъ Larошъ-Эмонъ предложилъ, отъ имени Ком-
миссіи, утвердить принятый Палатою Депута-
товъ проектъ закона о производствѣ въ арміи.

Палата Депутатовъ.

Въ засѣданіи 9 Января предоставлены во вла-
дѣніе Королевскаго Дома замокъ и лѣсъ Компьенскій
(большинствомъ 214 голосовъ противъ 156), Фон-
тенебло и замокъ въ По, фабрики Севрская, Гобеле-
нева, Бовеская, лѣса Булонскій, Венсенскій и Се-
нарскій; но въ семъ же засѣданіи изъяты изъ ко-
роннаго владѣнія замки въ Стразбургѣ и Бор-
до, а въ засѣданіи 10 Января, и всѣ дома и раз-
ныя имѣнія, которыми прежніе Короли владѣли
въ Парижѣ (между прочимъ театръ Фаваръ и за-
мокъ Багатель) въ Сенъ-Клу, Версали, Сенъ-Жер-
менѣ, Фонтенебло и Компьеннѣ. Въ томъ же за-
сѣданіи положено, чтобъ Пале-Рояль и другія имѣ-
нія, составлявшія удѣльное владѣніе Орлеанскаго
Дома, оставались во владѣніи Королевскаго Дома, и
что, по окончаніи нынѣшняго царствованія, мо-
жетъ быть потребовано отъ Государственнаго

Казначейства вознагражденіе за улучшенія, сдѣланныя въ сихъ имѣніяхъ Герцогомъ Орлеанскимъ. За симъ приняты слѣдующіе параграѳы проекта: о библіотекахъ, музеяхъ и проч, объ условіяхъ владѣнія имѣніями Королевскаго Дома, о способѣ управленія оными. Наконецъ, въ засѣданіи 12 Января, приступлено къ опредѣленію суммы, которая должна быть отпускаема изъ Казначейства на содержаніе Королевскаго Дома. Коммиссія предлагала назначить 14.000.000 и 12.500.000, Г. Августинъ Жиро 12,000,000, Г. де Людръ 4.000.000. Палата приняла предложеніе Г. де Жиро. Въ засѣданіи 13 Января опредѣлено, что, въ случаѣ кончины Короля, Королевѣ предоставляется во владѣніе дворецъ Элизе-Бурбонскій и сверхъ того она должна получать изъ Казначейства извѣстную сумму, которая имѣетъ быть опредѣлена закономъ; что Королевскій Принцъ (Наслѣдникъ Престола) будетъ получать ежегодно на содержаніе свое 1.000.000, и потомъ приняты еще нѣсколько параграѳовъ о томъ, что коронныя имѣнія при кончинѣ Короля поступаютъ въ государственное владѣніе; что все, пріобрѣтаемое Королемъ на основаніи существующихъ законовъ, принадлежитъ лично ему; но предложеніе Коммиссіи о томъ, что законъ сей долженъ имѣть свое дѣйствіе съ 1 Января 1832, и о томъ, что сдѣланный до того времени сборъ доходовъ съ коронныхъ имѣній, равно какъ и отпускъ суммы, на содержаніе Королевскаго Дома (1.500.000 въ мѣсяцъ) утверждаются окончательно, отвергнуто большинствомъ 152 голосовъ противъ 142. Генералъ Строльцъ сдѣлалъ предложеніе почти

въ томъ же смыслѣ; но объ ономъ разсуждаемо еще не было. Законъ сей долженъ быть утвержденъ въ засѣданіи 14 Января.

Въ Сенскомъ Уголовномъ Судѣ производилось дѣло о книжкахъ, издаваемыхъ Гг. Трела, Распайлемъ, Туре, Жерве и другими Членами Коммиссіи Общества друзей народа, въ которыхъ эти господа доказывали необходимость установить во Франціи Республику. Присяжные объявили ихъ невинными, но нѣкоторые изъ нихъ осуждены на тюремное заключеніе и на уплату пени за оскорбленіе Суда.

Въ Совѣтѣ Министровъ, говорятъ, рѣшено, что процессъ Маршала Нея не долженъ быть подвергнутъ новому разсмотрѣнію.

Въ Мониторѣ опровергаютъ слухъ о томъ, будто бы Правительство намѣрено уничтожить національную гвардію во всѣхъ городахъ, имѣющихъ менѣе 15.000 жителей.

Государственные доходы, собранные въ Декабрѣ, превзошли сумму, назначенную въ бюджетѣ, и превышаютъ 6.000.000 доходы Декабря 1830 г.

Англія.

Государственные доходы минувшаго года четырьмя милліонами ѳунтовъ стерлинговъ (сто милліоновъ рублей) менѣе доходовъ 1830 года.

4 Января Конференція отвѣчала на записку, поданную ей 14 Декабря Голландскими Уполномоченными. Конференція оправдываетъ свои намѣренія и всѣ постановленія, заключающіяся въ извѣ-

стныхъ 24 статьяхъ. Срокъ размѣна ратифика-цій договора, заключеннаго между пятью Держа-вами съ одной стороны и Королемъ Бельгійцевъ съ другой, отложенъ до 31 Января.

Разныя извѣстія.

Порта объявила войну Вице-Королю Египет-скому, который уже взялъ нѣсколько крѣпостей въ Сиріи, но принужденъ былъ отступить отъ Сенъ-Жанъ-д'Акра. Онъ заказалъ въ Литтихѣ 40.000 ружей.

Въ Голландіи продолжаютъ готовиться къ войнѣ. Бельгійскія войска также получили было приказаніе подвинуться къ границѣ, но потомъ движеніе сіе остановлено.

Въ Греціи господствуетъ совершенное без-началіе.

21-го Января.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА И СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1832 № V.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Отрывокъ изъ Романа Купера: *Послѣдній изъ Могиканъ* (*).

(*The last of the Mohicans.*)

(Путешественники, коимъ измѣнилъ Индійскій проводникъ, встрѣтили въ лѣсу охотника и двухъ друзей его, Могиканъ, которые согласи-лись показать имъ дорогу. Но какъ это слу-чилось уже вечеромъ, то они и расположились дожидаться утра, не выходя изъ лѣса, въ пе-щерѣ, извѣстной только одному охотнику.)

Въ углубленіи большой пещеры, про-странство которой увеличивалось еще болѣе продолговатымъ ея видомъ и блескомъ огня, освѣщавшимъ ее, сидѣлъ охотникъ, держа въ

(*) Сей Романъ переведенъ и скоро будетъ на-печатанъ.

рукѣ зажженый сосновый сукъ. Сей яркій свѣтъ, падая на его смуглое лице и его характеристическую одежду, придавалъ какое-то живописное выраженіе существу, привлекавшему на себя взоры еще и при дневномъ свѣтѣ, страннымъ костюмомъ, крѣпостію членовъ, какъ бы вылитыхъ изъ желѣза, и какою-то смѣсью проницательности, дѣятельности и простоты, попеременно выражавшихся въ чертахъ лица его.

Нѣсколько впереди стоялъ Анказъ (*), с котораго, по положенію и близости мѣста, можно было разсмотрѣть совершенно. Путешественники смотрѣли съ удовольствіемъ на стройный и гибкій станъ молодаго Могикана, коего всѣ пріемы, всѣ движенія были привлекательны отъ природы. Его тѣло было прикрыто болѣе обыкновеннаго охотническою одеждою, и въ глазахъ, хотя пріятныхъ и спокойныхъ, блестѣло мужество. Яркія краски, покрывавшія лице его, не скрывали совершенно природнаго цвѣта; на его возвышенномъ челѣ выражалось благородство; прекрасно округленная голова его была совершенно обнажена, выключая одного пучка, признака храбрости у дикихъ, и кото-

(**) Молодой Могиканъ.

рый почитается лучшею добычею побѣдителя.

Тутъ только въ первый разъ Дунканъ Гейвардъ и его спутницы могли свободно разсмотрѣть выразительныя черты одного изъ Индійцевъ, которыхъ встрѣча была имъ такъ полезна. Путешественники какъ будто почувствовали себя нѣсколько облегченными отъ тяжкаго бремени безпокойствъ, видя гордое и рѣшительное, но вмѣстѣ откровенное выраженіе въ физіономіи молодаго Могикана. Они знали, что видятъ предъ собою существо, хотя взросшее во мракѣ невѣжества, но не хитраго злодѣя, который готовъ измѣнить всякому. Простосердечная Алиса глядѣла на него съ тѣмъ же удивленіемъ, съ какимъ бы она стала разсматривать Греческую или Римскую статую, какимъ нибудь чудомъ вдругъ одушевленную; и даже Гейвардъ, привыкшій уже видѣть совершеннѣйшія формы, очень обыкновенныя между дикими, коихъ не достигло еще развращеніе, явно выразилъ свое удовольствіе.

— „Я увѣрена,“ отвѣчала ему Алиса: „что спокойно усну подъ защитою столь великодушнаго и предпріимчиваго стража, какимъ кажется этотъ молодой человѣкъ. Вѣроятно, Дунканъ, что сіи варварскія убійства, сіи утонченныя мученія, о которыхъ мы столько

слыхали и столько читывали, не свершаются подобными ему существами?“

— „Можетъ быть, что это рѣдкій образецъ хорошихъ качествъ, коими обладаетъ сей народъ,“ отвѣчалъ Маіоръ: „и я согласенъ съ вами, что это лице и эти глаза сотворены болѣе укрощать непріятелей, нежели обманывать слабыхъ; но намъ не надобно обманываться самимъ, ожидая отъ этого народа другихъ добродѣтелей, кромѣ свойственныхъ дикимъ. Блестящіе примѣры высокихъ качествъ рѣдки даже и между Христіанами: могутъ ли они быть обыкновенными у Индійцевъ? Однако будемъ надѣяться, изъ уваженія къ человѣчеству, что и между дикими найдется столько же, что этотъ молодой Могиканъ не обманетъ нашихъ ожиданій, и что онъ будетъ для насъ тѣмъ, чѣмъ кажется по своей наружности — другомъ храбрымъ и вѣрнымъ.“

— „Я слышу Маіора Гейварда!“ сказала Кора. „Смотря на этого сына природы, кто будетъ думать о цвѣтѣ его наружности?„

За симъ характеристическимъ замѣчаніемъ послѣдовало нѣсколько минутъ молчанія и какого-то замѣшательства. Но оно было прервано голосомъ охотника, приглашавшаго путешественниковъ войти въ пещеру.

— „Огонь становится слишкомъ яркимъ“

сказалъ онъ, когда они вошли въ пещеру: „и можетъ открыть насъ Мингосамъ. Анкасъ, опусти занавѣску. — Пусть эти негодяи разсматриваютъ, что хотятъ, въ темнотѣ. У насъ,“ прибавилъ онъ — обращаясь къ путешественникамъ: „не будетъ такого ужина, какого имѣлъ бы право ожидать Маіоръ Королевско-Американскихъ войскъ; но я часто видалъ, что отряды этого корпуса съ удовольствіемъ ѣдали даже и сырую дичину безъ всякихъ приправъ. Теперь у насъ, по крайней мѣрѣ, какъ вы видите, много соли и огня, чтобъ приготовить превосходное жаркое. Дамы могутъ присѣсть на эти сасафрасовые обломки. Конечно они не походятъ на ваши кресла краснаго дерева, и на нихъ нѣтъ эластическихъ подушекъ, но за то они издаютъ пріятный бальзамическій запахъ. Полно, пріятель, думать о своемъ жеребенкѣ (*). Бѣдное животное никому не сдѣлало вреда, но могло повредить намъ. Смерть избавила его отъ всѣхъ трудовъ, которые ожидали его въ жизни.“

(*) Здѣсь охотникъ обращается къ учителю пѣнія, присоединившемуся къ путешественникамъ уже на дорогѣ въ лѣсу. Онъ пріѣхалъ на кобылѣ съ жеребенкомъ, который былъ убитъ послѣ изъ предосторожности.

Анкасъ исполнилъ, что ему было приказано, и когда Соколиный гласъ (*) пересталъ говорить, слышенъ былъ только шумъ водопада, походившій на отдаленные раскаты грома.

— „Безопасны ли мы въ этой пещерѣ?" спросилъ Гейвардъ. „Не можетъ ли здѣсь случиться какого нибудь неожиданнаго нападенія? Одинъ вооруженный человѣкъ, ставъ при входѣ, можетъ продержать насъ здѣсь, сколько ему захочется..."

Высокая фигура, похожая на привидѣніе, вышла изъ одного мрачнаго углубленія въ пещерѣ, подошла сзади къ охотнику и, взявъ въ щипцы пылавшую головню, подняла ее вверхъ, чтобъ лучше освѣтить внутренность сего вертепа. При семъ неожиданномъ появленіи страхъ исторгъ у Алисы восклицаніе, и даже Кора быстро привстала; но Гейвардъ успокоилъ ихъ въ ту же минуту, сказавъ, что это ихъ другъ, Чингачьгукъ (**).

Индіецъ, отстранивъ другую занавѣску, показалъ имъ, что пещера имѣла еще одно отверстіе, и, вышедъ изъ нее съ своимъ свѣтильникомъ, онъ перешелъ чрезъ расщелину скалы, въ одномъ изъ угловъ пещеры, которая имѣла сводомъ небо, и вела въ другую пещеру, подобную первой.

(*) Такъ Могиканы называли охотника.

(**) Отецъ Анкаса.

— „Такихъ старыхъ лисицъ, какъ мы съ Чингачьгукомъ, не скоро заманишь въ нору съ одной лазеей," сказалъ, смѣясь, охотникъ. „Вы можете теперь видѣть, что здѣсь мы въ безопасности. Эта скала изъ известковаго камня, который, какъ вы знаете, и мягокъ, и хрупокъ, такъ, что можетъ служить не совсѣмъ жесткимъ изголовьемъ, когда не найдется вѣтвей или листьевъ. Водопадъ былъ прежде въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста, гдѣ мы теперь сидимъ, и образовалъ одинъ изъ тѣхъ прелестныхъ и правильныхъ водоемовъ, какіе можно видѣть на всемъ Гудсонѣ. Но время быстро похищаетъ прелести, какъ эти молодыя особы еще узнаютъ, и видъ этого мѣста очень измѣнился. Теперь скалы истрескались и камень сталъ гораздо мягче въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ вода проникла его болѣе. Рѣка, прорывъ впадины, обратилась назадъ, проложила себѣ новую дорогу и раздѣлилась на два потока безъ всякой правильности."

— „А въ какой части этихъ скалъ находимся мы теперь?" спросилъ Маіоръ.

— „Мы недалеко отъ того мѣста, по которому Провидѣніе назначило протекать этой рѣкѣ, но гдѣ воды ея, какъ кажется, были слишкомъ бурливы и не могли долго оставаться. Найдя, что скала мягче съ боковъ, онѣ оставили средину сухою, и промыли ее по сторонамъ, образовавъ прежде эти двѣ пещеры для нашего убѣжища.“

— „Стало быть, мы теперь на островѣ?“

— „Да; по обѣимъ сторонамъ у насъ водопады, а впереди и назади рѣка. Если бъ теперь былъ день, то я пригласилъ бы васъ взойти на скалу, съ которой вы увидѣли бы паденіе рѣки. Она падаетъ теперь безъ всякой правильности. То бьетъ вверхъ, то льется внизъ; тутъ скользитъ между скалъ, тамъ рвется чрезъ нихъ съ силою; въ одномъ мѣстѣ она бѣла, какъ снѣгъ, въ другомъ зеленѣе травы; съ одной стороны она раздѣляется на потоки, которые, какъ будто хотятъ взрыть землю, съ другой журчитъ, какъ ручеекъ, потомъ образуетъ пучины и размываетъ скалы, какъ груды песку. Весь порядокъ теченія измѣнился. Въ двухъ стахъ саженяхъ отсюда вверхъ, она катитъ волны свои спокойно, какъ бы желая сохранить вездѣ этотъ образъ своего теченія; но здѣсь воды раздѣляются, бушуютъ въ берегахъ своихъ — и потомъ набросавъ нѣ-

сколько прелестныхъ очерковъ на лугахъ, и ми орошаемыхъ, — оставляютъ пустыню и вливаются въ море....“

Хотя путешественники слушали съ удовольствіемъ описаніе, изложенное съ такою простотою, и увѣрившее ихъ, что они находятся въ безопасномъ мѣстѣ, но не совсѣмъ расположены были такъ дорого цѣнить, какъ Соколиный глазъ, удобности этой пещеры. Впрочемъ, какъ положеніе путешественниковъ не позволяло обозрѣть всѣ красоты этого мѣста, то они не сердились, когда охотникъ прервалъ описаніе оныхъ, сказавъ, что ужинъ готовъ.

Путешественникамъ, неподкрѣплявшимъ себя пищею съ самаго утра, ужинъ сей былъ весьма кстати, и какъ ни былъ онъ простъ, они сдѣлали ему честь своимъ участіемъ. Анкасъ принялъ на себя обязанность предупреждать всѣ требованія дамъ при этомъ случаѣ, и исполнялъ небольшія услуги, какія только могъ, довольно пріятно, но вмѣстѣ съ важностію, что весьма забавляло Гейварда; ибо онъ не зналъ, что это было противъ обыкновеній Индійцевъ, не позволявшихъ воинамъ унижаться до исполненія домашнихъ занятій, и особенно, если это были услуги женщинамъ. Впрочемъ, какъ права гостепріимства уважались и между ними, то этотъ

проступокъ противъ народныхъ обыкновеній, это забвеніе достоинства мужчинъ, не было поводомъ ни къ какому замѣчанію.

Если бъ въ семъ обществѣ нашелся кто нибудь не слишкомъ занятый, чтобъ быть единственно наблюдателемъ, то могъ бы онъ замѣтить, что въ услугахъ, оказываемыхъ двумъ сестрамъ молодымъ Могиканомъ, не было совершеннаго безпристрастія. Правда, что онъ подалъ Алисѣ со всевозможною учтивостію тыквяную чашу, наполненную чистою водою, и искусно сдѣланную деревянную тарелку, на которой положенъ былъ кусокъ жаркаго; но когда онъ предлагалъ это же самое ея сестрѣ, его глаза устремились на выразительныя черты Коры съ нѣжностію, которая помрачила выраженіе гордости, обыкновенно замѣтное въ его блестящихъ взорахъ. Раза два ему надобно было начинать говорить, чтобы привлечь вниманіе той, которой онъ прислуживалъ. При этомъ случаѣ онъ говорилъ по-Англійски, хотя и дурно, но довольно вразумительно, и съ такимъ удареніемъ (*), которое было очень пріятно; обѣ сестры слушали его съ удивленіемъ и удовольствіемъ. Доста-

(*) Смыслъ Индійскихъ словъ опредѣляется обыкновенно по ударенію, съ какимъ ихъ произносятъ. *Примѣч. Куп.*

точно было нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ взаимно во время сихъ услугъ, для основанія дружественной связи между обѣими сторонами.

Но важный видъ Чингачьгука не измѣнялся. Сей Могиканъ сидѣлъ на самомъ близкомъ мѣстѣ къ огню, отъ чего гостямъ его, коихъ взоры часто на него обращались, можно было лучше разсмотрѣть настоящее выраженіе лица его, раскрашеннаго странными колерами. Путешественники находили большое сходство между отцемъ и сыномъ, исключая различіе, происходившее отъ лѣтъ и большихъ трудовъ, коимъ каждый изъ нихъ долженъ былъ подвергаться. Обыкновенное выраженіе гордости въ его физіономіи замѣнилось безпечнымъ спокойствіемъ, въ которое погружается Индійскій воинъ, когда ничто не призываетъ его къ дѣятельности. Однако, по скоропреходящему выраженію, время отъ времени являвшемуся въ чертахъ лица его, не трудно было замѣтить, что не надобно было много времени для возбужденія его страстей, и чтобъ искусственныя черты, коими было раскрашено лице его, произвели свое дѣйствіе.

Между тѣмъ бдительные и быстрые взоры охотника не оставались безъ дѣйствія; хотя онъ ѣлъ и пилъ съ апетитомъ, кото-

раго опасеніе неожиданнаго нападенія, по видимому, не могло повредить, но его благоразумная предосторожность ни чѣмъ не развлекалась. Нѣсколько разъ, поднося кусокъ или чашу ко рту, онъ останавливался, вдругъ оборачиваясь и какъ будто вслушиваясь, не соединялись ли съ шумомъ водопада какіе нибудь посторонніе звуки: это напоминало нашимъ путешественникамъ, какъ опасно было ихъ положеніе, и заставляло позабывать неудобности того мѣста, которое по необходимости они должны были избрать себѣ пристанищемъ. Но какъ сіи наблюденія не открывали ничего непріятнаго, то безпокойство, происходившее при этомъ случаѣ, скоро исчезало.

— „Ну-ка, пріятель," сказалъ Соколиный глазъ къ концу ужина, вытащивъ изъ подъ листьевъ маленькій боченочекъ, и обращаясь къ пѣвчему, который, сидя рядомъ съ нимъ, отдавалъ полную справедливость его искусству въ приготовленіи ужина, — „попробуй моего бальзамическаго пива, оно развѣетъ грусть твою. Да продолжится наше дружество; надѣюсь, что жеребенокъ не посѣетъ ни малѣйшаго раздора между нами. Какъ зовутъ тебя?"

— „Гамма, Давидъ-Гамма," отвѣчалъ учитель псалмопѣнія, машинально проводя рукою по губамъ и приготовляясь погрузить свою горесть въ предлагаемомъ ему напиткѣ.

— „Прекрасное имя," возразилъ охотникъ, осушивъ тыквяную чашу пива, имъ самимъ приготовленнаго, которое онъ пилъ съ наслажденіемъ человѣка, восхищающагося своимъ произведеніемъ: — „истинно прекрасное имя, и я увѣренъ, что оно дано тебѣ родителями, достойными уваженія. Я часто удивляюсь именамъ, и признаюсь, что обыкновенія бѣлыхъ въ этомъ отношеніи далеко отстали отъ обычаевъ Индійцевъ. Величайшій трусъ, какого я только зналъ, назывался Львомъ, а жена его, Терпѣніе, имѣла такой сварливый нравъ, что ты убѣжалъ бы отъ нее скорѣе, нежели лань отъ стаи собакъ. У Индійцевъ, напротивъ, имя есть дѣло совѣсти, и означаетъ обыкновенно достоинство того, кто его носитъ. Напримѣръ, Чингачьгукъ, — значитъ большая змѣя, и это имя дано ему не потому, чтобъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ змѣя большая или маленькая, а потому, что онъ знаетъ всѣ изгибы и обороты сердца человѣческаго; умѣетъ соблюдать молчаніе, когда это нужно, и поражаетъ непріятелей въ ту минуту, когда они этого менѣе всего ожидаютъ. А какимъ ремесломъ занимаешься ты?„

— „Я недостойный наставникъ въ искусствѣ псалмопѣнія."

— „Что это значитъ?"

— „Я учу пѣть молодыхъ людей въ Конектикутѣ."

— „Ты бы могъ найти себѣ лучшее занятіе. Здѣсь въ лѣсу и безъ нихъ слишкомъ визжатъ щенята, между тѣмъ какъ имъ бы должно было сидѣть тихо, какъ лисицѣ въ норѣ. Умѣешь ли ты владѣть ружьемъ?"

— „Благодарю небо! Мнѣ никогда не случалось дотрогиваться до этого опаснаго оружія."

— „Можетъ быть, ты умѣешь рисовать, чертить на бумагѣ направленіе рѣкъ и положеніе горъ въ пустыняхъ, и тѣмъ способствовать переходамъ армій?"

— „Нѣтъ, я не занимаюсь подобными вещами.

— „Такими ногами, какъ у тебя, можно широко́ шагать. Я думаю, что тебѣ препоручаютъ иногда относить предписанія Генерала?"

— „Нѣтъ; я занимаюсь только моею должностію — преподаю уроки духовнаго пѣнія."

„Странная должность!.. Проводить всю жизнь подобно дрозду, подражая всѣмъ высокимъ и низкимъ звукамъ, какіе только можетъ испускать человѣческое горло! Впрочемъ, я признаю дарованіемъ и эту способность, которою одаренъ ты, но только сожалѣю, что ты не получилъ лучшаго, какъ, напримѣръ, быть хорошимъ стрѣлкомъ. Однако, другъ, покажи-ка намъ свое умѣнье въ этомъ искусствѣ; пусть будетъ намъ это дружескимъ желаніемъ покойной ночи: дамамъ надобно собраться съ силами къ завтрашнему путешествію, потому что мы отправимся рано утромъ — прежде нежели Мокавсы придутъ въ движеніе."

— „Соглашаюсь съ удовольствіемъ," отвѣчалъ Давидъ, утверждая на своемъ носу желѣзныя очки, и вынимая изъ кармана свою любимую книжечку; — „что можетъ быть приличнѣе и утѣшительнѣе," прибавилъ онъ обращаясь къ Алисѣ: „какъ воспѣть благодарственный гимнъ вечеромъ послѣ дня, въ который избѣжали столькихъ опасностей! Не будете ли вы мнѣ акомпанировать?"

Алиса улыбнулась; но, взглянувъ на Гейварда, покраснѣла и не отвѣчала.

— „Почему же нѣтъ?" сказалъ ей Маіоръ вполголоса. „Я думаю, что сказанное вамъ соименникомъ Царя-Пророка достойно вашей благосклонности."

Ободренная сими словами Алиса согласилась на то, что предлагалъ ей Давидъ, и къ чему побуждали ее и набожность, и страсть къ музыкѣ, и собственное желаніе. Раскрыли книгу и избрали гимнъ, очень приличный тому положенію, въ которомъ находились пу-

тешественники, и гдѣ Поэтъ-переводчикъ, ограничиваясь подражаніемъ вдохновенному повелителю Израильтянъ, очень удачно передалъ блестящую поэзію вѣнценоснаго Пророка. Кора сказала, что она будетъ пѣть съ своею сестрою, и священная пѣснь началась, какъ скоро Давидъ окончилъ, по своему обыкновенію, краткую прелюдію, извлекши изъ своего инструмента нѣсколько тоновъ.

Напѣвъ былъ торжественный и тихій. Ноты иногда возвышались, какъ только могли ихъ исполнить гармоническіе голоса двухъ сестеръ, то понижались до такой степени, что глушь водопада сливалась въ одну мелодію съ ними.

Природный вкусъ и вѣрный слухъ Давида управляли голосами, и, согласуясь съ мѣстомъ, гдѣ находились путешественники, онъ умѣрялъ ихъ выразительность. Никогда звуки столь усладительные не раздавались въ ущельяхъ скалъ сихъ. Индійцы были неподвижны, и устремивъ взоры въ одну точку, слушали съ вниманіемъ, которое превратило ихъ, какъ казалось, въ истукановъ. Охотникъ, сидѣвшій сначала съ хладнокровнымъ видомъ, опершись подбородкомъ на руку, былъ скоро извлеченъ изъ этой нечувствительности. По мѣрѣ того, какъ строфы смѣнялись одна другую, въ чертахъ лица его пропадала суровая

холодность; въ мысляхъ его возобновлялись впечатлѣнія юности, когда слушалъ онъ въ колоніяльныхъ церквахъ подобные звуки, производимые хотя и не столь пріятными голосами. Глаза его наполнялись влагою, и къ концу гимна крупныя слезы полились изъ источника, который изсохъ, казалось, съ давняго времени, и катились по ланитамъ, привыкшимъ только къ каплямъ дождя во время свирѣпыхъ бурь.

Звуки, какъ бы замирающіе, сливались въ ту очаровательную мелодію, которую слухъ пожираетъ съ какою-то нѣгою, какъ вдругъ крикъ, не похожій ни на одинъ звукъ человѣческій или звукъ какого нибудь животнаго, раздался въ воздухѣ, проникъ во внутренность пещеры, и поразилъ сердца тѣхъ, которые въ ней были.

За нимъ послѣдовала мертвая тишина, и можно было подумать, что сей ужасный, необыкновенный крикъ заставилъ умолкнуть шумъ водопада.

— „Что это такое?" сказала Алиса, послѣ нѣсколькихъ мгновеній мучительнаго безпокойства.

— „Что значитъ этотъ крикъ?" громко спросилъ Гейвардъ.

Ни охотникъ, ни Индійцы не отвѣчали

ему. Они слушали, какъ бы ожидая повторенія того же самаго звука; на лицахъ ихъ изображалось удивленіе. Наконецъ, они переговорили между собою на Делаварскомъ нарѣчіи, и Анкасъ вышелъ изъ пещеры въ отверзтіе, противоположное тому, въ которое вошли путешественники. Послѣ этого, охотникъ отвѣчалъ по-Англійски на сдѣланные ему вопросы.

— „Что это такое," сказалъ онъ: „этого никто здѣсь объяснить не въ состояніи, хотя Чингачьгукъ и я, мы живемъ въ этихъ лѣсахъ болѣе тридцати лѣтъ. Я думалъ, что нѣтъ ни одного звука, который могъ бы испустить Индіецъ или какой-нибудь дикій звѣрь, и который не былъ бы знакомъ моему слуху; но теперь узналъ, что я былъ человѣкъ, зараженный самонадѣянностію и тщеславіемъ.

— „Не одинъ ли это изъ тѣхъ звуковъ, коими дикіе вызываютъ къ сраженію своихъ непріятелей?" спросила Кора, поправляя свое покрывало съ спокойствіемъ, котораго не раздѣляла сестра ея.

— „Нѣтъ, нѣтъ," задумчиво отвѣчалъ охотникъ: „это былъ крикъ ужасный, раздирающій сердце; въ немъ было что-то сверхъестественное; но если бъ вы услышали однажды

крикъ войны, вы бы непремѣнно узнали его, услышавъ въ другой разъ....

А. Л—тъ.

II.

ТЕХНОЛОГІЯ.

О воздѣлываніи льна и пеньки во Франціи (*).

Общество Поощреніе во Франціи, между предложенными наградами по части промышлености, объявило двѣ награды: первую за разведеніе полезныхъ для промышлености растеній, другую, за описаніе лучшихъ способовъ рукодѣльной промышлености, которые употребляются уже или могутъ быть употребляемы поселянами.

Такое двоякое поощреніе относится прямымъ образомъ къ главной промышлености Сартской провинціи, воздѣлыванію льна и производству льняныхъ и пеньковыхъ полотенъ, исключительное занятіе коими болѣе ста лѣтъ переходитъ отъ отца къ сыну.

Нынѣ сія производимость находится въ страдательномъ и безвыгодномъ состояніи, и съ 1824 года уменьшилась на половину. Дешевизна цѣнъ Голландскихъ полотенъ есть одна изъ начальныхъ причинъ сего уничиже-

(*) Сочиненіе Сартскаго купца Ветиллачи.

нія, а ничтожныя цѣны хлопчато-бумажныхъ издѣлій нанесли окончательный ударъ Французскимъ полотнянымъ фабрикамъ.

Между тѣмъ ни какая производимость не своеземна во Франціи до такой степени, какъ производимость льняныхъ полотенъ; никакая отрасль тамошней промышлености не заслуживаетъ болѣе вниманія со стороны Правительства и не достойна такого поощренія. Чтобы возвысить и привести въ цвѣтущее состояніе Французскія полотняныя фабрики, изслѣдуемъ, какія суть причины сего шаткаго состоянія, въ коемъ онѣ находятся въ настоящее время. Мы сказали уже, что дешевизна Голландскихъ полотенъ составляетъ первую причину, а вторая заключается въ ничтожествѣ цѣнъ бумажныхъ издѣлій: въ семъ случаѣ одно Правительство можетъ оказать пособіе, удвоивъ и утроивъ ввозную пошлину на хлопку противъ настоящей ея цѣнности. Безчисленныя бумажныя фабрики, устроенныя во всѣхъ мѣстахъ Франціи, отъ сего не лишатся первообразнаго матеріяла; правда, онѣ будутъ покупать его дороже, но въ то же время возвысится цѣна и на ихъ издѣлія, и вмѣсто того, чтобы терпѣть, онѣ воспользуются благосостояніемъ. Одни потребители заплатятъ за то разность, которая, при всей важности въ общей слож-

ности, будетъ весьма ничтожна въ каждомъ издѣліи. Для благосостоянія Франціи необходимо, чтобы бумажныя ея фабрики производили калинкоры въ 10 и 12 су, и платья совсѣмъ отдѣланныя въ 4 и 5 франковъ.

Не выгоднѣе ли будетъ для Франціи, если Правительство приведетъ въ равновѣсіе первообразные матеріялы, доставляемые своеземною почвою (ленъ и пеньку) и таковой же матеріялъ иностранный (бумагу въ хлопкахъ)?

Дешевизна Голландскихъ полотенъ, которую мы сочли первою причиною упадка Французскихъ фабрикъ, по нашему мнѣнію, происходитъ отъ изобилія въ Бельгіи первообразныхъ матеріяловъ, и отъ рѣдкости оныхъ у насъ.

Во Франціи сборы льна и пеньки далеко не удовлетворяютъ потребленію Государства; канаты для мореходства всѣ приготовляются изъ пеньки, привозимой изъ Россіи и Піемонта.

Швейныя нитки приготовляются изъ Голландскаго льна.

Извѣстнѣйшія полотняныя фабрики продовольствуются однимъ льномъ изъ Бельгіи, а потому и не удивительно, если Французскія полотна дороже Голландскихъ. Недостатокъ льна во Франціи — повторимъ снова — есть

главная причина разности цѣнъ между Французскими и Голландскими полотнами.

Задѣльная плата почти одинакова въ обоихъ Государствахъ. Механическіе способы приготовленія полотна не болѣе въ Бельгіи, какъ и во Франціи; если же Голландскіе ткачи, пряхи и воздѣлыватели льна имѣютъ нѣкоторыя преимущества предъ Французскими, то за сіе обязаны они тому поощренію, какое оказываютъ имъ большіе сбыты.

Постараемся производить во Франціи въ нужномъ изобиліи первообразные матеріалы; ленъ растетъ самъ собою въ большей части Французскихъ провинцій; окажемъ поощренія разведенію онаго, и мы получимъ тѣ же выгоды, какими пользуются наши сосѣди.

Исторія. — Разведеніе льна въ Менской, Анжуйской и Бретанской провинціяхъ, относится къ концу XIII вѣка.

Беатриса де Горъ, Графиня Фокенбургская, изъ Фландріи, супруга одной владѣтельской особы Лаваля, научила жителей сей страны сѣять ленъ, который произрасталъ у ней самъ собою. Вызванные изъ Бруга ткачи въ непродолжительномъ времени сдѣлали Лаваль столь же извѣстнымъ полотняными фабриками, какъ и ихъ отечественная страна. Менъ, Анжу, Вандея, Бретань вскорѣ имѣли

изобильныя жатвы льна, но между тѣмъ по другимъ провинціямъ разведеніе онаго распространялось медленно, и въ нихъ мало извѣстна сія отрасль земледѣлія. Ленъ, который въ то время сѣяли во Франціи, былъ ли туземный, или происходилъ отъ выродившихся сѣмянъ Бруга — это намъ неизвѣстно. Мы знаемъ навѣрное только то, что они не были плодовиты, и что занятіе симъ земледѣліемъ, при несовершенномъ состояніи онаго, почиталось весьма затруднительнымъ.

Ленъ обыкновенно производили двумя способами: первый состоялъ въ томъ, что его сѣяли осенью; онъ всходилъ и оставался въ продолженіе зимы, а въ Іюнѣ и Іюлѣ его снимали. Такой ленъ называли *зимнимъ.* По другому способу, посѣвъ льна производился весною, а въ Августѣ его снимали. Сей ленъ называли *лѣтнимъ.*

Теперь мы разсмотримъ подробно усовершенствованное по опыту произращеніе льна, которое остается почти въ одинаковомъ положеніи съ 1814 года. До сего времени и до употребленія на посѣвы сѣмянъ изъ Лифляндіи, жатвы были столь сомнительны, что изъ пяти лѣтъ едва выходилъ одинъ хорошій годъ, а въ иной годъ ничего не снимали.

Нѣсколько лѣтъ производя закупы поло-

тенъ въ Бельгіи, куда часто ѣздятъ изъ Франціи, Французы не могли не замѣтить превосходства тамошнихъ сѣмянъ; они собрали тамъ всѣ подробности о способахъ воздѣлыванія его, распространили свѣдѣнія о нихъ между отечественными земледѣльцами, достали для нихъ сѣмянъ изъ Голландіи, и наконецъ показали на опытѣ, разводя ленъ сами въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. — Ихъ ткацкія произведенія увѣнчались успѣхомъ: жатвы были уже улучшены, когда въ 1814 году, съ открытіемъ сообщеній между Франціею и Россіею, Французамъ представилась возможность получать сѣмена прямо изъ Риги, какъ дѣлаютъ сіе Голландцы: Французы выписали оныхъ нѣсколько бочекъ, и раздѣлили ихъ между лучшими земледѣльцами.

Новый посѣвъ былъ столь успѣшенъ, что ленъ во Франціи, который не бывалъ выше 18 дюймовъ, выросталъ до 3 и до 4 футовъ. Кромѣ сего значительнаго улучшенія въ количествѣ, ленъ значительно возвысился и въ качествѣ: сіи два преимущества были сопровождены третьимъ, не менѣе важнымъ: сѣмя, привозимое изъ холодной страны, во Франціи производило растеніе болѣе крѣпкое и менѣе подверженное весеннимъ ненастьямъ; сіе обезпечивало ежегодные сборы, болѣе или менѣе изобильные, но между тѣмъ всегда до-

статочные для вознагражденія расходовъ земледѣльца.

Нынѣ, когда Лифляндскія сѣмена особенно предпочитаются всѣми, кому онѣ извѣстны, не излишне будетъ изъяснить подробности различныхъ производствъ произращенія ихъ: Лифляндское сѣмя даетъ два отличныя съема и чрезъ каждые три года должно быть возобновляемо. При третьей жатвѣ, какъ во Франціи, такъ и въ Голландіи, оно теряетъ большую часть своего достоинства.

Воздѣлываніе. — Для разведенія льна нужно выбирать землю нѣжную, свободную, влажную, скорѣе песчаную, чѣмъ глинистую; мѣсто открытое и — если можно — защищенное отъ большихъ вѣтровъ, которые причиняютъ большой вредъ жатвамъ.

На одномъ и томъ же мѣстѣ не должно сѣять ленъ болѣе семи лѣтъ; опытъ научилъ, что сей срокъ необходимъ на то, чтобы въ землѣ собрались всѣ соки нужные для сего истощительнаго растенія.

Около Августа или Сентября мѣсяца, когда жатва снимется, землю одинъ разъ вспахиваютъ, въ Октябрѣ и Ноябрѣ мѣсяцахъ ее унавоживаютъ вдвое противъ того, нежели сколько употребляютъ навозу для пшеницы; навозъ сей сколь можно болѣе разравниваютъ

и потомъ запахиваютъ его вторую вспашкою. Для льна годенъ всякій навозъ, но мы совѣтуемъ употреблять конскій на землѣ твердой, и коровій на земляхъ слабыхъ. Удобреніе необходимо производить до зимы, дабы навозъ успѣлъ перегнить, хорошо раздѣляяся отъ послѣдующихъ вспашекъ, и чтобы дѣйствіе его по возможности было однообразно.

Фламандское удобреніе. Для произращенія льна всѣ признаютъ лучшимъ удобреніе Фламандское; оно не избавляетъ отъ обыкновеннаго унавоживанія поземомъ; но удобреніе состоитъ изъ лепешекъ конoплянаго сѣмени или рубленой полевой рѣпы, размѣшанной въ животной уринѣ. Извѣстное число такихъ лепешекъ, которыя хотятъ распустить, кладутъ въ ситерны, дѣлаемыя изъ цемента и непропускающія воды; потомъ впускаютъ туда урину по мѣрѣ какъ она натекаетъ въ малыя ситерны, устроенныя близъ конюшенъ, навозныхъ ямъ и проч. Эту смѣсь наливаютъ большимъ количествомъ воды и оставляютъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ броженіи, мѣшая оную отъ времени до времени. Такой жидкій навозъ гораздо ровнѣе разстилается по землѣ, нежели навозъ другаго рода; онъ не оставляетъ тѣхъ скважинъ, которыя остаются въ навозѣ, мало перегнившемъ, и въ коихъ зараждается множество насѣкомыхъ; онъ проникаетъ землю во всѣхъ направленіяхъ и дѣйствіе его однообразно; онъ выгоднѣе тѣмъ еще, что сохраняетъ въ землѣ влагу и способствуетъ произращенію льна, который питаетъ онъ отъ начальнаго всхода.

Мы приглашаемъ тѣхъ, кои желаютъ имѣть хорошій ленъ, употреблять сей навозъ: его кладутъ на землю за нѣсколько дней до посѣву.

Въ Февралѣ мѣсяцѣ или въ началѣ Марта, должно выбрать время, когда земля совершенно суха, и тогда сдѣлать окончательную вспашку. Самое вѣрное и лучшее средство произвести оную цапомъ (киркою) или заступомъ, но это стоитъ гораздо дороже. Въ обширномъ земледѣліи довольствуются, для окончательнаго приготовленія пашни къ посѣву, двойною перекрестною вспашкою. Какъ бы впрочемъ ни производили оную, главное состоитъ въ томъ, чтобы имѣть хорошее поле, совершенно одинакое и совершенно разровненное.

Посѣвъ. На такомъ полѣ производятъ посѣвъ съ лѣта; надобно, чтобы сѣмена ложились ровно; для сего употребляютъ отъ 150 до 160 фунтовъ льнянаго сѣмени на каждую десятину; потомъ укатываютъ всю легкимъ катком, который тащатъ двое че-

ловѣкъ, или бороною, сдѣланною изъ вѣтвей, сплетенныхъ на манеръ рѣшетки.

Если хотятъ сѣять между льномъ морковь или дятлину, клеверъ, тогда выжидаютъ восьми дней послѣ посѣва льна; избираютъ хорошій день, и проходятъ по засѣянному полю легкою бороною изъ древесныхъ вѣтвей или спицъ, которая только что оцарапаетъ землю: тогда сѣютъ клеверъ или морковь безъ засыпа оной. Количество сѣянія сего зависитъ отъ свойства земли: въ земляхъ Бельгійскихъ, хорошо удобренныхъ и вспаханныхъ, сѣютъ 10 фунтовъ клеверу на десятину или два съ половиною фунта моркови. Это часто имѣетъ неудобство въ сыромъ году; клеверъ скоро пускаетъ ростокъ и портитъ корешокъ льна, и для избѣжанія отчасти сего неудобства сѣютъ клеверъ спустя восемь дней послѣ льна, дабы послѣдній имѣлъ время взойти прежде и взять верхъ. Время посѣва есть одинъ изъ существеннѣйшихъ предметовъ, который нужно захватить. Если очень влажно, тогда земля нѣсколько тучная разгрязаетъ подъ сохою; если время постоянно сухо, тогда сѣмя, высушенное жарами, не довольно скоро прозябаетъ и не одинаково всходитъ. Надобно тщательно пользоваться нѣсколькими хорошими днями, которые непремѣнно случают-

ся въ концѣ Марта или въ первой половинѣ Апрѣля.

Многіе изъ Французскихъ земледѣльцевъ весьма хорошо нашлись, налагая слегка хворостъ по всей поверхности засѣяннаго поля: сія предосторожность предохраняетъ землю отъ излишняго дѣйствія дождя и подпираетъ ленъ отъ начала всхода его; онъ всходитъ между вѣтвями, которыя его поддерживаютъ и укрѣпляютъ противъ вѣтровъ и дождей, которые могли бы его повалить.

Полсво. Лишь ленъ взойдетъ, то нужно обратить особенное вниманіе на очищеніе его отъ дурной травы, которая можетъ произрастать въ изобиліи на землѣ, столь хорошо подготовленной. Сіе полонье надлежитъ всегда производить руками и повторять нѣсколько разъ до тѣхъ поръ, пока ленъ не достигнетъ высоты шести дюймовъ. Въ это время для него дурныя травы безопасны; но для него нужна защита отъ вѣтра и дождя, которые могутъ сваливать ленъ.

Тычинки. Хворостъ, который поддерживалъ ленъ при всходѣ его, дѣлается недостаточенъ; въ помощь къ нему присоединяютъ тычинки, которыя втыкаютъ въ землю въ нѣкоторомъ разстояніи одну отъ другой, и къ коимъ привязываютъ цѣльныя древесныя вѣтви, вышиною отъ земли на одинъ футъ.

Сія операція требуетъ большаго тщанія и вниманія, чтобы не смять льна и не свалить его, привязывая вѣтви. Употребленіе вѣтвей и тычинокъ не всеобщее, но издержка на нихъ малозначительна въ сравненіи съ тѣми убытками, на кои отваживаются, если ленъ очень высокъ. — Мы съ своей стороны совѣтуемъ употреблять ихъ. Мы видали, что безъ сей предосторожности, въ одномъ полѣ сваливало ленъ на пространствѣ отъ 8 до 10 аръ. Лежащій такимъ образомъ ленъ не провѣвается, желтѣетъ и теряетъ отчасти свое достоинство. Это ежегодно случается на тѣхъ пажитяхъ, гдѣ трава очень высока, а извѣстно, что трава, которая остается на нѣсколько дней въ такомъ положеніи, производитъ весьма худой кормъ.

Одинъ изъ величайшихъ враговъ льна есть ruble ou goutte de lin (cuscutu minor.) Сіе тунеядное растеніе прививается къ нему съ пристрастіемъ, если не постараются истребить его тотчасъ, какъ оно появится. Оно съ большою скоростію распространяется и засушиваетъ все то, къ чему привьется.

Кроты, которые всегда отыскиваютъ для себя свѣжія пашни, находятъ изъ большой отдаленности на поля, засѣянныя льномъ; за ними должно бдительно наблюдать и тщательно отъ нихъ обороняться.

Цвѣтъ. Мы пришли наконецъ къ тому времени, когда ленъ достигаетъ почти настоящей высоты своей, и на немъ появятся его пріятные голубые цвѣты. Въ это время ничего не можетъ быть красивѣе льнянаго поля; сія лазоревая долина, тихо колеблемая вѣтромъ, обольщаетъ земледѣльца, и обѣщаетъ ему богатство и изобиліе; жатва его обезпечена и вознаградитъ во сто разъ пожертвованія, которыя онъ для нее сдѣлалъ.

Созрѣваніе. Цвѣтъ льна продолжается пятнадцать дней; потомъ цвѣточки опадаютъ по немногу, и вмѣсто ихъ образуются сѣмена. Для созрѣнія льна потребно еще восемнадцать или двадцать дней послѣ цвѣта. Тогда растеніе начинаетъ желтѣть отъ корня. Нѣкоторыя ячейки (capsule), обнаружившіяся послѣ первыхъ цвѣточковъ, содержатъ сѣмена уже темныя и довольно зрѣлыя. Земледѣлецъ долженъ воспользоваться симъ временемъ съ большимъ разборомъ: если ленъ снимаютъ слишкомъ рано, то сѣмя ни къ чему негодно; если же жнутъ очень поздно, тогда теряетъ достоинство мочки.

(Продолженіе впредь.)

III.

КРИТИКА.

~~~~~~

Мысли Малороссіянина, по прочтеніи Повѣстей Пасичника Рудаго-Панька, изданныхъ имъ въ книжкѣ подъ заглавіемъ: Вечера на хуторѣ близъ Диканьки, и рецензій на оныя.

(Окончаніе.)

Дерзость парубковъ и пѣсня, въ которой, по замѣчанію винокура, „они поминали „Голову, не совсѣмъ благопристойными сло„вами..." — разсердили сего послѣдняго. Выскочивши на улицу, онъ схватилъ человѣка въ вывороченномъ шерстью вверхъ овчинномъ черномъ тулупѣ съ длинною бородою и съ размалеванною рожею, и потащилъ его въ сѣни. Переряженный такимъ образомъ человѣкъ, „не оказывая ни какого сопротивле„нія, спокойно слѣдовалъ за нимъ, какъ буд„то въ свою хату." (Стр. 174.) „Десятскій „забренчалъ небольшимъ висячимъ замкомъ „въ сѣняхъ и отворилъ камору. — Въ это „самое время плѣнникъ, пользуясь темнотою „сѣней, вдругъ вырвался съ *необыкновенною „силою* изъ рукъ его." Прошу замѣтить необыкновенную силу пойманнаго. — „Куда? „закричалъ Голова, ухвативъ его еще крѣпче

„за воротъ. Пусти, это я! слышался тонень„кій голосъ. Не поможетъ! не поможетъ, „братъ! вскричалъ Голова. — Визжи себѣ „хоть чортомъ, не только бабою, меня не „проведешь! и толкнулъ его въ темную ка„мору такъ, что бѣдный плѣнникъ застоналъ, „упавши на полъ." (Стр. 175.)

Послѣ сего подвига Голова съ прочими отправился къ писарю, который попался имъ на встрѣчу, и разсказалъ, что и онъ поймалъ переряженаго такимъ же образомъ человѣка, и заперъ его въ той хатѣ, гдѣ *держутъ* колодниковъ. Тутъ начался споръ между писаремъ и головою о томъ, у кого сидитъ переряженный сорванецъ. „Давайте огня! огонь „принесли, дверь отворили, и Голова ах„нулъ отъ удивленія, увидѣвъ предъ собою „свояченицу," живущую у него, которая и напустилась за то, что онъ, схвативши ее желѣзными своими лапами, толкнулъ въ камору. „Счастіе, говорила свояченица, „что не ударилась головою объ желѣзный „крюкъ. Развѣ я не кричала тебѣ, что это „я?" (Стр. 178.)

„Да, я вижу, что это ты!" сказалъ Голова, очнувшись. „Что скажешь, панъ пи„сарь; не шельма ли этотъ проклятый со„рви-голова."

„Шельма, панъ Голова." (стр. 179).
~~~~~~

Все сіе происходитъ, какъ видно, въ домѣ Головы, куда всѣ они вѣроятно возвратились, хотя Авторъ и не объяснилъ сего, равномѣрно какъ не объяснилъ онъ и того, какимъ образомъ очутилась въ рукахъ Головы свояченица его, вмѣсто схваченнаго имъ переодѣтаго парубка?? и вышла совершенная путаница, *нисенитница* — по нашему.

Здѣсь я долженъ замѣтить еще, что у насъ вовсе нѣтъ въ обыкновеніи, при разговорѣ, величать другъ друга паномъ. Это если и было, такъ было очень давно, и то между дворянами, когда еще оставались въ памяти Польскіе обычаи, исчезшіе теперь въ народѣ, старающемся *закидывать* иногда, какъ говорится у насъ, по-Московски. Но посмотримъ, кого-то найдутъ Голова съ писаремъ, винокуромъ и десятскимъ, въ той хатѣ, гдѣ держатъ колодниковъ.

„Двери отворились, и... Голова сталъ „блѣденъ, какъ полотно; винокуръ почув„ствовалъ холодъ, и волосы его, казалось, хо„тѣли улетѣть на небо; ужасъ изобразился „въ лицѣ писаря, десятскіе приросли къ зе„млѣ, и не въ состояніи были сомкнуть „*дружно* разинутыхъ ртовъ своихъ: передъ „ними стояла свояченица." (Стр. 183.) Ее приняли за сатану.

„Огня! живѣе огня! закричалъ голова. За-

„жигай хату, чтобы и костей чортовыхъ не „осталось на землѣ! „Что вы, братцы! гово„рилъ винокуръ; слава Богу, волосы у васъ „чуть не въ снѣгу, а до сихъ поръ ума не „нажили: отъ простаго огня вѣдьма не заго„рится! Только огонь изъ люльки можетъ „зажечь оборотня. Постойте, я сей часъ „улажу! Сказавши это, высыпалъ онъ горя„чую золу изъ трубки въ пукъ соломы, и „началъ раздувать ее. Отчаяніе придало „въ это время духу бѣдной свояченицѣ, гром„ко стала она умолять и разувѣрять ихъ.

„Постойте, братцы! зачѣмъ напрасно „грѣха набираться; можетъ быть, это не „сатана, сказалъ писарь. Если оно, то есть „то самое, которое сидитъ тамъ, согла„сится положить на себя крестное знаме„ніе, то это вѣрный знакъ, что не чортъ. „Предложеніе одобрено. Чуръ меня, сатана! „продолжалъ писарь, приложась губами къ „скважинѣ въ дверяхъ: если не пошевелишься „съ мѣста, мы отворимъ дверь.

„Дверь отворили.

„Перекрестись! сказалъ Голова, оглядываясь назадъ, какъ будто выбирая мѣсто въ „случаѣ ретирады.

Свояченица перекрестилась, (стр. 183. 184 и 185), и разсказала имъ уже на сей разъ: „какъ схватили ее хлопцы въ охапку на ули-

*

„цѣ и не смотря на сопротивленіе, опу-„стили въ широкое окно хаты и заколоти-„ли ставнемъ."

Надобно догадываться, что чрезъ сіе самое окно вылѣзъ и парубокъ, пойманный писаремъ. Но зачѣмъ эта свояченица, испытавши уже не малый страхъ въ своей каморѣ, опять выбѣжала на улицу? или въ происшествіе сей повѣсти дѣйствительно замѣшался сатана?

Какъ бы то ни было, но винокуръ и писарь списаны съ народныхъ характеровъ живыми красками. Панько представилъ намъ ихъ мастерски. Жаль, что онъ торопился, какъ видно; а отъ того въ забавной его картинѣ есть мѣста, неотдѣланныя окончательно, въ чемъ онъ и самъ, полагаю, согласится безпрекословно.

Левко, виновникъ всей этой сумато̂хи, ускользнувши отъ десятскихъ, и не заботясь объ нихъ болѣе, присѣлъ отдохнуть у пруда, и чуть было не заснулъ тутъ; но, ободрившись, началъ любоваться природою, описываемою Панькомъ въ семъ мѣстѣ слогомъ весьма пріятнымъ, и близкій къ разрушенію, старинный господскій домъ показался Левку великолѣпнымъ. „Сквозь чистыя стекла мелькала позолота." Это уже слишкомъ; у насъ и теперь такихъ домовъ мнѣ

видѣть не случалось, а Левку и во снѣ не можетъ присниться; ибо онъ о подобномъ великолѣпіи, будучи казакомъ-земледѣльцемъ, конечно не имѣетъ ни какой идеи. Изъ окошка выглянула привѣтливая головка съ блестящими очами. Такимъ образомъ началось продолженіе сказки о сотниковой дочери, которая утопилась черезъ злую свою мачиху, и сдѣлалась начальницею утопленицъ.

Левко видитъ, какъ утопленицы играли въ хороводѣ передъ своею повелительницею; сія проситъ его узнать между ними ея мачиху, принявшую видъ ихъ, чрезъ невѣдомое присутствіе коей, первая „не можетъ плавать легко и вольно, какъ рыба, а тонетъ „и падаетъ на дно, какъ ключъ."

Въ игрѣ утопленицъ *въ ворона*, Левко узнаетъ мачиху, и указываетъ ее. За сію услугу повелительница вручаетъ ему записку, которую онъ схватилъ и... проснулся. Слѣдовательно, Левку все это грезилось; — посмотримъ. Между тѣмъ надобно сказать, что сказка объ утопленицѣ взята изъ повѣрья народнаго, и разсказана занимательно.

Теперь оканчивается повѣсть, вмѣшанная въ означенную сказку, или въ которую сказка вмѣшана; ибо подъ заглавіемъ: Утопленица, Панько вмѣстилъ и народную сказку, и повѣсть о волостномъ Головѣ, его

сынѣ и любезной послѣдняго. Два сіи предмета, происходящіе отъ двухъ различныхъ обстоятельствъ, въ концѣ сказки или повѣсти соединяются какою-то волшебною силою.

Левко, какъ я выше замѣтилъ, во снѣ получилъ записку отъ старшей утопленицы; но проснувшись, дѣйствительно нашелъ въ рукѣ своей записку, которую, исполняя приказаніе утопленицы, подалъ сыскавшему его, отцу своему, Головѣ.

По разсмотрѣніи записки писаремъ, оказалось, что она была написана рукою Коммиссара.

Чуду сему нѣтъ ни какой развязки; оно осталось чудомъ, какъ для насъ, такъ и для самого Левка; записка же была слѣдующаго содержанія:

,,Приказъ Головѣ, Евтуху Макогоненку.
,,Дошло до насъ, что ты, старый дуракъ,
,,вмѣсто того, чтобы собрать прежнія не-
,,доимки и вести *на селѣ* порядокъ, одурѣлъ,
,,и строишь пакости. А въ слѣдствіе того,
,,приказываю тебѣ сей же часъ женить тво-
,,его сына, Левка Макогоненка, на казачкѣ
,,изъ вашего села Г[illegible] Петриченковой,“ и прочч. Коммиссаръ, отс[illegible]авной Поручикъ Козьма Деркачъ-Дришпановскій.

Изъ записки сей всякой Малороссіянинъ

видитъ, что Пасичнику Рудому-Паньку никогда не удавалось читать приказы Комисара по волостямъ.

Подобные, распорядительные приказы пишутся у насъ Коммиссарами въ Волостныя Правленія, а не на имя Головъ, въ чемъ каждый можетъ удостовѣриться, заглянувши въ дѣла любаго волостнаго правленія, проѣзжая Малороссію; да если бы какому нибудь Деркачу и вздумалось бранить письменно Голову дуракомъ, и приказывать ему женить тотчасъ сына, то за брань голова принесъ бы письменную же жалобу, — а приказаніе показалось бы ему шуточнымъ; ибо оно дѣйствительно весьма смѣшное и несообразное съ дѣломъ.

Значеніе волостныхъ, а не одного села Головъ, (каковыхъ въ селѣ не бываетъ, развѣ бы оно состояло изъ нѣсколькихъ тысячъ душъ), и мнѣніе ихъ о себѣ я описалъ выше для того, чтобы самъ землякъ мой, Панько, убѣдился теперь въ томъ, что онъ не все знаетъ въ Малороссіи, и что ему нужно, намѣреваясь описывать нравы и обычаи жителей ея, болѣе вникнуть въ сіи предметы, богатые для наблюдательнаго Писателя.

Вышеписанный приказъ Коммиссара такъ подѣйствовалъ на Голову, что сей послѣдній на другой же день назначилъ обвѣнчать сына

своего Левка Макогоненка, съ Ганною Петриченковою. Симъ и оканчивается повѣсть или сказка: Майская ночь, или Утопленица. — За нею слѣдуетъ быль. *Пропавшая грамота*.

Эту быль Панько слышалъ отъ дьячка ***ской церкви.

Послѣ весьма хорошо придуманнаго вступленія, дьячекъ началъ разсказывать, какъ вѣдьмы играли съ покойнымъ дѣдомъ его *въ дурня* (въ дурачки). Тутъ тотчасъ пришло мнѣ на мысль заглавіе одной книжечки презабавной: Быль не быль, однако же и не сказка, и я остановился на томъ, какое бы заглавіе было прилично такой были, въ которой описывается игра въ карты обыкновеннаго человѣка съ вымышленными въ народѣ вѣдьмами? Но вспомнивши остроумную рецензію въ No 243 Сѣверной Пчелы, на Повѣсть Александра Шидловскаго: *Гребенской казакъ*, — переставилъ слова и вышло: Не сказка, однако же и не быль. Почему бы Паньку свою быль прямо не назвать сказкою, когда она есть въ самомъ дѣлѣ сказка? такъ нѣтъ, теперь и самыя заглавія должны быть загадочны. Не лучше ли бы держаться того правила, чтобы содержаніе книги опредѣляло заглавіе оной? Юрій Милославскій, и т. п., носятъ названія Романовъ, незаклю-

чающія въ себѣ ничего изысканнаго; но слогъ, предметы, вошедшіе въ составъ ихъ, дѣлаютъ сіи простыя заглавія неизгладимыми въ памяти, вмѣстѣ съ именами Авторовъ.

Но обратимся къ дьячку, или лучше къ дѣду его, игравшему нѣкогда съ вѣдьмами въ дурня. Дѣдъ этотъ былъ грамотный, а въ тогдашнія времена, т. е. назадъ тому лѣтъ за 80 или около того, если вѣрить дьячку, „собравши всего Батурина грамотѣевъ, „то нѣчего и шапки подставлять, въ одну „горсть можно было всѣхъ уложить." Шапка для сего и горсть должны-бы были быть такія, какихъ ни въ сказкѣ разсказать, ни перомъ написать: ибо во время пребыванія Гетмановъ Малороссійскихъ въ Батуринѣ, молодые дворяне со всей Малороссіи, грамотные, стекались въ сію резиденцію Гетмана, чтобы начать при немъ службу, и чтобы, пройдя съ перомъ въ рукахъ всѣ мытарства канцелярскія, со временемъ быть Сотниками и такъ далѣе, перемѣняя въ послѣдствіе перо на саблю, сообразно обстоятельствамъ службы.

17-го Февраля 1750 года избранъ послѣднимъ Гетманомъ Малороссіи Графъ Кирило Григорьевичъ Разумовскій, и ему дозволено было жить въ Батуринѣ; ибо съ 1708 года (когда 9 Ноября Батуринъ былъ преданъ

огню и мечу), послѣ избранія Гетманомъ Ивана Скоропадскаго, какъ онъ, такъ и слѣдующій за нимъ Гетманъ Даніилъ Апостолъ, со всѣми управленіями Малороссійскаго края, равно какъ и управленія сіи, между избраніями Гетмановъ, имѣли пребываніе свое въ Глуховѣ.

Не трудно рѣшить, когда было болѣе грамотѣевъ въ Малороссіи, (не только что въ Батуринѣ), во время ли Гетмана или теперь, приплавши въ соображеніе, что тогда Малороссіяне, имѣвшіе дорогу къ почестямъ и достоянію на родинѣ, не многіе искали сего въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, и что теперь, напротивъ того, чувство собственнаго достоинства и бѣдность заставляютъ большую часть (сказать по нашему) голыхъ земляковъ моихъ искать въ столицѣ хлѣба, а оперившись, и почестей. И такъ, я полагаю, всякой согласится, что при Гетманахъ было болѣе въ краѣ у насъ грамотѣевъ, нежели въ настоящее время, когда они разсѣялись по всему обширному Русскому Государству.

Посему дьячекъ, вмѣняя въ такое большое достоинство дѣду своему грамотность, не сообразился съ обстоятельствами времени. Равномѣрно не сообразился онъ, или передающій намъ сказку его, Пасичникъ Ру-

дый Панько, и въ томъ, чтобы Гетманъ Разумовскій посылалъ къ Царицѣ грамоту съ верховымъ гонцемъ, и чтобы выборъ гонца палъ на такого простака, который зашилъ бы грамоту въ шапку.

Всѣ сіи обстоятельства описаны Паньком не въ духѣ того времени, (имѣющаго весьма немного разницы съ настоящимъ). Отправленіе гонца его должно было случиться непремѣнно въ Гетманство Разумовскаго, какъ я замѣтилъ выше: ибо грамота была къ Царицѣ; при Императрицахъ же Екатеринѣ I (*) и Аннѣ Іоанновнѣ, Гетмановъ въ Малороссіи не было; слѣдовательно грамота сія отправлялась къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, или къ Екатеринѣ Великой; а въ царствованія сіи существовали уже вездѣ учрежденныя почты. Послѣ сего верховой курьеръ, зашивающій грамоту къ Царицѣ въ шапку, не покажется ли всякому смѣшнымъ? Противу сего и самъ Панько, подумавши хорошенько, вѣрно не будетъ спорить.

Если въ какомъ нибудь романѣ, или повѣсти, Авторъ касается лицъ или обстоя-

---

(*) Гетманъ Скоропадскій скончался 3 Іюля 1722 года, а избранъ послѣ него Гетманомъ Апостолъ, 1 Октября 1727 года.

тельствъ, которыя имѣютъ свое время, онъ обязывается справляться съ тѣмъ временемъ. Это необходимое условіе. Повторяю, что землякъ мой Панько слишкомъ торопится. Ежели онъ мечтаетъ когда нибудь содѣлаться нашимъ Вальтеромъ-Скотомъ (чего, да позволено мнѣ будетъ опять чистосердечно пожелать ему), то конечно согласится, прочитавши всѣ сочиненія сего знаменитаго Шотландскаго Романиста - Историка, въ томъ, что хотя Вальтеръ - Скотъ славенъ уже и просто романами, но еще славнѣе соблюденіемъ въ оныхъ вѣрно историческихъ преданій и современности.

Верховой гонецъ, о которомъ я долженъ былъ говорить, можетъ быть, и слишкомъ долго, прибылъ, какъ повѣствуетъ внукъ его дьячекъ, въ Конотопъ (*), на самую ярмарку. Ярмарка сія подобна Сорочинской, и также хорошо описана Панькомъ, какъ и послѣдняя; на Конотопской читатель видитъ такихъ же: и перекупку съ бубликами, и Цыгана, и пья-

(*) Стоитъ взглянуть на почтовую карту, и всякой увидитъ, что посланный къ Царицѣ даже дороги не зналъ изъ Батурина на сѣверъ: ибо нелегкая его занесла въ Конотопъ, лежащій 30 верстъ назадъ, — совсѣмъ въ противную сторону.

ныхъ гулякъ; слѣдовательно и говорить объ ней нечего. Расторопный гонецъ, шатаясь по ярмаркѣ, познакомился съ Запорожцемъ, и уговорились за попойкою ѣхать вмѣстѣ съ приплетшимся къ нимъ третьимъ гулякою. Запорожецъ, разсказывая имъ на пути диковинныя исторіи и присказки, съ наступленіемъ ночи притихъ, вздрагивалъ при малѣйшемъ шорохѣ, и открылся, наконецъ, что душа его давно продана нечистому, и что въ ночь эту срокъ молодцу! Гонецъ нисколько не струсилъ, и они ѣхали далѣе. Показался огонекъ, подъѣхали къ повалившемуся на одну сторону шинку, остановились въ ономъ, выпили еще *треть ведра* горѣлки, и легли спать. Гонецъ, дѣдъ дьячка, долго бодрствовалъ; но крѣпкій сонъ схватилъ его такъ, что онъ повалился, словно убитый; проснувшись же, не нашелъ ни Запорожца, ни коней; нечего дѣлать, пошелъ пѣшкомъ. „Хватился за шапку и шапки „нѣтъ. Всплеснулъ дѣдъ руками, какъ вспо„мнилъ, что вчера еще помѣнялись они на „время съ Запорожцемъ. Разумѣется, шапка„ми. Вотъ тебѣ и Гетманскій гонецъ! Вотъ „тебѣ и привезъ грамоту къ Царицѣ!“ Послѣ многихъ совѣщаній съ чумаками, также ночевавшими въ шинкѣ, дѣдъ принужденъ

былъ купить наставленіе у шинкаря, какимъ образомъ отыскать свою шапку.

Происшествіе сіе и наставленіе разсказано прекрасно, въ выраженіяхъ народныхъ, и наблюденіе повѣрій не упущено.

По наставленію шинкаря, дѣдъ, съ деньгами въ карманахъ, пробираясь ночью страшнымъ лѣсомъ, сквозь терновникъ, и попадая иногда на дорожки, какъ обыкновенно говорится въ сказкахъ, выбрался наконецъ на просторное мѣсто, и очутился близъ рѣчки, черной, словно вороненая сталь; на другой сторонѣ рѣчки брезжетъ огонекъ; пришедши къ оному, дѣдъ увидѣлъ возлѣ огня какія-то „смазливыя рожи," сѣлъ въ кружокъ, и послѣ долгаго молчанія, забравъ въ горсть всѣ бывшія съ нимъ деньги, кинулъ ихъ въ середину сидящихъ. — Черти и вѣдьмы, — ибо это были онѣ, начали плясать. — „Дѣда, не смотря на страхъ весь, смѣхъ напалъ, когда „увидѣлъ, какъ черти съ собачьими мордами, „на Нѣмецкихъ ножкахъ, вертя хвостиками, „увивались около вѣдьмъ" (стр. 231). Соскучась на бѣсовскомъ пиру, принялся онъ требовать своей шапки, которую и обѣщано ему возвратить, когда онъ сыграетъ съ вѣдьмами три раза *въ дурня*. Подали карты, началась игра, описанная мастерски. — Уже два раза проигралъ дѣдъ; но за третьимъ

разомъ догадался перекреститься, и выигралъ; тутъ шапка бухъ прямехонько ему въ лицо; а потомъ и конь его явился передъ нимъ въ видѣ скелета. — Чортъ хлопнулъ арапникомъ, конь взвился и понесъ дѣда чрезъ пропасти и болота. „Въ какихъ мѣстахъ онъ „не былъ, такъ дрожь забирала при однихъ „разсказахъ. — Глянулъ какъ-то себѣ подъ „ноги, — и пуще перепугался: пропасть! „крутизна страшная. — *А сатанинскому* „*животному* и нужды нѣтъ; прямо черезъ „нее. — Дѣдъ держаться: не тутъ-то было. „Черезъ пни, черезъ кочки полетѣлъ стремглавъ въ провалъ, и такъ хватился на „днѣ его о землю, что кажись и духъ „вышибло" (стр. 238) И такъ дѣдъ скакалъ *на сатанинскомъ животномъ*; но какъ онъ очутился на конѣ, — не извѣстно; сказано только, что чортъ хлопнулъ арапникомъ, и конь взвился: надобно догадаться, что на немъ сидѣлъ уже дѣдъ, полетѣвшій потомъ стремглавъ въ провалъ, гдѣ, „какъ „очнулся немного, и осмотрѣлся, то уже „разсвѣло совсѣмъ; передъ нимъ мелькали „знакомыя мѣста, и онъ лежалъ на крышѣ „своей же хаты" (стр. 238.) Снилось ли все сіе дѣду, или принадлежитъ были, Авторъ не поясняетъ; но первый, вошедши въ хату, видитъ, что жена его „сидитъ передъ греб-

„немъ, держитъ въ рукахъ веретено и сонная подпрыгиваетъ на лавкѣ. Дѣдъ, взявши „за руку (кого?), разбудилъ ее: здравствуй, „жена! здорова ли ты? Та долго смотрѣла, „выпучивши глаза, и наконецъ уже узнала „дѣда, и разсказала, какъ ей снилось, что „печь ѣздила по хатѣ, выгоняя вонъ лопатою „горшки, лоханки....“ — „Ну, говоритъ дѣдъ, „тебѣ во снѣ, мнѣ на яву.“ — Симъ кончается сказка, занимающая болѣе трехъ четвертей небывалой были, включивъ въ листки сей послѣдней и вступленіе. По словамъ дѣда: „*тебѣ во снѣ, мнѣ на яву*,“ — должно думать, что чертовщина бабѣ грѣзилась, а дѣдъ въ самомъ дѣлѣ попалъ было въ пекло; но какъ онъ, полетѣвши стремглавъ въ провалъ, очутился, съ окровавленными руками, на крышѣ своей хаты, — Авторъ также не поясняетъ; а заставляетъ его „отдохнувши „немного, достать коня,“ (по этому коня его не шуточно скушали вѣдьмы съ чертями?), на которомъ онъ и доѣхалъ уже, не останавливаясь, ни днемъ, ни ночью, до мѣста, и отдалъ грамоту самой Царицѣ.

„Тамъ навидѣлся дѣдъ такихъ дивъ, что „стало ему на долго послѣ того разсказывать: какъ повели его въ палаты такія „высокія, что если бы хатъ десять поставить одну на другую, и тогда, можетъ

„быть не достало бы. Какъ заглянулъ онъ „въ одну комнату — нѣтъ, въ другую — нѣтъ, „въ третью — еще нѣтъ — въ четвертой даже „нѣтъ; да въ пятой уже, глядь, сидитъ Сама, „въ золотой коронѣ, *въ сѣрой новенькой свиткѣ, въ красныхъ сапогахъ, и золотыя галушки ѣстъ*. Какъ велѣла ему насыпать цѣлую „шапку *синицами* (*), какъ.... всего и выполнить нельзя. — Объ возьнѣ своей съ чертями дѣдъ и думать позабылъ.... и видно „уже въ наказаніе, что не спохватился тотъчасъ послѣ случившагося съ нимъ чуднаго „происшествія освятить хату, бабѣ, ровно „черезъ каждый годъ, и именно въ то самое „время дѣлалось такое диво, что танцуется „бывало, да и только. — За что ни примется, ноги затѣваютъ свое, и вотъ такъ „и дергаетъ пуститься въ присядку.“

Такъ кончилась четвертая и послѣдняя повѣсть Пасичника Рудаго-Панька, въ Вечерахъ его на хуторѣ близъ Диканки. — Спрашиваю теперь: повѣсти ли это, или сказки, и идетъ ли названіе были, сказочкѣ: *Пропавшая грамота*?

Изображеніе Царицы въ сѣрой новенькой свиткѣ, въ красныхъ сапогахъ, которая

(*) Разумѣется ассигнаціями, кои введены въ Россіи слишкомъ за 60 лѣтъ.

кушаетъ золотыя галушки, почерпнутой Панькомъ изъ старой, но не древней шуточной выдумки о какомъ-то глупцѣ подобнаго же глупца. — Плоская шутка сія такъ же стара, какъ и неприлична и неумѣстна. Она не забавна теперь для самыхъ простѣйшихъ олуховъ изъ поселянъ нашихъ.

И это Панько назвалъ былью?

Разсказъ его во всѣхъ четырехъ сказкахъ имѣетъ много забавныхъ сценъ; есть въономъ много остроты; нѣкоторыя народныя повѣрья наблюдены внимательно; слогъ, исключая высокопареній, довольно удачно приноровленъ къ списываемымъ предметамъ; но есть также вообще великіе промахи, которые и замѣчены мною здѣсь съ самымъ добрымъ намѣреніемъ.

Нѣтъ, любезный землякъ, не внимай, — безъ размышленія, похваламъ журнальнымъ, какія бы онѣ ни были, Русскія или иностранныя; не гордись тѣмъ, что тебя похвалилъ прославившійся Поэтъ, въ письмѣ, написанномъ имъ, можетъ быть, и не для печати; не довѣряй авторскому своему самолюбію; а выслушавши правду отъ почитающаго тебя и любящаго твою родину, земляка твоего, стараго Царыннаго (*), — пиши и впередъ,

(*) Царыною въ Малороссіи называются сельскіе шлагбаумы; лѣтомъ устроивается около их шалашъ, въ которомъ кочуетъ въ продолженіе всего лѣта старикъ, именуемый царыннымъ: его обязанность смотрѣть, чтобы всегда были заперты ворота, дабы скотъ изъ села не бѣжалъ въ хлѣба.

дай Боже, чтобъ писалось! написавши же что нибудь народное, пересмотри его внимательно, свѣрься съ нравами и обычаями той страны, о которой рѣчь идетъ, перечитай его съ разумнымъ тамошнимъ уроженцемъ, не лѣнись поправить, что признается нужнымъ, —и потомъ уже отдавай печатать. — Съ твоимъ перомъ можно много написать хорошаго, оригинальнаго, во славу свою и милой родины нашей. Соперниковъ на скудной литературной отечественной почвѣ не много ты встрѣтишь; иное дѣло, еслибы тебѣ вздумалось писать виршами, — а на прозу мало еще охотниковъ; она не дается, какъ-то, въ большемъ объемѣ одной тоненькой книжки. — И такъ, пока лѣнь и недосуги мѣшаютъ прозаическому наводненію, трудись, и неусыпность, при счастливомъ талантѣ, вознаградится отдохновеніемъ на душистыхъ миртахъ!

Многимъ, быть можетъ, покажется странно, что я о четырехъ коротенькихъ сказочкахъ написалъ такое длинное размышленіе. Быть можетъ нѣкоторые скажутъ,

что сказочки сіи менѣе стоили трудовъ Автору ихъ, нежели мнѣ, разбиравшему оныя. На это я бы отвѣчалъ: что похвалы Повѣстямъ Пасичника Рудаго-Панька извѣстныхъ Литераторовъ-Журналистовъ, — противное тому замѣчаніе на Повѣсти одного изъ нихъ, и имя самого Автора, были причиною особеннаго любопытства прочитать книгу, въ которой я съ жадностію желалъ увидѣть родное, описанное землякомъ, знающимъ не по слухамъ народные нравы, обычаи и повѣрья той стороны, гдѣ я родился, и гдѣ желаю окончить дни мои. Съ ощущеніями сего, я прочиталъ Повѣсти Пасичника-Панька, нашелъ, что это сказки, но сказки, заслуживающія чтеніе. — Хотя, признаюсь, ожидалъ найти въ нихъ болѣе, нежели нашелъ въ самомъ дѣлѣ; но утѣшаюсь надеждою, читать со временемъ тщательнѣе отдѣланныя произведенія Панька, начавшаго писать нѣчто свое; а какъ ни одинъ изъ Гг. Литераторовъ-Журналистовъ не сказалъ о Повѣстяхъ Панька ничего, похожаго на рецензію, то я, не будучи Журналистомъ, для коего разборъ книги есть работа срочная, принялся охотно, въ свободное время, изложить о прочитанныхъ мною сказкахъ мои мысли, не какъ Авторъ ремесломъ, а какъ простой Малороссіянинъ, радующійся всему

хорошему касательно родины, и сѣтующій на неудачныя попытки прозою и стихами изобразить нѣчто наше. Досадно было мнѣ читать въ томъ самомъ № 17 Телеграфа, въ которомъ помѣщено замѣчаніе *на Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ*, — *опытъ перевода Полтавы А. С. Пушкина, Поэмы, на Малороссійскій языкъ*. Переводчикъ ли (правильнѣе бы назвать перелагатель съ Русскаго на Малороссійское нарѣчіе, а не языкъ) или корректоръ Телеграфа, — но кто-нибудь изъ нихъ надѣлалъ столько ошибокъ въ словахъ, что даже слуху больно. — Напримѣръ:

По-нашему.		Напечатано:
скризь	—	скричь.
сребро	—	сребро.
бжилъ рій	—	рый.
стрій	—	стрый.
тогди	—	тогда.
полки	—	повки.

Напеч: *Въ зеленимъ луга безъ людей*. (1 куп. 4 стихъ) Слѣдовало: Въ зеленимъ лузи безъ людей. Напеч: *Не злотомъ богате Якимъ* (1 куп. 13 строк) Слѣдов. Не золотомъ богатъ Якимъ.

Самое переложеніе не совсѣмъ удачно; напр. А лугъ такъ а-жъ *кишитъ* волами (1 куп. стих. 5.) — Слово *кишитъ* употребляется у насъ при изображеніи кучи, тьмы

червей, и ни сколько нейдетъ къ изображенію стадъ рогатаго скота, или воловъ.

Перелагатель говоритъ (2 куп. ст. 7 и 8.)

„А все здавалось, оставался
Мазепа *кревнимъ* до Петра."

Кревнимъ значило бы роднымъ; какое же родство имѣлъ Мазепа съ Петромъ Великимъ?

Годы да праця зопсовалы.
У юго *Отаманьскій* духъ! (2. куп. ст. 11 и 12)

Что это за отаманьскій духъ? Я природный Малороссіянинъ, но истинно не понимаю.

Впрочемъ, стихи сіи, по переправкѣ ихъ, были бы лучше многихъ попытокъ въ семъ родѣ. Отъ перелагателя, и по самому уже прозванію *Москаля*, ибо если бы онъ былъ Малороссіянинъ, то прозывался бы не Гребенкинъ, а просто Гребинка, — не возможно требовать, чтобы онъ совершенно зналъ Малороссійское нарѣчіе и обороты языка, а потому замѣченныя мною ошибки ему и простительны. Охота, какъ говорится, пуще неволи! — Въ одинъ и тотъ же день мнѣ случилось прочитать и переложеніе Поэмы Полтавы на Малороссійское нарѣчіе, и листъ: *Одъ Украинця до Ляхивъ*, писанный стихами же на семъ нарѣчіи Порфиріемъ Байскимъ. — Этотъ листъ упечатался на

двухъ съ небольшимъ страницахъ (*), хотя во всякомъ между X строчіи можно бы свободно помѣстить еще по стиху, а между куплетами и по два; примѣчаніе же Автора къ сему *стихотворенію*: Листъ *одъ Украинця до Ляхивъ*, *толкованіе* и *словарь пояснительный*, заняли четыре страницы мелкой печати. Стихи стихами; но желалось бы знать, для кого они написаны? Ежели для насъ, Малороссіянъ, то словарь пояснительный намъ не подъ-нужду; если же вообще для Русскихъ, то врядъ ли кто будетъ имѣть терпѣніе выучить сперва словарь, чтобы потомъ понятно было чтеніе нѣсколькихъ Малороссійскихъ куплетовъ, незаключающихъ въ себѣ ни какой особенной высокой Поэзіи.

Не стану спорить, что *пащиковати* есть крамольничать, сплетничать; хотя слово сіе, сколько мнѣ извѣстно, и не употребляется въ настоящемъ Малороссійскомъ нарѣчіи; не стану увѣрять Г. Байскаго и въ томъ, что рыцарь, слово, употреблявщееся при Гетманахъ, въ чемъ онъ самъ можетъ удостовѣриться во всякой старинной Малороссійской военной рукописи, и что *лицарь* выговариваютъ одни картавые, косноязычные, подобно какъ, вмѣсто полки — *повки*, (какъ

(*) Стихотвореніе сіе продается по два рубля во всѣхъ книжныхъ лавкахъ.

замѣчено выше о переложеніи Полтавы, Г. Гребенкинымъ); но да позволено мнѣ будетъ сказать откровенно, что стихи его не превосходны. — Въ этомъ ссылаюсь на всѣхъ Малороссіянъ образованныхъ, незабывшихъ нарѣчія родины, какихъ здѣсь въ столицѣ весьма много. — Впрочемъ, Г. Байскій повѣствованіями своими, относящимися къ Малороссіи, всегда радовалъ не только меня, но и всѣхъ читающихъ земляковъ нашихъ. Будемъ питать себя утѣшительною надеждою, что онъ и Пасичникъ Панько, у коего, по его же словамъ въ предисловіи къ Вечерамъ на хуторѣ близъ Диканьки (стр. XIV), наберется уже матеріяловъ книжекъ на десять, подобныхъ вечеровъ, утолятъ пріятно жажду нашу къ чтенію оригинальнаго — отечественнаго.

Андрій Царынный.

4 Декабря.
1831.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе новѣйшихъ происшествій.

Франція.

Въ засѣданіи Палаты Депутатовъ 15 Января, предложеніе Генерала Строльца, о которомъ говорили мы въ послѣдней книжкѣ С. О. и С. А., принято, и такимъ образомъ суммы, отпущенныя доселѣ на содержаніе Королевскаго Дома излишне противъ нынѣшняго назначенія, удержаны не будутъ.

Въ засѣданіи 16 Января приняты нѣсколько проектовъ о мѣстныхъ распоряженіяхъ, потомъ утвержденъ бюджетъ Палаты (расходы оной простираются до 560,000 фр.), и за тѣмъ приступлено къ разсмотрѣнію проекта бюджета на 1832 годъ. Общія разсужденія о бюджетѣ были во все время существованія во Франціи представительнаго правленія обширнымъ поприщемъ, на которомъ Министерство и его приверженцы состязались съ оппозиціею; при семъ случаѣ разсматривалось не только финансовое управленіе, но и вся вообще политическая система Министерства. Но въ нынѣшней Палатѣ объясненія по симъ предметамъ происходили такъ часто, что всѣ полагали, что бюджетъ пройдетъ безъ обыкновеннаго акомпанимента нѣсколькихъ десятковъ рѣчей; вышло не такъ: оппозиція не захотѣла пропустить случая къ нападеніямъ на Министерство; всѣ почти ораторы, къ оной принадлежащіе, говорили о финансахъ и обо всемъ, о чемъ только можно говорить въ Палатѣ, и сотнями милліоновъ предлагали сокращенія, большею частію не заботясь о томъ, возможны ли они или нѣтъ.

Г. Тувенель назвалъ бюджетъ противнымъ Государственнымъ Уложеніямъ и политикѣ, безнравственнымъ, лживымъ и даже преступнымъ. Онъ нападалъ на Министерство со всѣхъ сто-

ропѣ, и мрачными красками изобразилъ положеніе Франціи.

Гг. Одри де Пюираво и Пажесъ говорили почти въ томъ же смыслѣ, и первый предлагалъ сократить бюджетъ на 500 милліоновъ.

Въ засѣданіи 17 Января Гг. де Сиври и Реалье Дюмасъ порицали систему Министерства вообще, повторяли обвиненія, уже нѣсколько разъ дѣланныя, и послѣдній предложилъ не менѣе ста милліоновъ экономіи.

Г. Берье требовалъ отъ Министерства нѣкоторыхъ объясненій о внутреннемъ долгѣ Франціи, ему отвѣчали Коммиссаръ Правительства, Г. Дюшатель, и Докладчикъ Коммиссіи, Г. Тьеръ.

Послѣдній съ обыкновеннымъ своимъ краснорѣчіемъ опровергъ всѣ мудрствованія противниковъ Министерства, осмѣялъ ихъ неудобоисполнимыя финансовыя и политическія системы, и доказалъ, что сократить бюджетъ болѣе того, какъ сдѣлала Коммиссія, невозможно, не разрушивъ порядка управленія. Г. Одри де Пюираво между прочимъ предлагалъ погасить государственный долгъ посредствомъ продажи государственныхъ имѣній. Г. Тьеръ обличилъ нелѣпость этого предложенія, доказавъ вычисленіями, что капиталъ государственнаго долга простирается до 4,600 милліоновъ, а продажею государственныхъ имѣній можно выручить не болѣе 500 или 600 милліоновъ.

Такъ какъ заранѣе приготовленныя рѣчи Депутатовъ никогда не содержатъ въ себѣ отвѣта на возраженія, прежде предложенныя, то вслѣдъ за ясными, неопровержимыми вычисленіями Г. Тьера,

Г. Лежандръ прочелъ рѣчь, содержащую въ себѣ громкія похвалы того самаго способа погашенія государственнаго долга, котораго неудобоисполнимость уже была доказана.

Въ засѣданіи 18 Января, Г. Роже, Членъ Коммиссіи, разсматривавшей бюджетъ, обвинялъ Докладчика оной, Г. Тьера, въ томъ, будто бы онъ не довольно точно выразилъ мнѣніе Коммиссіи. Г. Роже старался также доказать, что сокращеніе бюджета можетъ простираться до 70 или 82 милліоновъ, и что нѣтъ ни какой надобности всегда имѣть въ готовности весьма значительный капиталъ погашенія государственнаго долга. Это обвиненіе осталось безъ отвѣта, потому что Президентъ Палаты не позволилъ нарушить еще разъ порядокъ, въ которомъ ораторы, заранѣе записавшіеся, должны говорить.

Гг. Буанъ и Юлій Ларошфуко говорили въ пользу бюджета.

Гг. де Траси и Эшасеріо охуждали всѣ части онаго; первый утверждалъ, что одни уже послѣдствія революціи должны были бы сократить бюджетъ, и что для этого необходимо нужно перемѣнить всю систему управленія; второй предлагалъ уменьшить число Епископовъ, Генераловъ. Адмираловъ, Президентовъ, Перовъ и чиновниковъ Главныхъ Штабовъ всѣхъ родовъ.

Г. Лафитъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой старался доказать необходимость оставить неприкосновеннымъ капиталъ погашенія долговъ, и сократить бюджетъ посредствомъ перемѣны въ системѣ управленія; за симъ, описавъ разстроенное положеніе во Франціи торговли,

мануфактуръ и земледѣлія, положеніе, которое приписываетъ онъ неувѣренности въ прочности мира и нынѣшняго образа правленія, Г. Лафиттъ сдѣлалъ обозрѣніе всей политической системы нынѣшняго Министерства, и съ жаромъ порицалъ оную. Между прочимъ старался онъ доказать вычисленіями, что дефицитъ въ Казначействѣ простирается до 500 милліоновъ.

Въ засѣданіи 19 Января, Гг. Альби и Гаваре говорили противъ бюджета, и объявили, что они подадутъ голосъ въ пользу онаго только тогда, когда Палата приметъ предлагаемыя ими сокращенія.

Г. Дювержье де Горанъ защищалъ докладъ Коммиссіи, разсматривавшей бюджетъ. „Признаюсь, господа," сказалъ онъ между прочимъ: „я думалъ, что ясный, убѣдительный докладъ почтеннаго друга моего Г. Тьера измѣнитъ видъ разсужденій о бюджетѣ; я думалъ, что по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, не будетъ болѣе ни общностей, ни пустословія; что утвержденія безъ доказательствъ, исчисленія безъ цифръ, намѣки безъ основанія, будутъ изгнаны изъ большей части рѣчей; я ошибся, а такъ какъ прежнія погрѣшности безпрерывно повторяются, то мы по неволѣ должны противопоставлять имъ старыя, нѣсколько разъ пересказанныя истины. Оставимъ врагамъ нашимъ эту тактику, или лучше соединимся, чтобы предупредить дѣйствія оной; и для этого, вмѣсто того, чтобы увѣрять народъ, будто онъ не можетъ болѣе выносить налоговъ, скажемъ ему, что онъ долженъ выносить ихъ, если не хочетъ

въ послѣдствіи платить гораздо большихъ. Вмѣсто того, чтобы ласкать его пустою надеждою на перемѣну системы, будемъ повторять ему, что нѣтъ системы, которая бы, въ нынѣшнемъ положеніи Франціи, могла облегчить государственныя тягости и уменьшить налоги. Этимъ строгимъ, но правдивымъ языкомъ мы принесемъ ему болѣе пользы, чѣмъ лестью, которою упоеваютъ его полтора года, (многіе голоса кричатъ: правда! правда); притомъ, господа, если всякое человѣческое учрежденіе можетъ быть улучшено, то всякое улучшеніе, чтобы быть полезнымъ и прочнымъ, должно быть зрѣло, въ тишинѣ обдумано и исполнено съ благоразумною медленностію. Въ этомъ отношеніи *нѣтъ времени менѣе способнаго къ улучшеніямъ, какъ то, которое слѣдуетъ за революціями.*"

Г. Кехлинъ, въ длинной рѣчи, предлагалъ сократить нѣкоторыя издержки, уничтожить нѣкоторыя отрасли дохода, основанныя на монополіи, и для замѣна оныхъ увеличить поземельную подать и пошлину, платимую съ привознаго сахара и кофе, а также обратить на покрытіе издержекъ капиталъ, назначенный для выкупа государственныхъ облигацій.

Г. Магюль защищалъ и бюджетъ и политическую систему Министерства.

Г. Дюшатель, Коммиссаръ Правительства, опровергалъ вычисленія Г. Лафитта. Онъ старался доказать, что дефицитъ составляетъ не болѣе 300 милліоновъ.

Въ засѣданіи 20 Января, Г. Тьерри-Пу произнесъ противъ бюджета рѣчь, которой никто

не слушалъ, а Г. Фальгероллъ защищалъ оный доводами, уже нѣсколько разъ повторенными.

Г. Сальвертъ напомнилъ Палатѣ слова Монтескье: „Налоги надобно измѣрять не по тому, что можетъ, но по тому, что долженъ платить народъ.“ Изъ этого вывелъ онъ заключеніе, что при назначеніи налоговъ слѣдуетъ сообразоваться съ мнѣніемъ о нихъ народа; потомъ требовалъ онъ объясненій о дѣлѣ Г. Кеснера, охуждалъ докладъ Коммиссіи, находя оный неполнымъ и недостаточнымъ, и утверждая, что въ ономъ совсѣмъ не объяснено настоящее положеніе Казначейства; за симъ Г. Сальвертъ предложилъ прекращать производство пенсій при назначеніи жалованья по новой должности; въ заключеніи говорилъ онъ о невозможности союза между Карлистами и республиканцами, о всеобщемъ траурѣ въ день 21 Января и проч. и проч.

Г. Ремюза говорилъ въ пользу бюджета и защищалъ оный отъ обвиненій оппозиціи.

Г. Лараби повторилъ всѣ доводы противниковъ Министерства противъ бюджета, имъ предложеннаго.

Президентъ Совѣта опровергалъ обвиненія Ораторовъ оппозиціи, и въ особенности Г. Лафитта; онъ старался доказать, что нынѣшнее Министерство слѣдовало системѣ своихъ предшественниковъ, главою коихъ былъ самъ Г. Лафиттъ, исполняло всѣ ихъ предначертанія, и что такъ какъ бюджетъ 1831 года представленъ бывшимъ Президентомъ Совѣта, то финансовую систему нынѣшняго Министерства можно разсматривать только въ отношеніи къ бюджету 1832

года, который менѣе бюджета предъидущаго года; что, наконецъ, предлагаемыя Депутатомъ Г. Лафитомъ сокращенія, безъ сомнѣнія, неудобоисполнимы, когда Министръ Финансовъ, Г. Лафиттъ, оныхъ не сдѣлалъ. Казимиръ Перье заключилъ рѣчь свою обозрѣніемъ политическихъ партій во Франціи, и разсужденіями о томъ, что всѣ сіи партіи необходимо должны соединиться для достиженія общей цѣли благоденствія отечества.

Послѣ краткаго отвѣта Г. Лафитта, Палата объявила, что общія разсужденія о бюджетѣ окончены. Въ слѣдующемъ засѣданіи будетъ приступлено къ разсмотрѣнію подробностей онаго.

Въ засѣданіи Палаты Перовъ 16 Января, Вице-Президентъ, Баронъ Сегье, прочелъ письмо Герцога Дудовилля, которымъ онъ отказывается отъ Перскаго достоинства. За тѣмъ происходили разсужденія о принятомъ Палатою Депутатовъ проектѣ объ отмѣнѣ закона 11 Сентября 1807 года о чрезвычайныхъ пенсіяхъ важнѣйшимъ государственнымъ сановникамъ. Предложенное Коммиссіею дополненіе о предоставленіи Королю права назначать Министрамъ и Маршаламъ по 12000 фр. пенсіи, а вдовамъ ихъ по 6000, отвергнуто, и весь проектъ утвержденъ большинствомъ 56 голосовъ противъ 15. Въ концѣ засѣданія Графы Эксельманъ, Даву, Шолле и Сенъ-Сюльписъ предложили Палатѣ немедленно заняться проектомъ объ отмѣненіи всеобщаго траура въ день 21 Января, но предложеніе сіе Палатою отвергнуто.

Въ засѣданіи 19 Января Коммиссаръ Правительства, Генералъ Міо, прочелъ принятый Па-

латою Депутатовъ проектъ закона о наборѣ 80 т. человѣкъ рекрутъ изъ очереди 1831 года, а другой Коммиссаръ Г. Жанти де Бюсси принятый также Палатою Депутатовъ проектъ закона о пенсіяхъ кавалерамъ Почетнаго Легіона. Военный Министръ представилъ проектъ закона объ учрежденіи Почетныхъ Судовъ (cours d'honneur), разсмотрѣнію коихъ будетъ подлежать поведеніе офицеровъ, неважное, но частое нарушеніе дисциплины, и изъявленіе мнѣній, противныхъ субординаціи. За тѣмъ собираемы были голоса о 58 проектахъ закона о разныхъ мѣстныхъ распоряженіяхъ; всѣ сіи проекты утверждены, за исключеніемъ одного, касающагося до Департамента Эръ и Луарскаго, который, послѣ краткихъ, но жаркихъ преній, отвергнутъ Палатою. Въ заключеніе Морской Министръ предложилъ принятый Палатою Депутатовъ проектъ закона о производствѣ во флотѣ, и потомъ начались пренія о законѣ касательно производства въ арміи: пренія сіи продолжались и въ засѣданіи 20 Января, въ которомъ приняты первые 12 параграфовъ сего проекта.

Въ Монитерѣ напечатана статья о сборѣ косвенныхъ податей и налоговъ за 1831 годъ, въ сравненіи съ 1829 и 1830 годами.

Въ 1831 году сборъ сей составлялъ		527.023,000
— 1829	— — — — —	590.010,000
— 1830	— — — — —	572.243,000

Посему въ 1831 году собрано менѣе:

Противъ	1830	— — —	45.220,000
Противъ	1829	— — —	63.987,000

Но такъ какъ сбавка пошлины съ питей должна была уменьшить сборъ съ оныхъ въ 1831 году 34.800.000 франковъ противъ 1829, и 32.400.000 фр. противъ 1830, то настоящій недоборъ въ сравненіи съ 1830 годомъ составляетъ 17.591.230 фр, а въ сравненіи съ 1829 г. 29.187.000 фр.

Англія.

Между Французскимъ и Англійскимъ Министерствами происходятъ довольно жаркія пренія по предмету срытія Бельгійскихъ крѣпостей. Англійское Министерство полагало подвергнуть сей мѣрѣ, между прочимъ, крѣпости Маріенбургъ и Филиппвиль; Французское Министерство утверждаетъ, что несправедливо было бы срыть сіи крѣпости, воздвигнутыя Французами, между тѣмъ какъ крѣпости, построенныя противъ Франціи, каковы суть Монсъ и другія, будутъ оставлены; это, говоритъ оно, было бы столь противно народному мнѣнію во Франціи, что уступивъ съ этой стороны, никакое Министерство не могло бы остаться на своемъ мѣстѣ. Дѣло сіе еще не рѣшено.

Коммиссія, наряженная для изслѣдованія Бристольскихъ происшествій, приговорила повѣсить пятерыхъ участниковъ въ оныхъ, и осудило на смерть еще 12 или 14 человѣкъ, которые впрочемъ, какъ полагаютъ, будутъ подвергнуты другому наказанію. Полковникъ Бреретонъ, командовавшій во время мятежа Бристольскимъ гарнизономъ, лишилъ себя жизни въ продолженіе суда, надъ нимъ производившагося.

Засѣданія Парламента снова открыты 17 Января. Въ засѣданіи 19 Января прочтенъ въ первый разъ билль о реформѣ къ Шотландіи, а въ

засѣданіи 20 числа билль о реформѣ въ Ирландіи. Въ томъ же засѣданіи Лордъ Джонъ Руссель предложилъ Палатѣ преобразоваться въ Комитетъ (se former en comité) для разсмотрѣнія билля о реформѣ въ Англіи. Предложеніе сіе принято большинствомъ 152 голосовъ противъ 99, и Палата немедленно занялась первымъ параграфомъ сего билля. Г. Крокеръ предложилъ не ограничивать 56-ю число мѣстечекъ, которыя лишаются права избранія, но предложеніе его отвергнуто большинствомъ 198 голосовъ противъ 123. Засѣданія отложены до 23 числа.

Разныя извѣстія.

Армія, посланная Египетскимъ Вице-Королемъ въ Сирію, и состоящая подъ предводительствомъ сына его, Ибрагима Паши, простирается до 30.000 человѣкъ.

Въ Аргосѣ открытъ 19 Декабря Конгресъ. Около 60 человѣкъ Депутатовъ отдѣлились отъ остальныхъ 172, и изложили свои причины въ нѣсколькихъ протестахъ. Они принадлежатъ къ Западной Греціи и къ островамъ Идрѣ и Сирѣ. Такъ какъ Аргосъ городъ совершенно открытый, то Конгресъ положено перевесть въ Навплію. Между приверженцами оппозиціи и Правительства произошла драка, но побѣда осталась на сторонѣ сего послѣдняго, и Депутаты оппозиціи большею частію разбѣжались. Временнымъ Президентомъ назначенъ Графъ Августинъ Каподистрія.

Говорятъ, что холера появилась въ Лондонѣ, и въ Лизье, во Франціи.

28 *Января.*

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА
и
СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1832 № VI.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТАРЫЙ ЗНАКОМЕЦЪ.

Фантастическая Повѣсть.

„Ne dites donc pas que je mens, mes seigneurs; car à l'instant même où votre bouche me dit : tu mens! vous savez bien que je ne mens pas.

Jules Janin.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, молодой человѣкъ привлекательной наружности сидѣлъ въ театрѣ, и смотрѣлъ на сцену со всѣми признаками неудовольствія. Возлѣ него сидѣлъ пожилой человѣкъ, который безпрестанно хлопалъ въ ладоши, улыбался или хохоталъ отъ души; повторяя: „Браво, брависсимо! Точно такъ! правда! прекрасно! нельзя лучше!" Молодой человѣкъ съ удивленіемъ и досадою по-

глядывалъ на своего сосѣда, изъявляющаго столь противоположныя чувствованія. Лице и всѣ ухватки пожилаго человѣка были необыкновенны. Небольшіе черные глаза его сверкали, какъ пламенѣющіе уголья. Малыя, чуть примѣтныя губы странно искривлялись, когда онъ смѣялся. Широкія ноздри его длиннаго ястребинаго носа пыхтѣли, какъ у хищнаго звѣря. Выдавшіяся щеки трепетали отъ судорожныхъ движеній. Въ оживленной его физіономіи отражались колкая насмѣшка, проницательность, коварство; но при всемъ томъ лице его не было отвратительно, и, напротивъ того, приковывало къ себѣ любопытный взглядъ. Занавѣсъ послѣ четвертаго акта опустился, и пожилой человѣкъ, прохлопавъ въ ладоши, простучавъ ногами и воскликнувъ брависсимо, развалился въ креслахъ, и посмотрѣлъ на молодаго человѣка, который потупилъ голову и задумался.

— „Вы не любите Бомарше?“ сказалъ пожилой человѣкъ, обращаясь къ юному своему сосѣду. „Это единственный Комикъ, который поймалъ натуру въ дѣйствіи, и послѣ Тартюфа, *Женитьба Фигаро* первая и единственная Комедія въ мірѣ. Все прочее въ этомъ родѣ — ложь, мелочь, вздоръ, плоскости, надутости, риторство — словомъ, искаженіе натуры.“ — „Я не раздѣляю вашего мнѣ-

нія,“ отвѣчалъ юноша. — „Потому, что вы молоды — и Поэтъ!“ — А почему вы знаете, что я Поэтъ?“ — „Какъ мнѣ не знать? О! я знаю весьма много такого, чего другіе не знаютъ,“ возразилъ пожилой человѣкъ, съ лукавою усмѣшкою. „Вы Поэтъ, и мы старые знакомцы..:“ — „А съ кѣмъ имѣю честь говорить?...“ — „Вы это послѣ узнаете, а на первый случай скажу вамъ только, что если вы Поэтъ, то я Поэзія, вдохновеніе, хотя и не во всѣхъ родахъ, но напримѣръ... въ родѣ Гете, Байрона, Данта, иногда и въ родѣ Клопштока...“ — „Не много ли берете на себя?“ возразилъ юноша насмѣшливо. — „Я не говорю вамъ, что упражняюсь въ сочиненіяхъ; я только внушаю вдохновенія. Вы можете спросить объ этомъ у Поэтовъ, пишущихъ въ этомъ родѣ.“ — „Родъ возвышенный, божественный!“ воскликнулъ юноша. — „Не всегда!“ сказалъ пожилой человѣкъ съ значительною улыбкой. „Но вы послѣ узнаете меня покороче, а теперь позвольте обратиться къ прежнему предмету. Почему вамъ не нравится Комедія Бомарше?“ — „Потому, что онъ смотрѣлъ на свѣтъ въ черное стекло, закоптѣлое въ адскомъ дымѣ...“ — „Браво! Вотъ что правда, то правда!“ прихолвилъ пожилой человѣкъ, прервавъ рѣчь юноши. Поэтъ продолжалъ: „Что вы видите

въ этой Комедіи? Мужъ обманываетъ жену, жена мужа, баринъ слугу, слуга барина, женихъ невѣсту, невѣста жениха, любовникъ любовницу и обратно. Судьи кривятъ душей изъ платы и угожденія знатности, знатность унижается до гнуснаго сладострастія и смѣшныхъ мелочей; всѣ дружатся, любятся, обнимаются, цѣлуются, а всѣ они презираютъ другъ друга, всѣ любятъ одну корысть, всѣ ищутъ чувственныхъ наслажденій... Это ужасно, гнусно, возмущаетъ душу!" — „А между тѣмъ правда!" возразилъ пожилой человѣкъ, улыбаясь и потирая руки. „Я зналъ Бомарше, былъ его искреннимъ другомъ и самъ собиралъ матеріялы для его Комедіи. Бомарше былъ *земной человѣкъ*, и смотрѣлъ на людей съ земли, т. е. съ настоящей точки зрѣнія. Вы Поэтъ, не знаете земли и носитесь надъ землею, между небомъ и адомъ, не избравъ еще ни точки зрѣнія, ни осѣдлости для своей Музы. Вы справедливо сказали, что Бомарше въ своемъ лорнетѣ имѣлъ стеклышко, закопченное въ адскомъ дымѣ; но вы впали въ другую крайность. Вы смотрите на свѣтъ сквозь радужное стекло фантазіи, вылитое въ *несуществующемъ* мірѣ. Бомарше недоставало того, чѣмъ вы преисполнены, т. е. Поэзіи, а вамъ недостаетъ того, чѣмъ преизобиловалъ Бомарше, т. е. *земнаго чувства*. Но Бомарше имѣетъ предъ вами то преимущество, что онъ зналъ свой предметъ совершенно, а вы никогда не постигнете своего, и никогда не произведете ничего замѣчательнаго, знаменитаго, пока не смѣшаете своихъ піитическихъ, небесныхъ вдохновеній и видѣній съ земнымъ чувствомъ Бомарше, ибо предметомъ Поэзіи и всякаго Искусства долженъ быть человѣкъ, а онъ созданъ изъ земли, для земли, и долженъ обратиться въ землю. Только одна частица его существованія можетъ парить и возноситься къ небу; но эта частица такъ скована земными узами, что Поэтъ, желая проникнуть къ ней, долженъ непремѣнно обладать земнымъ чувствомъ. Пріобрѣсть это чувство иначе нельзя, какъ живя съ людьми и плывя вмѣстѣ съ ними въ океанѣ страстей, на ладьѣ дурачества, т. е. находясь въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ, и участвуя во всѣхъ глупостяхъ и заблужденіяхъ человѣчества. Въ безсмертномъ твореніи Поэзіи должны быть вмѣстѣ небо, адъ и земля, и отъ того велики и славны Байронъ, Гете и Дантъ!" — Пожилой человѣкъ замолчалъ и посмотрѣлъ лукаво на юношу, который сидѣлъ въ задумчивости, потупя глаза въ землю, и казалось, еще напрягалъ

вниманіе, чтобъ слушать. „Что жъ вы не возражаете на мои замѣчанія?“ сказалъ пожилой человѣкъ. — „Я... я... почти... согласенъ съ вами!“ отвѣчалъ юноша: „но какимъ образомъ пріобрѣсть это земное чувство для слитія его съ Поэзіей?“ — „Опытностью и размышленіемъ,“ отвѣчалъ пожилой человѣкъ. „Для пріобрѣтенія опытности надобно много времени и случаевъ,“ продолжалъ онъ. „Время передъ вами, но случаи не въ вашей власти. Вы расточаете въ стихахъ своихъ рубины и алмазы, но въ существенности вы богаты только талантомъ. Вы съ родни Музамъ и Аполлону, но эта знатная фамилія на Парнасѣ стоитъ въ свѣтской родословной ниже разбогатѣвшихъ откупщиковъ и цѣловальниковъ, породнившихся съ увядшими Княжнами и промотавшимися Князьками. Безъ денегъ и безъ фамильныхъ связей вамъ мудрено, почти невозможно попасть въ такъ называемый свѣтъ, потому что благородство души вашей сдѣлало спинную кость вашу несгибаемою, а отъ піитическаго лепета языкъ вашъ затвердѣлъ для лести. Но вы любите Гете и Байрона, а я родня первому и искренній другъ послѣдняго, притомъ же — старый вашъ знакомецъ. Я хочу помочь вамъ, и въ одинъ вечеръ доставлю вамъ опытность

долгой жизни въ свѣтѣ. Подождемъ до конца представленія.“

Представленіе кончилось, и пожилой человѣкъ предложилъ Поэту сѣсть въ его карету. Юноша чувствовалъ какую-то непреодолимую силу въ словахъ и взглядахъ незнакомца, и не смѣлъ противиться. Когда карета тронулась съ мѣста, пожилой человѣкъ сказалъ: „Я повезу васъ къ одному знатному человѣку, у котораго сегодня балъ и собранъ, какъ говорится, *цѣлый городъ*, т. е. человѣкъ триста, почитающихъ себя единственными обитателями города, въ которомъ до полумилліона жителей. Здѣсь вы узнаете, откуда Бомарше почерпалъ матеріялы для своей Комедіи. Но прежде выслушайте меня внимательно. Человѣкъ, отдаляясь въ теченіе вѣковъ отъ натуры, утратилъ многіе дары щедрой матери природы. У васъ для того два глаза и два уха, чтобъ однимъ глазомъ видѣть вещи *явныя*, а другимъ *сокрытыя*, и однимъ ухомъ слышать *рѣчи*, а другимъ подслушивать *мысль*...“ — „Вы шутите надо мною!“ прервалъ юноша. „Ни мало! Я вамъ докажу это на опытѣ,“ — отвѣчалъ пожилой человѣкъ. „Если вы смотрите теперь на предметъ въ оба глаза, и слушаете обоими ушами, то это только отъ дурной привычки, такъ точно, какъ

большая часть людей, по привычкѣ, дали преимущество правой рукѣ, почти не дѣйствуютъ лѣвою, и жуютъ одной стороною, лишая сами себя половины силы. Я самъ одаренъ этою способностью, видѣть скрытыя вещи и подслушивать мысли, и могу сообщить ее вамъ. Но предувѣдомляю васъ, что съ этою способностью надобно имѣть дьявольское терпѣніе, не оскорбляться тѣмъ, что вы услышите на свой счетъ, ни на что не сердиться, не гнѣваться, и смотрѣть на людей, точно какъ на актеровъ на сценѣ, или лучше сказать, какъ на куколъ." — „Вы удивляете меня!" сказалъ въ недоумѣніи юноша. — „Удивленіе ваше скоро превратится въ другое чувство; будьте только терпѣливы. Но вотъ мы уже у крыльца. Позвольте мнѣ обнять себя. Этотъ братскій поцѣлуй сообщитъ вамъ мою способность видѣть и слышать то, что люди скрываютъ другъ отъ друга." Пожилой человѣкъ обнялъ юношу и примолвилъ важно: „Во имя мое прозри и услыши!" Сердце въ юношѣ сильно билось. Какой-то внезапный страхъ овладѣлъ имъ. Пожилой человѣкъ дружескимъ пожатіемъ руки успокоилъ его.

По лѣстницѣ, убранной цвѣтами, они взошли въ великолѣпныя комнаты, наполненныя гостями. Въ двухъ залахъ играла музыка, въ кабинетѣ разложены были на столахъ эстампы и альбомы, которые гости небрежно разсматривали. Въ боковыхъ комнатахъ играли въ вистъ, въ кребсъ, въ экарте и въ другія, такъ называемыя *коммерческія* игры. Группы расхаживали по комнатамъ, или остановясь, разговаривали, т. е. мѣнялись пустыми вопросами и еще пустѣйшими комплиментами. Поэтъ въ первый разъ въ жизни попалъ въ высшее общество. Съ подобострастіемъ и нѣкоторымъ благоговѣніемъ онъ смотрѣлъ на шитые золотомъ кафтаны, испещренные орденами, лентами разныхъ цвѣтовъ, звѣздами. Сердце его трепетало при видѣ толпы красавицъ, въ одеждѣ коихъ сосредоточивались всѣ вымыслы и всѣ произведенія промышлености, вкуса и моды. Ловкость во всѣхъ пріемахъ и движеніяхъ, какая-то нѣжность и утонченность въ обхожденіи очаровывали юношу, и онъ думалъ: вотъ крайняя степень образованности и просвѣщенія! вотъ, къ чему долженъ стремиться родъ человѣческій! Теперь я понимаю, что человѣкъ есть царь земли! — Мы, люди бѣдные, мы только одной чертой отдѣлены отъ черни, а чернь одной же чертой отдѣлена отъ безсловесныхъ. Но здѣсь, въ большомъ свѣтѣ, храмъ человѣческаго совершенства, здѣсь жертвенникъ, на кото-

ромъ рабствующая земля приноситъ дань властелину своему, человѣку! — Здѣсь сущность всѣхъ Наукъ и Искусствъ, здѣсь сама Поэзія! Это не земля, но элизіумъ, обитаемый высшими существами! — Легкій толчекъ вывелъ его изъ размышленія. „Слѣдуйте за мною, смотрите и слушайте!“ сказалъ пожилой человѣкъ, привезшій его изъ театра: „при первомъ пожатіи руки, вы получите способность, о которой я говорилъ вамъ. Пойдемте!“

Проходя чрезъ рядъ комнатъ, юноша замѣтилъ, что всѣ пожилые мужчины и дамы весьма благосклонно привѣтствовали его товарища, какъ стараго знакомца; молодые люди фамильярно здоровались съ нимъ, а дѣвицы поглядывали на него нѣжно, какъ бы испрашивая покровительства. Юноша получилъ высокое понятіе о своемъ товарищѣ. Всѣ знали его, всѣ обходились съ нимъ дружески, и онъ былъ въ гостяхъ, какъ хозяинъ въ домѣ.

— „Имѣю честь представить вамъ моего родственника, Поэта,“ сказалъ пожилой человѣкъ хозяйкѣ: „прошу любить его и жаловать.“ Хозяйка, сороколѣтняя дама, бывшая нѣкогда красавицею, съ потерей красоты сохранила всѣ притязанія на оную, и съ помощію косметическаго искусства умѣла скры-

вать, при свѣчахъ, десятокъ годовъ. Сказавъ обыкновенную вѣжливость на Французскомъ языкѣ, она измѣрила глазами высокаго, статнаго и красиваго лицемъ юношу, и улыбнулась весьма пріятно. Въ это время пожилой человѣкъ пожалъ руку Поэту, и онъ услышалъ лѣвымъ ухомъ легкій шепотъ мысли въ головѣ хозяйки. „Мой пріятель, мосье Грандбетъ, возвращается въ Парижъ. Этотъ юноша, съ своей простодушной физіономіей, могъ бы заступить мѣсто домашняго друга: онъ, кажется, довольно глупъ и вѣрно бѣденъ.“ — Поэтъ покраснѣлъ, а хозяйка пригласила его бывать почаще въ домѣ, особенно по вечерамъ, когда она остается одна, потому, что она любитъ бесѣду съ умными людьми, охотница говорить о Словесности, и даже сама занимается, тайно, сочиненіемъ Романа. Въ эту минуту подошла къ хозяйкѣ дама съ двумя дѣвицами, и всѣ онѣ начали лобызаться съ изъявленіемъ нѣжнѣйшей дружбы. „Ахъ, ma cousine!“ сказала хозяйка: „какъ я рада, что наконецъ залучила васъ къ себѣ. Васъ такъ долго не видѣли! Ужъ не разсердились ли вы на свѣтъ за излишнюю и привязчивую его любовь къ вамъ? — Ахъ, какъ вы милы, какъ вы прелестны сегодня, mes cousines!“ примолвила она, цѣлуя дѣвицъ. Это было сказано громко, но Поэтъ слы-

шалъ другое лѣвымъ ухомъ. Мысль хозяйки шептала: „Проклятая кокетка, гнусная сплетница, какъ бы я рада была, чтобъ ты провалилась сквозь землю и съ твоими уродами, дочками! Если бъ не интригантъ, мужъ твой, который умѣлъ сдѣлаться нужнымъ между людьми, какъ плевательная чашка между мебелями, то я бы велѣла швейцару прищелкнуть дверьми твой длинный, набѣленый носъ.“ — „Ma bonne cousine!“ отвѣчала гостья громко: „не повѣрите, какъ я страдала, не видавъ васъ долго, и это даже усиливало мою нервную болѣзнь. Я только тогда спокойна и счастлива, когда съ вами, милая кузина!“ — Мысль гостьи шептала: „Вѣрно она имѣетъ нужду въ моемъ мужѣ, или подцѣпила новаго любовника, что такъ привѣтлива и нѣжна со мною эта гордая и злая баба. Если бъ мнѣ не надобно было вывозить въ свѣтъ дочерей моихъ, на показъ женихамъ, то я бы никогда не завернула къ тебѣ, хотя бъ даже отъ одного моего взгляда зависѣла жизнь твоя.“ Дамы снова начали обниматься и цѣловаться, а Поэтъ дернулъ за кафтанъ своего товарища, и отошелъ въ сторону. Пожилой человѣкъ ничего не говорилъ, только посматривалъ на Поэта и лукаво улыбался. Они подошли къ хозяину, которому пожилой человѣкъ рекомендовалъ Поэта въ са-

мыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ. Хозяинъ дружески пожалъ руку юноши, и сказалъ ему съ видомъ простосердечія: „Я давно слышалъ о васъ, восхищался вашимъ талантомъ и желалъ съ вами познакомиться, ибо я истинный патріотъ и чту отечественныя дарованья. Старый мой пріятель оказалъ мнѣ большую услугу, познакомивъ насъ безъ дальнихъ церемоній. Будьте у меня, какъ дома, какъ у родныхъ. Я во всякое время радъ буду видѣть васъ у себя.“ — Восхищенный Поэтъ собирался благодарить, но вдругъ въ лѣвомъ его ухѣ раздался звукъ мысли хозяина. „Старый мой пріятель имѣетъ страсть вводить въ домъ мой оригиналовъ и разныхъ бродягъ! Но что нужды! Однимъ дуракомъ менѣе или болѣе — не мѣшаетъ! Этотъ Поэтъ можетъ иногда послужить забавой для нужныхъ мнѣ людей, если имъ прійдетъ охота потѣшиться. Эти Поэты, скоморохи чувствительности, иногда весьма забавны, а теперь же нѣтъ ни вантрилоковъ, ни гримасниковъ, для разсѣянія въ длинные вечера!“ — Поэтъ вспыхнулъ отъ негодованія и едва не забылся; но взглядъ товарища удержалъ его, и юноша, поклонясь принужденно, вышелъ одинъ въ другую комнату. — Въ досадѣ, онъ хотѣлъ уйти домой, но наружная прелесть невиданнаго имъ дотолѣ зрѣлища

удержала его. Чтобъ отдохнуть и собраться съ духомъ, онъ вышелъ въ боковую комнату, и сѣлъ возлѣ мраморнаго столика, облокотился и задумался. По другую сторону стола сидѣлъ старикъ, съ почетными знаками на груди. Старикъ погруженъ былъ также въ размышленіе и тихіе звуки его мысли доходили до лѣваго уха Поэта. „Наконецъ послѣ сорокапятилѣтней службы и я попалъ въ золотообрѣзную *колоду*, и теперь самъ *фигура*. Одному изъ сіятельныхъ моихъ подчиненныхъ вздумалось жениться на моей дочери, и вотъ я въ роднѣ съ тѣми, которые, за сорокъ лѣтъ предъ симъ, казались мнѣ созданными не изъ глины, какъ мы грѣшные, но по крайней мѣрѣ изъ фарфора. Суета суетъ и всяческая суета! Глина и фарфоръ та же тлѣнность, и для голоднаго лучше глиняная чаша съ яствою, чѣмъ пустая фарфоровая. Еще бъ была половина бѣды, если бъ фарфоровая чаша была пуста; но когда она наполнена ядомъ или помоями, тогда и глиняная плошка лучше ея! Талантъ, питающій душу мыслящихъ существъ, презрѣнъ потому, что не можетъ упитывать желудковъ праздныхъ обжоръ. Голова, въ которой вмѣщается вселенная, должна склоняться предъ позлащенными истуканами, потому только, что не въ состояніи располагать блистательнымъ угол-

комъ на землѣ, для прыганья и болтанья! Благодарю Тебя, Боже, что Ты, возвысивъ меня изъ праха, не позволилъ лукавому ослѣпить меня пустымъ блескомъ, который, подобно летучему огню, часто заводитъ въ болото заблудшаго странника! Какое право имѣетъ хозяинъ этого празднества на уваженіе свѣта, на милости, снисхожденія? Что заставляетъ его гордиться, презирать талантъ и заслугу? — Онъ имѣетъ великолѣпный домъ, наполненный картинами, бронзою, серебромъ, золотомъ, драгоцѣнными камнями и даже — книгами. Онъ умѣетъ прекрасно распоряжать блистательными балами и прельщаетъ гостей отборными яствами. Но онъ, доживъ до сѣдыхъ волосъ, не пріобрѣлъ трудами даже столько, чтобъ починить одну печь въ домѣ! Онъ не нарисуетъ правильно не только головки, но даже глазика, и судитъ о живописи *чужимъ* толкомъ! Въ этихъ люстрахъ и канделабрахъ, въ пламени восковыхъ свѣчъ, сгараютъ лѣсныя дачи и таетъ наслѣдіе предковъ! Онъ отъ его роду не видалъ въ книгѣ ничего, кромѣ переплета и заглавія! Любовь, дружбу, супружеское счастіе, родительскую и дѣтскую привязанность онъ знаетъ только по слуху изъ Французскихъ комедій и водевилей. Заслуга его — искусный поваръ, умъ —

сотни три вытверженныхъ фразъ, оборачивающихся въ головѣ, какъ въ калейдоскопѣ; душа его бездонная бочка, въ которой ни какое *чувствованіе* не остается, а одни только *ощущенія* осядаютъ по краямъ. Однако жъ есть глупцы, которые его уважаютъ, завидуютъ ему, и даже есть такіе, которые ему покланяются!" — Поэтъ не хотѣлъ слушать долѣе, всталъ и пошелъ въ танцовальную залу.

Въ дверяхъ онъ долженъ былъ остановиться. Онъ увидѣлъ молодыхъ супруговъ, разговаривающихъ нѣжно между собою. Мужъ, прекрасный собою молодой человѣкъ съ порядочнымъ состояніемъ, поставленный судьбою на *видномъ мѣстѣ* въ свѣтѣ, — жена молодая, ловкая, миловидная и богатая до излишества, обращали на себя вниманіе цѣлаго города, и Поэтъ зналъ ихъ съ виду и по слуху. Мужчины и женщины завидовали счастію юной четы, одаренной всѣми благами фортуны. „Не слишкомъ ли много ты танцуешь, милая?" сказалъ мужъ: „я безпокоюсь за твое здоровье!" — „Ахъ, другъ мой!" отвѣчала жена. „Я живу, дышу для одного тебя и отказалась бы отъ всѣхъ удовольствій, если бъ знала, что причиняю тебѣ безпокойство. Но не бойся, я не чувствую ни малѣйшей усталости!" — Мысль мужа

молчала и въ головѣ его раздавалось эхо, какъ въ пустой пещерѣ; но мысль жены проворчала: „Скорѣй бы ты отвязался, несносный теленокъ! Эта глупая физіономія терзаетъ меня! До сихъ поръ глупецъ не догадается, что я вышла замужъ за него только для имени, и что онъ долженъ имѣть притязаніе только на мои деньги, а не на сердце." — Жена сказала громко: „Поди, другъ мой, въ залу, а я хочу освѣжиться." — Мужъ едва отворотился, какъ вдругъ подбѣжалъ къ женѣ молодой вертопрахъ, на лицѣ котораго начертаны были наглость, самохвальство и развратъ — онъ подалъ ей конфеточную обертку и сказалъ громко: „Посмотрите, угадаете ли вы эту шараду?" Поэтъ видѣлъ лѣвымъ глазомъ, что вертопрахъ пожалъ руку молодой дамы, что она отвѣтствовала тѣмъ же, и что на оберткѣ написано было карандашемъ: *пора*. Мысль вертопраха шептала: „эту вѣтреницу надобно также вписать въ мой Донъ-Жуановскій списокъ и отблагодарить мужу за дружбу, угождая волѣ жены." Мысль послѣ сихъ словъ прохохотала. — Дама скрылась во внутреннихъ хозяйскихъ комнатахъ, и вертопрахъ послѣдовалъ за ней. Поэтъ покачалъ головою и сказалъ про себя: а я, дуракъ, завидовалъ мужу!

Въ комнатѣ передъ танцовальной залой чувствительная сцена обратила на себя вниманіе Поэта. Два высшіе чиновника, слывшіе въ свѣтѣ друзьями, Орестомъ и Пиладомъ, разговаривали между собою съ нѣжностью, и пожимали другъ другу руки съ видомъ живѣйшаго участія. — „Дѣла службы разлучаютъ насъ, любезный другъ,“ сказалъ одинъ: „и почетное званіе мнѣ въ тягость, потому что лишаетъ наслажденій дружбы. Я только счастливъ въ мечтахъ, воспоминая то блаженное время, которое мы проводили вмѣстѣ, и утѣшаясь мыслію, что твои достоинства оцѣнены и награждены прилично.“ — „А я счастливъ тѣмъ только, что могу быть тебѣ полезнымъ,“ отвѣчалъ другой. „Ты, можетъ быть, не знаешь, сколько имѣешь завистниковъ и враговъ! Они перетолковываютъ всѣ твои дѣла и даже мысли, и хотятъ погубить тебя клеветою. Я одинъ защищаю тебя.“ — Поэтъ между тѣмъ прислушивался лѣвымъ ухомъ. Мысль перваго говорила: „Гнусный лжецъ! Я знаю, ты опаснѣйшій врагъ мой, потому что, прикрывая свою злобу и зависть дружбою, клевещешь на меня, принимаясь извинять приписываемые мнѣ недостатки. Отъ всего сердца желаю твоей погибели!“ — Мысль втораго проворчала: „Ты

мнѣ опаснѣйшій соперникъ, мой старый пріятель, ибо ты уменъ и съ твердымъ характеромъ. Но я погублю тебя непремѣнно однѣми шуточками на твой счетъ. Довольно ты погордился на своемъ мѣстѣ; пора долой, пріятель!“ — Такъ вотъ дружба, о которой мнѣ разсказывали чудеса! подумалъ Поэтъ, и съ горькою улыбкою перешелъ въ танцовальную залу. — Онъ остановился возлѣ толпы мужчинъ, чтобъ слышать ихъ разговоръ. Всѣ поздравляли жениха и восхищались невѣстою, которая въ это время танцовала Французскую кадриль съ молодымъ офицеромъ. Женихъ былъ красивый мужчина лѣтъ тридцати пяти. Онъ принималъ поздравленія съ улыбкою, и весело посматривалъ на ловкую и прелестную свою невѣсту. „Ты счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, mon cousin,“ сказалъ жениху стоявшій возлѣ него человѣкъ, среднихъ лѣтъ, въ шитомъ кафтанѣ. „Красота, знатность, родство, связи, случай и богатство — все соединено въ твоей невѣстѣ. Но главное: ваша взаимная любовь! Примѣчаешь ли, какъ нетерпѣливо она посматриваетъ на тебя? Кажется, что она считаетъ потерянными тѣ минуты, которыя должна проводить съ другимъ, а не съ тобою. Вотъ истинное счастіе!“

*

— Поэтъ посмотрѣлъ лѣвымъ глазомъ на невѣсту, и увидѣлъ, что она пожимаетъ руку молодаго офицера, своего танцора. Въ это время мысль жениха прошептала: „Глупцы! Они завидуютъ небывальщинѣ! Мой будущій тесть кандидатъ въ банкруты, и держится только своимъ значеніемъ, а я женюсь на этой кокеткѣ только для связей и для возвышенія. Она не стоитъ башмака моей Катюши! Одно утѣшеніе въ этомъ глупомъ бракѣ есть увѣренность, что она оставитъ меня въ покоѣ наслаждаться жизнью, и занимаясь кокетствомъ и нарядами, не будетъ мучить своею ревностью.“ Танцы кончились, и невѣста подошла къ жениху. „Я принесла для васъ жертву, другъ мой,“ сказала она: „но вы должны вознаградить меня за это и не оставлять цѣлый вечеръ.“ Она подала ему руку, которую женихъ поцѣловалъ съ восторгомъ. Мысль невѣсты прошептала: „Ахъ, скорѣй бы дѣло это кончилось свадьбой! Тогда я буду свободна, и могу наградить за любовь моего милаго Марса! Этотъ будущій мужене̇къ несносенъ! Холоденъ какъ ледъ, занятъ собою, эгоистъ и годится только *на вывѣску мужа*.“ — Поэтъ не могъ удержаться отъ смѣха, вспомнивъ, что онъ слышалъ объ этомъ бракѣ, и сколько было завистниковъ счастью будущихъ

супруговъ! — „Ну, что, любезнѣйшій,“ сказалъ одинъ молодой человѣкъ своему товарищу: „какъ идутъ твои дѣла? Ты хотѣлъ ѣхать въ Парижъ, и кажется, что если кто можетъ насладиться вполнѣ жизнью, такъ это — ты! Богатъ, одинъ сынъ у отца, который любитъ тебя безъ памяти; тебѣ недостаетъ ничего къ полному счастью.“ — Въ это время отецъ, почтенный старикъ, подошелъ къ юношѣ и сказалъ ласково: „Что жъ ты не веселишься? Я нарочно бросилъ карты, чтобъ посмотрѣть на твои танцы, а ты сидишь въ углу, угрюмъ и скученъ. Пожалуйста, развеселись! Твоя радость составляетъ счастье послѣднихъ дней моей жизни.“ — Сынъ не отвѣчалъ ничего, но мысль его прошептала: „Несносная, мучительная нѣжность! Какая мнѣ польза отъ твоей привязанности, добрый старикъ? Она тягостна мнѣ, какъ оковы, въ которыхъ ты держишь меня при себѣ, заставляя жить по твоей, а не по моей волѣ. Стараніе твое о повышеніи моемъ въ чинахъ есть удовлетвореніе твоего собственнаго честолюбія, и для того-то ты не пускаешь меня въ чужіе края! Лучше бъ было, если бъ ты поменѣе нѣжился, а давалъ поболѣе денегъ и свободы.“ — Поэтъ съ негодованіемъ удалился отъ неблагодарнаго, котораго однако жъ по-

ставляли въ свѣтѣ въ примѣръ дѣтямъ, какъ нѣжнаго, послушнаго и почтительнаго сына. — „Изъ этого шалуна ничего не будетъ,“ думалъ отецъ: „если я не потороплюсь женить его на какой нибудь умной женщинѣ, которая, льстя его самолюбію, умѣла бы возбудить въ немъ страсть къ почестямъ. Онъ только и помышляетъ объ удовольствіяхъ, а я долженъ платить долги его! Проклятый повѣса! если бъ я не надѣялся, что онъ поддержитъ упадающее мое значеніе, я бы выгналъ его изъ дому и отдалъ все имѣнье моимъ милымъ *воспитанницамъ*, которыхъ онъ ненавидитъ, подозрѣвая близкое свое родство съ ними!“ — — „Довольно этого!“ воскликнулъ Поэтъ. „Все попрано, все презрѣно, любовь, дружба, супружество, родство! Прочь отсюда, прочь!“ — Съ сими словами онъ выбѣжалъ на лѣстницу, и пока ожидалъ лакея, который пошелъ къ каретѣ за шинелью, тихій разговоръ въ темномъ углу сѣней поразилъ его слухъ. „Сегодняшній балъ дополнилъ мой капиталецъ,“ сказалъ дворецкій пригожей дѣвушкѣ: „Я опасаюсь оставаться долѣе въ этомъ домѣ, потому, что банкрутство барина весьма близко. И такъ, милая Маша, не упрямься и дай руку! Чрезъ мѣсяцъ ты будешь моей женой!“ — „Тише, тише, я боюсь, чтобъ

насъ не подслушали, и не донесли барину,“ отвѣчала горничная: „Ты знаешь, какъ онъ ревнивъ! Но я тебѣ совѣтую подождать съ полгода, пока привезутъ оброкъ изъ деревень. Баринъ обѣщалъ мнѣ десять тысячъ рублей, и даже далъ росписку, а барыня также у меня въ должку за доставку записочекъ Мусье Грандбету.“ — „Вотъ и вѣрные слуги!“ подумалъ Поэтъ: „только этого не доставало.“ — Лакей принесъ шинель, и Поэтъ хотѣлъ идти домой, не дожидаясь своего театральнаго знакомца; но вышедъ за двери, онъ увидѣлъ, что карета у подъѣзда, и знакомецъ сидитъ уже въ ней и ждетъ его. „Садитесь!“ сказалъ пожилой человѣкъ. Поэтъ сѣлъ, и карета покатилась по мостовой. — „Ну, что вы теперь скажете?“ спросилъ пожилой человѣкъ: „правъ ли Бомарше?“ Поэтъ, вмѣсто отвѣта, ахнулъ и задумался. — „Вы поторопились оставить общество,“ сказалъ пожилой человѣкъ: „и не видали и не слыхали сотой доли....“ — „Довольно! съ меня довольно!“ возразилъ Поэтъ. „Но вы дали мнѣ слово объявить, кто вы таковы. Не мучьте меня, ради Бога! Я непремѣнно хочу знать!“ — „Вы тотчасъ узнаете это,“ отвѣчалъ пожилой человѣкъ, улыбаясь: „Я вамъ сказалъ, что я *старый вашъ знакомецъ*. Вы читали Гете?“ — „Я знаю его наизустъ!„

— „Помните ли Фауста?“ — „Какъ не помнить: это лучшее пiитическое произведенiе нашего вѣка.“ — „И такъ знайте,“ примолвилъ пожилой человѣкъ: „что я — Мефистофелесъ — а по-Русски: *Чортъ*!“ — „Вы Мефистоф.....“ Но Поэтъ не успѣлъ кончить, и очарованье уже исчезло. Онъ очутился въ своей комнаткѣ, на софѣ, погруженный въ думу. Свѣчка догорала: било 12 часовъ ночи. Поэтъ не могъ вспомнить, спалъ ли онъ или мечталъ, и не зналъ, чему приписать видѣнное имъ, сновидѣнiю ли, или просто вымыслу, произведенiю согрѣтаго воображенiя. Пришедъ въ себя, онъ подумалъ: „О, нѣтъ, это сонъ, а не существенность! Люди такъ добры, а большой свѣтъ есть средоточiе всѣхъ добродѣтелей и всѣхъ достоинствъ. Эти мечтанiя въ головѣ моей — не что иное, какъ наитiе злаго духа, Мефистофеля. Съ нами крестная сила!“ Поэтъ бросился на постель и заснулъ спокойно, не страшась ни воровъ, ни кредиторовъ, потому, что не имѣлъ ни денегъ, ни кредита.

Ѳ. Б.

II.

ТЕХНОЛОГIЯ.

О воздѣлыванiи льна и пеньки во Францiи.

(Окончанiе.)

Жатва. Съемъ льна производится пригоршнями, съ отдѣленiемъ по мѣрѣ того всякой дурной травы, которая можетъ притомъ попадаться; всю землю съ корня тщательно отряхиваютъ, и потомъ связываютъ ленъ пуками. Лучше всего разстилать его по землѣ и оставлять на два или на три дня сохнуть, прежде нежели станутъ его вязать. Когда онъ связанъ въ пучки около фута или 15 дюймовъ въ окружности, тогда его кладутъ стѣною, накладывая связки однѣ на другiя, и наблюдая тщательно, чтобы сѣмена выходили наружу по обѣимъ сторонамъ сей стѣны. Въ такомъ положенiи оставляютъ его на болѣе или менѣе продолжительное время, прежде нежели вынутъ сѣмена. Нѣкоторые земледѣльцы приступаютъ къ сей операцiи тотчасъ послѣ жатвы.

О сѣмянахъ. Сѣмена изо льна извлекаютъ нѣкотораго рода гребнемъ съ желѣзными зубьями, длиною въ одинъ футъ. Сiи гребни имѣютъ два или три ряда такихъ зубьевъ, и

утверждаются на толстой доскѣ, которую переносятъ, куда хотятъ. Работникъ беретъ связку у корня, и ударяетъ маковицею по гребню, оттаскивая въ то же время связку; зерна, не въ состояніи будучи проходить между зубьями гребня, высыпаются у доски: сіе дѣйствіе повторяется до тѣхъ поръ, пока не извлекутъ всѣхъ сѣмянъ. Обыкновенно содержатъ въ чистотѣ землю, на которую сыплются сѣмена; но гораздо лучше разстилать подъ доску толстую холстину. Когда сѣмена такимъ образомъ отдѣлены отъ стеблей, то ихъ разсыпаютъ по сукну на солнцѣ для сушки; потомъ бьютъ ихъ и пропускаютъ между жерновами, которые совершенно очищаютъ ихъ.

Съемъ льняныхъ сѣмянъ значительно измѣняется въ количествѣ; иногда снимаютъ вдвое противъ посѣва, иногда въ шестеро, но обыкновенное полученіе бываетъ въ четверо болѣе.

Гноеніе. Гноеніе есть такое производство, посредствомъ коего клейкія и смолистыя части, коими соединяются волокнистыя и древесныя части, приходятъ въ броженіе, разлагаются и увлекаютъ красящую часть льна. Сего никакъ нельзя достигнуть механическимъ способомъ; это чисто химическое производство, которое весьма трудно упростить и сдѣлать менѣе вреднымъ для здоровья.

Можно гноить двумя способами: на полѣ или въ водѣ (*). Первый состоитъ въ томъ, чтобы разстилать по низкой травѣ весь ленъ, который хотятъ перегноить. Его настилаютъ тонкими слоями такъ, чтобы роса и солнце могли удобно проникать его. Въ этомъ случаѣ должно стараться о томъ только, чтобы держать его въ прямомъ положеніи, расправлять, если вѣтеръ перешевелитъ его, и переворотить три или четыре раза въ продолженіе гноенія, что весьма удобно дѣлается посредствомъ двухъ палочекъ въ 5 и въ 6 футовъ длины: одну изъ нихъ подпустятъ внизъ, другою поддержатъ сверху, и такимъ образомъ переворотятъ ленъ.

Гноеніе на лугу продолжается мѣсяцъ или шесть недѣль; ленъ признается хорошо перегноеннымъ, если кострика свободно отдѣляется отъ твердой части сверху стебля. Въ семъ-то мѣстѣ она болѣе всего соединена.

Гноеніе въ водѣ производится или въ проточной, или въ стоячей водѣ. Вода, которая можетъ перемѣняться, не имѣя слиш-

(*) Въ случаѣ удобства, сей способъ должно всякій разъ предпочитать.

комъ быстраго теченія, болѣе всего годна для сего; не препятствуя броженію, она увлекаетъ смолистыя и клейкія части по мѣрѣ разложенія оныхъ, равно какъ и красящее вещество. Въ такой водѣ ленъ отмачивается въ прекрасный желтоватый цвѣтъ, который даетъ ему высокую цѣну. Тотъ, который мочится въ стоячей водѣ, бываетъ болѣе сѣроватаго цвѣта, менѣе ровнаго; но между тѣмъ его находятъ болѣе гибкимъ, что заставляетъ многихъ земледѣльцевъ предпочитать сей способъ гноенія.

Но производятъ ли гноеніе въ проточной или въ стоячей водѣ, ленъ кладется въ оной одинакимъ образомъ. Берутъ вмѣстѣ нѣсколько прутьевъ, изъ коихъ дѣлаютъ рѣшетникъ съ самыми большими просвѣтами, соотвѣтственной величины съ количествомъ льна, которое хотятъ гноить. Сей рѣшетникъ опускаютъ въ воду въ томъ мѣстѣ, которое для сего выбрали; на немъ накладываютъ ленъ, связку на связку, и дѣлаютъ такимъ образомъ груду въ 2 фута толщиною на произвольной длинѣ. Когда ленъ такимъ образомъ наложится, то на него накладываютъ что нибудь тяжелое такъ, чтобы онъ совершенно погрузился. Ленъ остается въ водѣ болѣе или менѣе продолжительное время, сообразно съ тепло-

тою воздуха и съ тѣмъ, много или мало былъ онъ высушенъ, когда клали его въ воду. Совершенное перегноеніе его узнается по тому, если кострика отдѣляется съ конца стебля точно такъ, какъ во льнѣ, гноимомъ на полѣ.

Надобно очень часто смотрѣть за льномъ во время гноенія, пробовать ряды наиболѣе погруженные въ воду, и тѣ, кои менѣе опущены, дабы захватить тотъ моментъ, когда гноеніе окончано. Нѣсколько лишнихъ часовъ размягчаютъ кострику, тогда волокна теряютъ и въ качествѣ и въ количествѣ.

Ленъ вынимаютъ изъ гноильни такимъ образомъ, что прежде всего снимаютъ все то, что наложено было сверху; за симъ берутъ связку за связкой, осторожно вымываютъ, чтобы не смѣшать ихъ, и потомъ переносятъ на лугъ, гдѣ разстилаютъ для просушки, такимъ же образомъ, какъ для гноенія на росѣ. Если онъ не былъ совершенно перегноенъ, то его можно оставлять на нѣсколько дней на лугу, и переворачивать тамъ отъ времени до времени.

Если ленъ совершенно сухъ и достаточно перегноенъ, то его складываютъ въ большія связки и относятъ подъ навѣсъ или въ другое крытое мѣсто для сохраненія до времени, когда станутъ оный трепать. Въ семъ случаѣ должно стараться о томъ одномъ,

чтобы предохранить его отъ сырости, крысъ и мышей, которыя перегрызаютъ его для того, чтобы отрывать себѣ ходъ и отыскивать оставшіяся зерна.

Мятіе. Мятіе льна разсматривается всегда какъ земледѣльческое производство, потому, что оно исполняется всегда земледѣльцами: оно состоитъ въ отдѣленіи частей волокнистыхъ отъ частей древесныхъ. Для сего употребляютъ обыкновенное трепало: это производство дѣлается точно такъ, какъ и съ пенькою, и оно такъ извѣстно, что повторять его здѣсь не нужно.

Въ Голландіи, для мятія льна употребляютъ особый инструментъ, называемый эспадонъ. Это хорошій способъ, и во Франціи онъ мало извѣстенъ.

Машина состоитъ изъ двухъ частей: первая есть доска, утвержденная вертикально въ крѣпкой ногѣ, способной держать ее въ прямомъ положеніи: эта доска имѣетъ въ толщину 2 дюйма и въ вышину 4 фута; въ разстояніи около трехъ футовъ, въ ней провернута круглая дира и изъ нее выемка, съ закругленными краями; доска должна быть плотная и изъ крѣпкаго лѣса.

Другая часть состоитъ изъ эспадона, который есть родъ сабли особеннаго вида, сдѣланный изъ легкаго лѣсу, очень сухаго и гладкаго.

Работникъ садится противъ доски, ставитъ ноги на подпорку, и крѣпко прихватываетъ доску между колѣнъ съ противной стороны выемки: тогда онъ беретъ въ лѣвую руку связку льна, пропускаетъ ее чрезъ выемку въ дыру, и саблею, которую держитъ въ правой рукѣ, бьетъ по льну такъ, какъ бы хотѣлъ пересѣчь его по плоскости доски. Повторяемые удары саблею, при безпрерывномъ подвиганіи и отодвиганіи льна, перебиваютъ древесную часть, а кострика отдѣляется и падаетъ къ подножію доски: это производство не столь поспѣшно, какъ при обыкновенныхъ мяльцахъ, но при немъ ленъ болѣе сберегается, выходитъ тоньше и мягче.

Трепаніе льна можетъ быть производимо посредствомъ механическихъ мялицъ, устройству коихъ дѣланы были многія описанія; но сіе производство далеко не доходитъ до совершенства, доставляемаго двумя другими способами, и не приноситъ ни какой выгоды. Откупщики фермъ мнутъ ленъ и пеньку такъ, что сіе не стоитъ имъ никакихъ издержекъ, слѣдующимъ образомъ.

Чтобы кострика удобнѣе отдѣлялась, ленъ сушатъ въ печи, когда вынутъ изъ

нее хлѣбъ; печь сію наполняютъ льняными снопами, закрываютъ и въ этомъ положеніи оставляютъ до вечера; тогда рабочіе идутъ въ пекарню, и треплютъ ленъ, который былъ въ печи. Число работниковъ соразмѣряется съ величиною печи, такъ, чтобы операція продолжалась не болѣе двухъ часовъ. Когда все смято, тогда печь снова топятъ кострикою, за тѣмъ выгребаютъ огонь, и снова насаживаютъ печь льняными снопами, которыя остаются тамъ до слѣдующаго утра. Съ четырехъ часовъ утра, рабочіе снова приходятъ въ пекарню, и треплютъ насадку до разсвѣта, а тамъ опять отапливаютъ печь и наполняютъ оную новымъ запасомъ льна, который остается тамъ до вечера. Съ наступленіемъ дня, рабочіе, окончивъ трепаніе, принимаются, по обыкновенію, за полевыя работы. Люди, которые не въ силахъ трепать, и дѣти вынимаютъ изъ печи снопы и подаютъ ихъ трепальщикамъ, отъ которыхъ принимаютъ измятый ленъ, складывая его на козлы и связывая въ пуки. Сія работа, какъ видно, производится у Французскихъ земледѣльцевъ прежде всхода и послѣ заката солнца, въ такое время, которое пропадало бы безъ пользы. При семъ требуется весьма немного освѣщенія, когда бываетъ темно. Тѣ изъ Французскихъ земледѣль-

цевъ, которые имѣютъ большой запасъ льну, и кои сами не могутъ трепать его, отдаютъ пятнадцатый фунтъ рабочимъ, которые производятъ трепаніе по найму и получаютъ плату натурою.

Такимъ образомъ мызнику не нужно дѣлать ни перемѣщеній, ни перевозовъ, ни издержекъ.

Механическія трепальни еще не достаточно усовершенствованы для того, чтобы доставлять сіи выгоды.

Ленъ, перегноенный и измятый, прежде нежели подвергнется пряденію, долженъ пройти одну особенную операцію, называемую оправкою, расческою и мыканьемъ. Сіе производство составляетъ предметъ особаго занятія; мызникъ можетъ продать свою жатву прежде сей работы. Мятый ленъ разсматривается вообще какъ произведеніе, выходящее изъ области земледѣлія для того, чтобы вступить въ область мануфактуръ; изслѣдуемъ относительно сего мнѣніе, внушаемое намъ продолжительнымъ опытомъ, пріобрѣтеннымъ въ работѣ надо льномъ и пенькою.

Общество Поощренія и Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ дознали, какую выгоду пріобрѣтутъ фабрики полотенъ и швейныхъ нитокъ отъ хозяйственной расчески, механически усовершенствованной; зрѣлыя раз-

сужденія заставляютъ насъ раздѣлить сіе мнѣніе, хотя мы и не надѣемся, чтобы наша промышленость достигла сей цѣли.

Для льна и пеньки не нужно единственно то, чтобы ихъ расчесывали, какъ бумагу; надобно, чтобы въ нихъ раздѣляли кострику на части тонкія и мелкія, и дѣлали волокна, которыя въ хлопчатой бумагѣ образованы сами собою. Сіе производство требуетъ величайшей осторожности: движеніе руки и льна на гребнѣ или на щеткѣ должно производиться благоразумно, что зависитъ отъ работника; иногда онъ поднимаетъ связку на верхъ гребня, расправляетъ и раздѣляетъ оную; иногда пропускаетъ ее со скоростію. Механическое устройство, коего дѣйствіе было бы единообразно для большаго числа связокъ, пропускало бы однѣ изъ нихъ очень скоро — другія очень медленно. Конечно, этимъ способомъ могла бы быть приготовлена прекрасная кудель, но количество льна выходило бы гораздо меньше, нежели какое получается отъ расчески руками.

Для того, чтобы машина для расчески льна и пеньки была полезна, нужно, чтобы она доставляла экономію и усовершенствованіе въ сравненіи съ настоящими производствами.

Нельзя не согласиться, чтобы при пол-

номъ успѣхѣ сія машина не лишала занятія большое число рабочихъ, кои занимаются исключительнымъ приготовленіемъ льна и пеньки.

Что касается до вреда сего ремесла для здоровья, то оному подвергаются одни люди, имѣющіе слабыя легкія; на Французскихъ фабрикахъ умираетъ пропорціонально не болѣе оправщиковъ, какъ и ткачей; и есть множество людей, которые занимаются симъ ремесломъ лѣтъ по сороку и болѣе.

Описавъ въ подробности способъ воздѣлыванія Лифляндскаго льна и обработки онаго, мы представимъ сравнительное состояніе произведенія льна тyземнаго и льна Рижскаго.

Земледѣльческая мѣра въ Сартскомъ Департаментѣ есть дневникъ или $\frac{2}{5}$ арпана.

Сіе пространство, засѣянное льномъ, производитъ 400 фунтовъ сѣмени, кои стоятъ по 30 франковъ за сто	120 фр.
500 фунтовъ мычекъ или трепанаго льна, стоятъ 12 су фунтъ, или 60 франковъ сотня	300 —
И того, дневникъ тyземнаго льна стоитъ . . .	420 —
Дневникъ Рижскаго льна производитъ: 400 фунтовъ сѣмянъ, по 40 франковъ каждое сто	160 —

700 фунтовъ мычекъ, или мятаго льна, по 85 франковъ за сто . . 595 фр.

И того, дневникъ Лифляндскаго льна стоитъ . 755 —

Полагая, что излишекъ работъ, коихъ требуетъ сей ленъ сравнительно со льномъ Французскимъ, и излишекъ въ покупкѣ сѣмянъ, кои гораздо дороже, обойдется . . 55 —

Въ остаткѣ будетъ 700 —

А какъ ленъ Французскій не даетъ болѣе . . . . 420 —

то разность въ пользу Лифляндскаго льна будетъ состоять въ . . . . . 280 —

Т. е. въ два съ половиною раза болѣе жатвы льна Французскаго: эта выгода получается во всѣ обыкновенные годы.

Вотъ явный барышъ земледѣльца; но выгода фабриканта и вообще всей Франціи не можетъ быть столь строго разсчитываема: она весьма значительна въ торговомъ балансѣ.

Распространеніемъ льна и пеньки мы можемъ избавиться отъ милліоновъ, кои платимъ нынѣ за ввозимыя къ намъ иностранныя полотна.

Независимо отъ столь важныхъ послѣд-

ствій, обработка льна и пеньки представляетъ предъ прочими производствами ту выгоду, что она занимаетъ большое число рукъ въ продолженіе цѣлаго года.

Въ Августѣ или въ *Сентябрѣ* дѣлаютъ первую запашку; въ *Октябрѣ* и *Ноябрѣ* навозятъ и пашутъ снова; въ *Мартѣ*, кладутъ фламандское удобреніе и дѣлаютъ окончательную вспашку; въ *Апрѣлѣ* — производится посѣвъ, боронованіе, покрытіе прутьями; въ *Маѣ* — полонье; въ *Іюнѣ* — полонье и установка тычинокъ; въ *Августѣ* — съемъ; въ *Сентябрѣ* и *Октябрѣ* — гноеніе, въ продолженіе всей зимы трепаніе и чесаніе.

Опыты, произведенные земледѣльцами съ 1814 года, доказываютъ, что во Франціи можно возращать точно такой ленъ, какой получается въ Голландіи. Очень желательно, чтобы Рижскія сѣмена употреблялись для посѣву и распространились по всей Франціи. Мы поставимъ себѣ обязанностію добывать добротныя сѣмяна для земледѣльцевъ, которые пожелаютъ заняться симъ земледѣліемъ.

Мы почитаемъ кстати упомянуть здѣсь для Общества Поощренія о нѣкоторыхъ жителяхъ Руэссъ-Васскаго прихода, гдѣ были дѣланы первые опыты оклимачиванія. Они суть: Гг. Карлъ Тушардъ, Меръ, Г. Ламотъ,

Л. Ламотъ, Піардъ, Ж. Ледюкъ, Л. Пуарьеръ, Рене Гелуа.

Многіе увѣряли, что они одною жатвою въ урожайный годъ оплатили наемъ земли, на которой производили посѣвъ. Тѣ же земледѣльцы прядутъ и ткутъ у себя свой ленъ, и такимъ образомъ употребляютъ свою жатву. Нынѣ замѣчаютъ у нихъ величайшую дѣятельность и самое приличное довольство, тогда какъ за двадцать лѣтъ предъ симъ, многіе изъ нихъ очень бѣдствовали.

Изложивъ великія выгоды, кои можетъ извлекать Французская промышленость и торговля отъ обработки льна, и изъяснивъ всѣ подробности сего земледѣлія, мы предоставимъ усердію соотечественниковъ то желаніе, которое уже давно питаемъ относительно поощренія столь важнаго предмета, желаніе, состоящее въ томъ, чтобы были предложены нѣкоторыя награды воздѣлывателямъ льна и пеньки, равнымъ образомъ пряхамъ и ткачамъ, кои, по общему признанію, окажутъ въ годъ болѣе успѣховъ. Общества Земледѣлія, существующія почти во всѣхъ Французскихъ департаментахъ, могли бы быть цѣнителями при сихъ ежегодныхъ раздачахъ.

Послѣдствіемъ таковой мѣры было бы возбужденіе величайшаго соревнованія для

разработки столь изобильнаго источника народнаго богатства и благосостоянія, ободреніе земледѣлія и промышлености къ поддержанію соревнованія съ иностранными полотнами, которыя гораздо дешевле Французскихъ, не взирая на ввозную пошлину, которою они обложены.

Наконецъ, упомянемъ о лучшихъ способахъ мануфактурной промышлености, которые употребляются или могутъ быть употребляемы сельскими жителями. Изъ нихъ нѣтъ столь выгоднаго для трудолюбиваго и понятливаго земледѣльца, какъ издѣліе полотенъ; мы имѣемъ предъ глазами доказательство тому въ приходахъ Фрелайскомъ, Эвронскомъ, Силлесскомъ и Руэссъ-Васскомъ, гдѣ всѣ почти земледѣльцы занимаются ткацкимъ производствомъ.

Первоначальные расходы весьма умѣренны для земледѣльца, который пожелаетъ заняться сею фабрикаціею: ткацкій станъ стоитъ отъ 30 до 36 франковъ; остальныя орудія, необходимыя для приготовленія пряжи, обойдутся почти въ то же. Мало есть фабрикъ, которыя можно бы устроивать такъ дешево, и нѣтъ такихъ, съ коихъ сбытъ былъ бы столь вѣренъ. Огромныя количества полотенъ, которыя мы получаемъ изъ-за границы, служатъ тому доказательствомъ. Производ-

ства сей фабрикаціи до крайности просты и вообще извѣстны: во Франціи нѣтъ той деревни, въ которой не было бы ткачей.

Вотъ краткое изображеніе выгодъ, представляемыхъ полотнянымъ производствомъ для земледѣлія, промышлености и торговли Франціи:

Для земледѣлія, занятіе большаго числа рукъ; работа для людей всякаго возраста и пола, коей можно предаваться въ такое время, которое проходило бы безполезно, и притомъ такая работа, за которую можно приниматься или оставлять оную на нѣсколько часовъ и даже на нѣсколько дней, и полотно не выйдетъ отъ того хуже.

Для промышлености, фабрикація совершенно дробная, въ коей вся работа производится руками, и на которую можно употреблять дурное время года, какъ дѣлаютъ сіе сельскіе жители.

Для торговли, освобожденіе отъ подати, которую платитъ Франція Голландіи, Германіи, Бельгіи, за полотна, ежегодно оттуда привозимыя; распространеніе по нашимъ селеніямъ огромныхъ капиталовъ, кои мы вывозимъ за границу, и которые обогащаютъ Бельгійскихъ земледѣльцевъ.

III.

МЕДИЦИНА.

О книгѣ:

Mittheilungen über die Cholera — Epidemie zu St. Petersburg im Sommer 1831. *Zweiter Theil.* (*Извѣстія объ эпидеміи Холеры въ С. Петербургѣ въ продолженіе лѣта* 1831 *года.* Часть вторая (*).

Статья X.

Beitrag zur Geschichte und Behandlung der morgenländischen Brechruhr nach Beobachtungen während der Epidemie des Sommers 1831 in St. Petersburg. Vom Dr. Seidlitz, Medicinal — Inspektor des Ports und Oberarzt des Seehospitals. (*Прибавленіе къ Исторіи Восточной Холеры въ слѣдствіе наблюденій во время эпидеміи лѣтомъ* 1831 *года въ С. Петербургѣ. Сочиненіе Доктора Зейдлица, Медицинскаго Инспектора Порта и Главнаго Доктора Морскаго Госпиталя.* Стр. 1 — 165.

Русскій переводъ сей статьи посвящается почтенному ея Автору.

Докторъ Зейдлицъ, разсматривая явленія

(*) Первыя девять статей сего разбора напечатаны въ Сѣверной Пчелѣ; сію же статью помѣщаемъ въ С. О. по причинѣ обширности ея. *Изд.*

холеры вовсе съ другой точки зрѣнія, нежели иные врачи (стр. 3.), описываетъ: І-е болѣзненныя состоянія до и во время эпидеміи; ІІ-е явленія болѣзни и собственный способъ леченія, и ІІІ-е, изъ фактовъ выводитъ (стр. 4) заключенія относительно Патогеніи и Терапіи Восточной Холеры. Больные къ Г. С. поступали изъ матрозовъ, коихъ число, съ женами и дѣтьми, въ здѣшнемъ портѣ простирается до 14.736 человѣкъ. Сіи люди, живущіе въ девяти разныхъ казармахъ, находящихся въ различныхъ частяхъ города, не перемѣняли образа жизни во время холеры, и со стоическою твердостію переносили эпидемію. Работы ихъ продолжались, сообщеніе между ними не прерывалось, казармы были провѣтриваемы и опрыскиваемы растворомъ (стр. 7) хлориновой извести. Такимъ образомъ и въ Морскомъ госпиталѣ не было сдѣлано никакой перемѣны въ пищѣ, кромѣ того, что не давали холоднаго квасу; два деревянные корпуса, отстоящіе въ 700 шагахъ отъ главнаго строенія госпиталя и въ 300 отъ лѣтнихъ деревянныхъ палатъ, были совершенно уединены. Фельдшера и служители въ сихъ корпусахъ были заперты, и въ день получали, кромѣ госпитальной порціи, еще 3 — 6 унцій (около стакана) водки. Главный Докторъ (Авторъ) и его помощ-

никъ ходили ко всѣмъ больнымъ. Изъ числа 9 фельдшеровъ и 40 служителей, также изъ могильщиковъ, прачекъ и проч. ни одинъ не заболѣлъ холерою. Изъ 28 Врачей, находившихся (стр. 8) подъ инспекціею Г. З., одинъ (Бахтуровъ) на Охтѣ палъ жертвою своего рвенія, а изъ 80 фельдшеровъ умеръ одинъ, отъ того, что, поѣвши горкчаго свѣжеиспеченаго хлѣба съ масломъ, онъ напился квасу. Г. З. удовлетворительно описываетъ житье-бытье матрозовъ (стр. 9, 10.)

I. *Эпидемическія болѣзненныя состоянія (constitutio morborum epidemica) прежде и во время холеры.* Разсматривая явленія внѣшняго міра (стр. 11), какъ слѣдствія непремѣнныхъ вѣчныхъ законовъ природы, нельзя, для объясненія удивительнаго распространенія холеры, довольствоваться однимъ увѣреніемъ въ существованіи заразы. Холера слѣдовала (стр. 12) общимъ законамъ эпидемическихъ болѣзненныхъ состояній, и не закралась къ намъ ночью, подобно вору.

Явленіе Восточной холеры въ Астрахани 1823 года казалось столь невѣроятнымъ, что требуется доказательство, точно ли тамошняя 28 дневная эпидемія была холера. Annesley въ своемъ сочиненіи замѣчаетъ, что въ странахъ, гдѣ обыкновенно свирѣп-

ствуютъ перемежающіяся лихорадки, могутъ быть причины къ развитію холеры. Обыкновенная спорадическая холера находится въ извѣстномъ отношеніи съ перемежающимися лихорадками, наприм: въ Мореѣ, Архипелагѣ и во Ѳракіи оная появляется въ жары послѣ 2 или 3 мѣсячнаго продолженія злокачественныхъ (стр. 13) перемежающихся лихорадокъ. Изъ 10 лѣтнихъ наблюденій Г. Доктора Блюма явствуетъ, что у насъ перемежающіяся лихорадки господствовали съ поносами и рвотою попеременно, но весьма рѣдко вмѣстѣ. Въ городѣ Астрахани наиболѣе могла развиться холера, поелику тамъ наиболѣе свирѣпствуютъ перемежающіяся лихорадки; но вовсе иное бываетъ въ прочихъ странахъ Европы. Перемѣна, условливающая появленіе эпидемическихъ перемежающихся лихорадокъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ благопріятствующая развитію причины всемірной нашей заразы, не настала еще 1823 года, но лишь 1825 и 1826 года она сдѣлалась извѣстною во всей Европѣ: перемежающіяся лихорадки эпидемически распространились въ нашей части свѣта (въ Европѣ), такъ что сему нѣтъ примѣра въ Исторіи Медицины. Авторъ (стр. 14.) испыталъ сіе 1827 года, въ бытность свою во Франціи и Женевѣ, гдѣ эпидемически появилась перемежающаяся лихорадка. Хотя трудно объяснить причину сего, но фактовъ нельзя оспоривать. По 1826 годъ, въ Морскомъ госпиталѣ очень рѣдко встрѣчались перемежающіяся лихорадки, но теперь оныя не переводятся весною и лѣтомъ. И такъ, если перемежающіяся въ Индіи лихорадки имѣютъ отношеніе къ холерѣ, то справедливо можно думать, что всеобщее распространеніе оныхъ въ Европѣ очень важно относительно послѣдовавшей за оными холеры, тѣмъ болѣе, что многіе наблюдатели увѣряютъ, что во многихъ странахъ Россіи, какъ и у насъ (въ С. Петербургѣ), перемежающіяся лихорадки перестали (стр. 15) до и во время появленія холеры, а по минованіи ея, опять появились. Новѣйшій опытъ, осенью 1830 года, еще болѣе познакомилъ насъ съ признаками приближающейся болѣзни. Холерная эпидемія, сосредоточившаяся въ Москвѣ 1830 года, явно чувствовалась въ Санктпетербургѣ; множайшія болѣзни утихли, точно какъ случилось нынѣ 1831 года во время эпидеміи. Число больныхъ въ С. Петербургскомъ Морскомъ госпиталѣ, въ Апрѣлѣ и Маѣ 1830 простиравшееся до 700, къ концу Сентября, когда въ Москвѣ открылась холера, уменьшилось до 190, чему нѣтъ примѣра со времени существованія госпиталя! То же было во

всемъ Портѣ: въ Маѣ состояло больныхъ слишкомъ 850, а къ концу Сентября 350. Притомъ доброкачественность болѣзненнаго состоянія въ С. Петербургѣ въ продолженіе сего времени была удивительная — явленіе, повторившееся въ семъ (1831) году предъ открытіемъ холеры. Въ 1830 году отъ 4 по 25 число Сентября, въ Морской госпиталь поступили 220 новыхъ больныхъ, изъ коихъ умеръ только одинъ послѣ трехъ недѣль (стр. 19) и еще четверо послѣ 2, 3, 4, и 6 мѣсяцевъ; 1831 года отъ 30 Мая по 9 Іюня прибыли въ госпиталь 98 больныхъ, изъ коихъ умеръ только одинъ отъ хронической болѣзни, спустя два мѣсяца. Когда холера въ Москвѣ стала утихать, то смертность въ С. Петербургѣ начала увеличиваться. Любопытно сравненіе смертности въ теченіе 7 дней въ послѣднемъ мѣсяцѣ 1830 года, представленное въ таблицѣ:

Въ Москвѣ умирало изо 100:	38	31,3	31	19	25	35	59	53	55
Въ С.П.бургѣ умирало изо 100:	3,6	4,8	5	5,3	5	3,4	1,6	5,3	2,6

Изъ сего видно, какъ уменьшалась смертность въ С. Петербургѣ, по мѣрѣ увеличенія оной въ Москвѣ (стр. 17).

То же самое было въ С. Петербургѣ; пока холера похищала множество жертвъ, то изъ больныхъ другими болѣзнями умирали

лишь нѣкоторые; когда же холера стала уменьшаться, то смертность больныхъ другими болѣзнями увеличилась. Извѣстно, что во время свирѣпствованія гдѣ либо эпидеміи бываетъ менѣе больныхъ другими болѣзнями, и изъ нихъ менѣе умираетъ, хотя эпидемія зависѣла бы отъ заразы, но попремѣнное содержаніе смертельности въ Москвѣ и въ С. Петербургѣ можно ли объяснять заразительностію? Гораздо понятнѣе факты, подтверждаемые всѣми врачами, что у насъ (въ С. Петербургѣ) осенью 1830 года состояніе болѣзни, подобное холерѣ, было чрезвычайно обще, потомъ уменьшилось оное, и весною сего (1831) года появилось снова. Сей приливъ и отливъ состоянія болѣзни, похожаго на холеру, много разъ казавшій какъ будто совершенно образовавшуюся холерную эпидемію, Авторъ въ кругу дѣйствія своего замѣчалъ наичаще, и потому сообщаетъ (стр. 18.) краткій обзоръ состоянія болѣзни, предуготовившаго холеру. Состояніе болѣзни гастрическое (constitutio morbi gastrica), продолжавшееся (стр. 18) почти цѣлую осень 1830, при наступленіи стужи въ Ноябрѣ и Декабрѣ, перешло въ воспалительное. Воспаленія поражали наиболѣе органы грудные; въ крови, выпущенной изъ вены, образовалась пленка волокнисто-студенистая. Около по-

ловины Января 1831, состояніе болѣзни сдѣлалось гастрическо-катаральное: больные жаловались на горькій вкусъ при чистомъ языкѣ, на боль и давленіе подъ ребрами ложными; или языкъ былъ бѣлый, но больные жаловались на круженіе головы, усталость, дрожь и имѣли пульсъ мягкій, слабый. Въ крови не было волокнисто-студенистой плёнки. Язвы дѣлались антоноогненными; больные хроническими болѣзнями умирали наиболѣе, и даже скоропостижно, отъ онѣмѣнія легкихъ. Къ концу Января появилось воспаленіе горла и кашель; больные имѣли сильнѣйшую лихорадку, колотье въ груди (стр. 19), иногда гастрическіе припадки, уступившіе мѣсто, въ первые дни Февраля, воспалительнымъ болѣзнямъ. Кровопусканіе было полезно, но кашель оставался упорный. Поносовъ не было въ сіе время, но чаще встрѣчались рожа и скарлатинная лихорадка, переходившія въ тифъ. По причинѣ особеннаго страданія грудныхъ органовъ и кашля вообще, преходящую эпидемію многіе врачи называли *гриппомъ*. Въ послѣднюю треть Февраля (стр. 20), воспалительные припадки распространились на слизистую перепонку головы, отъ чего болѣзнь стала злокачественнѣе; больные мучились сильною головною болью, или не жаловались ни на что; имѣли

сильную лихорадку съ жаромъ на кожѣ, причемъ языкъ былъ сухъ, пульсъ малый, испражненія жидкія и несвоевременныя. Лихорадки оканчивались непорядочно, рожа переходила въ нарывы. При вскрытіи труповъ находили изліянія слизистыя въ перепонкахъ мозга и полости онаго. Съ умноженіемъ холода въ началѣ Марта (стр. 21), появились лихорадки, воспаленія большихъ сосудовъ и сердца съ наростами въ сердцѣ. Въ семъ же мѣсяцѣ многіе умирали отъ удара, разрыва аневризмы начальственной артеріи, воспаленія легкихъ, печени; многіе изъ чахоточныхъ кончали жизнь. Замедленнаго кровопусканія нельзя было ничѣмъ вознаградить. Въ трупахъ находили нагноеніе (стр. 22) легкихъ, часто по 4 дневной болѣзни. Въ сіе время были злокачественныя, скрытныя перемежающіяся лихорадки. Поносовъ не было; но наконецъ состояніе болѣзни воспалительное обратилось въ гастрическое, и Автору представился больной поносомъ и рвотою, такъ что онъ изумился. Кровь, выпущенная изъ вены, не имѣла волокнисто-студенистой пленки. Желчногастрическое состояніе болѣзни отъ (8 по 15-е Апрѣля) перешло въ состояніе воспалительное (стр. 23), отъ чего у многихъ была злокачественная рожа, что сопровождалось нервными ударами, разрывомъ

аневризмы начальственной артеріи. Около половины Апрѣля многіе страдали воспаленіемъ кишекъ и печени, желчными припадками; кровь, выпущенная изъ вены, имѣла весьма крѣпкую, желтую, волокнисто-студенистую плёнку. Здѣсь рвотныя, послѣ кровопусканія, служили съ пользою. Причиною гастрическаго состоянія Авторъ полагаетъ праздникъ Св. Пасхи. Перемежающіяся лихорадки (стр. 24) становились явственнѣе и излечивались хиною. Около мѣсяца Мая, при продолжительномъ S и SW. вѣтрѣ, состояніе болѣзни воспалительное достигло высшей степени: больные страдали легкими, дыханіе было стѣсненное, пульсъ почти исчезнувшій, при чемъ кашель большій или меньшій, жаръ, краснота (стр. 25) щекъ, охриплость, боль въ подвздохахъ и на 5-й день смерть. Кровь имѣла плёнку волокнисто-студенистую. Дабы лучше показать описываемое состояніе болѣзни, Авторъ представляетъ трупоразъятіе, сдѣланное имъ 5-го числа Мая по случаю мертво-привезеннаго въ госпиталь субъекта (стр. 26). Когда стенія перешла въ онѣмѣніе, то воспалительное эпидемическое состояніе болѣзни внезапно перемѣнилось въ половинѣ Мая, и приняло весьма двузнаменательный характеръ, котораго нельзя было тогда объяснить, но теперь извѣстно, что это было

эпидемическое холерное состояніе болѣзни. Появились лихорадки, по существу своему принадлежавшія къ перемежающимся; посему хининъ здѣсь былъ полезенъ. Припадки, съ каковыми (стр. 27) больные поступали въ Морской госпиталь, описаны подробно. Въ сіе же время оказались поносы: кровь, пущенная изъ вены, не имѣла волокнисто-студенистой пленки. Вегетативная сфера была ослаблена (стр. 28) и подавлена. Поносы желчные заставляли весьма справедливо опасаться Восточной холеры, какъ видно изъ приведеннаго Авторомъ примѣра (стр. 29) о больномъ медленною лихорадкою, находившемся въ госпиталѣ отъ Февраля мѣсяца, 12-го Мая заболѣвшемъ припадками настоящей холеры, и умершемъ 15-го числа того же мѣсяца. Въ послѣдней половинѣ Мая (стр. 30) были вообще поносы, головокруженіе, неописанная усталость и разслабленіе членовъ, хотя рѣдко среди дня было теплѣе 15° Р. Многіе умирали скоропостижно, и смертельность въ госпиталѣ была весьма велика, — 8 изо 100. Къ тому же между дѣтьми эпидемически свирѣпствовала оспа. Въ сіе время въ Ригѣ уже открылась холера, (стр. 31); С. Петербургъ хотѣли охранить отъ приближающейся эпидеміи; между тѣмъ въ Морской и Сухопутный военный госпи-

тали прибывали больные поносами и коликами, почему 5-го Іюня Авторъ отвелъ особенныя палаты для подозрительныхъ больныхъ, приготовилъ снарядъ для паровой ванны, созвалъ фельдшеровъ изъ казармъ, и далъ имъ наставленіе, какъ поступать въ случаѣ появленія болѣзни (стр. 32). Лихорадки и самый поносъ со рвотою — слова холера никто произносить не смѣлъ — появлявшіеся въ началѣ Іюня, были довольно доброкачественны, и смертность опять умалилась, такъ, что сіе время казалось таинственною тишиною предъ бурею. Но 8-го числа Іюня Авторъ былъ испуганъ при видѣ больнаго, въ ночи прибывшаго въ госпиталь. Не смотря на всѣ пособія, больной умеръ. Описаніе припадковъ болѣзни, леченія и всего, что найдено въ трупѣ (стр. 33 и 34), весьма обстоятельно и точно. Но поелику изъ разсказовъ товарищей извѣстно было, что сей больной пилъ два дня сряду, то Авторъ приписываетъ смерть его апоплексіи болѣе, нежели холерѣ. Опасаясь, что эпидемическое воспалительное болѣзненное состояніе перейдетъ въ особенное нервно-гастрическое (стр. 36), Авторъ, получивъ 13 Іюня въ госпиталь свой еще подозрительнаго больнаго, увѣдомилъ о семъ Г. Генералъ-Штабъ-Доктора Флота (стр. 37,

38). Описаніе всего найденнаго при трупоразъятіи, сдѣланномъ (стр. 39 — 40 — 41) въ присутствіи Г. Генералъ Штабъ-Доктора Флота, Главнаго Доктора Сухопутнаго госпиталя и многихъ другихъ Врачей, весьма любопытное, не показываетъ однако жъ ничего отличительнаго (стр. 42), словомъ въ трупѣ сего умершаго не найдены особенные признаки холеры. Іюня 14-го стали явно говорить (стр. 43) о появленіи страшной болѣзни, а 17-го того же мѣсяца прибылъ въ Морской госпиталь первый холерный больной изъ Большаго Адмиралтейства, 19-го второй изъ Финляндскихъ казармъ, 20-го 5 изъ казармъ, что у Калинкина моста и на Охтѣ; 22-го прибылъ больной изъ Малаго Адмиралтейства изъ казармъ, что въ Галерной улицѣ, коротко, во всѣхъ концахъ инспекціи Автора загорѣлось пламя эпидеміи!!

Не распространяясь вдаль, Авторъ еще дѣлаетъ краткій обзоръ предъидущаго болѣзненнаго состоянія: Осенью 1830 состояніе болѣзненное (стр. 44) было гастрическое (холерное?), въ слѣдующихъ за тѣмъ Декабрѣ и Январѣ 1831, состояніе болѣзни головоспалительное, во второй половинѣ Января гастрическое (холерное); въ Февралѣ воспалительное; въ первой половинѣ Марта доброкачественное; во второй поло-

винѣ мѣсяца Марта воспалительное; въ первой половинѣ Апрѣля гастрическо-холерное, а въ слѣдующія четыре недѣли въ высшей степени воспалительное, холерно-гастрическое (въ обратномъ содержаніи, въ то время, какъ холера въ Ригѣ возвысилась до степени эпидеміи); въ слѣдующія четыре недѣли и потомъ, вмѣсто обратнаго воспалительнаго состоянія, отъ 13-го Іюня настало состояніе болѣзни чисто холерное, возросшее до холерной эпидеміи. Изъ сего явствуетъ попремѣнность обоихъ противоположныхъ болѣзненныхъ состояній — воспалительнаго и холернаго, пока наконецъ послѣднее возвысилось до настоящей эпидеміи. Но въ самое продолженіе сей эпидеміи (стр. 45) и еще болѣе, когда она уже переставала, разительна была таковая попремѣнность въ усиленіи и уменьшеніи нашей болѣзни. Въ двухъ вещахъ можно было замѣчать сіе: въ смертности больныхъ холерою и въ томъ, что холерное болѣзненное состояніе имѣло верхъ надъ всѣми болѣзнями, какія были въ то же время. Извѣстно, что смертность въ началѣ холеры была чрезмѣрно велика, но потомъ уменьшилась мало по малу. По всѣмъ спискамъ, веденнымъ (стр. 46) по наставленію Автора, число больныхъ

было 1982. Холера началась 14-го Іюня; по счисленію Автора, изо 100 умирали:

Въ 1 нед.	во 2 нед.	въ 3 нед.	въ 4 нед.	въ 5 нед.	въ 6 нед.
72.	64.	40.	34.	45.	36.

Если къ сему общему результату будетъ примѣнена смертность въ каждомъ госпиталѣ, то представится разительное сходство.

Въ Сухопутн. госпит.	73	66	36	34	50	38	
— Морскомъ —	75	58	44	43	18	25	
— Градской больницѣ	69	63	53	37	37	30	20
— Воспитательн. дом.	77	54	36				

(Продолженіе впредь.)

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе новѣйшихъ происшествій.

Франція.

Читатели наши помнятъ, что проектъ объ отмѣненіи всеобщаго траура въ день 21 Января (день казни Лудовика XVI) еще не принятъ Палатою Перовъ, и слѣдственно не имѣетъ силы закона; посему день сей проведенъ былъ весьма различно, даже въ Парижѣ; нѣкоторые Суды производили дѣла обыкновеннымъ порядкомъ; другіе выслушивали свидѣтелей и Адвокатовъ, но не произносили рѣшенія; иные, наконецъ, были совсѣмъ закрыты. Въ засѣданіи Палаты Депутатовъ сего числа выслушаны разныя прошенія и потомъ при-

ступлено къ разсмотрѣнію предложенія Г. Рожера о дозволеніи, въ важныхъ случаяхъ, брака между деверемъ и золовкою. Въ засѣданіи 23 Января, Г. Тьеръ сдѣлалъ обозрѣніе преній о бюджетѣ: онъ привелъ всѣ возраженія противниковъ онаго, старался опровергнуть оныя, и доказать невозможность предлагаемыхъ ими сокращеній; онъ утверждалъ также, что дефицитъ, о которомъ такъ много говорено, не существуетъ, ибо дефицитомъ называется невозможность покрыть обыкновенныя издержки обыкновенными доходами, а этого во Франціи нѣтъ. Въ засѣданіи 24 Января происходили жаркія пренія о капиталѣ погашенія долговъ, который Г. де Подена предлагалъ уничтожить, отмѣнивъ назначеніе 44 милліоновъ на выкупъ государственныхъ облигацій. Эти пренія продолжались и въ слѣдующіе дни. Президентъ Совѣта и многіе другіе ораторы старались доказать, что уничтожить капиталъ погашенія долговъ, особенно въ нынѣшнее время, значило бы совершенно уничтожить государственный кредитъ и лишить себя всѣхъ средствъ къ покрытію какихъ либо чрезвычайныхъ издержекъ, что это было бы просто государственное банкрутство. Наконецъ, послѣ трехъ-дневныхъ преній, предложеніе Г. Подена, въ засѣданіи 29 Января, отвергнуто. Г. Белей предлагалъ сдѣлать заемъ изъ капитала погашенія долговъ, вмѣсто того, чтобы занимать у частныхъ людей, но и это предложеніе не принято. Предложеніе Г. Жолливе о назначеніи въ нынѣшнемъ бюджетѣ на погашеніе долговъ 22 милліоновъ вмѣсто 44, отвергнуто большинствомъ 203 голосовъ противъ 170.

Въ засѣданіе 27 Января также отвергнуты значительнымъ большинствомъ голосовъ предложенія Г. Жиро и другихъ Членовъ объ уменьшеніи сего назначенія двѣнадцатью и четырьмя милліонами. Въ засѣданіи 28 Января выслушано нѣсколько прошеній, и Палата приняла разные проекты законовъ о мѣстныхъ распоряженіяхъ.

Въ Палатѣ Перовъ происходили разсужденія о проектѣ закона о производствѣ въ арміи; въ засѣданіи 21 Января, Генералъ д'Амбрюжакъ между прочимъ сказалъ, что изъ 59,944 человѣкъ, набранныхъ въ 1829 году, 2.749 умѣли только читать, 27,501 читать и писать, а 27,564 не умѣли ни того, ни другаго. Герцогъ Монтебелло предложилъ было предоставить Королю право производить офицеровъ въ чины въ военное время безъ наблюденія постановленныхъ закономъ правилъ, но предложеніе сіе отвергнуто. Въ засѣданіе 24 Января, законъ сей утвержденъ съ нѣкоторыми измѣненіями большинствомъ 181 голоса противъ 3. Въ засѣданіи 26 Января Г. д'Оберсаэръ прочелъ докладъ Коммиссіи, разсматривавшей проектъ закона о назначеніи 1,000,000 франковъ для поощренія ловли китовъ и трески. Коммиссія предлагаетъ принять оный. Г. Министръ Торговли предложилъ нѣсколько проектовъ о мѣстныхъ распоряженіяхъ, и потомъ начались пренія о проектѣ закона о рекрутскомъ наборѣ, которыя продолжались и въ засѣданіи 27 Января. Въ семъ же засѣданіи Маркизъ Маллевиль прочелъ докладъ Коммиссіи, разсматривавшей принятый Палатою Депутатовъ проектъ о продолженіи въ слѣдующемъ собраніи (session) Палатъ законода-

тельныхъ трудовъ, начатыхъ въ предъидущемъ. Коммиссія предлагаетъ отринуть оный, какъ опасный для Королевской власти. Докладчикъ привелъ присемъ въ примѣръ Англію, гдѣ окончаніе собранія уничтожаетъ все, сдѣланное до того времени для принятія билля, если оный не утвержденъ еще Королемъ. Въ засѣданіи 28 Января приняты нѣсколько параграфовъ проекта закона о рекрутскомъ наборѣ.

Не смотря на рѣшительный тонъ, который принялъ было Президентъ Совѣта въ переговорахъ о Бельгійскихъ крѣпостяхъ, онъ принужденъ былъ согласиться на срытіе Маріенбурга и Филиппвиля, но крѣпость Сарлуи, за которую онъ тоже стоялъ, будетъ оставлена; кромѣ двухъ помянутыхъ крѣпостей, будутъ срыты еще Монсъ, Мененъ и Атъ. Обезоружить оныя положено въ два мѣсяца, а срытіе укрѣпленій окончить въ два года.

Читатели наши, конечно, знаютъ, что Сенъ-Симонисты уже года полтора проповѣдуютъ по Воскресеньямъ въ залѣ Тетбу. Нынѣ Правительство обратило наконецъ вниманіе на это вредное общество, котораго правила ведутъ прямо къ разрушенію не только гражданскаго, но и общественнаго порядка. 22 Января зала сія закрыта Королевскимъ Прокуроромъ и Слѣдственнымъ Судьею, и бывшему въ оной многочисленному собранію велѣно разойтись. Въ то же время Глава сего общества, Г. Анфантенъ, называющійся верховнымъ отцемъ (père suprême), и другой начальникъ Сенъ-Симонистовъ, Г. Родригъ, задержаны въ

своихъ жилищахъ Полиціею, и бумаги ихъ опечатаны, равно какъ и переписка этихъ господъ съ Издателями Журнала Сенъ-Симонистовъ le Globe. Впрочемъ бумаги сіи возвращены послѣ допроса, сдѣланнаго Гг. Анфантену и Родригу Слѣдственнымъ Судьею. Они также освобождены, но вѣроятно скоро будутъ позваны къ Суду. Сенъ-Симонистовъ обвиняютъ въ томъ, что они, безъ позволенія, собирались въ числѣ болѣе двадцати человѣкъ для разсужденій о политикѣ и религіи, возбуждали въ своихъ проповѣдяхъ народъ къ ниспроверженію существующаго во Франціи порядка вещей, составили противозаконную компанію, которой частные люди ввѣряли полное распоряженіе своимъ имуществомъ, и производили отъ имени общества публичные займы безо всякаго обезпеченія въ уплатѣ оныхъ.

Президентъ Совѣта, Г. Казимиръ Перье, давалъ великолѣпный балъ, на который приглашено было 2000 человѣкъ. На случай какихъ либо злонамѣренныхъ покушеній, въ домѣ скрыто было около 200 человѣкъ солдатъ; не смотря на это, во время бала произошелъ пожаръ отъ лампы, упавшей или брошенной на крышу построенной на-скоро галереи, покрытой парусиною. Предосторожности противъ пожара приняты были со стороны сада, а какъ пламя появилось сначала со стороны двора, то пожарныя трубы надобно было провозить чрезъ комнаты; это потребовало довольно значительнаго времени, и потому, пока потушили огонь, около 300 шубъ и плащей уже сгорѣли. Впрочемъ этотъ несчастный случай не

прекратилъ увеселеній, и танцы продолжались до 5 часовъ утра.

Въ одномъ домѣ въ улицѣ Сентъ-Оноре найдено множество монетъ съ изображеніемъ Генриха V и возмутительныхъ прокламацій.

Во Франціи уже съ давняго времени жалуются на сосредоточеніе въ Парижѣ всего управленія. Нынче въ журналахъ разсказываютъ два забавные примѣра, показывающіе, какими мелочами это сосредоточеніе заставляетъ Короля заниматься. Въ Bulletin des Lois напечатаны два Королевскихъ повелѣнія, контросигнированныя Министромъ Торговли и Публичныхъ Работъ, которыми дозволено какой-то общинѣ срубить въ своей заказной рощѣ засохшій дубъ, и какому-то жителю провинціяльнаго городка прорыть на принадлежащей ему землѣ канавку, для стока нечистоты изъ отхожихъ мѣстъ.

Увѣряютъ, будто бы извѣстному Видоку поручено образовать высшую политическую Полицію.

Французскій Посланникъ въ Брюсселѣ, Генералъ Белліаръ, скончался отъ кратковременной болѣзни, происшедшей, какъ полагаютъ, отъ излишнихъ трудовъ, понесенныхъ имъ въ послѣднее время при разныхъ переговорахъ.

Англія.

Министерство еще медлитъ назначеніемъ новыхъ Перовъ, какъ говорятъ, въ надеждѣ, что желаніе избѣгнуть онаго заставитъ Верхнюю Палату принять билль о реформѣ. Впрочемъ, на это есть, можетъ быть, и другія причины: въ нѣкоторыхъ Журналахъ утверждаютъ, будто многіе

изъ Перовъ, поддерживавшихъ сторону Министровъ, объявили, что сдѣлаются противниками онаго, если будетъ принята мѣра сія, которую они почитаютъ противною духу хартіи, хотя она и предоставляетъ Королю право назначать неограниченное число Перовъ. Въ газетѣ The Courier опровергаютъ слухъ, будто бы Король, не смотря на всѣ представленія своихъ Министровъ, на это не рѣшается.

Утверждаютъ, что Министерство намѣрено согласиться на нѣкоторыя измѣненія въ биллѣ о реформѣ, требуемыя оппозиціею Верхней Палаты.

Въ засѣданіи Верхней Палаты 26 числа, Графъ Абердинъ предложилъ поднесть Королю адресъ, въ которомъ бы Палата изъявила строгое порицаніе переговоровъ, веденныхъ по дѣламъ Бельгіи, и нерадѣнія о выгодахъ Англіи, оказаннаго присемъ Министерствомъ. Это предложеніе возбудило жаркія пренія, въ которыхъ участвовалъ и Герцогъ Веллингтонъ, явившійся въ Палатѣ въ первый разъ послѣ своей болѣзни. Графъ Грей говорилъ въ защиту Министерства, и предложеніе Графа Абердина наконецъ отвергнуто большинствомъ 182 голосовъ противъ 95.

Между Французскимъ и Англійскимъ Кабинетами заключена 30 Ноября минувшаго года конвенція для успѣшнѣйшаго прекращенія торговли черными невольниками. На основаніи оной, крейсерамъ сихъ Правительствъ дается право осматривать корабли обоихъ народовъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1-е, вдоль западныхъ береговъ Африки отъ Зеленаго мыса до 10° до экватора, т. е. отъ 10° южной широты до 15° сѣверной широты и

30° западной долготы по Парижскому меридіану; и 2-е, вокругъ островов Мадагаскара, Кубы, Порто-Рико и береговъ Бразиліи на 20 лье въ море. Впрочемъ само собою разумеется, что подозрительный корабль, который крейсеры начали преследовать въ означенныхъ водахъ, можетъ быть остановленъ и въ такомъ случае, когда они, не теряя изъ виду, настигнутъ оный далее. Право осмотра касается только до судовъ купеческихъ, и пользоваться онымъ могутъ только военные корабли, командуемые Капитанами или Лейтенантами, имеющими на то особый дипломъ. Суда, на которыхъ найдены будутъ невольники, или которыя очевидно снаряжены для сего торга, должны быть преданы въ руки Правительства своей націи, и судятся по законамъ оной. Договаривающіяся стороны приглашаютъ и прочія морскія Державы приступить къ сей конвенціи.

Италія.

Въ следствіе безпорядковъ, происходящихъ въ Легаціяхъ, Папа предписалъ начальникамъ войскъ, расположенныхъ въ Ферраре, Римини и окрестностяхъ сихъ городовъ, двинуться въ Болонью, Равенну, Форли и ихъ Легаціи, равно какъ и въ ту часть Феррарской Легаціи, которая доселе не занята войсками. Войскамъ симъ предписано привести все въ прежній порядокъ, возстановить Папскую власть и забрать ослушниковъ. Кардиналъ Альбани назначенъ чрезвычайнымъ Коммиссаромъ, и ему поручено распоряженіе войсками. Меры сіи сообщены были иностраннымъ Резидентамъ при Римскомъ Дворе, которые изъявили надежду, что жители Легацій,

внявъ увещаніямъ Его Святейшества, возвратятся къ своему долгу, и вполне одобрили меры, принятыя Папскимъ Правительствомъ на случай неповиновенія, объявивъ притомъ, что Государи ихъ готовы содействовать всеми способами возстановленію въ Легаціяхъ законной власти. Ответы Резидентовъ произвели весьма благопріятное впечатленіе; но не смотря на то, въ Легаціяхъ собрались значительные отряды національной гвардіи, которые уже имели несколько стычекъ съ Папскими войсками.

Разныя известія.

Испанія объявила оффиціяльно Лондонскому и Парижскому Кабинетамъ, что 25,000 Испанскихъ войскъ немедленно перейдутъ границу для защиты Дона Мигуэля, какъ скоро Донъ Педро вступитъ въ Португалію.

Изъ Парижа пишутъ, что Донъ Педро отправился оттуда для принятія начальства надъ экспедиціею, собравшеюся въ Белль-Иле, и состоящею изъ трехъ фрегатовъ, корветты, пяти бриговъ и голеттъ, шкуны, большаго парохода и несколькихъ перевозныхъ судовъ. Все сіи корабли хорошо вооружены и снабжены провіантомъ. Флагъ Вице-Адмирала Сарторіуса, Англійскаго моряка, известнаго съ весьма хорошей стороны, поднятъ на корабле: *Королева Португальская*. Полагаютъ, что экспедиція пойдетъ 4 Февраля къ Терсейре, и что целію оной будетъ, на первый случай, завоеваніе Мадеры и островов Азорскихъ. Донъ Педро пригласилъ въ службу Доны Маріи Кавалера Іосифа де Сильва Карвальо (Carvalho), который въ правленіе Кортесовъ былъ Министромъ Юстиціи. Получивъ сіе приглашеніе, Г. Карвальо немедленно отправился изъ Лондона въ Парижъ.

Кроме судовъ, собранныхъ въ Белль-Илле, близъ Терсейры стоятъ на якоре 2 корветты,

3 брига, 2 голетты. Для высадки готовы слѣдующія войска: 8000 человѣкъ, собранныхъ въ Терсейрѣ, 2000, набранныхъ въ Англіи и Ирландіи, и отправленныхъ также на островъ Терсейру, 1000, которые могутъ быть взяты съ нѣкоторыхъ судовъ, имѣющихъ двойные экипажи, и 300 ч. Англійскихъ и Французскихъ волонтеровъ, всего 11,300 человѣкъ.

Поставка для экспедиціи Дона Педро паровыхъ судовъ покажется, конечно, удивительною для тѣхъ, кому неизвѣстно, въ какомъ огромномъ видѣ Англійская промышленость производитъ свои обороты. Люди, которымъ поручено было сіе дѣло, прибыли въ Лондонъ, обратились къ назначенной имъ компаніи, и это общество акціонеровъ выставило въ самое короткое время двѣнадцать пароходовъ и тысячу матросовъ, принявъ на свою отвѣтственность легкія поврежденія, которыя могутъ случиться въ сихъ судахъ.

Изъ рѣчи, произнесенной Г. Тьеромъ въ Палатѣ Депутатовъ, видно, что содержаніе солдата и всѣ издержки, на него употребляемыя, обходятся во Франціи въ 733 фр., въ Англіи въ 2 462 фр., въ Пруссіи въ 1000 фр., во Франціи въ 654 ф.; содержаніе Генерала стоитъ во Франціи 15.000 фр., въ Австріи 15.385, въ Англіи 32.000, въ Пруссіи 24.000, въ Баваріи 20 000 фр.; содержаніе Генералъ-Маіора (maréchal de camp), во Франціи 10.000 фр, въ Австріи 10.380, въ Пруссіи 16.000, въ Баваріи 12 000 франковъ.

Изъ Александріи пишутъ, что войска Вице-Короля Египетскаго заняли высоту, называемую Монастыремъ, и командующую надъ Сенъ-Жанъ-д'-Акромъ, и что они уже бомбардируютъ самую крѣпость, которая, безъ сомнѣнія, въ скоромъ времени сдастся.

4-го Февраля.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА
и
СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1832 №. VII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Ночь наканунѣ Рождества Христова.

(Повѣсть соч. Э. Раупаха.)

1.

Въ двадцать первый день послѣ Троицы, Яковъ, сынъ богатаго пивовара изъ Модельсдорфа, сидѣлъ послѣ обѣда въ Альсдорфѣ у мельника Рейнгольда, который былъ еще богаче его отца. Оба они курили табакъ изъ короткихъ, въ готическомъ вкусѣ обдѣланныхъ трубокъ, хотя это нѣсколько и тяжело было для чахоточнаго мельника. Впрочемъ это ни сколько не помогало, ибо куреніе принадлежало къ числу какъ деревенскихъ, такъ и городскихъ приличій въ 1755 году. Такъ точно и оба курившіе приносили жертву только приличію, ибо цѣлый часъ они ни о чемъ болѣе не говорили, какъ только объ откармливаніи скота вообще и въ

особенности рабочаго, между тѣмъ какъ рѣчь собственно должна бъ была итти о брачномъ союзѣ между Яковомъ и Маргаритою, единственною дочерью мельника.

Наконецъ Яковъ выколотилъ трубку объ уголъ печи, а мельникъ отложилъ свою къ сторонѣ. „Мастеръ Рейнгольдъ," началъ Яковъ: — „вамъ уже извѣстно, зачѣмъ я пришелъ, и такъ съ Божіею помощію думаю поговорить о нашемъ дѣлѣ."

— „Ну, начинай, Яковъ," отвѣчалъ мельникъ — „хотя я и не понимаю, для чего бы нужно было объ этомъ много толковать. Твой отецъ и я согласны; моя Маргарита тебѣ нравится, и болѣе ничего не нужно, какъ только то, чтобъ она дала тебѣ свое согласіе."

„Сегодня я не за тѣмъ пришелъ," сказалъ Яковъ — „въ противномъ случаѣ, я прислалъ бы моего отца или какого либо другаго свидѣтеля. Чтобы женихъ приходилъ одинъ для полученія согласія, этого вѣрно никто и не слыхивалъ."

— „Правда твоя. Ну, сказывай же, зачѣмъ ты пришелъ."

„Вы говорите, что вы и батюшка мой согласны; это очень хорошо, иначе бы я и не смѣлъ думать о вашей дочери. Что мнѣ Маргарита нравится, это еще не много

значитъ, потому что съ тѣхъ поръ, какъ я для нее хожу къ вамъ въ церковь, вижу всякое Воскресенье, какъ молодые ребята стоятъ въ оградѣ, и ожидаютъ, пока она не выйдетъ изъ церкви, какъ ласково всѣ ее привѣтствуютъ и даютъ ей дорогу, когда она проходитъ мимо. Что она мнѣ нравится, объ этомъ совершенно ни какого и спора нѣтъ; но нравлюсь ли я ей, это совсѣмъ иное дѣло."

— „Конечно ты ей нравишься, Яковъ; она знаетъ Катихизисъ, и скажетъ *да*, потому что я этого хочу — и кончено! Любовь прійдетъ послѣ."

„Нѣтъ, мастеръ Рейнгольдъ, не кончено. Сестры моей въ Альценау также не спросили, и отецъ ея также думалъ, что любовь прійдетъ послѣ, но вотъ уже протекло три года, а она еще не приходитъ; только и слышно, что о несогласіяхъ въ домѣ."

— „Говори же," прервалъ его нетерпѣливый мельникъ — „чего ты именно хочешь?"

„Я просилъ сестрицу вашу, старостиху" отвѣчалъ спокойно Яковъ — „прійти не надолго сюда, и она уже сидитъ на верху въ комнатѣ вашей дочери. Если бъ вамъ только угодно было, то я бы сходилъ туда, чтобъ сказать слова два Маргаритѣ."

*

— „Видишь ли ты!“ сказалъ съ негодованіемъ мельникъ, съ трудомъ преодолѣвая гнѣвъ свой: — „это все отъ того, что отецъ твой обучалъ тебя въ городѣ. Да, городскіе дуралеи сперва ластятся около дѣвушекъ, на которыхъ хотятъ жениться, и кружатъ имъ головы всякими лживыми рѣчами, но что изъ этого выходитъ? Своенравныя, непокорныя жёны связываютъ мужьямъ своимъ руки. Такъ-то недавно молодой хлѣбникъ Леманъ, когда мы хотѣли уже покончить одно истинно прекрасное дѣло, сказалъ мнѣ, что онъ долженъ прежде спросить объ этомъ жену свою. Чортъ возьми! спрашивать жену! Это чисто превращенный свѣтъ, какъ онъ здѣсь на дверяхъ написанъ.“

Тутъ кашель принудилъ мельника остановиться. Спокойный Яковъ повторилъ свою просьбу, и такъ сильно настаивалъ на ней, что старикъ, у котораго бракъ лежалъ на сердцѣ, наконецъ согласился.

Яковъ, поздоровавшись приличнымъ образомъ съ старостихою и ея племянницею, занялъ, по приглашенію ихъ, мѣсто на скамьѣ, выкрашенной небесно-голубою краскою съ красными полосками; потомъ, по краткомъ молчаніи, началъ: — „Любезнѣйшая Маргарита! вамъ конечно небезъизвѣстно, что наши

отцы желаютъ, чтобъ мы, если на то будетъ воля Божія, могли сдѣлаться Христіанскою четою. Господь даровалъ вамъ такую прекрасную наружность, и вы съ самаго дѣтства были такою трудолюбивою и доброю дѣвицею, что конечно и сами не будете удивляться, если я также того желаю и съ радостію на то согласился. Между тѣмъ отецъ мой хочетъ для меня взять на откупъ пивоварню въ Альценау. Откупъ не высокъ, промыселъ хорошъ и дворъ въ порядкѣ. Все это очень прекрасно; но главное дѣло въ томъ, какъ вы объ этомъ думаете? и потому-то, любезная Маргарита, хотѣлъ я васъ спросить о томъ, хотя это и не въ обыкновеніи.“

Маргарита, уже пріуготовленная къ сему разговору своею теткою, не медлила отвѣтомъ. — „Любезный Яковъ“ — сказала она — „не будетъ обо мнѣ столь худо думать и вѣрить, чтобъ я могла сопротивляться волѣ своего отца.“

„Сохрани меня Богъ!“ — возразилъ Яковъ. — „Если бы я такъ худо думалъ о какой нибудь дѣвицѣ, то конечно не захотѣлъ бы вступить съ нею въ священный бракъ. И такъ, любезнѣйшая Маргарита, я не о томъ говорить хотѣлъ, а желалъ бы узнать, могу ли я быть для васъ сноснымъ.“

— „Думаю,“ — отвѣчала дѣвушка, — „что я никогда не оставалась должною отвѣтомъ на вашъ поклонъ, и всегда искренно привѣтствовала васъ, когда вы къ намъ приходили.“

„Да, любезная Маргарита“ — сказалъ Яковъ — „вы всегда были со мною таковы, какою честной дѣвушкѣ и быть должно; но я не то хочу сказать. Видите ли, надобно отъ чистаго сердца любить другъ друга, чтобъ до кончины прожить мирно; прощать другъ другу всѣ погрѣшности; и всѣ бѣды и скорби, которыя бы милосердому Богу ниспослать угодно было, переносить обоимъ терпѣливо. Потому-то я желалъ васъ спросить по чести, и надѣюсь, что и вы также по чести будете мнѣ отвѣчать — можете ли вы меня такъ же любить, какъ я васъ?“

Не безъ сердечнаго движенія отвѣчала Маргарита: — „Дѣвушкѣ очень трудно, любезный Яковъ, говорить о подобномъ съ мужчиною; но такъ какъ вы противъ меня столь честны, то и я хочу быть такою же противъ васъ. Когда батюшка мой потребуетъ, чтобъ я отдала вамъ знаю, руку, то я не буду, подобно недобронравной дѣвкѣ, тому противиться. Я вѣдь свою, что вы добрый человѣкъ, и вѣроятно будете хорошо содержать свою жену, и мнѣ, надѣюсь, поможетъ Богъ исполнить обязанности жены и

успокоить васъ. Но сердце, любезный Яковъ, какъ вы сами хорошо знаете, не позволяетъ повелѣвать собою; даже и приказаніе отца не можетъ его принудить; оно находится единственно въ рукахъ Божіихъ.“

Дѣвушка замолчала; молодой человѣкъ также. Чтобы прервать это печальное молчаніе, старостиха сказала: — „Любезный Яковъ! вы сами желали, чтобъ Маргарита откровенно говорила съ вами, а потому вы и не должны принимать въ худую сторону....“

— „Я не только что не сдѣлаю этого“ — прервалъ ее Яковъ, вставая съ мѣста, — „но еще и благодаренъ ей за то; лучше прежде, чѣмъ послѣ. Но видите ли, госпожа старостиха, не можно вдругъ того понять, о чемъ прежде еще не совершенно знаешь. Да, конечно я это знаю, потому что оно сдѣлалось всеобщею молвою. Ну, будьте здоровы, Маргарита“ — продолжалъ онъ, пожавъ ей руку — „прошу не гнѣваться! Если правда то, что я слышалъ, то не могу васъ хулить, потому что онъ добрый малой, хотя и бѣденъ; но помоги вамъ Богъ, вы много потерпите.“ — Послѣ сего онъ распрощался со старостихою, и ушелъ.

„Мастеръ Рейнгольдъ“—сказалъ онъ мельнику, сойдя внизъ — „я благодаренъ за добрую

вашу волю; но Божіей воли на это нѣтъ. Ваша дочь готова дать свое согласіе, если вы того пожелаете; но она не питаетъ ко мнѣ ни малѣйшей любви."

— „Чортъ возьми!" — вскричалъ мельникъ — „я заставлю ее любить!" — И хотѣлъ бѣжать вонъ.

„Вы хотите бранить свою дочь," — сказалъ Яковъ, удерживая его, — „а она право этого не заслуживаетъ. Она вѣдь хочетъ вамъ повиноваться: чего же болѣе можете вы отъ нее требовать?"

— „Ну такъ пусть же и повинуется!" — вскричалъ мельникъ, — „и еще сего же дня дастъ тебѣ свое согласіе, хотя и нѣтъ здѣсь твоего отца."

— „Оставьте это, мастеръ Рейнгольдъ" — сказалъ Яковъ. — „Мнѣ очень жаль, но дѣло кончено, совершенно кончено. Она не можетъ меня любить, и это воля Божія: ибо я думаю, если сказано: *что Богъ сочетаетъ, того человѣкъ да не разлучаетъ*; то можно также и на оборотъ сказать: *человѣкъ не долженъ сочетать того, что разлучилъ Богъ*. Не гнѣвайтесь, мастеръ Рейнгольдъ. Мы все еще останемся друзьями. Да сохранитъ васъ Богъ!"

Едва только Яковъ ушелъ, какъ разгнѣванный мельникъ пошелъ къ своей дочери; но старостиха поступила благоразумно, взявъ

племянницу къ себѣ въ домъ, и тѣмъ избавила ее отъ перваго изъявленія отцовскаго гнѣва.

Но кто же былъ этотъ добрый малый, которому, какъ думалъ Яковъ, подарила Маргарита свое сердце? Это былъ Конрадъ Брюнигъ, сынъ бѣднаго деревенскаго ткача, который, отъ того, что ремесло его шло плохо, присоединился въ послѣдствіи къ деревенскимъ музыкантамъ, ибо онъ игралъ на скрипкѣ. Это искусство сообщилъ онъ, сколько самъ зналъ, своему сыну, и Конрадъ сверхъ того выучился еще играть на флейтѣ у школьнаго учителя, который очень о немъ пекся. Но настоящимъ музыкантомъ отецъ не хотѣлъ его сдѣлать, да и самъ онъ того не желалъ: ибо ему казалось ужаснымъ, все послѣобѣденное время по Воскресеньямъ, даже до полуночи, сидѣть и играть въ жаркой и наполненной народомъ трактирной комнатѣ. Когда онъ вышелъ изъ дѣтства, то отецъ отдалъ его въ ученье къ Рейнгольду. Пять лѣтъ пробылъ онъ у него въ домѣ, сперва ученикомъ, потомъ подмастерьемъ, и наконецъ отправился странствовать, чтобы, какъ говорилъ его отецъ, поосмотрѣться нѣсколько въ свѣтѣ. Разлука съ хозяиномъ была для него не тяжела, ибо онъ не очень былъ привязанъ къ этому скупому и су-

ровому человѣку; но разставаніе съ родителями и Маргаритою, которой тогда была четырнадцать лѣтъ, не обошлось безъ слезъ.

Когда Конрадъ, послѣ трехлѣтняго странствованія, возвратился на родину, то уже не нашелъ въ живыхъ своего отца. Домикъ съ маленькимъ садомъ и кой-какое имущество покойнаго предоставилъ онъ своей пятидесятилѣтней матери, самъ же опять вступилъ въ услуженіе къ прежнему хозяину, которому надобенъ былъ подмастерье, и который не желалъ лучшаго, какъ дѣятельнаго и смирнаго Конрада, имѣвшаго мало склонности къ сообществу, и потому мало искушенія таскаться по ярмаркамъ и шинкамъ. Причина, по которой молодой человѣкъ опять нанялся въ услуженіе къ человѣку, нимало ему ненравившемуся, была столь глубоко сокрыта въ его сердцѣ, что онъ и самъ ея не зналъ. Конрадъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ ловкій и притомъ пригожій парень; хотя онъ неохотно ходилъ туда, гдѣ было слишкомъ шумно, однако жъ дома былъ онъ живъ, веселъ и охотно шутилъ. Теперь онъ такъ хорошо игралъ на флейтѣ, что даже и школьный учитель чрезвычайно хвалилъ его. Маргарита достигла осьмнадцати-лѣтняго возраста, а когда наступаетъ весна, то цвѣтокъ распускается, и птичка приготовляетъ себѣ гнѣздо.

Конрадъ и Маргарита сначала обходились другъ съ другомъ по прежнему: при встрѣчѣ они ласково привѣтствовали одинъ другаго, а когда имъ было посвободнѣе, шутили и заигрывали. Часто вечеркомъ въ праздничный день, просила она его сыграть на флейтѣ какую нибудь пѣсню; что конечно не могло происходить вблизи дома, ибо мельникъ не терпѣлъ дудки, такъ называлъ онъ флейту. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе отдалялась отъ него дѣвушка; встрѣчи случались рѣже, и она почти не изыскивала никакихъ предлоговъ, чтобъ быть подолѣе вмѣстѣ; а если иногда и случались, то проходили весьма тихо, ибо малому не удавались ни какія шутки. Уже его не просили болѣе играть на флейтѣ пѣсни; но тѣмъ прилежнѣе игралъ онъ про себя, когда сиживалъ на кровлѣ, находившейся надъ мельничными колесами. Маргарита, спрятавшись въ саду, обыкновенно бывала его слушательницею и рѣдко уходила оттуда безъ слезъ, потому что Конрадъ игралъ теперь почти только духовныя или другія печальныя пѣсни. Особенно трогало ее, когда вечеромъ, какъ скоро она зажигала свѣчу, начиналъ онъ играть въ самой близи отъ окна ея комнаты мелодію: *Ужъ всѣ покоятся*

лься. Короче сказать, они обманывалися оба, подобно новичкамъ любовникамъ.

Въ то время любовь была гораздо робче, подвигалась впередъ гораздо медленнѣе и незамѣтнѣе, нежели нынѣ, а потому-то имѣла болѣе времени въ сердцахъ, которыя ей предавались, очень глубоко укореняться. Такъ случилось и здѣсь: любовь молодыхъ людей день отъ дня становилась искреннѣе и тверже; она избѣгала вниманія стараго Рейнгольда своею робостію. Можетъ быть, она была бы и еще долѣе ему неизвѣстна, если бъ счастіе, какъ къ сожалѣнію и часто случается въ жизни, не сдѣлалось ей измѣнникомъ. Между влюбленными дошло до объясненія, которое, хотя состояло только въ пожатіи рукъ и изъ нѣсколькихъ словъ, однако жъ каждому изъ нихъ доставило радостную увѣренность, что онъ любимъ. Перемѣна, которую это объясненіе произвело во всѣхъ дѣлахъ и въ быту молодыхъ людей, внушила мельнику первое подозрѣніе. Теперь онъ сталъ безпрестанно наблюдать за ними, и былъ свидѣтелемъ, чего они не могли и подозрѣвать, ихъ обѣщанія въ вѣчной вѣрности и перваго поцѣлуя, которымъ они запечатлѣли сіе обѣщаніе. Хотя мысль о бѣдномъ зятѣ и приводила въ бѣшенство мельника, но онъ видѣлъ, что поступитъ весьма бла-

горазумно, обдѣлавъ это потихоньку. И такъ онъ удовольствовался только тѣмъ, что Конрада, безъ дальнихъ слѣдствій, уволилъ отъ службы; но дочери своей сказалъ о томъ, что видѣлъ, и что онъ ее, какъ распутную дѣвку, выгонитъ изъ дому, если она опять одна станетъ говорить съ этимъ малымъ. Въ Рождество Христово Конрадъ оставилъ свою службу и отправился въ Пробстгайнъ къ овдовѣвшей мельничихѣ. Сколько ни старался старый Рейнгольдъ сохранить это дѣло въ тайнѣ, и сколь ни были также молчаливы и влюбленные, однако жъ пророчицы прядилень скоро попали на слѣды истины, и молва о томъ достигла, между прочими, и до ушей Якова, какъ мы уже то видѣли.

2.

„Дитя мое," — сказала старостиха племянницѣ своей въ Воскресенье предъ Рождественскимъ постомъ — „дитя мое! что изъ этого будетъ? Ты день ото дня становишься блѣднѣе, и глаза твои все глубже и глубже впадаютъ. Это печаль, чистая печаль; а она злая болѣзнь: она можетъ худо кончиться, дитя мое, если ты не предостережешься."

— „Я молюсь и тружусь — отвѣчала дѣвушка: — „что жъ мнѣ болѣе дѣлать, любезная тетушка?"

„Выкинуть совершенно изъ головы это дѣло, потому, что оно никогда не можетъ исполниться. Я думаю, ты знаешь своего отца. Онъ — прости Господи мое согрѣшеніе — лучше захочетъ видѣть тебя въ гробѣ, чѣмъ отдать за бѣднаго Конрада.“

— „Ахъ! развѣ я просила его объ этомъ? развѣ слышалъ онъ мои жалобы, видѣлъ мои слезы? Не хотѣла ли я, не говоря ни слова, выйти за Якова. Чѣмъ же я виновата, что онъ меня спросилъ, люблю ли я его? Неужели мнѣ должно было его обмануть?“

„Избави Богъ! Нѣтъ, никто не можетъ тебя ничѣмъ упрекнуть: ты доброе дитя. Но помогаетъ ли намъ это, когда печаль повергаетъ тебя на смертный одръ? Подумай, какой ужасный грѣхъ, когда человѣкъ самъ прекращаетъ свою жизнь!“

— „Боже милостивый! развѣ я это дѣлаю? Во весь день я не подумаю и трехъ разъ о Конрадѣ, а если это и случится, и мнѣ становится тяжело на сердцѣ, то я тотчасъ принимаюсь за тяжелую работу, и избавляюсь отъ своей думы. Но вечеромъ, когда я погашу свою свѣчу, и когда повсюду наступаетъ тишина — тогда, правда — воображаю, что если бъ кто нибудь заигралъ: *Ужъ всѣ покоятся лѣса*, или какую нибудь духовную пѣснь, то я могла бы заснуть. Но теперь часто не сплю до тѣхъ поръ, пока не запоетъ пѣтухъ; и чѣмъ долѣе не сплю, тѣмъ ужаснѣе становится моя тоска. Если же я наконецъ и засыпаю, то начинаетъ меня давить домовой, и я просыпаюсь болѣе утомленною, нежели была до сна. Отъ этого, можетъ быть, происходитъ и то, что я становлюсь блѣднѣе. Но что же мнѣ дѣлать? Развѣ я могу позабыть его? А если бъ и могла, то не было ли бы это съ моей стороны неблагодарностію?“

„Ну, когда бы до того дошло? Что если бъ онъ, — говорю только для примѣра — позабылъ тебя?“

— „Нѣтъ! нѣтъ!“

„Однако жъ это возможно, и его нельзя въ томъ обвинять. Что вамъ уже не бывать четою, это онъ знаетъ такъ же хорошо, какъ и ты. Ну, если бъ ему представился хорошій случай пристроить себя, и если бъ онъ нашелъ женщину, которая была бы для него непротивна, хотя бы онъ и не могъ ее такъ искренно любить, какъ тебя; не долженъ ли онъ лучше ухватиться за это, чѣмъ на всю жизнь свою оставаться бѣднымъ подмастерьемъ мельника? И такъ видишь ли.....“

— „Тетушка“— прервала ее дѣвушка, силь-

но пожавъ у ней руку — „скажите мнѣ прямо, онъ измѣнилъ мнѣ, не такъ ли?“

„Ну,“ — отвѣчала старостиха — „ты догадливая дѣвушка; впрочемъ гораздо лучше, когда ты узнаешь это. Уже нѣсколько дней обдумывала я и такъ и сякъ, должна ли я сказать тебѣ объ этомъ. Говорятъ, что Конрадъ женится на вдовѣ мельничихѣ, у которой онъ служитъ, и въ Пробстгайнѣ поговариваютъ о томъ, какъ уже объ оконченномъ дѣлѣ. За двѣнадцать лѣтъ предъ симъ я видѣла однажды мельничиху на свадьбѣ Степана Грюндлера въ Уллерсдорфѣ. Она была тогда невѣстою и прекрасною дѣвушкою, такъ что можно было ей позавидовать. Теперь она конечно лѣтъ тридцати, но что за дѣло до того? Конрадъ и самъ двадцати пяти лѣтъ, и разница въ лѣтахъ не такъ-то велика. Она, какъ говорятъ, добрая хозяйка и въ хорошемъ положеніи; дѣтей не имѣетъ: и при большомъ хозяйствѣ не можетъ обойтися безъ мужа, а потому-то я думаю, что это очень естественно.“

(Продолженіе впредь.)

II.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Типы (*), или первообразы въ Литературѣ.

Подражаніе есть предметъ Искусства въ тѣсномъ смыслѣ слова; изобрѣтеніе есть признакъ генія.

Изобрѣтенія самостоятельнаго не существуетъ. Самое смѣлое и оригинальное изобрѣтеніе есть не что иное, какъ составъ отборныхъ подражаній. Человѣкъ ничего не творитъ изъ ничего; но онъ возвышается до силы творческой, когда образуетъ изъ множества различныхъ началъ новое и нераздѣльное цѣлое, и говоритъ ему: *будь*.

Ваятель изображаетъ человѣка; онъ передаетъ мрамору гармоническій размѣръ его членовъ, волнистую гибкость мускуловъ, живую упругость тѣла, въ которыхъ думаешь видѣть самую жизнь; но Ваятель произвелъ только подобіе человѣка, статую.

Онъ собираетъ, извлекаетъ, сравниваетъ, согласуетъ въ порядкѣ возможномъ, возможномъ до естественности, всѣ части совершенной организаціи, въ коей дышитъ вели-

(*) Съ Греч. τύπος, образецъ, знакъ, отъ τύπτω ударяю.

чіе божества, едва очеловѣченное остаткомъ негодованія и гнѣва; Ваятель уже не Ваятель: онъ изобразилъ Аполлона Пиѳійскаго, изобразилъ божество.

Во времена Гомера ни одинъ воинъ не былъ именно его Ахиллесомъ, Аяксомъ, Діомедомъ, ни одинъ царь его Несторомъ; но царь сей и сіи герои, которые никогда не существовали, въ его твореніяхъ, они живы.

Если хотите по вѣрнымъ признакамъ открыть въ Поэтѣ изобрѣтательность или геній, остановитесь на томъ Поэтѣ, котораго герои содѣлываются *типами* во всѣхъ Литературахъ, и собственныя имена свои передаютъ во всѣ языки, какъ имена нарицательныя. Въ самомъ дѣлѣ, имя такого лица не простая подпись, сдѣланная на цоклѣ статуи или на плинтѣ барельефа; оно есть представительный знакъ умопонятія, мысли, созданія. Нынѣ, даже названіе героя и полубога не такъ сильно говоритъ воображенію, какъ имя Ахиллеса.

Во времена второстепенныя, когда успѣхи просвѣщенія привели въ дѣйствіе новыя махины, и открыли новыя умозаключенія, два пути представились уму человѣческому: одинъ, уже проложенный, ведетъ только къ безпрестанному возрожденію *типовъ* древности; другой, изобрѣтательный и смѣлый,

стремится схватить въ моментъ дѣйствія характеръ и черты типовъ новѣйшихъ. Отъ различія сихъ направленій произошла, можетъ быть, разность ученій *классическаго* и *романтическаго*, хотя они оба въ началѣ равно принадлежали къ школѣ Романтиковъ, а въ послѣдствіи должны обратиться къ школѣ Классиковъ.

По мѣрѣ того, какъ воспитаніе народовъ втораго образованія основалось на преданіяхъ народовъ древнихъ, духъ подражательности усиливался. Исключивъ фантастическіе вымыслы Данта, гдѣ *типы*, самые разительные и необыкновенные, набросаны въ ужасномъ излишествѣ, какъ въ *Страшномъ судѣ* Микеланджело, у Италіянцевъ мало найдется изобрѣтателей. Шекспиръ также богатъ *типами*, какъ Гомеръ: онъ бралъ ихъ на всѣхъ ступеняхъ лѣствицы воображенія, отъ природы самой вещественной до самой изступленной фантазіи. Рыцарская пылкость, неукротимость нрава, острота и точность выраженій Италіянца Меркуціо, чувствительная свирѣпость и геройское прямодушіе Отелла, не являютъ ничего свойственнѣе его лицу, какъ надутое ребячество Пукку, или дикая грубость Калибану (*). Но Шекспиръ умѣлъ олицетворить все — геній, страсти, заблужденія,

(*) Дѣйствующія лица Шекспировыхъ Драмъ.

безотчетныя тревоги сердца, недугъ, заражающій общество, которое зачинается съ зародышемъ смерти. Возвышенный образъ Гамлета, которому никогда не узнаютъ настоящей цѣны, есть совершенный *прототипъ* среднихъ вѣковъ. Нѣмцы, которыхъ природная склонность къ мистицизму влечетъ всегда въ спиритуализмъ, были менѣе способны чувствовать и передавать картины общественной жизни въ самыхъ положительныхъ видахъ ея. Порывы ихъ мечтательнаго психизма увлекаютъ ихъ къ міру болѣе идеальному, и они открываютъ разительные *первообразы* болѣе силою предвидѣнія, нежели мышленія, болѣе въ будущемъ, нежели въ настоящемъ. Человѣкъ, каковъ онъ есть, исчезаетъ для нихъ предъ тѣмъ, что онъ будетъ, или что быть долженъ. Неизмѣнные въ нравахъ, потому, что переносили духовную жизнь свою въ другую сферу, они предшествуютъ въ ходѣ мышленія. Такимъ образомъ Шиллеръ въ своихъ *Разбойникахъ*, произведеніи, котораго всю силу во самъ едва постигалъ онъ, играючи, начерталъ поэтическій обзоръ всѣмъ предстоявшимъ переворотамъ въ политическомъ мірѣ. Такъ Гёте открылъ тайну ихъ въ изображеніи мечтательной, раздражительной, страстной чувствительности *Вертера*, которая

наконецъ принуждена возстать противъ самой себя. Если бъ можно было совокупить сіи два *типа* въ одной чертѣ, то не нужно было бы сооружать другаго памятника нашей современной Исторіи: она вся въ нихъ.

Я упомянулъ, что изобрѣтательный геній писателя познается въ особенности въ созданіи *типовъ*, и что ни одно вымышленное лице не можетъ быть *типомъ*, если не представляетъ того выраженія оригинальной, но разительной индивидуаціи, которая каждому его усвоиваетъ. Кто не знаетъ Донъ Кихота и Санхо? Кому бы не пріятно было вѣрить, что они точно жили, и одинъ на рыжакѣ своемъ, другой на ослѣ, разъѣзжали по долинамъ Ламанхскимъ? Кто бы охотно не покинулъ всѣхъ наслажденій и пріятностей просвѣщенной бесѣды, чтобы застать ихъ неожиданно, какъ Далоридъ или Африканскій невольникъ, въ укромной гостиницѣ? Въ одну изъ Наполеоновыхъ войнъ, которой цѣлію было дать Испаніи повелителя своего покроя, Французы, тревожимые вооруженнымъ народомъ, отмщали ему, по древнему обычаю героевъ, предавая страну пламени пожаровъ. Одно селеніе должно было подвергнуться общей участи; его называютъ — и это Тобозо. Единодушный хохотъ поднимается въ рядахъ, оружіе выпадаетъ изъ

рукъ побѣдителей, и счастливые соотечественники Дульцинеи избавлены отъ гибели подъ покровомъ генія Сервантеса.

У Французовъ часто оспоривали изобрѣтательный геній; между тѣмъ ни у одного народа не былъ онъ въ такой высокой степени, ни у одного не было такого разнообразія въ созданіи *типовъ*. Французамъ недоставало только литературной свободы, которую съ самаго начала существованія ихъ Литературы, оспориваютъ у нихъ именемъ Аристотеля, Сорбонны, Академіи; и нынѣ, во дни всеобщаго разстройства, до коихъ они достигли, вѣроятно откажутъ имъ именемъ сей самой необузданной свободы. Геній во Франціи напоминаетъ сказку о Гулливерѣ въ странѣ Лиллипутовъ. Онъ показывается — они убѣгаютъ; заснетъ — взлѣзутъ на него, и, пробудясь, онъ видитъ себя связаннымъ карлами.

Но то неоспоримо, что творческій геній имъ свойственъ. Ихъ адвокатъ *Пателенъ* являетъ безсмертный *типъ*, и это служитъ подтвержденіемъ принятому нами правилу: имя его сдѣлалось именемъ нарицательнымъ. Рабеле изъ всѣхъ изобрѣтателей самый обильный типами. Послѣ него мы видимъ только подражателей. *Братъ Иванъ*, *Панюржъ*, *Роминагроби*, *Пикроколь*, *Бридуа*, *Брагмардо*, лица совершенно правдоподобныя, ходячая монета, изображающая пробу и клеймо Французскаго духа, и сія монета выбита однимъ Рабеле. Равный ему геній можно найти въ одномъ Мольерѣ. *Тартюфъ* выше всякаго *типа*: это живая вывѣска. Вѣрно всякій знаетъ *Тартюфа*, такъ какъ всякій имѣлъ дѣло съ *Гарпагономъ*. *Мизантропъ* совсѣмъ въ другомъ родѣ: тутъ отпечатки стерты, неясны. Мольеръ самъ вошелъ въ кругъ тогдашняго общества, безхарактернаго, похожаго на стертую временемъ монету, безъ всякой выпуклости и знаковъ; онъ постигъ его, схватилъ эти самыя черты, и, бросивъ въ безсмертную форму своей изобрѣтательности, — отлилъ *типъ*.

Если бъ прекрасная и благородная организація Корнеля не была порабощена современною Академіею размѣру Прокустова ложа, на коемъ каждый геній Франціи подверженъ былъ пыткѣ, онъ болѣе оставилъ бы намъ *типовъ*, ибо природа одарила его силою изобрѣтательною въ высочайшей степени. Но что могъ онъ произвесть, имѣя врага въ Ришелье, соперника въ Скюдери и судью въ Шапеленѣ? Не смотря на сіе, созданные имъ первообразы носятъ отпечатокъ столь разительной особенности, что подражаніе не смѣетъ коснуться ихъ. *Поліевктъ* и *Никомедъ* суть

лица цѣльныя, донынѣ не тронутыя подражателями.

Допустивъ принятую мною гипотезу, легко можно понять, что Расинъ, который еще болѣе Корнеля былъ подверженъ академической взыскательности и, въ довершеніе, содѣлался человѣкомъ придворнымъ, произвелъ еще менѣе рѣзкихъ *типовъ,* живая и оригинальная выразительность коихъ съ математическою точностію показывала бы существенное достоинство Поэта. Выборомъ предмета онъ долженъ былъ свергнуть иго практическихъ (routinières) преданій древности и подавляющаго вліянія вельможъ, чтобъ осмѣлиться начертать характеры *Акомата* и *Роксаны.* Только въ нихъ показалъ онъ, что ему свойственны смѣлыя новизны и созданія возвышенныя. Все остальное есть лишь ослѣпительный отблескъ Греческихъ Трагиковъ и священныхъ Пѣснопѣвцевъ.

Явился Вольтеръ, который въ самомъ себѣ былъ *типъ.* Неутомимый поклонникъ властей падшихъ и возраждающихся, заносчивый Классикъ, боязливый Романтикъ, одинъ изъ тѣхъ мятежныхъ, но не рѣшительныхъ геніевъ, которые служатъ осью переворотовъ міра, — онъ умѣлъ разрывать оковы — и ходилъ на помочахъ. Герои его большею частію слѣпки, въ коихъ едва ли можно найти черты человѣческія. Отъ *Оросмана,* неудачно передѣланнаго изъ Отелло, до *Пангloса,* онъ не пустилъ въ ходъ ни одного первообразнаго, ни одного вѣроподобнаго характера. Нерѣдко подумаешь, что онъ старался ихъ переряжать и выворачивать на изнанку: у него Гвебры не Гвебры, Скиѳы не Скиѳы, Музульмане не Музульмане, Американцы не Американцы. Это ораторы Гольбахова клуба, возглашающіе въ александрійскихъ стихахъ риѳмованные обрывки Философіи. Ему предстояло первообразное лице въ *Магометѣ*: онъ сдѣлалъ попытку, — но безъ успѣха. Однако въ семъ твореніи, хотя однажды, показалъ онъ, что ему не совсѣмъ чуждъ духъ изобрѣтательности. *Сеидъ* есть *типъ,* и имя его, какъ извѣстно, сдѣлалось нарицательнымъ. Это испытаніе безошибочно.

Послѣ Драмы, самое обширное поприще для созданія типовъ открывается генію въ Романахъ. Посему легко замѣтить, какъ ничтожно число истинныхъ геніевъ въ отношеніи къ безчисленному множеству Писателей по ремеслу, и даже въ отношеніи къ весьма ограниченному числу оныхъ съ дарованіями. Романъ, родъ сочиненія совершенно новый, размножился въ теченіе трехъ столѣтій съ такимъ успѣхомъ, что нынѣ выходитъ наконецъ изъ всѣхъ исчисленій библіо-

графіи. Но можно въ немногихъ строкахъ счесть всѣ Романы, заключающіе въ себѣ *типы* вѣрные, оригинальные и хорошо очерченные, которые достойны были бы стоять на ряду съ безсмертными произведеніями Сервантеса и Рабеле.

Никто не помыслитъ, безъ сомнѣнія, отнимать у Лесажа умъ тонкій, острый, изобрѣтательный, способный къ наблюденіямъ, оживленный веселостію сообщительною, изобильный выходками игривыми и язвительными; но онъ не вывелъ въ литературный свѣтъ ни одного *типа*. *Жилблазъ* есть лице условное, вставленное съ рѣдкимъ искусствомъ въ разсказъ остроумный въ тысячѣ различныхъ дѣйствій; но лице сіе не есть индивидуальность, цѣликомъ взятая изъ горнила самой природы. Кребильонъ сынъ и Мариво были также наблюдатели, но мелочной вкусъ ихъ слишкомъ поддѣлывался подъ крохотный размѣръ общества Пигмеевъ. Подумаешь, что они старались примѣнить къ нравамъ своего времени ученіе о *безконечно малыхъ*. Микроскопъ, приспособленный къ изслѣдованію вещества въ его послѣднихъ раздробленіяхъ, не помогъ бы отыскать у нихъ ни одного *типа*: у нихъ все атомы. — Идеальный геній Жанъ-Жака Руссо вовлекъ его въ противную крайность. Привыкши жить въ гадательномъ мірѣ, имъ

самимъ созданномъ, онъ носился такъ далеко отъ міра существеннаго, что не могъ замѣтить въ ономъ отличительныхъ типовъ. Никто глубже его не проницалъ въ мысли и поверхностнѣе не касался человѣка. У него не было всеобъемлющаго орлинаго взгляда, который можетъ прямо взирать на солнце или завидѣть скрывающееся въ прахѣ насѣкомое: взоры его блуждали лишь въ поднебесной. Однако, своею возвышенностію и могуществомъ, вовлечетъ онъ васъ иногда въ тѣ обольщенія, въ которыя самъ впадаетъ; но берегитесь: это одинъ только призракъ. Типы, которые силился онъ изобрѣсти, не только не правдоподобны и ошибочны, но даже совершенно лживы. Это не *типы*, а фальшивая монета, мнимое достоинство коей исчезаетъ при первомъ испытаніи. Въ характерахъ Сенъ-Пре, Юліи и Вольмара гораздо менѣе нравственнаго вѣроподобія, нежели въ герояхъ волшебныхъ сказокъ. — Предоставимъ ему блуждать въ необъятной высотѣ его умозрѣній, вмѣстѣ съ нѣсколькими умами пытливыми, которые въ весьма немногихъ точкахъ соприкосновенны нашей природѣ, и заглушили въ себѣ, для мнимой способности къ достиженію совершенства, чувства, сродныя человѣку. *Типъ* юной дѣвы, простой и естественной въ совершенствѣ своемъ, съ

природною непорочностію и стыдливостію, *типъ* сей, облеченный въ божественную идеальность, могъ создать одинъ Бернарденъ-де-Сенъ-Пьеръ въ восхитительномъ и трогательномъ лицѣ *Виргиніи,* мысли столь свѣжей, чистой, неподражаемой. Невинная простота и чистосердечіе содѣлали лице сіе народнымъ, хотя, по возвышенному происхожденію, ангельскимъ прелестямъ, его скорѣе можно отнести къ вдохновенію божественному, нежели къ вымыслу Поэта.

Имя Бернарденъ-де-Сенъ-Піера напоминаетъ знаменитѣйшаго Прозаика современной намъ эпохи, Шатобріана, и, говоря о *типахъ въ Литературѣ,* нельзя пропустить *Рене,* прекрасное и величественное созданіе, въ коемъ геній сокрылъ ужасную тайну исчезающаго просвѣщенія. Я сказалъ выше, что преждевременное описаніе угрожавшихъ Европѣ переворотовъ было вполнѣ изложено въ *Разбойникахъ* и *Вертерѣ: Рене* заключаетъ въ себѣ, какъ горестное и ужасное пророчество, исторію разрушившихся обществъ. При первомъ взглядѣ, являются только черты важныя, торжественныя, таинственныя и столь неопредѣленныя, что въ нихъ мысль теряется; но онѣ означены тѣмъ могущимъ перстомъ, который изобразилъ на стѣнахъ палатъ Валтасаровыхъ приговоръ

грозный, и, къ удивленію, онѣ долго будутъ непонятны мудрымъ и земли.

Невозможность обнять совершенно новую идею во всей ея силѣ, не заставляетъ нынѣ отказываться отъ притязанія оную поработить и усвоить; для сего найдено легкое и вѣрное средство, которое всегда готово для Критики. Должно сократить черты ея соразмѣрно съ понятіями тѣхъ, которые будутъ судить, и унижать оную постепенно, пока подойдетъ подъ общую мѣру. Такъ, напримѣръ, въ *Рене* находили только подражаніе *Вертеру,* и для близорукаго взгляда оно не могло казаться иначе. Вообще я думаю, что нельзя сравнивать между собою образцовыя произведенія геніевъ. Творенія ума имѣютъ свою особенность, равно какъ и люди; а тѣ, въ коихъ оной нѣтъ, не стоятъ, чтобъ ими занимались. Они входятъ тогда въ область посредственности, гдѣ сравнивать легко, ибо тамъ нѣтъ типовъ; по *Вертеръ* и *Рене, типы* хотя между собою близкіе, однако различные. *Вертеръ* выражаетъ смятеніе души, которая не находитъ въ самой себѣ достаточной пищи. *Рене* выражаетъ тоску, томленіе души всеобъемлющей, которая чувствуетъ, что все теряется передъ нею, ибо все оканчивается. Тутъ смертельная тоска, безпощадное (inexorable) со-

мнѣніе, безотрадное отчаяніе послѣдней борьбы съ безбудущною смертію; тутъ ужасный трескъ общественнаго зданія въ минуту его разрушенія. Въ *Вертерѣ* видно глубокое волненіе души нѣсколькихъ страждущихъ поколѣній; въ Рене послѣднее судорожное движеніе погасающаго міра.

Англичане, коихъ нравственная физіономія гораздо разнообразнѣе Французской, могли болѣе произвести *типовъ* въ своихъ Романахъ. Фильдингъ являетъ *типы* остроумные и разительные, Ричардсонъ естественные и величественные. Вальтеръ-Скотъ, — у коего слишкомъ растянутый вымыселъ, главное содержаніе, часто забытое для подробностей, развязки слишкомъ быстрыя, не всегда въ точности удовлетворяютъ условіямъ обширнаго сочиненія, — сей Романистъ обязанъ народностію своего генія, вѣроятно, обильности и новизнѣ своихъ типовъ. Правда, что нѣкоторую часть оныхъ извлекъ онъ изъ природы мечтательной, въ коей воображеніе кажется болѣе на просторѣ, ибо располагаетъ тогда твореніемъ, собственно ему принадлежащимъ и непризнающимъ инаго закона, кромѣ волшебной силы, произведшей его. Но изъ сего не должно заключать, чтобы его *типы* не достигали той степени вѣроподобія, которая составляетъ существенный признакъ изящнаго въ человѣческихъ произведеніяхъ. Въ мечтательномъ ли или въ положительномъ видѣ писатель изображаетъ своихъ героевъ, необходимо только, чтобы они носили на себѣ неизгладимое клеймо правдоподобія. Хотя въ силу вымысла самаго невѣроятнаго и намѣка весьма далекаго, мы приписываемъ животнымъ наши нравы и страсти; однако Лафонтенъ одинъ богаче *типами* строгой естественности, нежели всѣ прочіе Поэты. Люди разсудительные не вѣрятъ ни чертямъ, ни колдовству; но всѣ сознаются, что Фаустъ и Мефистофель *типы* удивительные. Викторъ Гюго, геній съ самою оригинальною изобрѣтательностію изо всѣхъ эпохъ Литературы, начерталъ въ своихъ Романахъ два чрезвычайные *типа*(*), безъ всякой относительности ко всему существующему, равно какъ безъ всякаго образца: *Людоѣдъ* и *Оби*. Ихъ безъ сомнѣнія нельзя назвать умственными твореніями, представителями живой природы. Назовите ихъ чудовищами, но все они будутъ *типы*, и подъ перомъ великаго Писателя всякій *типъ* получаетъ существованіе.

И такъ, по мнѣнію моему, одинъ геній сроденъ къ изобрѣтенію *типовъ*, и въ этомъ-то случаѣ самое искусное подражаніе нико-

(*) Писано въ 1830 году. *Пр. Перев.*

гда не можетъ принять совершенно видъ его. Поддѣльный *типъ* открывается самъ собою чрезъ усилія ума удалить его отъ всякаго сравненія, и усилія сіи всегда остаются тщетными, ибо ничего нельзя произвести правдоподобнаго, искажая истинную природу. Въ такомъ случаѣ, лучше ограничиться скромными принадлежностями переводчика или подражателя. Литературное назначеніе сіе не заключаетъ въ себѣ ничего унизительнаго; ибо на одного изобрѣтателя есть тысячи подражателей. Остроумный переводъ, хорошее подражаніе, искусное *пастиччіо* или выписка лучшихъ мѣстъ образцовыхъ Писателей, составляющая занимательное цѣлое, — хотя творенія не геніяльныя, однако не менѣе того требующія вкуса и дарованія. Но есть люди, которые не могутъ ограничиться таковымъ назначеніемъ, составляющимъ удѣлъ многихъ отличныхъ Писателей; имъ тѣсно въ рядахъ ихъ, изъ коихъ только изрѣдка выступаютъ геніи, одаренные самымъ важнымъ преимуществомъ; въ необузданномъ тщеславіи своемъ почитаютъ они незаслуженною ту славу, которая затмѣваетъ ихъ достоинство; — для такихъ людей есть еще прибѣжище: они могутъ, вопія противъ невѣжества и варварства на пути торжествующихъ, стать подъ классическую эгиду Аристотеля, Лагарпа, Мармонтеля, запереться среди почестей академическихъ, какъ Ахиллесъ въ ставкѣ своей, — и это не малое утѣшеніе.

(Съ Французскаго, изъ К. Нодье.)

III.

МЕДИЦИНА.

О книгѣ:

Mittheilungen über die Cholera Epidemie zu St. Petersburg im Sommer 1831. *Zweiter Theil.* (*Извѣстія объ эпидеміи Холеры въ С. Петербургѣ въ продолженіе лѣта* 1831 *года.* Часть вторая.

(Окончаніе.)

Изъ сего видно, что смертность была чрезвычайна въ теченіе четырехъ первыхъ недѣль, а потомъ стала уменьшаться (стр. 47). Еще интереснѣе замѣтить, что состояніе болѣзненное холерное имѣло верхъ надъ всѣми болѣзнями, бывшими въ то же время, и не только количествомъ, но и качествомъ отличалось оное отъ прочихъ видовъ болѣзненныхъ, потомъ опять умалилось мало по малу и періодически умножалось. Въ Сухопутномъ и Морскомъ госпиталяхъ, въ первую

недѣлю по появленіи холеры, число больныхъ иными болѣзнями превосходило больныхъ холерою, потомъ въ теченіе 12 — 14 дней прибыло болѣе больныхъ холерою. Авторъ представляетъ (стр. 48.) сіе въ числахъ слѣдующимъ образомъ:

Въ 1 недѣлю обыкновенными болѣзнями прибыло: 164, холерою 63; во 2 нед. обыкн. болѣзн. 132, холерою 609; въ 3 нед. обыкн. болѣзн. 144, холерою 442; въ 4 нед. обыкн. болѣзн. 225, холерою 171; въ 5 нед. обыкн. болѣзн. 278, холерою 60; въ 6 нед. обыкн. болѣзн. 355, холерою 42.

Вліяніе холернаго болѣзненнаго состоянія было такъ значительно, что въ первую недѣлю оное оказывалось на больныхъ, одержимыхъ иными болѣзнями (стр. 48 и 49). На второй недѣлѣ ни хроническія болѣзни, ни открытыя язвы не защищали отъ присоединенія холернаго болѣзненнаго состоянія (стр. 50), и у многихъ, страдавшихъ чахоткою легкихъ и водяною болѣзнію, предъ смертію оказывались нѣкоторые припадки, похожіе на холерные. Господствовавшее холерное болѣзненное состояніе особенно было пагубно для страдавшихъ скорбутными и венерическими язвами (стр. 51 и 52). Въ 3 недѣлѣ вліяніе холернаго болѣзненнаго состоянія на другія болѣзни стало уменьшаться (стр. 53.). Кровь,

пущенная изъ вены, была свѣтлѣе; смертность (стр. 54) меньшая — 44 изъ 100. На *четвертой недѣлѣ* смертность еще болѣе уменьшилась — 42 изо 100. Число больныхъ иными болѣзнями, прибывавшихъ въ госпиталь, было 3 — 4 раза болѣе. На пятой недѣлѣ показались (стр. 55) стеническія лихорадки; на крови, выпущенной изъ вены, была волокнисто-студенистая пленка; но воспаленія все еще были въ нѣкоторомъ сопряженіи съ господствовавшимъ (стр. 56) холернымъ болѣзненнымъ состояніемъ. Въ половинѣ Іюля холерная эпидемія (стр. 57) потеряла свою силу. Любопытно было видѣть, какъ на *шестой недѣлѣ* снова появились воспалительные припадки (стр. 58), кашель, лихорадки — болѣзни, скрывшіяся во время свирѣпствованія холеры. У дѣтей показался судорожный кашель. Не многіе субъекты, пораженные холерою, умирали скоро. На *седьмой недѣлѣ* Авторъ не имѣлъ ни одного новаго больнаго холерою. Всѣ признаки холернаго болѣзненнаго состоянія по видимому исчезли. Не смотря на сіе, 9-го Августа (стр. 59) поступили двое больныхъ холерою, и оба умерли въ теченіе двухъ часовъ. Кромѣ сихъ прибыли еще четверо, изъ коихъ умерли двое. Сіи шесть больныхъ доказываютъ ожесточеніе эпидеміи въ третій разъ на 9 недѣлѣ — ожесточеніе, ощу-

*

тительное для больныхъ хроническими (стр. 60) болѣзнями. На 9, 10, 11 и 12 недѣляхъ, когда воспалительное болѣзненное состояніе начало брать верхъ надъ холернымъ болѣзненнымъ состояніемъ (стр. 61), заболѣли два матроса, изъ коихъ одинъ умеръ. Холерное отдѣленіе Морскаго (стр. 62) госпиталя было упразднено 1 Сентября, но 7 и 8 числа того же мѣсяца прибыли два больные холерою, и одинъ изъ нихъ умеръ. Сіе случилось на 13 недѣлѣ, замѣчательной во всей столицѣ; въ то же время въ Воспитательномъ Домѣ (стр. 63) вновь появились больные холерою.

Холерная эпидемія поражала многихъ, особенно же пріѣзжихъ изъ провинцій или возвратившихся съ дачъ. Два послѣдніе больные прибыли 3-го и 8-го Октября; первый изъ нихъ умеръ спустя 37 часовъ, второй послѣ семи часовъ. Холерное болѣзненное состояніе, имѣвшее ужасный видъ холернаго припадка (стр. 64), теперь вступило въ рядъ эпидемическихъ болѣзненныхъ состояній; пораженія онаго будутъ болѣе или менѣе злокачественны, по мѣрѣ, какъ въ человѣческомъ родѣ, теперь живущемъ, притупится пріемчивость къ оному.

Особенности холернаго болѣзненнаго состоянія теперь извѣстны каждому практическому врачу; но весьма полезно познать

сіи признаки склоненія эпидемическаго состоянія въ холерное. Для сего Авторъ представляетъ сравненіе моментовъ того и другаго состоянія:

1-е, Должно ожидать появленія холернаго болѣзненнаго состоянія, если господствуетъ значительное воспалительное болѣзненное состояніе (стр. 56) нѣкоторое время, если въ крови показывается особенная плёнка, и если господствуютъ воспалительныя, перемежающіяся лихорадки, болѣзни отъ застоянія крови, кровавые удары, воспаленія слизистыхъ перепонокъ, рожи, кашель и наклонность къ запорамъ.

2-е, Когда всѣ сіи болѣзни исчезаютъ, и вмѣсто оныхъ появляется *астенія*, соединенная съ нервнымъ пораженіемъ мозга, обмороками, слабостію, недѣятельностію сердца отъ слабаго обращенія крови, отъ мрачнаго расположенія духа, то переходъ въ холерное болѣзненное состояніе уже насталъ, т. е. наклонность къ поносамъ при чистомъ языкѣ, внезапная смерть отъ нервнаго удара и онѣмѣнія легкихъ; хроническіе больные въ сіе время чувствуютъ себя хуже.

3е, Сходно съ сими основными законами, находимъ, что при господствованіи воспалительнаго (стр. 66) болѣзненнаго состоянія у большей части больныхъ пульсъ бываетъ

полный, кожа горячая, лице красное и проч., языкъ сухой, горячій, дыханіе спертое отъ полнокровія, кашель, критическія отдѣленія чрезъ легкія, кожу и кишечный каналъ; во время же свирѣпствованія холернаго болѣзненнаго состоянія, у больныхъ пульсъ слабый, вялый, холодная маслистая кожа, ослабленіе душевныхъ отправленій, мало жизненности въ чертахъ лица, сырой, холодный языкъ, спертое тоскливое дыханіе, кашля нѣтъ, но испражненія водянистыя, кровь темная.

4е, Особенный признакъ составляютъ содержаніе крови и низшая температура языка. При приближеніи холернаго болѣзненнаго состоянія, кровь у всѣхъ больныхъ, выпущенная изъ вены, теряетъ свѣтлый цвѣтъ или, лучше, лишается способности соединяться съ кислотворомъ воздуха; но въ полостяхъ сердца (стр. 67) и въ большихъ стволахъ сосудовъ образуются въ послѣдніе часы жизни наросты волокнисто-студенистые, мягкіе, величиною въ чернословъ. Тутъ же описано состояніе крови, выпущенной изъ вены у больныхъ во время воспалительнаго болѣзненнаго состоянія. Достопримѣчательно уменьшеніе теплоты во время холернаго болѣзненнаго состоянія, обнаруживающееся на языкѣ, хотя не было бы поноса и рвоты. На сей признакъ Авторъ обращаетъ внима-

ніе своихъ товарищей (стр. 68); но ощупывать языкъ совѣтуетъ онъ наружною поверхностію, а не концемъ пальца.

Термометръ показываетъ 25° — 27½ ° Р. теплоты языка; если оная меньше, то сіе означаетъ холерный приступъ. Въ подтвержденіе сего Авторъ прилагаетъ интересное письмо Г. Профессора Нечаева (стр. 69, 70), замѣтившаго температуру языка равную температурѣ комнаты, гдѣ находился больной (около 16° — 18° Р.)

II. *О явленіяхъ болѣзни и опытахъ Астора лечить оную.* Авторъ разсказываетъ исторію двухъ больныхъ холерою (стр. 72 — 76), и представляетъ способъ леченія. Первый изъ сихъ больныхъ умеръ, второй выздоровѣлъ. По теоріи, сравнивая холеру съ періодомъ озноба перемежающейся лихорадки (стр. 81), Авторъ думалъ, что хининъ есть коренное средство противъ сей болѣзни; но сего не послѣдовало на дѣлѣ: дававши хининъ съ опіемъ (стр. 82) Г. З. не имѣлъ успѣха. Однако жъ, не смотря на сіе, въ собраніи врачей 7 Іюля, Докторъ Кубаркинъ разсказывалъ о полезномъ употребленіи хинина въ Воспитательномъ Домѣ (стр. 83). Авторъ критически (стр. 84 — 88) разсматриваетъ употребленіе треній, ваннъ, моксы и другихъ сильныхъ раздражающихъ наружныхъ

средствъ. Спиртныя втиранія производятъ холодъ (стр. 89), напротивъ втиранія масляныя весьма полезны, и Авторъ увѣряетъ (стр. 92), что чумные бубоны въ нѣсколько часовъ проходятъ отъ тренія масломъ. На стр. 94 — 98 Г. Зейдлицъ говоритъ о пользѣ холодныхъ капельныхъ ваннъ, употребляемыхъ по совѣту покойнаго Штабъ-Доктора Ремана, въ бумагахъ коего найдено нѣчто касательно сего. Г. Зейдлицъ, употреблявши холодныя капельныя ванны для 114 больныхъ, говоритъ (стр. 104), что хотя 35 изъ нихъ выздоровѣли, но холодныя сіи ванны, оживляя больнаго, даютъ возможность дѣйствовать на него другими средствами. Въ теплую погоду, т. е. въ Іюнѣ и Іюлѣ (стр. 109) Авторъ употреблялъ холодныя капельныя ванны, но въ Августѣ и Сентябрѣ, въ дождливую погоду, нельзя было дѣлать сего. Внутреннія средства, хининъ, фосфоръ, сладкая ртуть съ опіемъ, не оказали успѣха въ первое время у первыхъ 60 больныхъ. Бѣлая чемерица (стр. 110), прославившаяся во внутреннихъ Губерніяхъ Россіи какъ гомеопатическое средство отъ холеры, не оказала ничего особеннаго. Морфій (уксусокислый) и рвотный камень, при употребленіи всего аппарата наружныхъ средствъ, были полезны. Висмутовый окиселъ, данный три-

надцати больнымъ, оказался полезнымъ только для трехъ. Когда болѣзнь достигала высшей степени, то всѣ пособія искусства были (стр. 111) тщетны, и казалось, будто связь между организмомъ и внѣшнимъ окружающимъ его міромъ была прервана. Счастливъ былъ врачъ, которому удавалось упредить сіе! Терапія холеры (стр. 112) походитъ на безполезныя старанія Грековъ и Римлянъ лечить перемежающіяся лихорадки. Въ половинѣ *второй* недѣли эпидеміи, по предписанію (стр. 115) Высшаго Начальства, дававши висмутовой окиселъ, Авторъ не нашелъ, чтобъ это было средство специфическое (стр. 116), ибо изо 182 больныхъ, принимавшихъ висмутовый окиселъ, умерло 93. Переходъ холеры въ тифъ бываетъ ужасенъ (стр. 117); первые больные выздоравливали или умирали, не имѣвши сей послѣдовательной болѣзни. Авторъ подробно описываетъ методу леченія тифа (стр. 118 — 123); о пользѣ кровопусканія и камфорнаго тюлепа по методѣ Г. Лерха, смотри на стр. 124. Въ началѣ эпидеміи Авторъ почиталъ поносъ и рвоту за припадки, рѣдко обращавшіе на себя вниманіе, и потому не употреблялъ онъ опіятныхъ клистировъ для удержанія поноса. Но въ первые часы леченія онъ производилъ рвоту, дававъ больнымъ теплую воду (стр.

125) или жидкій чай перечной мяты. Онъ давалъ также растворъ рвотнаго камня ипекакуаны, но не могъ вновь произвести рвоты остановившейся. Рвотный камень вмѣстѣ съ морфіемъ давалъ Авторъ для того, чтобы произвести особенное раздраженіе въ желудочныхъ нервахъ. На стр. 126, 132 описываетъ Авторъ свою методу леченія. Холера тѣмъ опаснѣе, чѣмъ менѣе имѣетъ она сопряженій съ припадками другихъ болѣзней (стр. 132). Изъ сего Авторъ выводитъ заключеніе, что предсказаніе объ исходѣ холеры бываетъ благопріятнѣе по мѣрѣ сопряженій ея. Сильный приступъ холеры (стр. 133) не соединенъ ни съ какимъ другимъ болѣзненнымъ состояніемъ; напротивъ, по появленіи ея, всѣ другія болѣзни утихаютъ. Чахоточные ни сколько не чувствовали своего страданія во время холеры. Отдѣленія патологическія, напр. нагноеніе, равно и физіологическія, напр. отдѣленіе молока, мочи, останавливаются во время холеры. Дабы еще разительнѣе представить холеру въ чистомъ отдѣльномъ видѣ, Авторъ подробно (стр. 134 — 137) вычисляетъ признаки, свойственные ей. Г. Зейдлицъ приложилъ къ статьѣ своей (стр. 137) таблицу, содержащую обозрѣніе свойства погодъ, перемѣны барометра и термометра въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ эпи-

деміи. По сей таблицѣ можно судить о вліяніи метеорологическихъ перемѣнъ на ходъ болѣзни; въ оной же означено ежедневное прибываніе больныхъ обыкновенными болѣзнями и холерою въ госпиталь. Въ началѣ (стр. 138) болѣзнь обыкновенно поражала людей старыхъ.

III. *Патогенія и Терапія холеры.* (*Felix, qui potest rerum cognoscere causas!*) Всеобщимъ припадкомъ холернаго болѣзненнаго состоянія Авторъ признаетъ *уменьшеніе теплоты въ тѣлѣ и собственное свойство крови*, которая у холерныхъ бываетъ (стр. 140) чернѣе, холоднѣе, менѣе имѣетъ сыворотки, нежели кровь людей здоровыхъ. Авторъ думаетъ, что сіе (неправильное) противуестественное свойство крови зависитъ отъ нарушенія дыхательнаго жизненнаго процесса. Кровь бываетъ черна у нѣкоторыхъ кахектиковъ и отъ принятія нѣкоторыхъ ядовъ; но температура оной можетъ измѣниться отъ уничтоженія главнаго источника развитія теплоты, вообще — правильнаго отправленія дыханія. Умаленное развитіе теплоты оказывается на языкѣ, котораго теплота бываетъ 23° Р., между тѣмъ, какъ теплота прочаго тѣла бываетъ 31° Р. Сіе заставляетъ (стр. 141) думать о препятствіи дыхательнаго жизненнаго

процесса. При семъ нервы язычный и языкоглоточный (N. lingualis et glessopharyngeus) поражены бываютъ. Еще одинъ изъ характеристическихъ признаковъ холернаго состоянія есть лице холерическое, неправильно называемое *Иппократовымъ*; это измѣненіе лица, показывающее недѣятельность твердой части или личнаго нерва 7-ой пары (стр. 142), отъ чего зависитъ выраженіе лица. Далѣе, характеристическое обращеніе вверхъ глазнаго яблока у всѣхъ холерныхъ больныхъ, причемъ нижняя часть роговой оболочки остается непокрытою и иногда помрачается, и переходитъ въ язву — зависитъ также отъ недѣятельности двухъ нервовъ, принадлежащихъ къ системѣ дыхательной, т. е. нервовъ изъявляющихъ (nervus patheticus) и малой вѣтви вышепомянутой 7 пары или личнаго нерва, ибо если перерѣзать оные, то глазное яблоко обращается вверхъ, обнажается — и воспаляется, какъ у больныхъ холерныхъ. *Голосъ холерный*, или собственно безгласіе, безспорно происходитъ отъ нарушенія дѣятельности скитающагося нерва (nervus vagus), важнѣйшаго изъ дыхательныхъ нервовъ, ибо если перерѣзать возвращающіяся вѣтви онаго, то уничтожится голосъ. *Затрудненіе дыханія, тоска*, въ теченіе болѣзни при приступленіи всѣхъ чувствъ перестающія, зави-

сятъ (стр. 143) отъ грудобрюшно-преграднаго нерва, коего онѣмѣніе изъявляется спаденіемъ покрововъ живота, а дѣятельность, по окончаніи холернаго приступа, *опасною икотою*. *Отсутствіе кашля* во время холерной эпидеміи и обстоятельство, что больные не могутъ кашлять, доказываютъ наконецъ также справедливость, что первоначальные припадки холеры зависятъ отъ поврежденія дыхательной системы нервовъ, непосредственное состояніе коей съ сердцемъ и желудкомъ посредствомъ вѣтвей скитающагося нерва (nervus vagus), объясняетъ намъ онѣмѣніе сердца и верхней половины желудка, бывающее въ холерѣ.

Такимъ образомъ первые и постоянные припадки холеры могли бы заставить насъ думать о страданіи нервной системы, возникающей изъ посреднихъ боковыхъ пучковъ спиннаго мозга простыми корнями, служащей чувствованію и движенію животнымъ низшаго класса, и достигающей высшаго образованія у человѣка. (Въ подстрочномъ примѣчаніи Авторъ говоритъ: не отъ сего ли (стр. 144) человѣческій только родъ поражается настоящею холерою?)

Пораженіе сей системы должно быть чисто динамическое и притомъ прямое нарушеніе дѣятельности онаго; отъ чего мы

въ трупахъ больныхъ, скоро умершихъ въ самомъ припадкѣ холеры, не находимъ вовсе ничего такого, что бы служило къ объясненію патологической Анатоміи холеры. Разсматривая въ Терапевтикѣ средства, служащія противъ первоначальнаго пораженія, также находимъ мало удовлетворительнаго. Сообразнѣйшее средство для оживленія дыханія — чистый атмосферный воздухъ, всегда былъ цѣлебнымъ; ибо удаленіе въ возвышенныя страны, пребываніе на дачѣ, удерживаютъ начинающуюся болѣзнь или препятствуютъ возниканію оной. Отъ сего у людей достаточныхъ, живущихъ въ большихъ квартирахъ, и у бѣдныхъ, работающихъ по цѣлымъ днямъ на открытомъ воздухѣ, болѣзнь появлялась (стр. 145) рѣже; послѣдніе заболѣвали большею частію ночью или передъ утромъ, когда они, оставаясь въ тѣсныхъ жилищахъ, лишаются жизненнаго чистаго воздуха. Посему же больные холерою чувствовали себя лучше на чистомъ воздухѣ, нежели въ тѣсныхъ комнатахъ. Кислотворному газу, какъ оживляющему принципу атмосферы, Авторъ приписываетъ цѣлебное дѣйствіе къ отвращенію перваго холернаго пораженія. Нѣкоторые опыты касательно сего, сдѣланные въ Сухопутномъ Военномъ госпиталѣ, по приказанію Г. Глав-

наго Медицинскаго Инспектора Арміи Баронета Вилліе, по видимому подтверждаютъ сіе. О семъ изложилъ Г. Тернеръ въ статьѣ своей о холерѣ. Меньшую смертность на дачахъ и на островахъ въ окружности С. Петербурга, приписываетъ (стр. 146.) Авторъ развитію кислотворнаго газа отъ зелени и листьевъ. Дѣйствіе галванизма было также испытано въ Военномъ Сухопутномъ госпиталѣ. Къ таковымъ же оживляющимъ средствамъ принадлежатъ холодныя спрыскиванія; то же разумѣть надобно объ эѳирахъ, ароматическихъ, внутреннихъ спиртныхъ и наружныхъ летучихъ раздражающихъ средствахъ, какъ то: о винѣ, эѳирѣ, эфирномъ маслѣ, камфорѣ, фосфорѣ. Возвышеніе перваго пораженія, если оное дѣлается скоро, слѣдствіемъ имѣетъ внезапную смерть (чистую параличную холеру); если же сіе медленно бываетъ, то за симъ слѣдуетъ рядъ вторичныхъ припадковъ, дающихъ болѣзни различный видъ, смотря по пораженію того или другаго нерва дыхательнаго (стр. 147). Усиливающееся пораженіе нѣкоторыхъ изъ числа сихъ нервовъ служитъ худымъ признакомъ. Только продолжительное онѣмѣніе нервовъ, страсть изъявляющихъ (nervus patheticus) и малой вѣтви личнаго нерва имѣетъ слѣдствіемъ потерю зрѣнія, хотя больные

оспаются въ живыхъ. При совершенной недѣятельности грудобрюшно-преградиаго нерва жизнь можетъ продолжаться; но опъ нарушенія дѣятельности онаго послѣдуетъ рвопа, онѣмѣніе двѣнадцапи-перстной кишки, желчнаго пузыря и частію желудка, сокъ поджелудочной желѣзы впекаетъ въ желудокъ, желчь остается въ желчномъ пузырѣ (стр. 148.), пищевареніе разстроивается; на сердце не имѣюпъ вліянія вѣтви скипающагося нерва, опъ чего біеніе сердца ослабляется, жизнедѣятельность самыхъ легкихъ разстроивается. Окисленіе крови перестаетъ, въ большихъ артеріяхъ и венахъ кровь дѣлается черною, густою, опъ чего зависятъ (стр. 149.) корчи. Въ трупахъ открываются слѣды сихъ впоричныхъ припадковъ, и здѣсь начинается папологическая анапомія холеры; видъ трупа, большая окрѣплость всѣхъ мышицъ, сжатіе кишекъ и желчнаго пузыря, особеннаго свойства кровь; легкія сжимаются пакъ, чпо, по видимому, они отспаюпъ опъ спѣнокъ грудной полоспи, и пустота наполнена воздухомъ; но вскрывавши 4 трупа, подъ водою Авторъ не замѣпилъ, чтобы выходили пузырьки воздушные изъ полости грудной. Множайшія средства, кстати употребляемыя противъ сихъ припадковъ, не могутъ однако жъ назваться специфическими и замѣнить другихъ. Кровопусканіе, чистый воздухъ (стр. 150), ароматическія средства, паровыя ванны, утоляющія средства (опій, чилибуха, бѣлая чемерица, углекислота, висмутовый окиселъ, наперсточная трава), масляныя впиранія, и наконецъ наружныя отвлекающія средства служатъ къ преодолѣнію вторичныхъ холерныхъ припадковъ. Возвышеніе нѣкоторыхъ изъ впоричныхъ припадковъ, (корчей, и задержанія желчи), менѣе опасно для жизни больнаго, когда образуется третій рядъ припадковъ.

Сюда принадлежатъ уменьшенія сывороточныхъ и твердыхъ частей крови отъ безпрестаннаго испражненія, остановленія всѣхъ отдѣленій и наконецъ кровообращенія (стр. 151) въ волосныхъ сосудахъ. Переходъ крови изъ тончайшихъ артеріяльныхъ окончаній въ таковыя же окончанія венъ препятствуется: 1) Въ окончаніяхъ артеріяльной системы въ начала системы полой вены въ живопѣ и конечностяхъ, отъ чего еще болѣе препятствуется рожденіе теплоты, кожа дѣлается безкровною, такъ, что нельзя домочься крови ни піявицами, ни кровососными банками. Кровь, пущенная изъ вены, не истекаетъ струею, но идетъ каплями. 2) Въ окончаніи артеріяльной системы въ на-

чала системы воротной вены въ кишечномъ каналѣ, отъ чего, вѣроятно, зависятъ сывороточныя отдѣленія сего канала. 3) Въ окончаніи системы воротной вены въ начала вены печеночной, отъ чего вся венозная кровь кишечнаго канала не имѣетъ истеченія, и въ полномъ смыслѣ слова застаивается въ венѣ воротной и въ венахъ кишечнаго канала. Отъ сего зависятъ (стр. 152) черныя вонючія испражненія. 4) Остановленіе въ перехожденіи крови изъ артерій легочныхъ въ начала венъ (стр. 153) слѣдуетъ иногда послѣ нарушенія дѣятельностію бродящаго нерва (n. vagus). Сіе подтверждаетъ Авторъ опытами надъ животными. Очень обстоятельно описано створоженіе крови (стр. 154 и 155) въ венахъ большихъ легкаго и въ сердцѣ, гдѣ дѣлаются наросты, подобные полипамъ. Какъ скоро у больнаго холерою пульсъ умаляется, то можно быть увѣрену, что началось образованіе наростовъ въ сердцѣ, и смерть послѣдуетъ скоро. 5) Обращеніе крови въ волосныхъ сосудахъ мозга у холерныхъ, по видимому, остается наидолѣе, хотя въ слабой степени (стр. 156.), ибо при сильнѣйшемъ приступѣ холеры память больныхъ не разстроивается, хотя прочее все уже близко къ умиранію. Въ трупахъ находятъ сосудистыя сплетенія (plexus choroidei) и паутинную плеву (pia mater) наполненными кровію.

Симъ начертаніемъ припадковъ холеры Авторъ думаетъ объяснить методу леченія оной и послѣдовательныхъ болѣзней. Касательно причины холеры, онъ (стр. 159) замѣчаетъ, что большая часть больныхъ его не могли ничего сказать, отъ чего они заболѣли. Но при точнѣйшемъ изслѣдованіи всегда открывалась случайная причина, содѣйствовавшая скорѣйшему развитію холеры при господствовавшемъ холерномъ болѣзненномъ состояніи (стр. 160). Тайна, предохранить себя отъ холеры, состоитъ въ избѣжаніи всего, чего остерегаться надобно во всякое другое время, дабы не заболѣть (стр. 161). Въ каждомъ состояніи, въ каждомъ классѣ людей имѣются свои причины къ порожденію холеры. Г. Зейдлицъ принимаетъ холеру за болѣзнь незаразительную (стр. 163) и почитаетъ излишнимъ слишкомъ распространяться о семъ. Приступая къ мѣрамъ предохраненія, должно держаться слѣдующей идеи: холерное болѣзненное состояніе можетъ существовать нѣкоторое время, не обнаруживаясь видимою болѣзнію, которая можетъ послѣдовать или при случайныхъ довлительныхъ причинахъ, или когда усилится вліяніе эпидеміи на людей. Въ первомъ случаѣ пред-

охраняетъ наставленіе о семъ, сдѣланное народу, во второмъ ознакомленіе его со средствами вспомогательными.

А. Н.

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ Путешественнику.

(*Изъ В. Гюго.*)

Ты дальній путь свершилъ; онъ многихъ измѣняетъ,
Онъ скоро старитъ насъ и въ мудрыхъ превращаетъ,
Такъ рано на землѣ.
Мой другъ! ты созерцалъ всѣхъ океановъ волны;
Среди вселенной ты леталъ отваги полный
На гордомъ кораблѣ,
И солнце разныхъ странъ вдали тебѣ сіяло.
Душа вездѣ по прихоти искала
Познаній на пути.
Такъ сѣятель, трудясь, плоды пріобрѣтаетъ:
Твой умъ познанія сугубо награждаетъ,
Ты все успѣлъ найти!
Но другъ твой, менѣе и мудрый и счастливый,
Проводитъ дни свои въ пустынѣ молчаливой,
Подъ небомъ все однимъ.

Какъ дубъ развѣсистый рисуясь издалека,
Близъ хижины родной растетъ онъ одиноко
И временемъ хранимъ.
Ты утомленъ, мой другъ, ты все постигъ, все знаешь,
И наконецъ къ твоей отчизнѣ прилетаешь
Вкусить за трудъ покой.
Печальный, мнѣ твердишь свои повѣствованья,
Какъ много претерпѣлъ ты въ жизни испытанья,
Какъ видѣлъ свѣтъ другой.
И здѣсь, на родинѣ, все полный думъ унылыхъ,
Лаская на рукахъ моихъ малютокъ милыхъ,
Ты говоришь здѣсь мнѣ:
Скажи, товарищъ мой — къ чему вопросъ ужасный!
„Гдѣ твой отецъ, гдѣ мать и гдѣ твой сынъ прекрасный?"
— Они въ другой странѣ!
Тамъ солнце не горитъ, тамъ мѣсяцъ не сіяетъ,
Что съ ними на пути, никто того не знаетъ,
Всѣ скрытны мертвецы!
Ихъ путь таинственный и безъ границы дальной
Свершаемъ медленно... Мы въ той странѣ печальной
Всѣ будемъ пришлецы.
Я въ часъ разлуки былъ и съ ними, какъ съ тобою,
Всѣхъ трехъ, мой милый другъ, различною порою
Въ путь дальній проводилъ,
И въ землю хладную самъ скрылъ ихъ прахъ священный.
Скупецъ безжалостный! я самъ мой кладъ безцѣнный
На вѣчно схоронилъ!
Я видѣлъ ихъ отъѣздъ и, грустію томимый,

Не смѣлъ роптать тогда на рокъ неумолимый,
Но утопалъ въ слезахъ.
И видѣлъ я тогда, какъ души ихъ святыя
Неслись торжественно въ предѣлы неземные
На золотыхъ крилахъ.
Какъ ласточки, онѣ взвились и полетѣли
Въ тотъ край, гдѣ юную весну найти хотѣли
И лѣто лучшихъ дней.
Родимая сперва небесный свѣтъ узрѣла;
О! какъ чело ея предъ смертью засвѣтлѣло,
Когда прощался съ ней.
За нею скрылся сынъ, за нимъ отецъ любимый,
Утратившій свой вѣкъ въ бояхъ за край родимый,
Весь ранами покрытъ.
Тамъ трое всѣ они сномъ вѣчнымъ почиваютъ,
Но души ихъ теперь среди тѣней блуждаютъ,
Куда намъ путь открытъ.
Пойдемъ въ полночный часъ на мрачное кладбище,
Гдѣ нашихъ праотцевъ всегдашнее жилище,
Гдѣ прахъ ихъ положенъ.
Тамъ, съ свѣтомъ мѣсяца, твой встрѣтитъ взоръ смущенный,
Близъ града мертваго, нашъ городъ усыпленный:
Скажи, чей слаще сонъ?
Повсюду тишина — заснулъ нашъ градъ безмолвный;
Пойдемъ, услышимъ мы съ тобой, товарищъ скромный,
Здѣсь вихрь его живой.
О! сколько скрыто здѣсь земныхъ существъ отъ вѣка,
И всѣ они въ гробахъ, какъ жатва человѣка,
Лежатъ въ землѣ сырой!
И сколько въ мірѣ есть веселыхъ и блаженныхъ,

Которые бъ должны объ ихъ тѣняхъ священныхъ
Вѣкъ утопать въ слезахъ:
Но долго ль въ памяти умершихъ сохраняютъ?
Увы! въ гробахъ они такъ скоро истлѣваютъ,
Какъ и у насъ въ сердцахъ!
О странникъ! видишь ли ты наше заблужденье!
Мы сколько милыхъ жертвъ въ холодное забвенье
Приводимъ каждый часъ!
Но здѣсь не вѣчно мы; нашъ жребій равенъ съ ними:
Всѣ будемъ мы лежать подъ камнями одними,
И свѣтъ забудетъ насъ.

С. Сельскій.

Москва.

V.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе новѣйшихъ происшествій.

Франція.

Въ Парижѣ открытъ, какъ кажется, важный, но довольно странный заговоръ. 2 Февраля нѣсколько молодыхъ людей заказали въ одной ресторацiи въ улицѣ Пруверъ (des Prouvaires) ужинъ на сто человѣкъ. Въ 1 часу ночью гости начали сбираться по четыре и по пяти человѣкъ; всѣ они были вооружены пистолетами, а нѣкоторые и ружьями; въ нѣсколькихъ каретахъ привезли еще множество оружія. Устрашенный этими приготовленіями, содержатель ресторацiи далъ знать о происходившемъ муниципальной Полиціи, которая вскорѣ и окружила домъ его. Начальникъ оной послалъ къ мятежникамъ сержан

та требовать, чтобы они сдались, но одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ изъ пистолета, и смертельно ранилъ посланнаго. Тогда полицейскіе солдаты бросились въ залу, и захватили убійцу и его товарищей, около двадцати пяти человѣкъ. При семъ взято большое количество оружія, списокъ заговорщиковъ, поддѣльные ключи Лувра и проч. Между тѣмъ значительныя толпы мятежниковъ собрались около Бастиліи, подлѣ Обсерваторіи и на Елисейскихъ поляхъ; муниципальная Полиція разсѣяла эти скопища, и захватила около 200 человѣкъ. Цѣль сего заговора еще въ точности не извѣстна; каждая партія приписываетъ оный своимъ противникамъ. Слѣдствіе производится.

Палата Депутатовъ.

Въ засѣданіи 30 Января Члены оппозиціи требовали у Министровъ объясненія по дѣлу бѣжавшаго Кассира Г. Кеснера, въ кассѣ коего не достаетъ нѣсколькихъ милліоновъ. Гг. Реаль, Дюмасъ и другіе утверждали, что отвѣтственность по сему дѣлу падаетъ на Министра Финансовъ и даже на Президента Совѣта, потому что Г Кеснеръ, опредѣленный въ должность еще въ Министерство Виллеля, не представилъ достаточнаго залога. Изъ объясненій, сдѣланныхъ Казиміромъ Перье и Коммиссаромъ Правительства, Г. Дюшателемъ, видно, что недостатокъ, оставленный Г. Кеснеромъ, за исключеніемъ принадлежащихъ ему и внесенныхъ за него разными Банкирами суммъ, составляетъ около пяти милліоновъ. Въ это же собраніе двое Депутатовъ, Гг. Лорансъ и Ламперъ, представили Президенту предложенія о произведеніи по сему дѣлу слѣдствія. Оба они

предлагаютъ Палатѣ нарядить Коммиссію изъ своихъ Членовъ, но первый только для того, чтобы узнать въ точности сумму, похищенную изъ Казначейства, а второй сверхъ того и для того, чтобы принять мѣры для предупрежденія подобныхъ происшествій на будущее время. На другой день, послѣ продолжительныхъ споровъ, назначена Коммиссія, которой поручено разсмотрѣть эти два предложенія, и представить объ оныхъ свое мнѣніе въ томъ же засѣданіи. Коммиссія собралась, а между тѣмъ Палата разсматривала проектъ закона о назначеніи добавочнаго кредита для покрытія издержекъ похода въ Бельгію (простирающихся до 5.026.000 фр.) и нѣкоторыхъ другихъ расходовъ, произведенныхъ въ 1831 году. За симъ Докладчикъ Коммиссіи, Г. Одилонъ-Барро, предложилъ отъ имени оной сдѣлать слѣдующее опредѣленіе: „Составить изъ среды Палаты Коммиссію для изслѣдованія и донесенія оной о количествѣ недостатка, оказавшагося въ центральной кассѣ Казначейства, и происшедшаго отъ злоупотребленій, сдѣланныхъ Кассиромъ, о причинахъ сего недостатка, и о томъ, кто долженъ за оный отвѣтствовать. Коммиссія сія представитъ также мнѣніе свое о мѣрахъ контроля и повѣрки, которыя бы могли предупредить подобныя происшествія на будущее время.“ Въ засѣданіи 1 Февраля предложеніе сіе принято почти единодушно, и тотчасъ назначены Члены слѣдственной Коммиссіи; они суть: Гг. Одилонъ-Барро, Гуманъ, Лепеллетье д' Оне, Мартенъ, Демефръ, Беранже, Кюнень-Гриденъ, Демарсей и Франциекъ Делессеръ. За тѣмъ снова

начались пренія о назначеніи Военному Министерству добавочнаго кредита. Присемъ говорено было о походѣ въ Бельгію, о возмущеніи въ Ліонѣ, о мятежахъ Парижскихъ и о прочемъ; Г. Могенъ произвелъ страшный шумъ, сказавъ, что Правительство возбуждаетъ солдатъ противъ народа. Потомъ вдругъ начали собирать голоса, и требованный кредитъ, уменьшенный Коммиссіею, (всего 7.979 000 фр.), назначенъ. Проектъ сей утвержденъ большинствомъ 264 голосовъ противъ 39. Въ засѣданіи 2 Февраля опять происходили споры и ссоры о дѣлахъ Ліонскихъ, причемъ Г. Дюпенъ обвинялъ Членовъ оппозиціи въ томъ, что они оправдываютъ всякое сопротивленіе законной власти, и что нѣкоторыя изъ ихъ рѣчей послужили поводомъ къ мятежамъ. Ему съ жаромъ отвѣчали Гг. де Трассе, Демарсей и другіе, стараясь оправдать свою партію, и споры сіи, какъ водится, не произвели ни какого результата. Потомъ Палата занялась бюджетомъ 1832 года. Гг. Понсъ и Буссе предлагали: первый, пересмотрѣть всѣ пенсіоны, до сего производимые, второй, сверхъ того, уничтожить пенсіи назначенныя: 1) за службу въ иностранныхъ арміяхъ, въ войскахъ эмигрантовъ и Вандейцевъ; 2) за личныя услуги, оказанныя членамъ старшей линіи Дома Бурбоновъ, и 3) пенсіи, назначенныя на основаніи закона 11 Сентября 1807 года, но безъ соблюденія правилъ, въономъ предписанныхъ. Г. Тьеръ старался доказать, что изъ всѣхъ пенсіоновъ, нынѣ производимыхъ, можно уничтожить или по крайней мѣрѣ уменьшить только пенсіоны, производимые по званію Пера.

Въ засѣданіи 3 Февраля, Г. Гуманъ представилъ докладъ Коммиссіи, разсматривавшей бюджетъ по части доходовъ. Изъ онаго видно, что государственный долгъ Франціи, составлявшій въ правленіе Наполеона 360 милліоновъ процентовъ (rentes), и капиталъ 1 260 милліоновъ, простирается нынѣ до 522 милліоновъ процентовъ и 3.927 милліоновъ капитала. Коммиссія полагаетъ, что по нынѣшнимъ обстоятельствамъ уменьшить подати и налоги невозможно, но что должно сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ раскладкѣ оныхъ. Между прочимъ предлагаетъ она взимать пошлины за каждый рабочій день вмѣсто 70 сантимовъ только 50, уменьшить 5.510,000 фр. въ налогѣ на окна и двери, увеличить пошлину съ завѣщаній въ пользу родственниковъ побочной линіи, и взыскивать пошлину съ нѣкоторыхъ другихъ публичныхъ актовъ, которые доселѣ не платили оной, что составитъ около 6 милліоновъ, увеличить пошлину съ бумажныхъ матерій и сахара и уменьшить оную съ соли. Въ заключеніе Докладчикъ сказалъ: „Война за мнѣнія (une guerre de principes) взволновала бы всю Европу; посему большая часть Членовъ Коммиссіи поручили мнѣ объявить, что, избѣжавъ столь великихъ несчастій, Министерство оказало важную услугу отечеству. Продолжая дѣйствовать въ томъ же духѣ, оно возвратитъ намъ благосостояніе, первымъ послѣдствіемъ коего будетъ облегченіе для платящихъ подати.“ За тѣмъ продолжались пренія о предложеніяхъ Гг. Понса и Буске о пересмотрѣніи пенсіоновъ. Въ концѣ сего собранія произошелъ страшный безпорядокъ. Такъ какъ ужъ было поздо, то Члены центровъ ушли, и

Президентъ объявилъ, что не возможно собирать голосовъ о сихъ предложеніяхъ потому, что число Членовъ недостаточно. Члены Оппозиціи, почитая это хитростію со стороны министерской партіи, клонящеюся къ тому, чтобы отдалить рѣшеніе сего вопроса, требовали, чтобы сдѣлана была перекличка, и чтобы имена отсутствующихъ были припечатаны въ Монитерѣ. Президентъ (Г. Жиро де л'Энъ) на это не согласился, утверждая, что припечатаніе именъ отсутствующихъ въ Монитерѣ есть нѣкоторымъ образомъ наказаніе, и что слѣдственно, для сего нужно опредѣленіе Палаты, которое можетъ быть положено только при назначенномъ законами числѣ Членовъ. Раздраженные его сопротивленіемъ члены Оппозиціи требовали, чтобы онъ сошелъ со своихъ креселъ, и предоставилъ ихъ Вице-Президенту, Г. Дюпону де л'Эръ. Шумъ и безпорядокъ безпрерывно увеличивались; наконецъ Президентъ надѣлъ шляпу, и объявилъ, что засѣданіе на время закрывается. Волненіе утихло. Чрезъ нѣсколько времени Президентъ снова открылъ засѣданіе и сдѣлалъ Членамъ Палаты увѣщаніе, совѣтуя имъ разойтись. Нѣкоторые Депутаты снова требовали переклички, которая была произведена; послѣ сего засѣданіе окончено, потому, что уже былъ девятый часъ. На слѣдующій день, 2 Февраля, при чтеніи журнала послѣдняго засѣданія, возобновились тѣ же самые споры, но скоро прекратились, и Палата, по выслушаніи нѣсколькихъ прошеній, приступила къ разсужденіямъ о заключеніи счетовъ за 1829 годъ, и проектъ сей снова утвержденъ въ томъ видѣ, какъ былъ прежде принятъ

Палатою Депутатовъ, большинствомъ 264 голосовъ противъ 36. Чтобы понять важность этого рѣшенія, надобно вспомнить, что Палата Депутатовъ, принявъ этотъ законъ, сдѣлала нѣсколько добавленій къ министерскому проекту, которыя и составили §§ 10, 11, 14 и 15. Палата Перовъ, при разсмотрѣніи онаго, отринула сіи четыре параграфа, и потому законъ былъ вторично внесенъ въ Палату Депутатовъ, которая снова ввела въ оный означенные четыре параграфа. Такимъ образомъ между обѣими Палатами началась явная распря, которая можетъ быть окончена не иначе, какъ распущеніемъ Палаты Депутатовъ или измѣненіемъ большинства голосовъ въ Палатѣ Перовъ посредствомъ назначенія новыхъ Членовъ — средствъ весьма опасныхъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ.

Въ засѣданіи Палаты Перовъ, 1 Февраля, принятъ, съ нѣсколькими измѣненіями, законъ о рекрутскомъ наборѣ. На слѣдующій день, Президентъ назначилъ Коммиссію для разсмотрѣнія проекта закона о доходахъ и имѣніи Королевскаго Дома, а Г. Адмиралъ Дюперре предложилъ отъ имени другой Коммиссіи принять, со многими измѣненіями, проектъ закона о производствѣ въ флотѣ. За тѣмъ законъ о транзитѣ утвержденъ въ томъ видѣ, какъ онъ принятъ былъ Палатою Депутатовъ. — Въ засѣданіи 3 Февраля, проектъ закона о продолженіи въ слѣдующемъ собраніи (session) Палатъ законодательныхъ трудовъ, начатыхъ въ предъидущемъ, принятый Палатою Депутатовъ

по предложенію Члена оной, Г. Сальверта, отвергнутъ большинствомъ 69 голосовъ противъ 7.

Герцогиня Беррійская прибыла въ Неаполь; Король выѣхалъ къ ней на встрѣчу, потомъ былъ съ нею въ театрѣ, и вообще оказываетъ ей величайшія почести; народъ принимаетъ ее съ энтузіазмомъ. Она живетъ нынѣ въ Массѣ, въ замкѣ, принадлежащемъ Герцогу Моденскому.

Знаменитый Парижскій книгопродавецъ Ладвока совершенно разорился въ слѣдствіе пятидесяти или шестидесяти другихъ банкротовъ. Извѣстная книга *Сто одного Автора,* которую лучшіе Французскіе Писатели, изъ уваженія къ Г. Ладвока, предприняли издать въ его пользу, еще ускорила его разореніе, увеличивъ требованія его кредиторовъ.

Герцогъ Браганскій (Донъ Педро), на пути изъ Парижа въ Белль-Иль, былъ принятъ повсюду съ большими почестями. Говорятъ, что онъ только осмотритъ свою экспедицію, и потомъ возвратится въ Парижъ, а на островъ Терсейру отправится не прежде Марта мѣсяца.

Г. Лагублей, священникъ такъ называемой *Французской Католической Церкви,* основанной Аббатомъ Шателемъ, приговоренъ Судомъ къ тюремному заключенію за то, что онъ отказывался отъ службы въ національной гвардіи, утверждая, что какъ священникъ, онъ имѣетъ право на увольненіе отъ сей обязанности; но Судъ не призналъ секты Аббата Шателя Церковью, имѣющею законное существованіе.

Англія.

Въ день, назначенный для ратификаціи договора, заключеннаго между пятью великими Державами и Королемъ Бельгійскимъ (31 Января н. ст.), Лондонская Конференція собралась, и Посланники Австрійскій, Прусскій и Россійскій объявили, что они еще не получили отъ своихъ Дворовъ ратификацій сего договора, и просили, чтобы протоколъ былъ имъ открытъ для размѣна оныхъ тотчасъ по полученіи. Англійскій и Французскій Министры, видя въ этомъ поступкѣ желаніе оныхъ Державъ сохранить миръ, изъявили на то свое согласіе и размѣняли ратификаціи, полученныя ими отъ своихъ Дворовъ. Къ этому протоколу приступилъ и Посланникъ Короля Бельгійцевъ, Г. ѳанъ-де-Вейеръ.

Въ Нижней Палатѣ происходили жаркія пренія по предложенію Г. Герриса о прекращеніи платежа процентовъ Голландско-Русскаго займа. Предложеніе сіе отвергнуто, но присемъ Военный Министръ Г. Парнель не подалъ голоса въ пользу Министерства, почему онъ тотчасъ и уволенъ отъ должности; на мѣсто его назначенъ Сиръ І. Гобгоузъ.

Незначительное большинство голосовъ, оказавшееся при двухъ случаяхъ въ обѣихъ Палатахъ въ пользу Министерства, поколебало оное въ общемъ мнѣніи, и это подало поводъ къ слухамъ о перемѣнахъ въ Министерствѣ. Говорятъ, что составленіе онаго поручено будетъ Лорду Гарробею, который имѣетъ множество приверженцевъ въ Верхней Палатѣ; что мѣста Министровъ, почитающихся самыми ревностными вигами, займутъ Гг. Пиль, Станлей и Абердинъ, и что Лорды Бруггамъ и Пальмерстонъ останутся и въ новомъ Министерствѣ.

Нидерланды.

Гага. Голландскій Король продолжаетъ готовиться къ войнѣ. Недавно приказано вооружить со всевозможною поспѣшностію шесть военныхъ кораблей.

Въ Лондонъ отправленъ первый Секретарь Посольства, Г. Дедель, съ предложеніями, которыя, какъ полагаютъ, могутъ быть приняты Конференціею.

Брюссель. Въ засѣданіи Палаты Представителей 2 Февраля, утвержденъ проектъ закона о доходахъ и владѣніи Королевскаго Дома. Королю Леопольду назначено на все время его царствованія по 1.300,000 флориновъ (2.751,320 руб.) въ годъ, и предоставлены въ его владѣніе замки Брюссельскій, Антверпенскій и Лакенскій. Въ этомъ же засѣданіи Министръ Иностранныхъ Дѣлъ объявилъ о ратификаціи Лондонскаго трактата Дворами Французскимъ и Англійскимъ. Объявленіе сіе произвело въ Палатѣ живѣйшее удовольствіе потому, что оно подаетъ надежду на сохраненіе мира.

Говорятъ, что Генералъ Ніеллонъ открылъ въ Гандѣ Оранжистскій заговоръ, коего подробности, впрочемъ, еще неизвѣстны.

Разныя извѣстія.

Ибрагимъ-Паша потерпѣлъ значительное пораженіе подъ стѣнами Сенъ-Жанъ-д'Акра; наскучивъ осадою, которая длилась довольно долгое время, онъ рѣшился взять крѣпость приступомъ, и разрушилъ уже одну изъ стѣнъ; но гарнизонъ защищался отчаянно, и Ибрагимъ-Паша принужденъ былъ отступить тѣмъ болѣе, что

артиллерія его сдѣлала около 60.000 выстрѣловъ, и запасъ боевыхъ снарядовъ у него почти совсѣмъ истощился. Впрочемъ, утверждаютъ, что въ слѣдствіе свиданій посланнаго отъ Султана чиновника съ Вице-Королемъ Египетскимъ, доброе согласіе между симъ послѣднимъ и Портою возстановлено.

Папскія войска совершенно разбили мятежниковъ въ Легаціяхъ, и вмѣстѣ съ Австрійцами заняли всѣ главные города, и въ томъ числѣ Болонью, куда прибылъ и уполномоченный Папою Кардиналъ Альбани. Онъ издалъ къ жителямъ Легацій прокламацію, въ которой предписываетъ имъ представить мѣстному начальству, въ теченіе двухъ часовъ, все находящееся у нихъ оружіе.

11го Января

Конецъ двадцать пятой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

двадцать пятой части.

(Сына Отечества Части 147-й, Сѣвернаго Архива 61-й.)